МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

Научный журнал

Том 12 № 1 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: Economics, Sociology and Management

Scientific Journal

Vol. 12 № 1 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются:

– тренды мировой и национальной экономики;
– модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики;
– управление в социально-экономических системах;
– экономическая политика и механизмы ее реализации;
– государство и бизнес на пути цифровой трансформации;
– актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем;
– экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов;
– приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности;
– социально-экономическое прогнозирование и моделирование;
– институциональные факторы развития экономических систем;
– проблемы и перспективы развития финансового сектора;
– трудовые ресурсы и образование;
– социально-экономические проблемы современного общества;
– философские исследования природы, общества, человека;
– научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Философские науки: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Социологические науки: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА - Российский технологический университет (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, Брянский государственный инженерно-технологический университет (Брянск, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Подгорный Борис Борисович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Полянин Андрей Витальевич, д-р экон. наук, профессор, Среднерусский институт управления (Орел, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, советник НААР (Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции
305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Серебряковой

Подписано в печать 28.02.2022. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет 28.03.2022.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 32,1.
Тираж 1000 экз. Заказ 8.

Proceedings of the Southwest State University
Series: economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are:

- trends of the world and national economy;
- modernisation and innovative technological development of economy;
- management in socio-economic systems;
- economic policy and mechanisms of its realization;
- the government and business on the path of the digital transformation;
- actual problems of regional socio-economic systems development;
- economics and organization of enterprises, industries, complexes;
- development priorities of marketing and logistics activities;
- socio-economic forecasting and modelling;
- institutional factors of economic systems development;
- problems and prospects of the financial sector development;
- human resources and education;
- socio-economic problems of modern society;
- philosophical study of nature, society and human;
- scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.13, 08.00.14.

Philosophical sciences: 09.00.03; 09.00.08; 09.00.11, 09.00.13.

Sociological sciences: 22.00.03; 22.00.04; 22.00.06, 22.00.08.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences **(Moscow,** Russia**)**

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences **(Moscow,** Russia**)**

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, **Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of S (Moscow,** Russia**)**

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, Bryansk State University of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Naletova Irina Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economic Sciences, Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Boris B. Podgorny, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Andrei V. Polyanin, Doctor of Economics, Professor, Central Russian Institute of Management (Orel, Russia)

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, adviser to the NAAR (Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editoriat Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Southwest State University, 2022

(cc) BY Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

16+

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Serebryakova

Sent to the printer 28.02.2022. Format 60x84/8.
Release date 28.03.2022.
Offset paper. Printer's sheets: 32,1.
Circulation 1000 copies. Order 8.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ 10

Оригинальные статьи

Приоритеты экономического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в современных условиях 10

Кузьмина В. М., Подтуркин Д. С.

Сравнительный анализ макроэкономических показателей стран ЕС и США 23

Кузьмина В. М., Пархомчук М. А.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ 37

Оригинальные статьи

Государственная политика в сфере науки и наукоемкого производства 37

Шманев С. В.

Императивы «зелёного» финансирования экотехнологических трендов 46

Федотова Г. В., Капустина Ю. А., Соколов А. А.

Цифровые платформы и их роль в инновационном развитии экономики 58

Обухова А. С., Черных Я. В.

УПРАВЛЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ 68

Оригинальные статьи

Комфортизация информационно-экономической среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления 68

Веретёхин А. В.

Управление стратегической конкурентоспособностью промышленных предприятий: оценка, внедрение технологических и управленческих инноваций 80

Калиниченко М. П.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 92

Оригинальные статьи

Обеспечение экономической безопасности региона в пандемический кризис: доказательство преимуществ цифровых технологий 92

Моисеев С. С., Пономарев С. В., Горбунова О. Н.

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ 106

Оригинальные статьи

Влияние COVID-19 на туристический и гостиничный бизнес в Курской области 106

Абушенкова М. В.

Механизм выявления угроз экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса 115

Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М.

Определяющее значение кейтеринга в реформации ресторанной индустрии 127

Волобуев В. В., Третьяк А. С.

Ценовой пузырь на рынке жилья: идентификация и масштабы развития 137

Соловьева Е. В., Бердникова В. Н.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И ОБРАЗОВАНИЕ 150

Оригинальные статьи

Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году 150

Томакова Р. А., Томаков В. И.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 167
Оригинальные статьи
Академическая прокрастинация в студенческой среде: социологический анализ 167
Ветрова О. А., Обозная М. В.
Особенности ценностных установок в системе преемственности поколений в современном обществе 182
Коблева З. Х.
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА 193
Оригинальные статьи
Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага» 193
Мальцев К. Г., Мальцева А. В.
Каритативная инноватика: фандрайзинг и краудфандинг 209
Семенов И. А.
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 219
Оригинальные статьи
Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (II): создание сценического образа 219
Синицына Т. А.
Экологическая техносфера как базовый контекст становления социотехнического ландшафта 232
Белкина В. А.
Развитие методических подходов к оценке клиентских рисков коммерческого банка 244
Воронин И. А.
Управление развитием индустрии путешествий и гостеприимства в Российской Федерации 256
Вострова Е. И.
Региональные особенности производственного потенциала в условиях цифровой трансформации 265
Дерли Е. Н.
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 276

CONTENT

TRENDS OF THE WORLD AND NATIONAL ECONOMY 10

Original article

Priorities of Economic Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China in Modern Conditions 10

Violetta M. Kuzmina, Dmitry S. Podturkin

Comparative Analysis of Macroeconomic Indicators of the EU and the USA 23

Violetta M. Kuzmina, Mariya A. Parkhomchuk

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY 37

Original article

State Policy in the Sphere of Science and Knowledge-Intensive Production 37

Sergey V. Shmanev

The Imperatives of Green Financing for Green Technology Trends 46

Gilian V. Fedotova, Yulia A. Kapustina, Alexey A. Sokolov

Digital Platforms and Their Role in the Innovative Development of the Economy 58

Anna S. Obukhova, Yana V. Chernyikh

MANAGEMENT IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS 68

Original article

Comforting the Information and Economic Environment of the Enterprise within the Framework of the Strategic Management Paradigm 68

Andrey V. Veretyokhin

Management of Strategic Competitiveness of Industrial Enterprises: Assessment, Implementation of Technological and Managerial Innovations 80

Maksim P. Kalynychenko

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT 92

Original article

Ensuring the Economic Security of the Region in a Pandemic Crisis: Evidence of the Advantages of Digital Technologies 92

Sergey S. Moiseev, Sergey V. Ponomarev, Olga N. Gorbunova

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES 106

Original article

The Impact of COVID-19 on the Tourism and Hotel Business in the Kursk Region 106

Marina V. Abushenkova

Mechanism for Identifying Threats to the Economic Security of a Digital Enterprise in an Innovative Business Environment 115

Natalia A. Kulagina, Evgeniya M. Chepikova, Rashid M. Mukhutdinov

The Defining Importance of Catering in the Reformation of the Restaurant Industry 127

Vitalii V. Volobuev, Anna S. Tretyak

Identification and Scale of the Development of a Price Bubble in the Housing Market 1137

Ekaterina V. Solovyova, Valentina N. Berdnikova

HUMAN RESOURCES AND EDUCATION 150

Original article

The Russian Labor Market in the Information Technology Industry in 2021 150

Rimma A. Tomakova, Vladimir I. Tomakov

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT 167
Original article
Academic Procrastination Among Students: a Sociological Analysis 167
Oksana A. Vetrova, Mariya V. Oboznaya
Features of Value Attitudes in the System of Succession of Generations in Modern Society 182
Zuret H. Kobleva
PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN 193
Original article
The crisis of the Sovereign State-Nation and the "Rational Discussion": the Liberal Discourse of the "Salvation" of Democracy and the "Common Good" 193
Konstantin G. Maltsev, Anna V. Maltseva
Caritative Innovation: Fundraising and Crowdfunding 209
Ivan A. Semenov
SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS 219
Original article
The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of Acting (II): Creation of a Stage Image 219
Tamara A. Sinitsyna
Ecological Technosphere as the Basic Context of the Formation of the Sociotechnical Landscape 232
Viktoria A. Belkina
Development of Methodological Approaches to Assessing Client Risks of a Commercial Bank 244
Ivan A. Voronin
Management of the Development of the Travel and Hospitality Industry in the Russian Federation 256
Evgeniia I. Vostrova
Regional Features of Production Potential in the Conditions of Digital Transformation 265
Elizaveta N. Derli
INFORMATION FOR AUTHORS 276

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-10-22

CC BY 4.0

Приоритеты экономического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в современных условиях

В. М. Кузьмина[1] ✉, Д. С. Подтуркин[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях тесные отношения двух государств – членов Совета Безопасности ООН – России и Китая являются уникальным явлением и открывают огромные возможности при трансформации существующей системы международных отношений и переходе в новую эпоху. Помимо очевидных предпосылок сотрудничества, вроде общей границы, обе державы находятся в состоянии конфронтации с Западом, выступают против вмешательства в их внутренние дела и поэтому стремятся проводить независимую суверенную политику, отстаивая собственные национальные интересы.*

Цель *– изучить приоритетные направления российско-китайского сотрудничества в условиях пандемии и перспективы данных взаимоотношений.*

Задачи*: рассмотреть динамику товарооборота России и Китая с 2016 по 2020 год; изучить и наглядно представить динамику сальдо торгового баланса за 2016–2020 годы; исследовать перспективы долгосрочного торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики.*

Методология. *В статье применяется метод статистического анализа данных России и Китая по таким показателям, как доля КНР в экспорте / импорте РФ, для изучения сальдо торгового баланса двух стран; использовали метод сравнительного анализа динамики товарооборота России и Китая за период с 2016 по 2020 год, иллюстративно-графический метод.*

Результаты*. Сотрудничество базируется на взаимодействии по различным направлениям, которые включают совместные интеграционные проекты и инициативы, что является особенностью современности и развития глобальных внешнеэкономических отношений. Обе стороны – и Москва, и Пекин – заинтересованы в развитии сотрудничества в экономической сфере, однако их взаимодействие в данной области должно быть более диверсифицированным, чтобы в дальнейшей перспективе удовлетворять потребности обоих государств и соответствовать их национальным интересам без ущерба друг для друга. Следует наращивать темпы и расширять спектр и границы инвестиционного сотрудничества, распространяя его на новые области взаимодействия.*

Выводы*. Сделан вывод, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика укрепляют партнёрство, осуществляют масштабные экономические проекты, инвестируя в новые приоритетные области: технологии и космос. Практика двустороннего взаимодействия свидетельствует о готовности стран к долгосрочным проектам, открывающих перспективы в экономике.*

Ключевые слова: *экономическое сотрудничество; торговое сальдо; товарооборот.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Кузьмина В. М., Подтуркин Д. С., 2022

Для цитирования: Кузьмина В. М., Подтуркин Д. С. Приоритеты экономического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в современных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 10–22. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-10-22.

Поступила в редакцию 15.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Priorities of Economic Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China in Modern Conditions

Violetta M. Kuzmina[1] ✉, Dmitry S. Podturkin[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

In modern conditions, close relations between the two member states of the UN Security Council - Russia and China, are a unique phenomenon and open up tremendous opportunities for the transformation of the existing system of international relations and the transition to a new era. In addition to the obvious prerequisites for cooperation, such as a common border, both powers are in a state of confrontation with the West, oppose interference in their internal affairs, and therefore seek to pursue an independent sovereign policy, defending their own national interests.

***The purpose** is to study the priority areas of Russian-Chinese cooperation in the context of a pandemic and the prospects for this relationship.*

***Objectives:** consider the dynamics of trade between Russia and China from 2016 to 2020; to study and visualize the dynamics of the trade balance for 2016-2020; explore the prospects for long-term trade and economic cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China.*

***Methodology.** The article uses the method of statistical analysis of data from the Russia and the China on such indicators as the share of the PRC in the export / import of the Russian Federation, to study the trade balance of the two countries; used the method of comparative analysis of the dynamics of trade between Russia and China for the period from 2016 to 2020, an illustrative-graphical method.*

***Results.** Cooperation is based on interaction in various areas, which include joint integration projects and initiatives, which is a feature of modernity and the development of global foreign economic relations. Both sides - Moscow and Beijing - are interested in developing cooperation in the economic sphere, however, their interaction in this area should be more diversified in order to meet the needs of both states in the future and meet their national interests without prejudice to each other. It is necessary to increase the pace and expand the spectrum and boundaries of investment cooperation, extending it to new areas of interaction.*

***Conclusions.** It is concluded that the Russian Federation and the PRC are strengthening their partnership, implementing large-scale economic projects, investing in new priority areas: technology and space. The practice of bilateral interaction testifies to the readiness of countries for long-term projects that open up prospects in the economy.*

***Keywords**: economic cooperation; trade balance; trade turnover.*

***Conflict of interest**: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

***For citation**: Kuzmina V. M., Podturkin D. S. Priorities of Economic Cooperation Between the Russian Federation and the People's Republic of China in Modern Conditions. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2022; 12(1): 10–22. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-10-22.

Received 15.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Российская Федерация и Китайская Народная Республика – два крупнейших государства мира и Азии, которые имеют протяжённую общую границу и продолжительную историю торгово-экономических взаимоотношений, уходящую своими корнями в Средние века. Международное экономическое сотрудничество является одной из основополагающих частей всей системы межгосударственных отношений России и Китая. Торговые отношения являются одним из важнейших направлений международного экономического сотрудничества России и Китая, а динамика товарооборота только подтверждает это. В 2018 г. странами был преодолён символический рубеж в 100 млрд долл. США совокупного товарооборота. Даже во время эпидемии торговля России и Китая выдержала удар и продемонстрировала устойчивые показатели по сравнению с общемировыми (снижение на 2,9%), а также позволила Российской Федерации подняться в рейтинге основных торговых партнёров Китайской Народной Республики. Торговые отношения являются одним из важнейших направлений международного экономического сотрудничества России и Китая, а динамика товарооборота только подтверждает это.

Целью исследования является выявление приоритетных направлений российско-китайского сотрудничества в условиях пандемии и перспективы данных взаимоотношений.

Тематика изучения взаимоотношений России и Китая актуальна в первую очередь для российских и китайских исследователей. Исследования азиатских специалистов направлены в большей своей массе на изучение энергетического сотрудничества между Россией и Китаем. Сегодня это самый актуальный вопрос и для Европы, и для Азии. Кажется, что все торгово-экономические отношения свелись сегодня к закупкам и продажам топливно-энергетического сырья.

Группа китайских экспертов (Laijun Zhao, Deqiang Li, Xiaopeng Guo, Jian Xue, Chenchen Wang, Wenjun Sun) доказали, что Китай углубляет сотрудничество в области нефтегазовых ресурсов со странами, расположенными вдоль реализации инициативы «Один пояс, один путь». Однако они выделили четыре индекса риска (политическая, экономическая, социальная стабильность, ресурсный и экологический риск), которые необходимо учитывать Китаю при оценке сотрудничества с этими странами, в том числе и с Россией. Авторы рекомендуют правительству Китая и нефтегазовым предприятиям учитывать эти риски при формировании стратегии сотрудничества со странами [1]. Проблематика сотрудничества России и Китая в нефтегазовой сфере отражена в американских исследованиях Volkan Ş. Ediger, John V. Bowlus, Ahmet Faruk Dursun [2]. США задались вопросом, как и почему в Китае и России развился государственный капитализм в нефтегазовом секторе, и объяснение, почему две страны, сталкивающиеся с противоположными проблемами энергетической безопасности, используют государственный капитализм для их решения. Авторы доказали, что государственный контроль над нефтегазовым сектором укрепил двусторонние углеводородные связи между двумя странами, защитил каждую от геополитики и финансовой нестабильности нефтегазовых рынков и обеспечил большую гибкость для формирования их соответствующих энергетических режимов за последние два десятилетия.

Не менее интересным являются выводы ряда западных и азиатских исследователей (Farhad Taghizadeh-Hesary, Ehsan Rasoulinezhad Naoyuki Yoshino, Tapan Sarker Nawazish Mirza): санкции против России с 2014 г. стимулировали рост экспорта российских энергоносителей в АТР. Для повышения энергетической безопасности региона они рекомендуют создать центр торговли энергией в АТР, чтобы повысить региональную ценовую политику. Для нероссийских исследователей такой вывод боль-

шая редкость. К тому же эти авторы доказывают, что Россия проявляет значительную активность в том, чтобы получить большую долю на азиатском энергетическом рынке [3].

Группа исследователей (Jiangquan Wang, Muhammad Shahbaz, Malin Song), основываясь на панельных данных по 30 провинциям Китая с 2009 по 2017 г. с применением метода глобального анализа главных компонентов для измерения уровня региональной энергетической экономической безопасности, доказала, что энергетическая экономическая безопасность Китая и его регионов улучшилась в период с 2009 по 2017 г., поэтому в их выводах зависимость КНР от энергетики других стран будет недолгой [4].

Есть также исследование Vikkram Singha и Eduardo Rocab, направленное на изучение опыта Китая и России во время глобального финансового кризиса. Была изучена реакция доходности и волатильности фондового рынка на усилия по вмешательству правительств этих стран, используя DCC-GARCH и модели переключения режимов Маркова. Доказана необходимость вмешательства государства в финансовый процесс в период пандемии [5].

Отечественные исследователи не заостряют внимания исключительно на энергетической сфере сотрудничества между странами, считая, что в товарообороте между странами значимую роль играет любая из отраслей промышленности или сельского хозяйства.

Материалы и методы

В статье применяется метод статистического анализа данных Российской Федерации и Китайской Народной Республики по таким показателям, как доля КНР в экспорте / импорте РФ, для изучения сальдо торгового баланса двух стран на основе данных официальных правительственных (Eurostat official website, сайт Министерства экономического развития РФ) и неправительственных экономических сайтов (Trading economics, Российского экспортного центра), мировых информационных агентств (Institute Montaigne official website, Xinhua News Seetao, South China Morning Post); использовали метод сравнительного анализа динамики товарооборота России и Китая за период с 2016 по 2020 г., иллюстративно-графический метод.

Результаты и их обсуждение

Сферы сотрудничества России и Китая в экономике достаточно обширны. Страны кооперируют своё взаимодействие в торговле и бизнесе, инвестициях, строительстве, межрегиональном сотрудничестве, в банковской сфере. На основе подписанных и действующих соглашений можно выделить особо важные приоритетные направления, которым государства уделяют первостепенное внимание (табл. 1).

Таблица 1. Приоритетные направления российско-китайского сотрудничества

Направление	Проекты
Торгово-экономические отношения	1. План развития российско-китайского Дальневосточного сотрудничества (2018–2024 гг.). 2. План развития сельского хозяйства Северо-Восточного Китая, Дальнего Востока России и Байкальского региона. 3. Трансграничная розничная электронная торговля КНР и РФ. 4. Развитие экономического сотрудничества в рамках проекта «Один пояс – Один путь». 5. Повышение товарооборота до 200 млрд долл. к 2024 г.
Транспортная инфраструктура, логистика	1. Модернизация БАМа и Транссиба. 2. ВСМ «Москва – Пекин». 3. Строительство приграничных переходов и ТЛЦ (терминально-логистических центров). 4. Транспортные коридоры Приморье-1 и Приморье-2

Окончание табл. 1

Направление	Проекты
Энергетика	1. Газопровод «Сила Сибири» и «Сила Сибири-2». 2. Проект Ямал СПГ. 3. Нефтепровод «Сковордино – Мохэ – Дацин». 4. Амурский ГХК (газо-химический комбинат)
Инновационная сфера	1. Завод Haval в Тульской области. 2. Сотрудничество с Huawei в сфере 5G-технологий. 3. Инновационный парк «Шелковый путь» (Сиань, Москва). 4. Инновационный центр (Шанхай). 5. Арктический научно-исследовательский центр

Доля Китая в российском экспорте в 2020 г. составила 14,58%, а в импорте 23,72% [6]. По обоим показателям КНР занимает уверенное 1-е место в рейтинге основных торговых партнёров России, опережая Германию, Нидерланды, США, Турцию и Беларусь. Что касается китайского экспорта и российской доли в нём, то на момент 2020 г. она составила менее 2,5%, уступая США, странам АСЕАН и Европейского союза [7]. Доля России в импорте Китая находится в районе 3,4% [8].

Таблица 2. Основные экспортные направления КНР в 2020 г.

Страна	Доля в экспорте, %	Стоимость, млрд долл.	Страна	Доля в импорте, %	Стоимость, млрд долл.
США	17,4%	452	Прочие страны Азии	9,76%	200
Гонконг	10,5%	272	Япония	8,5%	174
Япония	5,5%	142	Южная Корея	8,4%	172
Вьетнам	4,39%	113	США	6,61%	135
Южная Корея	4,34%	112	Австралия	5,58%	114
Германия	3,35%	86	Германия	5,12%	105
Россия	менее 2,5%	55	Россия	менее 3%	49

Как можно видеть, основным торговым партнёром КНР по итогам 2020 г. традиционно остаётся первая экономика мира – США, ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Германия. Доля Российской Федерации в экспорте Китая составляет менее 2,5%, а в импорте Россия не входит даже в 10 крупнейших импортёров КНР.

Однако, по мнению экспертов Российского совета по международным делам, в то же время становятся отчётливо видны внутренние проблемы и различия в структуре экономик России и Китая. Китайская экономика ориентирована на выпуск готовой продукции, осваивая высокотехнологичное производство. Российская же продолжает поставлять китайской стороне продукцию с низкой добавленной стоимостью, «что ограничивает перспективы дальнейшей максимизации выгод от торгового взаимодействия» [9].

Рассматривая динамику товарооборота России и Китая, можно увидеть, что за 5 лет он вырос на 37,86 млрд долл. США, или на 57,28% (рис. 1) [10].

Тенденция к наращиванию товарооборота прервалась на фоне пандемии в 2020 г., однако уже в 1 квартале 2021 г. товарооборот России с Китаем составил 28 млрд долл. США, увеличившись на 14,11% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.

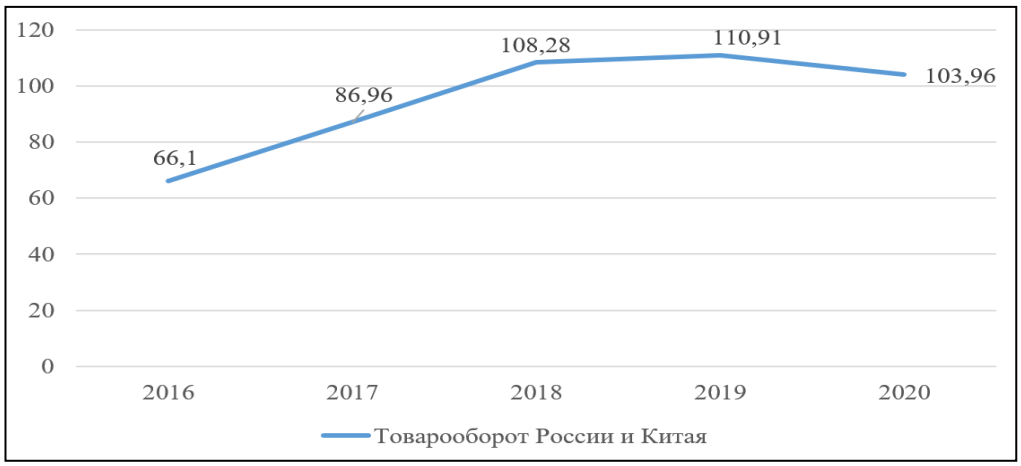

Рис. 1. Товарооборот России и Китая: динамика за 5 лет, млрд долл

В частности, более 65% российского экспорта в КНР в 2020 г. приходилась на минеральные продукты (топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки), древесины и целлюлозно-бумажных изделий – 8,75%. Для сравнения: основная доля импортных поставок из Китая в Россию пришлась на машины, оборудование и транспортные средства – 59,03% [11].

Помимо торговли, страны стремятся к активному сотрудничеству в инвестиционной сфере. Международное инвестиционное сотрудничество России и Китая предполагает взаимодействие по объединению усилий финансового и материально-технического характера, а именно:

– создание совместного производства;

– акционерных компаний и сообществ;

– международных неправительственных организаций, консорциумов, советов.

Китай является одним из крупнейших инвесторов в российскую экономику. По данным Министерства экономического развития России, в начале 2020 г. объём прямых инвестиций с китайской стороны составлял 3,7 млрд долл. США (по китайским оценкам – 12,8 млрд) [12]. Большинство китайских иностранных инвестиций происходят в рамках «Инициативы Пояса и Пути». Наиболее интересующие инвесторов сектора – создание условий для межрегионального бизнеса, организация активного взаимодействия малых и средних предприятий, а также разработка месторождений и реализация инфраструктурных проектов в Арктике и на Дальнем Востоке. Обе стороны пересмотрели План развития китайско-российского Дальневосточного сотрудничества (2018–2024 гг.), две страны активно развивают онлайн-переговоры для содействия торговым обменам и возобновлению работы и производства. Отсюда вытекает стремление двух держав к партнёрству в финансовой сфере и, прежде всего, проведению работы по наращиванию объёма международных расчётов в национальных валютах.

Однако в 2020 г. пандемия коронавируса мощно ударила по торговле и мировой экономической системе в целом. Она поставила развитие многих государств и их социально-экономическую сферу в кризисное положение. Китай и Россия в данном случае не стали исключением. В 2020 г. наиболее актуальным приоритетом стало совместное противостояние пандемии COVID-19 и её последствиям. С самого начала глобального санитарного кризиса страны поддерживали тесное сотрудничество в борьбе с вирусом, обмениваясь специалистами, поставляя друг другу необходимую гу-

манитарную помощь, материалы и оборудование. Как отмечал министр иностранных дел КНР Ван И: «Россия была первой страной, которая направила медицинских экспертов в Китай, а Китай оказал России самую сильную поддержку с точки зрения поставки противоэпидемических материалов» [13]. Республика Якутия и китайская провинция Хэйлунцзян показали пример межрегионального взаимодействия и материальной взаимной помощи, поставляя медицинские маски и необходимые товары друг другу [14].

В целом рассматривая товарооборот России и Китая, стоит обратить внимание на складывающееся сальдо торгового баланса (рис. 2) [15].

Рис. 2. Динамика сальдо торгового баланса между РФ и КНР (2016–2020 гг.), млрд долл.

Можно видеть, что за 5-летний период, исключая 2018 и 2019 гг., сальдо складывалось отрицательное и величина была существенная, превышающая положительное сальдо 2018–2019 гг. За первый квартал 2021 г. сложилось отрицательное сальдо в размере 1,083 млрд долл. США. Производя расчёты сальдо торгового баланса за 5 лет и 1 кв. 2021 г., можно получить отрицательную величину в –19,6 млрд долл. Это говорит о том, что Китай поставляет в Россию товары, которые своей суммой намного превышают все товары, поставляемые Россией в Китай.

Можно сделать вывод, что несмотря на то, что Китай является основным торговым партнёром России, его экономическая мощь и влияние несопоставимы с российским. Анализ торгово-экономических данных показал, что в России Китай интересует в первую очередь сырье: нефть, газ, древесина. Ему также интересен рынок России для поставок китайской техники и продукции лёгкой промышленности. С точки зрения веса России в торговле Китая, то она далеко не является основным торговым партнёром КНР. Россия вряд ли может рассматривать проект «Пояса и Пути» как возможность диверсификации своей экономики и повышения конкурентоспособности своих наукоемких отраслей, поскольку проект в первую очередь предполагает движение китайских товаров. В этой связи есть риск, что Китай рассматривает Россию лишь как сухопутный транспортный коридор на европейские рынки.

Ранее было отмечено, что в ходе пандемии товарный оборот между Россией и Китаем снизился. Поэтому государства активно сотрудничают по вопросам

скорейшего восстановления экономических показателей на прежний уровень, поддерживают работу по возвращению производства и обменов в нормальный режим. Опыт Китая и России в борьбе с эпидемией, по мнению главы МИД Китая, будет преобразован в движущую силу для ускорения и улучшения российско-китайских отношений после эпидемии. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы превратить кризисы в возможности, стабилизировать сотрудничество в традиционных областях, таких как энергетика, успешно провести «Китайско-российский Год научных и технологических инноваций» и ускорить развитие новых областей, таких как электронная коммерция, биомедицина и облачная экономика, с целью придачи импульса восстановлению экономик двух стран и достижения новых вершин в двусторонних торгово-экономических отношениях.

Помимо прочего, государства стремятся к скорому взаимному открытию границ и запуску туристических потоков между двумя странами. Отмечается, что процесс возвращения туристов будет постепенным, однако разработка мер по сотрудничеству в области восстановления туристической отрасли уже началась. Главное, над чем трудятся обе стороны, это обсуждение признания сертификатов вакцинации и принятия механизмов «кода здоровья», где содержалась бы информация о перенесённом заболевании или сделанной прививке, чтобы как можно скорее создать удобные и безопасные условия для передвижения людей и товаров между Россией и Китаем, в том числе и для международных туристических поездок.

Страны заинтересованы в ускорении темпов сотрудничества по научно-техническим проектам. Приоритетность данного направления подтверждает то, что 26 августа 2020 г. Россия и Китай торжественно открыли Годы научно-технического и инновационного сотрудничества в 2020–2021 гг. Взаимодействие по вопросам науки и технологий имеет прямое отношение к экономике и бизнесу.

Торговая война Соединённых Штатов Америки с Китаем и введение ими санкций против китайских компаний подтолкнула второго к поиску новых путей развития своей технологической сферы. Ярким примером является введение ограничений США в отношении китайской Huawei – одной из крупнейших мировых компаний в области телекоммуникаций. На сегодняшний день именно Huawei принадлежит значительная часть полученных патентов в области 5G-технологий. Глава компании Го Пин заявил, что их число составляет уже более 16 тыс., что ставит Huawei на первое место в мире по этому показателю [16].

В последнее время общее число мировых патентов в данной сфере превышает количество таковых в иных направлениях, например, искусственного интеллекта или квантовых технологий. Китай и США, а вместе с ними Южная Корея и Япония – основные конкуренты. Столкнувшись с сопротивлением Соединённых Штатов, которых поддержали ряд стран Европы, а также Австралия и Новая Зеландия, китайская Huawei была вынуждена расширить своё партнёрство с Российской Федерацией. Несмотря на то, что стоит вопрос о выделении и задействовании частот 5G, которые используются военными ведомствами, министр иностранных дел С. Лавров отметил, что рассматриваемая высокотехнологичная тема является особо важной для России, как и для всего мира, и что Россия готова активно сотрудничать по 5G с Китаем с целью внедрения технологий в повседневную жизнь [17].

Летом 2019 г. китайская Huawei и российская компания МТС в присутствии Президента РФ В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина подписали соглашение о сотрудничестве по внедрению технологий 5G в России, развитию коммерческих сетей до новейшего уровня. Как заключил глава МТС Алексей Корня: «Се-

годня с подписанием соглашения о развитии 5G наше партнерство выходит на новый уровень — мы не только придаем импульс стратегическому сотрудничеству двух компаний в сфере высоких технологий, но и способствуем дальнейшему развитию торгово-экономических отношений между Россией и Китаем» [18].

Создан Российско-китайский фонд инноваций в области науки и технологий общей стоимостью 1 млрд долл. США. Обе стороны добились положительного прогресса в области 5G, облачных технологий, услуг и умных путешествий [19]. Кроме того, по заявлению основателя и президента Huawei, на фоне санкций США в августе 2020 г. было принято решение об увеличении инвестиций в Россию [20]. Речь шла об увеличении штата российских учёных и повышении их финансирования.

Приоритетом экономического сотрудничества РФ и КНР также являются долгосрочные проекты, выдвинутые задолго до кризисного 1920 г. В первую очередь, это китайская «Инициатива Пояса и Пути». КНР рассматривает Российскую Федерацию как основного партнёра в реализации проекта «Один пояс – Один путь». На этом основании Россия пытается скорректировать свой курс так, чтобы получить максимальную выгоду от осуществления инициативы. Такое сотрудничество представляет для Москвы возможность модернизации регионов Сибири и Дальнего Востока, которые давно требуют особого внимания и инвестиций. Также Россия имеет планы подключения к проекту своего Северного морского пути, самого короткого морского пути из Северо-Восточной Азии в Западную Европу. Для Москвы будет выгодно привлечь сторонние инвестиции в развитие её северных территорий.

В то же время Россия имеет планы сопряжения двух экономических проектов в один – совмещение возможностей Евразийского экономического союза и Инициативы Пояса и Пути. В 2016 г. Владимир Путин выдвинул идею создания Большого евразийского партнёрства. В ходе своего выступления российский лидер предложил создание более широкого интеграционного контура с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми уже сложились тесные отношения: Китай, Индия, Пакистан, Иран и партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений. По мнению заместителя заведующего Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма НИУ ВШЭ Д. П. Новикова, особый вес такой «зонтичной мегаинициативе» придаёт поддержка китайской стороны, выраженной Председателем КНР. На встрече лидеров России и Китая летом 2016 г. была выражена готовность двух стран развивать региональную интеграцию, подключая большее число участников [21].

Пекин возлагает большие надежды на сотрудничество с Москвой. В марте 2021 г. была проведена совместная пресс-конференция глав внешнеполитических ведомств России и Китая, в ходе которой глава российского МИД заявил, что «Россия и Китай будут вместе защищаться от западных санкций». В свою очередь, представитель КНР Ван И пообещал усиление поддержки российских партнёров на фоне введения новых антироссийских санкций со стороны западных стран [22].

Несмотря на общий прогресс в двусторонних отношениях между Москвой и Пекином, положительную динамику товарооборота, осуществление совместных проектов и готовность стран расширять сотрудничество в экономической сфере, на сегодняшний день существует ряд проблем, которые оказывают отрицательное влияние или являются ограничителями для развития партнёрства России и Китая. Сложные вопросы лежат в разных плоскостях, охватывая сразу несколько уровней и сфер международного взаимодействия.

Прежде всего, на стратегическом уровне имеется вероятность возникновения соперничества между двумя государствами на международной арене, поскольку Россия и Китай, несмотря на тесное взаимодействие и добрососедские отношения, являются двумя разными цивилизациями с двумя разными мировоззрениями.

При исследовании международных отношений России и Китая в экономической сфере был выявлен ряд проблем, которые являются препятствием для дальнейшего развития партнёрства (табл. 3).

Таблица 3. Проблемы экономических отношений РФ и КНР

Проблема	Содержание
Возможность конкуренции по вопросам интеграции в Центральной Азии	На экономическом пространстве Центрально-азиатского региона сталкиваются два интеграционных проекта России и Китая – ЕАЭС и «Один пояс – Один путь»
Нестабильность цен на энергоресурсы	В структуре российского экспорта в КНР преобладают минеральные продукты (нефть, газ), снижение цен на которые отрицательно сказывается на доходы РФ от торговли с Китаем
Недостаточность китайских инвестиций в реальный сектор российской экономики	Китайские инвесторы опасаются вкладывать в Россию из-за санкций США
Административные ограничения для ведения бизнеса	Недостаточность взаимных льготных условий, высокий уровень нагрузки на иностранные финансовые институты
Географические ограничения	Индустриальные центры государств далеко расположены друг от друга
Инфраструктурные ограничения	Слаборазвитая инфраструктура Дальнего Востока и Сибири (пограничные переходы, транспортные проходы) становится препятствием для расширения торгово-экономического сотрудничества
Экономические показатели РФ	Потенциал китайской экономики превосходит российский, что понижает конкурентоспособность российской продукции с высокой добавленной стоимостью

В условиях стремления государств к упрочнению своих позиций и влияния, в том числе и экономического, в Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии могут возникнуть противоречия и на региональном уровне. Разные взгляды на собственные роли РФ и КНР в данных областях ставят страны в положение конкурентов. Эксперты отмечают, что недостаточность усилий по сопряжению двух экономических инициатив – ЕАЭС и «Пояса и Пути» заключается как раз в разногласиях по поводу регионального лидерства, которые затрагивают уже политические вопросы.

Выводы

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика являются двумя мощными мировыми державами. Хотя оба государства и стремятся к достижению консенсуса и установлению прочного стратегического партнёрства в условиях стремительно меняющейся геополитической и геоэкономической конъюнктуры, страны также заинтересованы, прежде всего, в защите своих собственных национальных интересов и расширении своего влияния. Отношения России и Китая не застрахованы от столкновения интересов в отдельных сферах международного взаимодействия или регионах мира, а также от расхождения взглядов и подходов к решению современных проблем, вследствие чего может быть нанесён ущерб и положительным тенденциям

экономического сотрудничества РФ и КНР.

Таким образом, стоит ещё раз отметить, что обе стороны – и Москва, и Пекин – заинтересованы в развитии сотрудничества в экономической сфере, однако их взаимодействие в данной области должно быть более диверсифицированным, чтобы в дальнейшей перспективе удовлетворять потребности обоих государств и соответствовать их национальным интересам без ущерба друг для друга. Следует наращивать темпы и расширять спектр и границы инвестиционного сотрудничества, распространяя его на новые области взаимодействия.

Список литературы

1. Cooperation risk of oil and gas resources between China and the countries along the Belt and Road / Laijun Zhao, Deqiang Li, Xiaopeng Guo, Jian Xue, Chenchen Wang, Wenjun Sun// Energy . 2021. Vol. 227. P. 120445.

2. Ediger V. Ş., Bowlus J. V., Dursun A. F. State capitalism and hydrocarbon security in China and Russia // Energy Strategy Reviews. 2021. Vol. 38. P. 100725.

3. Determinants of the Russia and Asia–Pacific energy trade / F. Taghizadeh-Hesary, E. Rasoulinezhad, N. Yoshino, T. Sarker, N. Mirza // Energy Strategy Reviews. 2021. Vol. 38. P. 100681.

4. Wang J., Shahbaz M., Song M. Evaluating energy economic security and its influencing factors in China // Energy. 2021.Vol. 229. P. 120638.

5. Singha V., Rocab E. Effectiveness of policy interventions during financial crises in China and Russia: Lessons for the COVID-19 pandemic // Journal of Policy Modeling. 2021. Vol. 43, is. 2. P. 253–277.

6. Торговля между Россией и Китаем в 2020 г. // Внешняя Торговля России. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2020-g/ (дата обращения: 16.11.2021).

7. China exports by country // TRADING ECONOMICS. URL: https://tradingeconomics.com/china/exports-by-country (дата обращения: 16.11.2021).

8. China imports by country // TRADING ECONOMICS. URL: https://tradingeconomics.com/china/imports-by-country (дата обращения: 16.11.2021).

9. Российско-китайский диалог: модель 2020 // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf (дата обращения: 28.11.2021).

10. Russia // The Observatory of Economic Complexity official website. URL: https://oec.world/en/profile/country/rus (дата обращения: 19.11.2021).

11. Торговля между Россией и Китаем в 2020 г. // Внешняя Торговля России. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2020-g/ (дата обращения: 16.11.2021).

12. Россия и Китай утвердили перечень значимых проектов инвестиционного сотрудничества на 107 млрд долларов // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_utverdili_perechen_znachimyh_proektov_investicionnogo_sotrudnichestva_na_107_mlrd_dollarov.html (дата обращения: 17.11.2021).

13. 现场直播 // Xinhua News. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2020lh/zb/wzjzh/wzsl.htm (дата обращения: 17.11.2021).

14. Россия и Китай подали пример международного взаимодействия в борьбе с COVID-19 // Российская газета. 2020. 25 марта. URL: https://rg.ru/2020/03/25/rossiia-i-kitaj-podali-primer-mezhdunarodnogo-vzaimodejstviia-v-borbe-s-covid-19.html (дата обращения: 17.11.2021).

15. Внешняя торговля России с Китаем // Внешняя торговля России. URL: https://russian-trade.com/countries/china/ (дата обращения: 19.11.2021).

16. 万余项专利，华为5G专利数量领先美国企业 全球排名第一名 // 泡泡网. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1634768491072913248&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 17.11.2021).

17. Лавров: Россия готова сотрудничать с Китаем и Huawei по технологиям 5G // Huawei. URL: https://huawei.ru/news/lavrov-rossiya-gotova-sotrudnichat-s-kitaem-i-huawei-po-tekhnologiyam-5g/ (дата обращения: 17.11.2021).

18. МТС и Huawei займутся развитием 5G в России // РБК. 2019. 5 июня. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/06/2019/5cf7d7ab9a79475b30e51df3 (дата обращения: 17.11.2021).

19. 商务部：2020年中国对俄罗斯投资和工程承包逆势增长 // Seetao. URL: https://www.seetao.com/details/62666.html (дата обращения: 20.11.2021).

20. Huawei has increased investment in Russia because of US sanctions, founder Ren Zhengfei says // South China Morning Post. URL: https://www.scmp.com/tech/gear/article/3099528/huawei-has-increased-investment-russia-because-us-sanctions-founder-ren (дата обращения: 20.11.2021).

21. Новиков Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2018. № 3. С. 82–96.

22. Вместе против санкций: Китай пообещал помочь России // Газета.ru. 2021. 26 апр. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/26_a_13572662.shtml (дата обращения: 20.11.2021).

References

1. Laijun Zhao, Deqiang Li, Xiaopeng Guo, Jian Xue, Chenchen Wang, Wenjun Sun. Cooperation risk of oil and gas resources between China and the countries along the Belt and Road. *Energy*, 2021, vol. 227, pp. 120445.

2. Ediger V. Ş., Bowlus J. V., Dursun A. Faruk. State capitalism and hydrocarbon security in China and Russia. *Energy Strategy Reviews*, 2021, vol. 38, pp. 100725.

3. Taghizadeh-Hesary F., Rasoulinezhad E., Yoshino N., Sarker T., Mirza N. Determinants of the Russia and Asia – Pacific energy trade. *Energy Strategy Reviews*, 2021, vol. 38, pp. 100681.

4. Jiangquan Wang, Muhammad Shahbaz, Malin Song. Evaluating energy economic security and its influencing factors in China. *Energy*, 2021, vol. 229, pp. 120638.

5. Singha V., Rocab E. Effectiveness of policy interventions during financial crises in China and Russia: Lessons for the COVID-19 pandemic. *Journal of Policy Modeling*, 2021, vol. 43, is. 2, pp. 253–277.

6. Torgovlya mezhdu Rossiei i Kitaem v 2020 g. [Trade between Russia and China in 2020]. Available at: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2020-g/. (accessed 16.11.2021)

7. China exports by country. TRADING ECONOMICS. Available at: https://tradingeconomics.com/china/exports-by-country. (accessed 16.11.2021)

8. China imports by country. TRADING ECONOMICS. Available at: https://tradingeconomics.com/china/imports-by-country. (accessed 16.11.2021)

9. Rossiisko-kitaiskii dialog: model' 2020 [Russian-Chinese dialogue: model 2020]. Available at: https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2020-Report58.pdf. (accessed 28.11.2021)

10. Russia. The observatory of economic complexity. Available at: https://oec.world/en/profile/country/rus. (accessed 19.11.2021)

11. Torgovlya mezhdu Rossiei i Kitaem v 2020 g. [Trade between Russia and China in 2020]. Available at: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2020-g/. (accessed 16.11.2021)

12. Rossiya i Kitai utverdili perechen' znachimykh proektov investitsionnogo sotrudnichestva na 107 mlrd dollarov [Russia and China have approved a list of significant investment cooperation projects worth 107 billion dollars]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_utverdili_perechen_znachimyh_proektov_investicionnogo_sotrudnichestva_na_107_mlrd_dollarov.html. (accessed 17.11.2021)

13. 现场 直播. Xinhua News. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2020lh/zb/wzjzh/wzsl.htm. (accessed 17.11.2021)

14. Rossiya i Kitai podali primer mezhdunarodnogo vzaimodeistviya v bor'be s COVID-19 [Russia and China set an example of international cooperation in the fight against COVID-19]. *Rossiyskaya Gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2020, March 25. Available at: https://rg.ru/2020/03/25/rossiia-i-kitaj-podali-primer-mezhdunarodnogo-vzaimodejstviia-v-borbe-s-covid-19.html. (accessed 17.11.2021)

15. Vneshnyaya torgovlya Rossii s Kitaem [Foreign trade of Russia with China]. Available at: https://russian-trade.com/countries/china/. (accessed 16.11.2021)

16. 万余 项 专利， 华为 5G 专利 数量 领先 美国 企业 全球 排名 第一.名泡泡 网. Available at: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1634768491072913248&wfr=spider&for=pc. (accessed 17.11.2021)

17. Lavrov: Rossiya gotova sotrudnichat' s Kitaem i Huawei po tekhnologiyam 5G [Lavrov: Russia is ready to cooperate with China and Huawei on 5G technologies]. Available at: https://huawei.ru/news/lavrov-rossiya-gotova-sotrudnichat-s-kitaem-i-huawei-po-tekhnologiyam-5g/. (accessed 17.11.2021)

18. MTS i Huawei zaimutsya razvitiem 5G v Rossii [MTS and Huawei will be engaged in the development of 5G in Russia]. RBK, 2019, June 5. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/06/2019/5cf7d7ab9a79475b30e51df3. (accessed 17.11.2021)

19. MC务部 ： 2020 年 中国 对 俄罗斯 投资 和 工程 承包 逆势 增长 [Electronic resource] // Seetao. Available at: https://www.seetao.com/details/62666.html. (accessed 20.11.2021)

20. Huawei has increased investment in Russia because of US sanctions, founder Ren Zhengfei says. South China Morning Post. Available at: https://www.scmp.com/tech/gear/article/3099528/huawei-has-increased-investment-russia-because-us-sanctions-founder-ren. (accessed 20.11.2021)

21. Novikov D. P. Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vliyanie i interesy Rossii [Great Eurasian partnership: possible regional influence and interests of Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2018, no. 3, pp. 82–96.

22. Vmeste protiv sanktsii: Kitai poobeshchal pomoch' Rossii [Together against sanctions: China promised to help Russia]. Gazeta.ru, 2021, April 26. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/26_a_13572662.shtml. (accessed 20.11.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of Historical Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Подтуркин Дмитрий Сергеевич, студент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация,
e-mail: dragogo46@yandex.ru

Dmitry S. Podturkin, Student of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: dragogo46@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/2223-1552-2022-12-1-23-36

CC BY 4.0

Сравнительный анализ макроэкономических показателей стран ЕС и США

В. М. Кузьмина[1] ✉, М. А. Пархомчук[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *XXI век в мировой экономике ознаменовался тем, что отношения между двумя крупнейшими экономиками – стран ЕС и США определили ведущие тенденции развития финансовой и торговых систем в Европе. Динамика движения потоков товаров и услуг, финансов и капиталов отличалась стабильностью. Это все было результатом близости моделей экономического развития стран ЕС и США, устойчивости сложившихся макро- и микроэкономических связей, а также высокого уровня платежеспособности этих стран в процессе спроса на товары и услуги.*

Цель *– провести сравнительный анализ макроэкономических показателей развития стран ЕС и США.*

Задачи: *рассмотреть динамику основных макроэкономических показателей ЕС и США с 2015 по 2020 год; изучить и наглядно представить динамику прироста ВВП, ВВП по ППС на душу населения, инфляции в странах – членах ЕС за 2016–2020 годы; исследовать динамику совокупного государственного долга США за 2015–2020 годы.*

Методология. *В статье применяется метод статистического анализа экономических показателей (динамика ВВП, ВВП номинальный, ВВП реальный, ВВП на душу населения) развития стран ЕС, использовали метод сравнительного анализа показателей темпов прироста ВВП стран ЕС и США за период с 2015 по 2020 год, иллюстративно-графический метод.*

Результаты. *Если сравнивать развитие ЕС и США по основным макроэкономическим показателям, то можно сделать выводы, что страны практически в одинаковой степени переживали периоды рецессии и стагнации в экономическом развитии, в том числе связанные с локдауном и экономическим кризисом на фоне пандемии. Однако в 2020 году у стран наметилась положительная тенденция к сокращению отрицательного ВВП, в том числе ВВП по ППС на душу населения. Сложнее обстоит дело у США по величине государственного долга.*

Выводы. *Партнерские отношения в экономике между США и ЕС не снимают проблемы конкуренции между этими странами на глобальном уровне. США играют ведущую роль в международных экономических отношениях, но наибольший торговый дефицит отмечается у США с Китаем и странами ЕС, что повлекло заинтересованность предпринимателей ЕС и США в развитии и реализации идеи создания зоны свободной торговли.*

Ключевые слова*: Европейский союз; воловой внутренний продукт; совокупный государственный долг; отраслевая структура.*

Конфликт интересов*: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Кузьмина В. М., Пархомчук М. А. Сравнительный анализ макроэкономических показателей стран ЕС и США // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 23–36. https://doi.org/2223-1552-2022-12-1-23-36.

Поступила в редакцию 29.12.2021 Принята к публикации 25.02.2022 Опубликована 28.02.2022

© Кузьмина В. М., Пархомчук М. А., 2022

Comparative Analysis of Macroeconomic Indicators of the EU and the USA

Violetta M. Kuzmina[1] ✉, Mariya A. Parkhomchuk[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru

Abstract

Relevance. *At the beginning of the second decade of the XXI century. economic relations between the United States and the European Union continue to largely determine the development trends of the global economy and the world financial system. The stable dynamics of the transatlantic flows of goods, services and capital reflects the traditional proximity of the models of economic development of the United States and Western Europe, the stability of the existing ties, and the high effective demand of both regions for modern goods and services.*

The purpose *is to carry out a comparative analysis of the macroeconomic indicators of the development of the EU countries and the USA.*

Objectives: *consider the dynamics of the main macroeconomic indicators of the EU and the US from 2015 to 2020; to study and visualize the dynamics of GDP growth, GDP in PPP per capita, inflation in the EU member states for 2016–2020; investigate the dynamics of the total US government debt for 2015-2020.*

Methods. *The method of statistical analysis of data from official government websites (European Parliament) and world agencies - Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), Global-finances. The method of comparative analysis was used to compare real GDP, nominal GDP, GDP per capita, dynamics of changes in GDP EU countries and the USA in relation to previous years.*

Results. *If we compare the development of the EU and the United States in terms of the main macroeconomic indicators, we can conclude that the countries have experienced periods of recession and stagnation in economic development to the same extent, including those associated with a lockdown and economic crises against the backdrop of a pandemic. However, in 2020, the countries showed a positive trend towards a reduction in negative GDP, including GDP in PPP per capita. The situation is more complicated in the United States, in terms of the size of the national debt.*

Conclusions. *In modern conditions, the United States and the EU are still not only the main economic partners, but also the main competitors at the global level. The United States plays a leading role in international economic relations, but the United States has the largest trade deficit with China and the EU countries, therefore, in recent years, the idea of creating a free trade zone between the United States and the EU has been most actively supported (among business structures).*

Keywords: *European Union; gross domestic product; total government debt; sectoral structure.*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kuzmina V. M., Parkhomchuk M. A. Comparative Analysis of Macroeconomic Indicators of the EU and the USA. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2022; 12(1): 23–36. (In Russ.) https://doi.org/2223-1552-2022-12-1-23-36.

Received 29.12.2021 Accepted 25.02.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Образовавшись в 1992 г., Европейский союз еще тогда и не думал о том, что ему придется ставить перед собой задачу участия в крупнейших региональных объединениях, поскольку он сам, по сути, и был таким региональным объединением. Первоначально в состав ЕС вошли 15 государств, затем еще 13, и наконец, Великобритания покинула ЕС. Но к началу 2008 г. ситуация в экономическом развитии стран и интеграционных объединений стала меняться. Причины кризиса очень многовекторны, поэтому говорить о нем односложно не приходится, тем не менее этот кризис заставил крупнейшие державы по-иному

взглянуть на процессы деглобализации и дедолларизации, а новые игроки в мультиполярном мире заставили всерьез задуматься о значении и роли интеграционных объединений. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), по мысли лидеров ЕС и США, должно стать той «подушкой экономической безопасности» стран, его подписавших, чтобы уверенно себя чувствовать на мировой арене в ближайшей и долгосрочной перспективе. Лидерами стран были предприняты неоднократные попытки создать в реальном времени, а не только на бумаге, такое партнерство, однако непримиримые противоречия и торговые споры между странами не позволяют им на сегодняшний день говорить о реальных шагах к сближению в сфере ТТИП.

Целью статьи является сравнительный анализ макроэкономических показателей развития стран ЕС и США.

Актуальные западные исследования в общей своей массе посвящены изучению макроэкономического развития стран ЕС и США во взаимосвязи с текущими политическими, геополитическими и социальными событиями, такими как пандемия, которая остановила рост экономического развития стран на некоторое время.

Группа исследователей (Celso J. Costa Junio, Alejandro C. Garcia-Cintado, Karlo Marques Junior) провела изучение макроэкономической политики ведущих европейских государств и влияния пандемии на важнейшие макроэкономические показатели стран [1]. С помощью эмпирических методов исследования ими было доказано, что пандемия вызывает длительную экономическую депрессию, поскольку ВВП снижается на 20% (от тренда), и они никогда не восстанавливаются до докризисных уровней в течение изученного периода времени.

Зарубежных исследователей (Glenn A. Aguilar-Hernandez, João F. Dias Rodrigues, Arnold Tukker) интересует прогноз выхода из затяжного экономического кризиса для европейских стран и США, поэтому они рассмотрели более 300 сценариев экономики замкнутого цикла в период с 2020 по 2050 г. и классифицировали каждый сценарий по степени вмешательства государства, провели метаанализ изменений валового внутреннего дохода, а также иных показателей развития экономики стран [2]. Аналогично проведено моделирование выхода стран из экономического кризиса исследователями A. McCarthy, R. Dellink, R. Bibas [3], но без учета влияния пандемии, о которой на тот момент еще никто не знал.

Непосредственно макроэкономическим показателям стран ЕС, а точнее их дисбалансам посвящено исследование таких авторов, как Stefan Collignon, Piero Esposito [4].

Anna Péczeli рассматривает в своей монографии взаимодействие США со странами только Центральной Европы (что, на наш взгляд, ущемляет другие страны, входящие в состав ЕС, но не являющиеся Центральной Европой), но в качестве сильной стороны исследования можно отметить его комплексность – охватывает четыре основные области: политические, военные, экономические и культурные связи [5].

Dr. Rummana Zaheer и Aniqa Zeb исследуют экономические показатели развития стран ЕС и США в контексте тех интеграционных объединений, в которые они входят (АСЕАН и СААРК). Это исследование проводится с целью определить масштабы торговли одного из возникающих азиатских торговых блоков, т. е. АСЕАН и СААРК, с другими эффективными торговыми блоками мира, т. е. крупнейшей и развитой экономикой мира – ЕС и США [6].

Отечественные исследователи на сегодняшний день стараются сосредоточиться на изучении макроэкономических показателей не только всего ЕС в целом (В. С. Осипов) [7], но и его отдельных групп (И. Кобринская, Б. Фрумкин) [8] или стран (А. А. Габарта [9], Т. Пальмовский [10], Т. Э. Валева [11]).

Экономикой США и ее макроэкономическими показателями продолжают интересоваться И. Н. Атясов, А. Ю. Алексин [12] и А. В. Кравец [13], настаивая на необходимости рассмотрения во взаимосвязи политики и экономики.

В целом на сегодняшний день не так много исследований, отражающих реалии экономического развития стран ЕС и США, тем более в сравнительном контексте, что позволяет говорить об актуальности нашего исследования.

Материалы и методы

В статье применяется метод статистического анализа экономических показателей (динамика ВВП, ВВП номинальный, ВВП реальный, ВВП на душу населения) развития стран ЕС на основе данных официальных правительственных сайтов (European Parliament) и мировых агентств – Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), Global-finances; использовали метод сравнительного анализа показателей темпов прироста ВВП стран ЕС и США за период с 2015 по 2020 г., иллюстративно-графический метод.

Результаты и их обсуждение

Для того чтобы провести сравнительный анализ двух крупнейших экономик на европейском и североамериканском пространстве, мы, как обычно, за основу берем такие показатели, как соотношение ВВП реального и номинального, ВВП на душу населения, уровень инфляции, показатели государственного долга, сальдо государственного бюджета и др.

С 1992 г. на международном пространстве появилось и прочно закрепилось такое новое геополитическое образование, как Европейский союз. Сегодня на территории ЕС проживет около 513,5 млн человек. Европейский союз – это искусственно созданное политико-экономическое объединение государств с разным уровнем дохода и развития. Существует разделение на «ЕС-15» – это так называемые «старые» члены ЕС, которые вошли в это объединение самыми первыми и их уровень экономического развития и дохода достаточно высокий. Существует после 2004 г. такое понятие, как «ЕС-13» – это государства «новички», которые вошли в состав Союза не все сразу, но точно после 2004 г. и уровень развития этих государств гораздо ниже, чем у стран «ЕС-15» [14].

Мы в своем исследовании будем рассматривать все страны в совокупности, включая Великобританию, поскольку данные по исследованию сформированы за период с 2016 по 2020 г.

Валовой внутренний продукт стран ЕС на протяжении нескольких лет с 2015 по 2018 г. успешно давал положительную динамику роста на 2,3% ежегодно и лишь только, как отмечают аналитики МВФ, данный прирост был снижен до 1,5%.

Пандемия 2020 г. оказала влияние на неравномерность темпов прироста экономики как для стран ЕС-13, так и ЕС-15. Это подтверждают отчетные данные МВФ: в 2020 г. темпы прироста валового продукта в ЕС-13 снизились до 3,2%, а в ЕС-15 увеличились до 1,5%. Но в целом темп прироста ВВП ЕС-28 имел тенденцию к увеличению до 1,6%. Коронавирус (2019-nCoV) внес дополнительную сложность в развитие ВВП ЕС, поскольку начал очень активно распространяться, неся за собой локдаун и остановку межхозяйственных отношений между государствами не только на европейском пространстве.

Европейский союз успешно демонстрирует прирост ВВП реального с 2015 по 2020 г., несмотря на снижение темпов. Так, в 2015 г. прирост к предыдущему году составил 2,5%, в 2016 г. – 2,1%, в 2017 г. – 2,8%, в 2018 г. – 2,2%, в 2019 г. – 1,5%, в 2020 г. – 1,9%. Такая динамика говорит о том, что странам ЕС в 2020 г. удалось справиться с экономическими проблемами, разобраться в особенностях торгово-экономических отношений в условиях общемировой пандемии и ока-

зать помощь основным отраслям экономики в 2020 г. со стороны государств.

ВВП номинальный, в отличие от ВВП реального, за обозначенный период не имел тенденции к снижению, а только показывал положительную динамику: в 2015 г. он составил 16,4 трлн долл. США, в 2016 г. – 16,5 трлн долл, в 2017 г. – 17,3 трлн долл., в 2018 г. – 18,7 трлн долл., в 2019 г. – 18,3 трлн долл., в 2020 г. – 18,1 трлн долл. [15]

Как показано на рисунке 1, динамика ВВП стран ЕС-15 и ЕС-13 в целом симметрична, поскольку почти 90% валового выпуска в целом ЕС дает ВВП стран ЕС-15. Как ни странно, но замедление темпов развития стран ЕС-15 в 2020 г. позволило приблизиться в развитии странам ЕС-13 к ЕС-15, у которых после начавшейся пандемии темп прироста ВВП стал выше, чем у «старых» стран – членов ЕС.

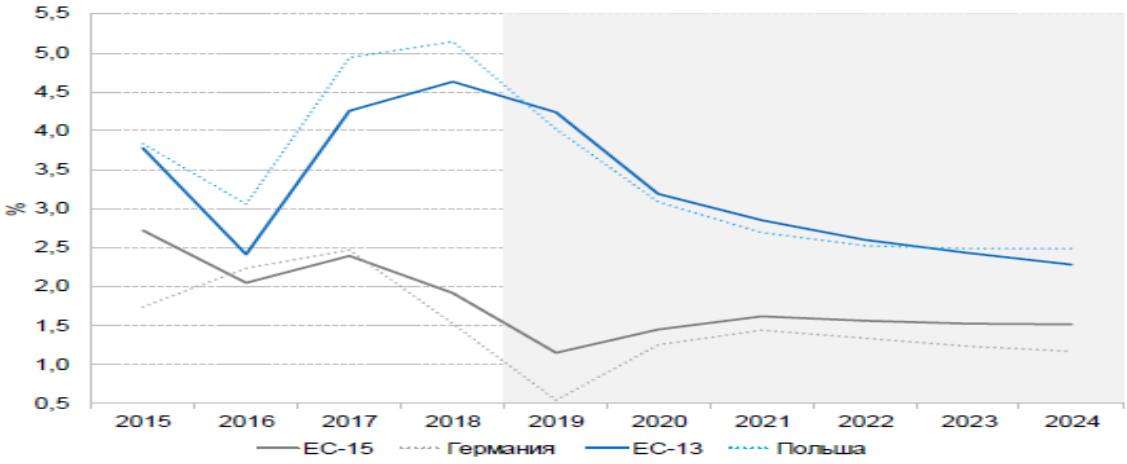

Рис. 1. Динамика ВВП стран ЕС (Германия как одна из стран ЕС-15, а Польша – как одна из стран ЕС-13), % к предыдущему году

Рис. 2. Темпы прироста ВВП за 2016 и 2020 гг., % по странам ЕС [17]: страны ЕС -15: 1 – Австрия; 2 – Бельгия; 3 – Дания; 4 – Финляндия; 5 – Франция; 6 – Германия; 7 – Греция; 8 – Ирландия; 9 – Италия; 10 – Люксембург; 11 – Нидерланды; 12 – Португалия; 13 – Испания; 14 – Швеция; 15 – Великобритания; страны ЕС-13: 16 – Болгария; 17 – Хорватия; 18 – Кипр; 19 – Чехия; 20 – Эстония; 21 – Венгрия; 22 – Латвия; 23 – Литва; 24 – Мальта; 25 – Польша; 26 – Румыния; 27 – Словакия; 28 – Словения

Представленные данные наглядно доказывают, что средние темпы прироста валового внутреннего продукта стран ЕС-13 в среднем составили 3,9% ежегодно, а ЕС-15 – 1,9% (см. рис. 1). Отсюда следует, что такие динамичные показатели темпов роста стран ЕС-13 были обеспечены увеличением внутреннего спроса и потребления.

Ниже представлен рисунок 3, отражающий анализ ВВП по компонентам. На нем наглядно видно, что в 2014–2018 гг. рост ВВП в ЕС-28 осуществлялся исключительно за счет инвестиционных вложений в основной капитал. Динамика потребления домохозяйств в 2018–2019 гг. отличается стабильностью, связанной с низкими значениями % ставок, ростом заработной платы, сокращением уровня безработицы. Если в 2016 г. уровень безработицы был 8,6%, то уже в 2020 г. снизился до 7,4%. Насколько это соответствует реалиям жизни ЕС – знают только сами жители стран ЕС. Тем не менее ясно одно, что данная тенденция была характерна далеко не для всех стран ЕС-28. В Испании уровень безработицы был 15,3% в 2020 г. (8,2% в 2007 г.), в Дании – 5,0% (3,8% в 2007 г.), на Кипре – 7,5% (3,9% в 2007 г.).

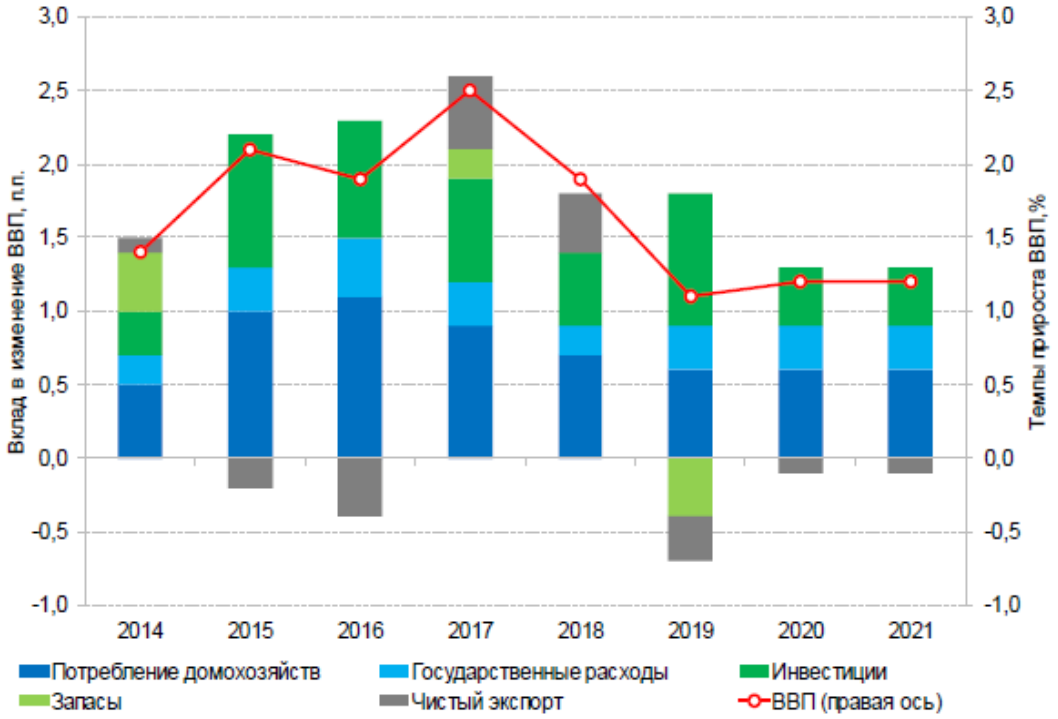

Рис. 3. Темпы прироста ВВП по компонентам [17], %

ВВП на душу населения в странах ЕС увеличилось, равно как и само население. Мы понимаем, что прирост населения связан с мигрантами, однако это никак не влияет на рост ВВП на душу населения. В 2015 г. ВВП на душу населения по ППС составил 36 тыс. долл., в 2016 г. – 36,7 тыс долл., в 2017 г. – 37,6 тыс. долл, в 2018 г. – 38,4 тыс. долл, в 2019 г. – 38,9 тыс. долл., в 2020 г. – 38,4 тыс. долл. Если сравнивать динамику ВВП на душу населения между странами ЕС-15 и ЕС-13, то замедленные темпы этого показателя больше отразились на странах ЕС-15 в отличие от стран ЕС-13 (рис. 4). Так, в 2020 г. средний темп прироста этого показателя в странах ЕС-13 был 3,0%, в то время как в странах ЕС-15 он составил 3,4%. Если перевести эти данные на денежный эквивалент, то получим следующее: в группе стран ЕС-15 показатель составил 53,6 тыс. долл./чел., а максимум был зафиксирован в Люксембурге – 108,9 тыс. долл./чел.

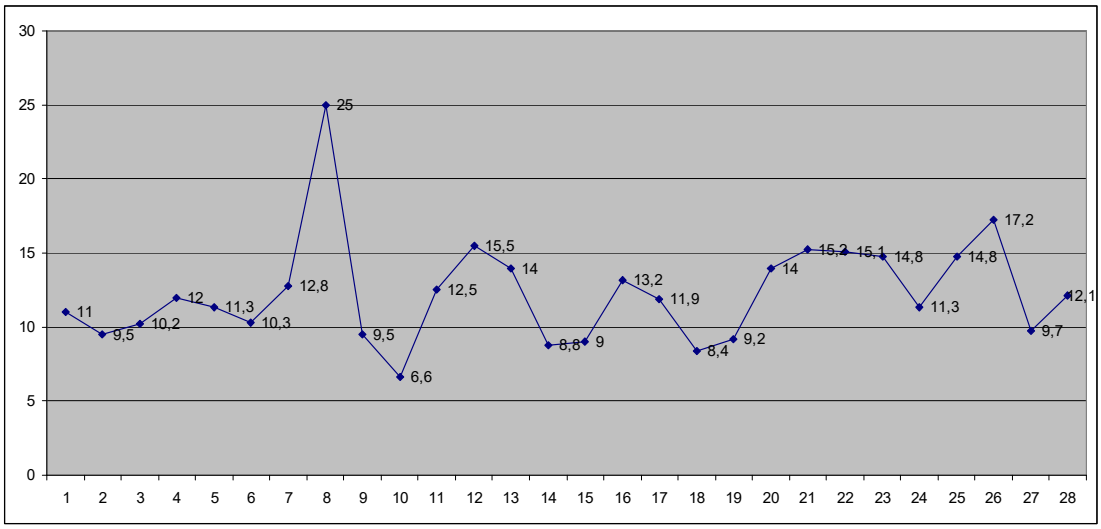

Рис. 4. Динамика ВВП по ППС на душу населения по странам ЕС за 2016–2020 гг. [16], %

Минимальный показатель ВВП на душу населения среди группы стран ЕС-13 в 2020 г. был характерен для Болгарии, а максимальный уровень зафиксирован на Мальте.

Показатели уровня инфляции стран ЕС-28 наглядно демонстрируют ее рост в 2020 г. (рис. 5) Все страны ЕС, за исключением Бельгии, имели высокие темпы прироста инфляции в период с 2016 по 2020 г. Уровень среднегодовой инфляции показывает тенденцию к росту, но все равно эти показатели ниже роста инфляции в других развитых государствах.

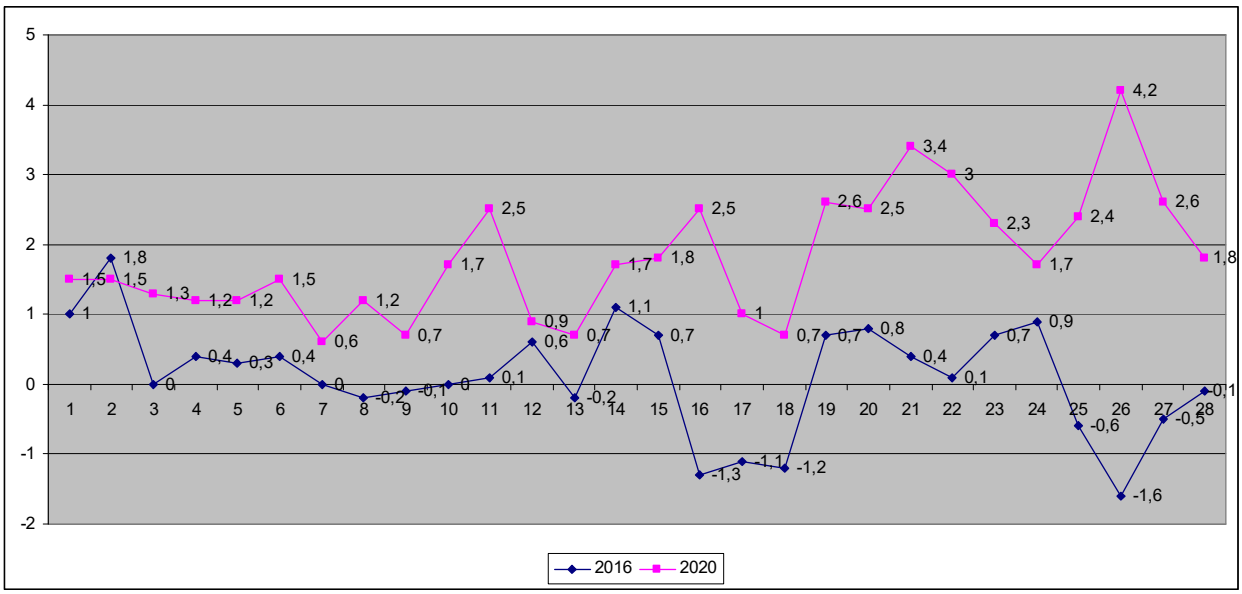

Рис. 5. Средние темпы прироста инфляции за 2016 и 2020 гг. [16], %

В 2015 г. инфляция была 0,1%, в 2016 г. – 0,2%, в 2017 г. – 1,7%, в 2018 г. – 1,9%, в 2019 г. – 1,5%, в 2020 г. – 1,9%. Но в разных странах уровень инфляции был различен. На 2020 г. в Германии инфляция составила 1,5%, во Франции – 1,2%, в Дании – 1,3%, в Бельгии – 1,5%. Это страны с более развитой экономикой

и, соответственно, механизмы управления инфляцией здесь более действенны, нежели в странах группы ЕС-13. Так уровень инфляции в Чехии составляет 2,6%, в Болгарии – 2,5%, в Эстонии – 2,5%. Это свидетельствует о неготовности правительств стран ЕС-13 сдерживать внутренний рост цен на товары и услуги. Тем не менее пандемия способствовала сокращению в разрыве между экономиками стран ЕС-15 и ЕС-13.

Экономика США в XXI в. продолжает являться крупнейшей экономикой среди современных государств. Доля США в мировом ВВП в номинальном выражении колеблется от 20 до 25% (это позволяет стране занимать 1-е место), а по паритету покупательной способности находится в диапазоне от 15 до 16% (что позволяет занимать США 2-е место после Китая).

Влияние США на экономические и финансовые процессы, протекающие в мировом сообществе, трудно переоценить. Практически для всех интеграционных и финансовых объединений, куда входит США, страна является ее главным бенефициаром, контролирующим значительную часть денежных капиталов.

В 2019 г. стали говорить о реальном улучшении экономики в США. Д. Трамп предпринял шаги по стимулированию экономики, что благоприятно отразилось на ВВП страны. Валовой внутренний продукт США в 2019 г. составил 21,4 трлн долл. и в реальных показателях увеличился на 3,2% по сравнению с 2018 г. (рис. 6). Среднегодовой реальный прирост ВВП США за период с 2015 по 2019 г. был 2,3%. Инфляция также характеризовалась относительно низкими показателями: 1,7% с 2015 по 2019 г. Сущность экономических мер, предпринятых Д.Трампом, сводилась к следующему: развитие производства на территории США, а не на других территориях, даже если это было более выгодно; защита от недобросовестных конкурентов американских товаров, особенно от подделок со стороны КНР; изменение невыгодных торговых соглашений для США; снижение налога на прибыль – это своего рода налоговая реформа в США, сокращение бюрократических процедур в экономике.

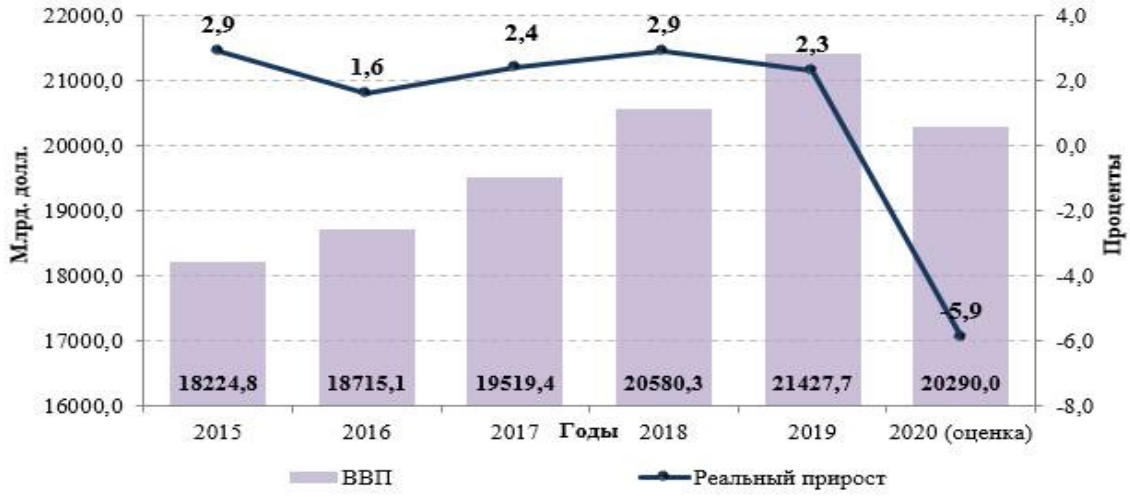

Рис. 6. Показатели ВВП США, млрд долл., и его прироста с 2015 по 2020 г. [18], %

В 2020 г. из-за влияния пандемии на экономику США ВВП страны составил примерно 20,3 трлн долл. (по сравнению с 2019 г. произошел реальный прирост на 5,3%), также произошло снижение занятых в экономике граж-

дан на 7,3%, их количество составило 146,0 млн чел. Это за собой повлекло увеличение уровня безработицы с 3,7% в 2019 г. до 6,5% в 2020 г.

Аналитики отмечают, что на начальном этапе 2021 г. реальный прирост ВВП США составил –4,3%. Поскольку предыдущий год закончился с показателем в –5,9%, существует надежда на то, что конец 2021 г. будет гораздо более оптимистичным и возможно выйдут на нулевую отметку прироста ВВП (в %).

Правительство США словно не замечает текущих проблем в экономике страны и продолжает увеличивать расходы федерального бюджета на военные программы в первую очередь, а затем уже и на финансирование экономики. В 2020 г. дефицит федерального бюджета был более 1,1 трлн долл. Доля дефицита федерального бюджета составляет 23,2%, а от ВВП – 5,4% (рис. 7).

Рис. 7. Показатели дефицита как от расходов федерального бюджета, так и от ВВП в 2015–2020 гг., %

Бюджетный дефицит закономерно влечет за собой наращивание федерального долга. Совокупный федеральный долг США просто огромный: в 2020 г. он составил 24,1 трлн долл., а это составляет ни много ни мало 106,0% ВВП страны. Часть этого долга от 40 до 48% условно можно назвать «внешним долгом», поскольку он принадлежит иностранным инвесторам (табл.). К таковым относятся Китай (1126,6 млрд долл.) и Япония (1069,8 млрд долл.), поскольку эти страны больше всего вложились в облигации компаний США. Япония и Китай суммарно держат 35% облигаций США. Другие страны владеют в процентном соотношении гораздо меньшим количеством облигаций, так, например, от 3 до 5% находится у Швейцарии, Люксембурга, Ирландии, Бразилии, Великобритании [19].

США единственная в мире держава по показателям самого крупного государственного долга. В марте 2021 г. государственный долг превысил самые невозможные астрономические показатели и составил 28 трлн долл., из них почти 75% относится к внутреннему долгу и принадлежит правительству, государственным и частным пенсионным фондам, а также физическим лицам.

В период президентства Б. Обамы (2009–2016 гг.) произошло значительное (практически в два раза) увеличение внутреннего государственного долга. И очередной скачок в увеличении госдолга связан с пандемией, по заверениям американских властей, которые в 2020 г. выделили значительные средства на борьбу с инфекцией, в результате чего госдолг стал еще больше на 4 трлн долл. Наглядно это представлено на рисунке 8.

Таблица. Динамика совокупного государственного долга США в 2015–2020 гг. [20], % к ВВП

Год	Значение	Изменения %
2015	104,6	0,13
2016	106,6	1,87
2017	105,7	-0,80
2018	106,9	1,08
2019	108,7	1,67
2020	131,2	20,70

США для роста своего экономического потенциала используют чужие производственные мощности. Это значит, что одна часть производств расположена в других странах, а вторая часть остается и на территории США.

Как показано на рисунке 9, и ЕС и США демонстрируют практически одинаковую тенденцию в сфере прироста ВВП стран. Мировой кризис 2008 г. тяжело отразился на экономическом развитии, но страны одновременно из него вышли, преодолев нулевую отметку прироста ВВП уже к концу 2009 г., а с 1 квартала 2010 г. наметилась четкая тенденция к его росту. С конца 2011 по конец 2012 г. страны ЕС находились в сложном экономическом положении из-за минусового прироста ВВП, но начиная с 2013 г. данная ситуация больше не повторилась. В разные временные периоды экономика США то опережала прирост ВВП стран ЕС, то, наоборот, проваливалась ниже ВВП стран ЕС, и все это вместе является свидетельством одинакового развития двух крупнейших экономик мира.

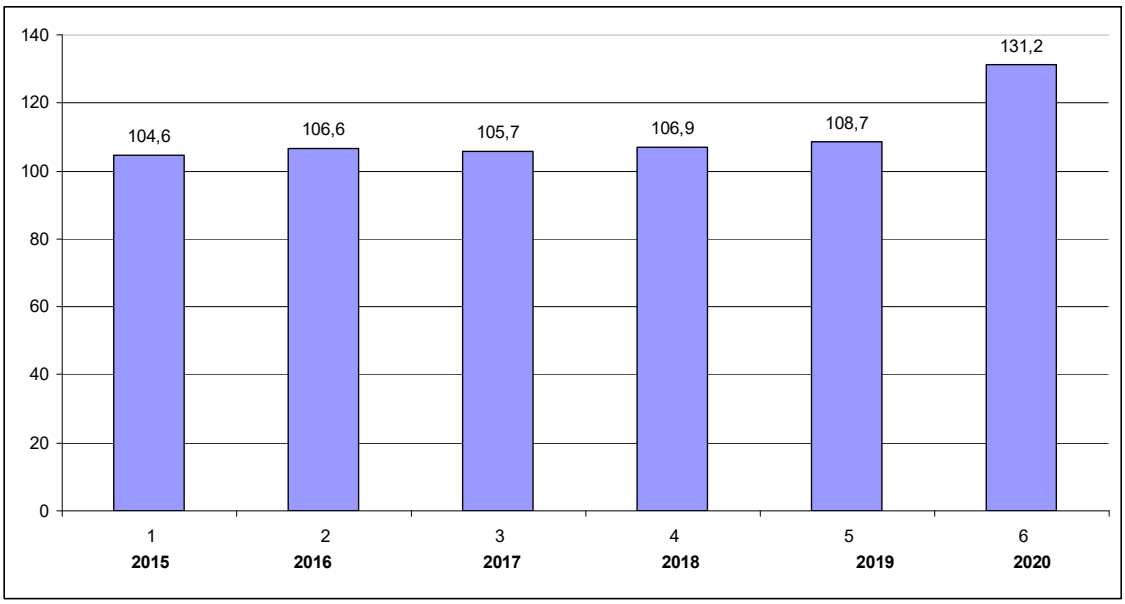

Рис. 8. Динамика совокупного государственного долга США в 2001–2020 гг. [20], % к ВВП

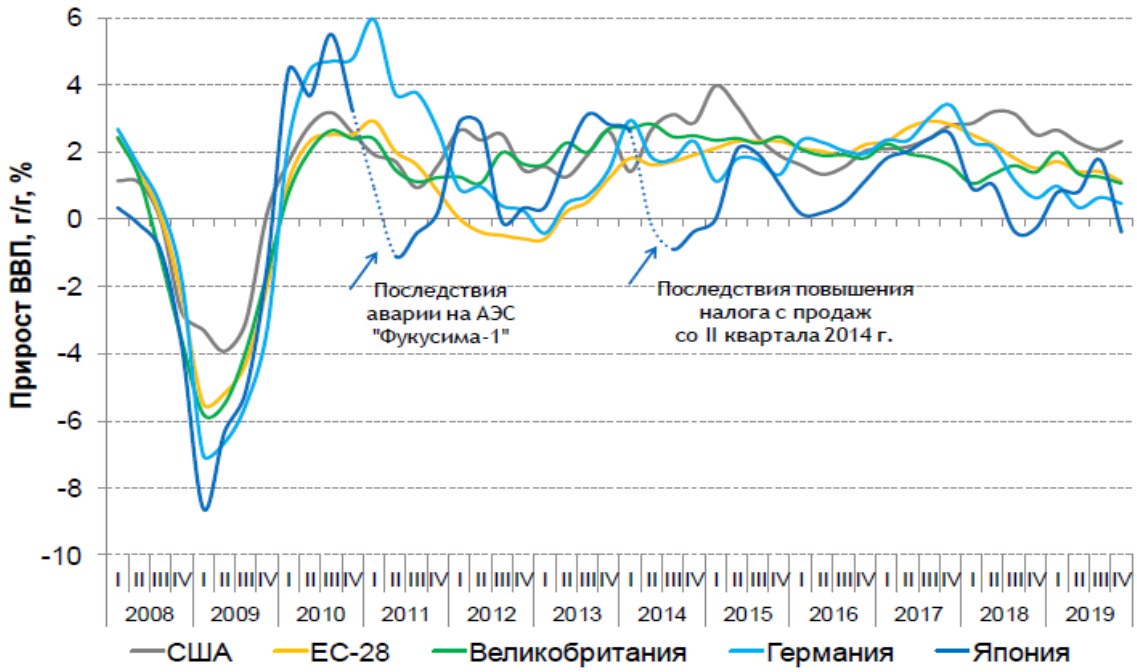

Рис. 9. Сравнительные показатели экономического развития (по ВВП) ведущих стран в 2018–2019 гг. [22]

Все это дает основания для активного развития и воплощения в жизнь идеи ТТИП между США и ЕС, особенно данную идею лоббирует Трансатлантический бизнес-диалог (TABD). В своих докладах TABD делает акцент на снятие барьеров, мешающих развитию трансатлантической экономики.

Выводы

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Если сравнивать развитие ЕС и США по основным макроэкономическим показателям, то можно сделать выводы, что страны практически в одинаковой степени переживали периоды рецессии и стагнации в экономическом развитии, в том числе связанные с локдауном и экономическим кризисом на фоне пандемии. Однако в 2020 г. у стран наметилась положительная тенденция к сокращению отрицательного ВВП, в том числе валовый внутренний продукт по паритету покупательной способности на душу населения. Сложнее обстоит дело у США по величине государственного долга. Тем не менее ЕС и США сегодня дают наибольший показатель в глобальном ВВП. Это означает, что развитие и сотрудничество этих государств может очень серьезно сказаться на развитии всех других стран в мире.

2. Нестабильность экономического развития стран ЕС-28 является результатом негативного влияния конъюнктуры в целом мировой экономики, повлекшие за собой изменение динамики мировой торговли и в том числе между США и ЕС, а также с теми геополитическими рисками, которыми сейчас переполнена вся мировая политика.

3. Дефицит федерального бюджета США, несмотря на свое увеличение практически в 2 раза, осложнил финансовое положение страны на мировой экономической арене: присутствует отрицательное сальдо всей внешней торговли США, в наличии торговый дефицит со странами ЕС-28 и КНР, и даже протекционистские меры не дают желательного результата для экономики США.

4. И тем не менее США и ЕС остаются странами с крупнейшими экономиками, занимающими первые места по уровню развития таких отраслей, как обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, энергетика и транспорт.

Список литературы

1. Costa Juniora C. J., Garcia-Cintadoab A. C., Marques Junior K. Macroeconomic policies and the pandemic-driven recession // International Review of Economics & Finance.Vol. 72, 2021, pp. 438–465.

2. Aguilar-Hernandez G. A., Dias J. F. Rodrigues, Tukker A. Macroeconomic, social and environmental impacts of a circular economy up to 2050: A meta-analysis of prospective studies // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 278. P. 123421.

3. McCarthy A., Dellink R., Bibas R. The macroeconomics of the circular economy transition: A critical review of modelling approaches. URL: http://www.oecd.org/officialdocuments/ publicdisplaydocumentpdf/?cote¼ENV/EPOC/WPRPW/WPIEEP(2017)1/FINAL&docLanguage¼ (дата обращения: 17.09.2021).

4. Collignonab S., Esposito P. Macroeconomic imbalances in Europe: How to overcome the fallacy of unit labour costs // Journal of Policy Modeling. 2021. Vol. 43, is. 3. P. 673–691.

5. The Relations of Central European Countries with the United States / ed. by A. Péczeli. Budapest, 2019.

6. Rummana Zaheer, Aniqa Zeb. Economic Integration of Eastern Countries with European Union and United States –1990-2012 // Euro-Asian Journal of Economics and Finance. 2015. Vol. 3, is. 2. P. 90–102.

7. Осипов В. С. К характеристике неравномерности экономического развития стран Европейского Союза // Российский экономический журнал. 2019. № 6. С. 63–73.

8. Кобринская И., Фрумкин Б. Центрально-Восточная Европа в международных процессах «пост-covid-19» // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 2 (61). С. 71–91.

9. Габарта А. А. Польша: 30 лет от начала социально-экономических трансформаций и 15 лет членства в ЕС // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 82–92.

10. Пальмовский Т. Стратегия Европейского Союза для региона Балтийского моря и ее реализация // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 1. С. 138–152.

11. Валева Т. Э. Ускорение экономического развития Болгарии: тенденция или эпизод? // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 3. С. 191–216.

12. Атясов И. Н., Алексин А. Ю. Принципы и основные элементы экономики США // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 50-4. С. 13–16.

13. Кравец А. В. Экономика США на современном этапе // Региональная экономика и управление. 2017. № 1-3 (49). С. 408–416.

14. Draft European Parliament Legislative Resolution. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2014-0038&language=EN (дата обращения: 12.09.2021).

15. German Environment Ministry seeks unconditional GMO ban. URL: http://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/german-environment-ministry-seeks-unconditional-gmo-ban (дата обращения: 20.09.2021).

16. The Transatlantic Trade and Investment Partnership. Public consultation on modalities for investment protection and ISDS in TTIP European Union Committee. URL: http://www. publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldeucom/179/179.pdf (дата обращения: 12.09.2021).

17. The Transatlantic Trade and Investment Partnership: Why does it matter? URL: http://www.oecd.org/trade/TTIP.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

18. Центр стратегических исследований и прогнозов. URL: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/524/sostoyanie-i-perspektivy-ekonomiki-ssha-9300 (дата обращения: 12.09.2021).

19. Мировая торговля. URL: https://knoema.ru/atlas/% (дата обращения: 15.09.2021).

20. Чувахина Л. Г. Анализ перспектив существования трансатлантического партнерства // Вестник университета. 2018. № 3. С. 104–108. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-3-104-108.

21. Глобальные финансы. URL: http://global-finances.ru/gosdolg-ssha/ (дата обращения: 27.04.2021).

22. Global Economic Prospects: Darkening Skies // The World Bank. January. 2019. 264 p.

References

1. Costa Juniora C. J., Garcia-Cintadoab A. C., Marques Junior K. Macroeconomic policies and the pandemic-driven recession. *International Review of Economics & Finance*, 2021, vol. 72, pp. 438–465.

2. Aguilar-Hernandez G. A., Dias J. F. Rodrigues, Tukker A. Macroeconomic, social and environmental impacts of a circular economy up to 2050: A meta-analysis of prospective studies. *Journal of Cleaner Production*, 2021, vol. 278, p. 123421.

3. McCarthy A., Dellink R., Bibas R. The macroeconomics of the circular economy transition: A critical review of modelling approaches. Available at: http://www.oecd.org/officialdocuments/ publicdisplaydocumentpdf/?cote¼ENV/EPOC/WPRPW/WPIEEP(2017)1/FINAL&docLanguage¼. (accessed 17.09.2021)

4. Collignonab S., Esposito P. Macroeconomic imbalances in Europe: How to overcome the fallacy of unit labour costs. *Journal of Policy Modeling*, 2021, vol. 43, is. 3, pp. 673–691.

5. The Relations of Central European Countries with the United States; ed. by A. Péczeli. Budapest, 2019.

6. Rummana Zaheer, Aniqa Zeb. Economic Integration of Eastern Countries with European Union and United States –1990-2012. *Euro-Asian Journal of Economics and Finance*, 2015, vol. 3, is. 2, pp. 90–102.

7 Osipov V. S. K kharakteristike neravnomernosti ekonomicheskogo razvitiya stran Evropeiskogo Soyuza [On the characterization of the uneven economic development of the countries of the European Union]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian economic journal*, 2019, no. 6, pp. 63–73.

8. Kobrinskaya I., Frumkin B. Tsentral'no-Vostochnaya Evropa v mezhdunarodnykh protsessakh "post-covid-19" [Central-Eastern Europe in international processes "post-covid-19"]. *Mezhdunarodnye protsessy = International processes*, 2020, vol. 18, no. 2 (61), pp. 71–91.

9. Gabarta A. A. Pol'sha: 30 let ot nachala sotsial'no-ekonomicheskikh transformatsii i 15 let chlenstva v ES [Poland: 30 years from the beginning of socio-economic transformations and 15 years of EU membership]. *Sovremennaya Evropa = Modern Europe*, 2019, no. 7 (93), pp. 82–92.

10. Palmovsky T. Strategiya Evropeiskogo Soyuza dlya regiona Baltiiskogo morya i ee realizatsiya [European Union Strategy for the Baltic Sea Region and Its Implementation]. *Baltiiskii region = Baltic Region*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 138–152.

11. Valeva T. E. Uskorenie ekonomicheskogo razvitiya Bolgarii: tendentsiya ili epizod? [Accelerating the economic development of Bulgaria: a trend or an episode?]. *Aktual'nye problemy Evropy = Actual problems of Europe*, 2019, no. 3, pp. 191–216.

12. Atyasov I. N., Aleksin A. Yu. Printsipy i osnovnye elementy ekonomiki SShA [Principles and basic elements of the US economy]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*, 2019, no. 50-4, pp. 13–16.

13. Kravets A .V. Ekonomika SShA na sovremennom etape [The US Economy at the Present Stage]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie = Regional Economics and Management*, 2017, no. 1-3 (49), pp. 408–416.

14. Draft European Parliament Legislative Resolution. Available at: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2014-0038&language=EN. (accessed 12.09.2021)

15. German Environment Ministry seeks unconditional GMO ban. Available at: http://www.euractiv.com/ section/agriculture-food/news/german-environment-ministry-seeks-unconditional-gmo-ban. (accessed 20.09.2021)

16. The Transatlantic Trade and Investment Partnership. Public consultation on modalities for investment protection and ISDS in TTIP European Union Committee. Available at: http://www. publications.parliament.uk/pa/ld201314/ldselect/ldeucom/179/179.pdf. (accessed 12.09.2021)

17. The Transatlantic Trade and Investment Partnership: Why does it matter? Available at: http://www.oecd.org/trade/TTIP.pdf. (accessed 16.09.2021)

18. Center for Strategic Research and Forecasts. Available at: http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/524/sostoyanie-i-perspektivy-ekonomiki-ssha-9300. (accessed 12.09.2021)

19. World trade Available at: https://knoema.ru/atlas/%. (accessed 15.09.2021)

20. Chuvakhina L. G. Analiz perspektiv sushchestvovaniya transatlanticheskogo partnerstva [Analysis of the prospects for the existence of a transatlantic partnership]. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2018, no. 3, pp. 104–108. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-3-104-108

21. Global'nye finansy [Global finance]. Available at: http://global-finances.ru/gosdolg-ssha/. (accessed 27.04.2021)

22. Global Economic Prospects: Darkening Skies. The World Bank. January, 2019. 264 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Violetta M. Kuzmina, Candidate of History Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Public Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: kuzmina-violetta@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-1867-7330

Пархомчук Марина Анатольевна, доктор экономических наук, профессор кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

Marina A. Parkhomchuk, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of International Relations and Public Administration, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: marinaanatollevna@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-37-45

CC BY 4.0

Государственная политика в сфере науки и наукоемкого производства

С. В. Шманев[1] ✉

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект 49, г. Москва 125993, Российская Федерация

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Современная Россия – это череда трансформаций национальной экономики. Проводимые в стране реформы затрагивают вопросы социального, научного, научно-технического (включая модернизацию высшего образования) и общеэкономического характера.*

Ключевым механизмом трансформации экономики России являются национальные проекты, базирующиеся на ряде документов, разработанных и принятых правительством с 2002 по 2011 год. Все проводимые преобразования основаны, прежде всего, на развитии человеческого капитала; систем, связанных с образованием, здравоохранением; трансформацию инфраструктуры; модернизацию промышленности и государственного управления. Успех таких преобразований способна обеспечить государственная политика, направленная на повышение конкурентных преимуществ российской экономики в области науки и цифровизации экономики.

Цель *– анализ современного состояния российской экономики в условиях цифровой трансформации и дать рекомендации по совершенствованию механизмов макроэкономического регулирования ускоренного развития российской экономики на основе проактивной промышленной политики.*

Задачи: *обосновать концептуальные направления прорывного развития промышленности в Российской Федерации в стратегическом разрезе как базиса устойчивого социально-экономического развития страны в условиях цифровизации.*

Методология. *В проведенном исследовании были использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистические и методы экспертных оценок.*

Результаты. *Промышленный комплекс, основанный на передовых технологиях, является не только индикатором темпов и эффективности наукоемкого производства, стабилизатором социально-экономических процессов, но и служит гарантом национального суверенитета страны.*

Выводы. *Государственная социально-экономическая политика, направленная на внедрение передовых технологий, затрагивает не только высокотехнологичный сектор экономики, но и традиционные производства. Такая политика позволит трансформировать институты экономического развития и модернизировать существующие бизнес-модели, а также создать условия для совершенствования проводимой промышленной политики.*

Ключевые слова: *государство; политика; наука; инновации; промышленность; управление; система.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Шманев С. В., 2022

Для цитирования: Шманев С. В. Государственная политика в сфере науки и наукоемкого производства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 37–45. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-37-45.

Поступила в редакцию 16.12.2021 Принята к публикации 21.01.2022 Опубликована 28.02.2022

State Policy in the Sphere of Science and Knowledge-Intensive Production

Sergey V. Shmanev[1] ✉

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky av., Moscow 125993, Russian Federation

✉ e-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract

Relevance. *Modern Russia is a succession of transformations of the national economy. The reforms carried out in the country affect the issues of social, scientific, scientific-technical (including the modernization of higher education), and general economic nature.*

The key mechanism for transforming Russia's economy is national projects, based on a series of documents developed and adopted by the government between 2002 and 2011. All ongoing transformations are based primarily on the development of human capital; systems related to education, health care; transformation of infrastructure; modernization of industry and public administration. The success of such transformations can be ensured by the state policy aimed at increasing the competitive advantages of the Russian economy in the field, science, and digitalization of the economy.

Purpose. *To analyze the current state of the Russian economy under the conditions of digital transformation and give recommendations for improving the mechanisms of macroeconomic regulation of the accelerated development of the Russian economy based on proactive industrial policy.*

Objectives. *To substantiate the conceptual directions of the breakthrough development of industry in the Russian Federation in the strategic perspective, as the basis for sustainable socio-economic development of the country in the context of digitalization.*

Methodology. *The study used methods of comparative analysis, economic-statistical and methods of expert evaluations.*

Results. *The industrial complex, based on advanced technologies, is not only an indicator of the pace and efficiency of knowledge-intensive production, stabilizer of socio-economic processes but also serves as a guarantor of the national sovereignty of the country.*

Conclusions. *The state socio-economic policy aimed at the introduction of advanced technologies affects not only the high-tech sector of the economy but also traditional industries. This policy will make it possible to transform the institutions of economic development and modernize existing business models, as well as to create conditions for improving the ongoing industrial policy.*

Keywords: *state; politics; science, innovation, industry, management, system.*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Shmanev S. V. State Policy in the Sphere of Science and Knowledge-Intensive Production. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 37–45. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-37-45.

Received 16.12.2021 Accepted 21.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Общемировые тенденции в XXI в. ставят перед Россией глобальную задачу, связанную с переходом к инновационной экономике, основанной на знаниях [1; 2; 3]. Главной ценностью такой экономики должен стать человек, его интеллект и способность генерировать новые идеи и открытия. Известные отечественные ученые, такие как Л. И. Абалкин,

С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер и др., в своих работах обосновали необходимость своевременного перехода к экономике, основанной на знаниях и инновациях, указывая при этом обязательную поддержку государства [4; 5; 6; 7; 8].

Решение обозначенной задачи видится в проведении политики, направленной на разработку инновационных технологий. Это позволит решить возникшие проблемы и в науке, и в сфере наукоемкого производства. Также это приведет к восстановлению к 2025 г. высококвалифицированного кадрового и научного потенциала, который следует рассматривать как основу будущего социально-научного сообщества в России, путем введения всеобщего бесплатного высшего образования.

Характер политики государства в сфере науки предопределяет направленность и результаты научно-технического и социально-экономического развития страны.

Обычно политика государства направлена на соединение прикладных научных исследований с возможностями и задачами технологического развития производства. Это дает основание говорить о научно-технологической или об инновационно-промышленной политике [1; 9; 10; 11; 12].

Материалы и методы

Современная экономика России значительно уступает в технологическом плане передовым странам. Для изменения сложившихся тенденций (в частности, финансирование по остаточному принципу фундаментальной и прикладной науки) современная экономическая политика должна быть нацелена на значительное увеличение доли затрат на научные исследования в ВВП [13; 14].

Исходя из того, что низкий уровень финансирования науки и процессов модернизации промышленности связан с низким темпом динамики экономического развития страны, базовыми источниками этой проблемы признаются структурные проблемы, на решение которых и направлена политика в сфере науки и наукоемкого производства [3; 4; 15].

В проведенном исследовании были использованы методы сравнительного анализа, экономико-статистические и методы экспертных оценок. Использование этих методов позволило решить поставленные задачи.

Результаты и их обсуждение

Последняя четверть XX в. вошла в историю как время «безоглядных надежд» на научно-технический прогресс. В послевоенные годы экономика развитых стран вбирала в себя высокими темпами научные открытия и изобретения. Темп развития научно-технического прогресса (НТП) обрел столь внушительную инерцию, что в его поддержание включились как бизнес, так и правительства большинства развитых стран. Ресурсная поддержка НИОКР и процессов создания новых продуктов и технологий в ряде стран возросла до 5% национального дохода. Однако, как и все природные и социально-экономические процессы на земле, развитие науки и технологий не могло осуществляться непрерывно по восходящей траектории. Эти процессы протекают неравномерно во времени и пространстве, порождая при этом противоречия (периодические колебания), выражающиеся в росте, застоях и падениях.

Противоречивость проявлений НТП не есть какое-то недоразумение, она отражает цикличность динамики изменений и взаимовлияния факторов социально-экономических процессов. Кардинальные изменения вследствие появления новых технологий, согласно теории циклов экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьева, происходят с периодичностью в 40–60 лет. Теория циклов получила дальнейшее развитие в работах Й. Шумпетера, С. Ю. Глазьева, Г. Менша, Ю. В. Яковцова и др. [6; 16; 17; 18; 19]

Академиком РАН С. Ю. Глазьевым дано пояснение логике смены технологических укладов, а также составлен прогноз наступления в ближайшем будущем шестого технологического уклада, в основе которого лежат нанотехнологии. И несмотря на то, что данные наблюдения и выводы о неизбежности научно-технического развития в форме смены технологических укладов каждые 40–60 лет в целом обоснованы, тем не менее приведенное доказательство все же нельзя считать исчерпывающим. Процессы глобализации, сопровождающиеся углублением кризисов, ужесточение конкуренции за ресурсы поставили перед учеными важные вопросы: достаточным ли на сегодняшний день мы располагаем исследовательским и ресурсным потенциалом? Возможно ли при данных реалиях пройти человечеству через научно-технологический цикл без социальных катаклизмов? Возможно ли, чтобы следующий (шестой) технологический уклад развивался по той же траектории, что четвертый и пятый?

Уверенного ответа на это сегодня не может дать никто. Однако можно отметить, что пандемия, разразившаяся в 2019 г., кардинально изменила вектор международного сотрудничества многих государств. Основной упор сейчас делается на формирование и развитие собственной научно-технологической стратегии. Что касается России, то, учитывая серьезные ошибки в стратегии экономического развития и проводимой промышленной политики (так, Ю. Глазьев считает, что мы серьезно отстаем от развитых стран в области становления пятого технологического уклада), нужны серьезные трансформации не только в сфере научно-технической и инновационной политики, но и значительные изменения в структуре и составе руководства соответствующих министерств и ведомств [6].

В Законе № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», принятом в 1996 г., государственная научно-техническая политика рассматривается как составная часть социально-экономической политики. В этом законе детально прописаны цели, направления, формы и методы работы органов государственной власти Российской Федерации в области науки, техники; определены критерии оценки и численные показатели их достижений и дана формулировка понятия «научно-техническая деятельность» (НТД): это деятельность, направленная на применение полученных знаний при решении социально-экономических и технологических задач, а также деятельность, которая призвана соединить науку, технику и производство в единую систему [20].

С переходом России от командно-административной системы хозяйствования к рыночной экономике стала актуальной проблема коммерческой эффективности НТД, в связи с чем произошли изменения и в понятийном аппарате. Так, в научно-производственной терминологии появилось понятие «innovation» – «нововведение».

Целью развития инновационной системы в Российской Федерации является повышение конкурентоспособности национальной экономики за счет стимулирования технологического развития отраслей народного хозяйства путем внедрения эффективных инноваций [8; 21; 19].

Основными задачами инновационной политики государства являются:

– законодательное сопровождение инновационной деятельности;

– разработка, внедрение и своевременная корректировка институтов, сопровождающих формирование и эффективное использование научно-технологического потенциала;

– создание здоровой экологической среды жизнедеятельности человека;

– разработка дополнительных мер по защите прав интеллектуальной собственности;

– создание кластеров, объединяющих производство, науку и образование;

– развитие научной, технологической и инновационной деятельности во всех субъектах РФ;

– разработка законодательной и экономической основы для интеграции научно-технического потенциала субъектов РФ;

– прогноз и планирование приоритетных путей стратегического развития государства;

– поиск новых методов венчурного финансирования;

– разработка государством эффективных методов поддержки конкурентных преимуществ российского бизнеса на международных рынках;

– поиск новых партнеров и расширение инструментов взаимодействия в области международного научного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации.

Для решения задач инновационного развития необходимо совершенствовать и активно использовать следующие инструменты:

– налоговую систему и денежно-кредитную систему;

– государственный, региональный и муниципальный заказы;

– целевые программы;

– венчурные фонды;

– государственную экспертизу;

– ускоренную амортизацию для высокорентабельных производств;

– пропаганду инновационного предпринимательства;

– создание технополисов, технопарков, бизнес-инкубаторов и т. д.

Государственная инновационная политика представляет собой органическую совокупность нескольких направлений политической деятельности государства: во-первых, научно-технической политики, сущностью которой является формирование условий, обеспечивающих развитие научно-технической сферы. Ее определяют как систему мероприятий, направленных на развитие науки, техники и технологий, разработку и внедрение нововведений в реальный сектор экономики и стабилизацию социально-экономического развития государства; во-вторых, структурно-промышленной политики, в которой через систему мер по поддержанию отдельных, прежде всего приоритетных, отраслей и производств, имеющих высокую значимость, осуществляют руководство динамикой и направлением развития инновационных процессов в экономике; в-третьих, денежно-кредитной политики, в основе которой лежит система инструментов и методов денежно-кредитного регулирования, обеспечивающих динамику инновационных процессов в стране; в-четвертых, налогово-бюджетной политики, влияющей через систему налогообложения хозяйствующих субъектов, на активность их инновационной деятельности; в-пятых, внешнеэкономической политики, которая может быть частью инновационной политики, если она направлена на использование национальных ресурсов для финансирования инновационной деятельности; в-шестых, социальной политики, оказывающей влияние на формирование общества, способного обеспечить развитие инновационной экономики, а следовательно, требующего подготовки высококвалифицированных кадров, финансирования научных институтов, организаций и производств.

Рассмотрим более подробно промышленную политику как составную часть инновационной. Во многом цели развития промышленности в России определяют содержание проводимой инновационной политики. В связи с этим перед руководством страны стоит задача внедрения во все отрасли экономики и, прежде всего в промышленный сектор, цифровых технологий. Это позволит в кратчайшие сроки обеспечить экономику научно-технологическими нововведениями с высоким потенциалом эффективности.

Целью проводимой в стране экономической политики является переход экономики на инновационный путь раз-

вития [1; 2; 8; 9]. И это предусматривает формирование новых научных изысканий, разработку новых технологий и инноваций, что прописано в ряде документов, разработанных и принятых с 2002 до 2007 г., например, в документе «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (в связи с чем цели развития фундаментальной и прикладной науки, а также образования были отнесены к высшему приоритету государства) или в утвержденных в 2005 г. «Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года». В этом документе перечислены основные задачи инновационной системы, к которым отнесены следующие:

– сформировать новую систему знаний, имеющую выход на рынок с привлечением фундаментальных и поисковых исследований в академических кругах, научных институтах и университетах;

– активизировать прикладные исследования и довести их до внедрения в производство с привлечением для этой работы не только государственных научных центров, но и научных лабораторий предприятий;

– сформировать условия и обеспечить производство конкурентоспособной инновационной продукции;

– обеспечить подготовку кадров, способных организовать и управлять инновационно ориентированными предприятиями и организациями.

Согласно этому документу инновационная политика государства должна обеспечить возможность выхода инновационной продукции отечественной промышленности на международный уровень. Задача сложная и потребует не только координации всех уровней хозяйствования, но и формирования благоприятного экономического и правового климата. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., принятая в ноябре 2008 г., стала следующим шагом перехода к инновационной экономике. И хотя разразившийся финансовый кризис поставил под сомнение возможность реализации намеченных целей, тем не менее они не утратили своей актуальности. В связи с чем в 2011 г. были предприняты новые шаги по выработке следующего варианта концепции [18]. Однако пандемия, вызванная в 2019 г. новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), отодвинула достижение поставленной цели на неопределенный срок.

Планы и проекты, связанные с научно-техническим и научно-технологическим развитием страны, несмотря на их актуальность для российской экономики, находятся в вялотекущем состоянии и во многом это связано с тем, что в России, к сожалению, довольно большой разрыв между словом и делом. И такое положение просматривается на протяжении уже почти 30 лет. Это серьезный недостаток в работе не только органов законодательной, но и исполнительной власти. Как результат Россия практически не продвинулась на пути научно-технического прогресса, а все больше отстает от его общемирового уровня. Так, согласно исследованию международной бизнес-школы INSEAD, Корнельского университета и Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), Россия занимает по GII (Глобальный индекс инноваций) 46-е место из 129 стран [8; 19].

Еще в 2008 г. руководство страны приняло ряд мер по активизации в стране усилий в области научно-технической деятельности: были обозначены задачи, связанные с реструктуризацией и трансформацией экономики на основе повсеместного внедрения цифровых технологий и инновационных разработок на базе ускоренного развития научно-технологического потенциала. К сожалению, заметных результатов в решении поставленных задач мы пока не добились. Хотелось бы надеяться, что устранению

назревших проблем будут способствовать указы Президента страны, утвердившие: Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года, Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Для успешного решения вопросов, связанных с инновационным развитием экономики, необходимо успешное совмещение государственных приоритетов в области инноваций и структурного реформирования промышленности с целями и задачами, стоящими перед российской наукой и высшим образованием [1; 9; 11; 21]. Сегодня это особенно важно, т. к. уровень морального и физического износа основных фондов в промышленности, согласно данным Росстата, в 2020 г. составил 32% в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; 42–44% – в добывающих отраслях, в среднем превысил 60% – в обрабатывающих.

Выводы

Формирование современного технологического парка, эффективно функционирующего управленческого аппарата возможно, если инновационно ориентированная промышленная политика государства будет поддержана научным сообществом, а также бизнесом и финансовым сектором экономики.

Список литературы

1. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»): распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662р: [ред. от 28.09.2018]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi (дата обращения: 26.10.2021).

2. О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 2017 г. №1030. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_223702 (дата обращения: 26.10.2021).

3. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/38738/ (дата обращения: 26.10.2021).

4. Абалкин Л. И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения // Институт экономики РАН. М., 2000.74 с.

5. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 3–29.

6. Глазьев С. Ю. Последняя мировая война: США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. 512 с. (Изборский клуб).

7. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: Российская акад. наук, 2017. 63 с.

8. Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н. Особенности государственной экономической политики в условиях глобализации и модернизации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1(11). С. 353–358.

9. О промышленной политике в Российской Федерации: федер. закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ: [ред. от 20.07.2020]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119 (дата обращения: 26.10.2021).

10. Вертакова Ю. В., Плахотникова М. А. Современные тенденции трансформации стратегического управления инновационно-промышленными кластерами // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 5–10.

11. Забайкин Ю. В., Лютягин Д. В. Структурные особенности развития экономики в условиях циклических изменений рынка // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 8-1. С. 195–206.

12. Скруг В. С. Трансформация промышленности в цифровой экономике // Креативная экономика. 2018, Т. 12, № 7. С. 943–952.

13. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 10–11.

14. Толкачев С. А. Промышленная политика в условиях новой индустриализации: монография / под ред. С. А. Толкачева. М.: МАКС Пресс, 2015. С. 19–21.

15. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход / сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с. (Избранные труды по экономической теории).

16. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 27–42.

17. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с. (Экономическое наследие).

18. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. 455 с.

19. Assessment of the global energy potential and existing areas of innovative development in the context of environmental safety / L. V. Shmaneva, A. Gibadullin, I. Abanina, M. Medvedeva, G. Alekseeva, D. Morkovkin // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 175(1). P. 14012. https://doi.org/10.1051/e3sconf/20201751412.

20. О нации и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ: [ред. от 23.12.2003]. URL: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_11507 (дата обращения: 20.10.2021).

21. Шманев С. В. Формирование государственной инновационно направленной промышленной политики в условиях модернизации экономики (институциональный подход) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. Т. 7, № 4(25). С. 57–63.

References

1. O Koncepcii dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (vmeste s "Koncepciej dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda") [On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020" (together with "The Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020.]: order of the Government of the Russian Federation No. 1662r of November 17, 2008 (as amended of September 28, 2018). Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi. (accessed 26.10.2021)

2. O sisteme upravleniya realizacii programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii" [On the Management system for the implementation of the Digital Economy of the Russian Federation Program]. Decree of the Government of the Russian Federation of August 28, 2017 No. 1030. Available at: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_223702. (accessed 26.04.2020)

3. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation]. Available at: https://digital.gov.ru/ru/events/38738/. (accessed 26.10.2021)

4. Abalkin L. I. Rossijskaya shkola ekonomicheskoj mysli: poisk samoopredeleniya [Russian School of Economic Thought: the Search for Self-determination]. Moscow, *Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2000. 74 p.

5. Glaz'ev S. Yu. Mirohozyajstvennye uklady v global'nom ekonomicheskom razvitii [World economic patterns in global economic development /in]. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and mathematical methods*, 2016, vol. 52, no. 2, pp. 3–29.

6. Glaz'ev S. Yu. Poslednyaya mirovaya vojna: SSHA nachinayut i proigryvayut [The Last World War: The USA starts and loses]. Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016. 512 p.

7. Ivanov V. V., Malineckij G. G. Cifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva [Digital economy: myths, reality, perspective].Moscow, Rossijskaya akademiya nauk Publ., 2017. 63 p.

8. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N. Osobennosti gosudarstvennoj ekonomicheskoj politiki v usloviyah globalizacii i modernizacii [Features of state economic policy in the context of glob-

alization and modernization]. *Nauchnye zapiski OrelGIET = Scientific notes of OrelGIET*, 2015, no. 1(11), pp. 353–358.

9. O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii [On industrial policy in the Russian Federation]. Federal Law of December 31, 2014 N 488-FZ (as amended by Federal Law of July 20, 2020). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119. (accessed 26.10.2021)

10. Vertakova Yu. V., Plahotnikova M. A. Sovremennye tendencii transformacii strategicheskogo upravleniya innovacionno-promyshlennymi klasterami [Modern trends in the transformation of strategic management of innovation and industrial clusters]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii = Theory and practice of the service: economy, social sphere, technology*, 2021, no. 1 (47), pp. 5–10.

11. Zabajkin Yu.V., Lyutyagin D. V. Strukturnye osobennosti razvitiya ekonomiki v usloviyah ciklicheskih izmenenij rynka [Structural features of economic development in conditions of cyclical market changes]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economy: yesterday, today, tomorrow*, 2019, vol. 9 no. 8-1, pp. 195–206.

12. Skrug V. S. Transformaciya promyshlennosti v cifrovoj ekonomike [Transformation of industry in the digital economy]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2018, vol. 12, no. 7, pp. 943–952.

13. Tatarkin A. I., Romanova O. A. Promyshlennaya politika: genezis, regional'nye osobennosti i zakonodatel'noe obespechenie [Industrial policy: genesis, regional features and legislative support]. *Ekonomika regiona = The economy of the region*, 2014, no. 2, pp. 10–11.

14. Tolkachev S. A. Promyshlennaya politika v usloviyah novoj industrializacii [Industrial policy in the context of new industrialization]; ed. by S. A. Tolkacheva. Moscow, MAKS Press, 2015, pp. 19–21.

15. Bekker G. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Moscow, GU VSHE, 2003. 672 p.

16. Glaz'ev S. Yu. Sovremennaya teoriya dlinnyh voln v razvitii ekonomiki [Modern theory of long waves in economic development]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = Economic science of modern Russia*, 2012, no. 2 (57), pp. 27–42.

17. Shumpeter J. Kapitalizm, socializm i demokratiya. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p.

18. Shumpeter J. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (Issledovanie predprinimatel'skoj pribyli, kapitala, kredita, procenta i cikla kon"yunktury). Moscow, Progress Publ., 1982. 455 p.

19. Shmaneva L. V., Gibadullin A., Abanina I., Medvedeva M., Alekseeva G., Morkovkin D. Assessment of the global energy potential and existing areas of innovative development in the context of environmental safety. *E3S Web of Conferences*, 2020, vol. 175(1), pp. 14012.

20. O natsii i gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politike [About the nation and the state scientific and technical policy]. Federal Law of August 23, 1996 No. 127-FZ (as amended by Federal Law of December 23, 2003). Available at: http://www.consultant.ru/document/cous_doc_LAW_11507. (accessed 26.10.2021)

21. Shmanev S. V. Formirovanie gosudarstvennoj innovacionno napravlennoj promyshlennoj politiki v usloviyah modernizacii ekonomiki (institucional'nyj podhod) [Formation of the state innovation-oriented industrial policy in the conditions of modernization of the economy (institutional approach]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudartvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Managment*, 2017, vol. 7, no. 4(25), pp. 57–63.

Информация об авторе / Information about the Author

Шманёв Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

Shmanev V. Sergey, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: shmanev_s_v@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1243-5100,
Researcher ID: A-5585-2016

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-46-57

CC BY 4.0

Императивы «зелёного» финансирования экотехнологических трендов

Г. В. Федотова[1] ✉, Ю. А. Капустина[2], А. А. Соколов[3]

[1] Поволжский научно-исследовательский институт производства и переработки мясомолочной продукции
ул. им. Рокоссовского 6, г. Волгоград 400131, Российская Федерация

[2] Уральский государственный лесотехнический университет
ул. Сибирский тракт 37, г. Екатеринбург 620100, Российская Федерация

[3] Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС
ул. Гагарина 8, г. Волгоград 400131, Российская Федерация

✉ e-mail: g_evgeeva@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Популярность экотехнологических проектов в последнее время набирает все большие обороты в свете происходящих климатических подвижек и участившихся биологических угроз для населения планеты. Уроки пандемии показали нам, что многие процессы и действия могут быть перенесены в более безопасный, бесконтактный режим взаимодействия, что возможно в случае высокотехнологичного взаимодействия в онлайн-среде. В параллель с развитием цифровых технологий идет процесс повышения их безопасности и экологичности, что требует определенного целенаправленного финансирования. Поэтому с развитием и становлением новых «зеленых» трендов в мировой экономике дополнительно появилось понятие «зеленого» финансирования.*

Цель *написания статьи заключается в оценке перспектив расширения инструментов финансирования новых экологических трендов на фоне цифровизации и оптимизации производственных процессов в сторону ресурсосбережения.*

Задачи. *В статье были поставлены и последовательно решены следующие задачи: оценить темпы изменения рынка технологических решений, выделить основные экотехнологические тренды в рамках концепции устойчивого развития, определить основные критерии зелёного финансирования на примере отдельных корпораций и финансовых рынков мира, идентифицировать зеленые выпуски Московской биржи.*

Методология. *В работе были применены основные общенаучные методы исследования и поиска нового знания: методы ретроспективного анализа, методы графического анализа, методы вертикального и горизонтального анализа отчётных данных, методы обобщения и логики.*

Результаты. *Исследование основных мировых экотехнологических трендов развития отраслей экономики позволило прийти к выводу о необходимости поиска целевого финансирования под реализацию экологических проектов. Сформированные принципы зелёного финансирования позволяют размещать специализированные займы на финансовом рынке и обеспечивать развитие ресурсосберегающих технологий.*

Выводы. *В статье рассмотрены основные принципы зеленого финансирования и его инструменты, сделаны выводы о необходимости расширения данного направления ответственного инвестирования в высокотехнологичные ресурсосберегающие направления.*

Ключевые слова: *экология; финансирование; «зеленые» финансы; принципы; технологии; тренды; ответственное инвестирование.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Федотова Г. В., Капустина Ю. А., Соколов А. А. Императивы «зелёного» финансирования экотехнологических трендов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 46–57. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-46-57.

Поступила в редакцию 10.12.2021 Принята к публикации 15.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Федотова Г. В., Капустина Ю. А., Соколов А. А., 2022

The Imperatives of Green Financing for Green Technology Trends

Gilian V. Fedotova[1] ✉, Yulia A. Kapustina[2], Alexey A. Sokolov[3]

[1] Volga Region Research Institute of Manufacture and Processing of Meet-And-Milk Production
6 Rokosovskogo str., Volgograd 400131, Russian Federation

[2] Ural State Forestry University
37 Siberian tract str., Ekaterinburg 620100, Russian Federation

[3] Volgograd Institute of Management - branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation
8 Gagarina str., Volgograd 400131, Russian Federation

✉ e-mail: g_evgeeva@ mail.ru

Abstract

Relevance. *The popularity of eco-technological projects has recently gaining increasing revolutions in the light of taking climate skills and frequent biological threats to the world's population. Pandemic lessons showed us that many processes and actions can be transferred to a more secure, contactless interaction mode, which is possible in the case of high-tech interaction in the online environment. In parallel with the development of digital technologies, the process of improving their safety and environmental friendliness is underway, which requires certain targeted financing. Therefore, the concept of "green" financing appeared with the development and development of new "green" trends in the global economy.*

The purpose. *The purpose of writing the article is to assess the prospects to expand the tools for financing new environmental trends against the background of digitalization and optimization of production processes towards resource saving.*

Objectives. *In the article, the following tasks were set and consistently solved: to assess the rate of change in the market of technological solutions, to highlight the main ecotechnological trends within the framework of the concept of sustainable development, to determine the main criteria for green financing using the example of individual corporations and the financial markets of the world, to identify green issues of the Moscow Exchange.*

Methodology. *The paper included the main general scientific research methods and the search for a new knowledge: methods of retrospective analysis, methods of graphical analysis, methods of vertical and horizontal analysis of reporting data, methods of generalization and logic.*

Results. *The study of the main global ecotechnological trends in the development of economic sectors made it possible to come to the conclusion that it is necessary to search for targeted funding for the implementation of environmental projects. The formed principles of green financing make it possible to place specialized loans in the financial market and ensure the development of resource-saving technologies.*

Conclusions. *The article discusses the basic principles of green financing and its tools, draws conclusions about the need to expand this area of responsible investment in high-tech resource-saving areas.*

Keywords*: ecology; financing; "green" finances; principles; technologies; trends; responsible investment.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Fedotova G. V., Kapustina Y. A., Sokolov A. A. The Imperatives of Green Financing for Green Technology Trends. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 46–57. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-46-57.

Received 10.12.2021 Accepted 15.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Современный рынок новых чистых технологий динамично развивается и растет на протяжении нескольких десятков лет, что предопределяет необходимость развития и поиска новых вариантов финансирования и привлечения ресурсов в данную область. Новые технологии базируются на новейших информационных технологиях, отразивших свою динамику роста даже в условиях полной изоляции и карантинных ограничений. Более того,

именно в данных условиях они доказали свою востребованность и экологичность, т. к. позволяют осуществлять массу операций и итераций бесконтактным способом.

Итоги 2020 г. показали, что совокупная выручка первых ТОП-100 российских IT-компаний за последние 10 лет неуклонно растет и прогнозы будущего роста достаточно оптимистичны с высокой степенью вероятности 0,8041 (рис. 1). Фактически за 2020 г. суммарная выручка компаний составила 2014 млрд руб., что выше показателя 2010 г. на 63% [1].

В последние годы тренды развития технологий смещаются в сторону увеличения экологичности и сохранения ресурсного биоразнообразия таким образом, чтобы минимизировать нагрузку на окружающую среду. Именно такие проекты набирают все большую популярность в свете ухудшения климата планеты и принятия различных международных соглашений в сфере охраны природы. Многие десятилетия промышленного производства и переработки природных ресурсов отразились на нашей планете не самым положительным образом.

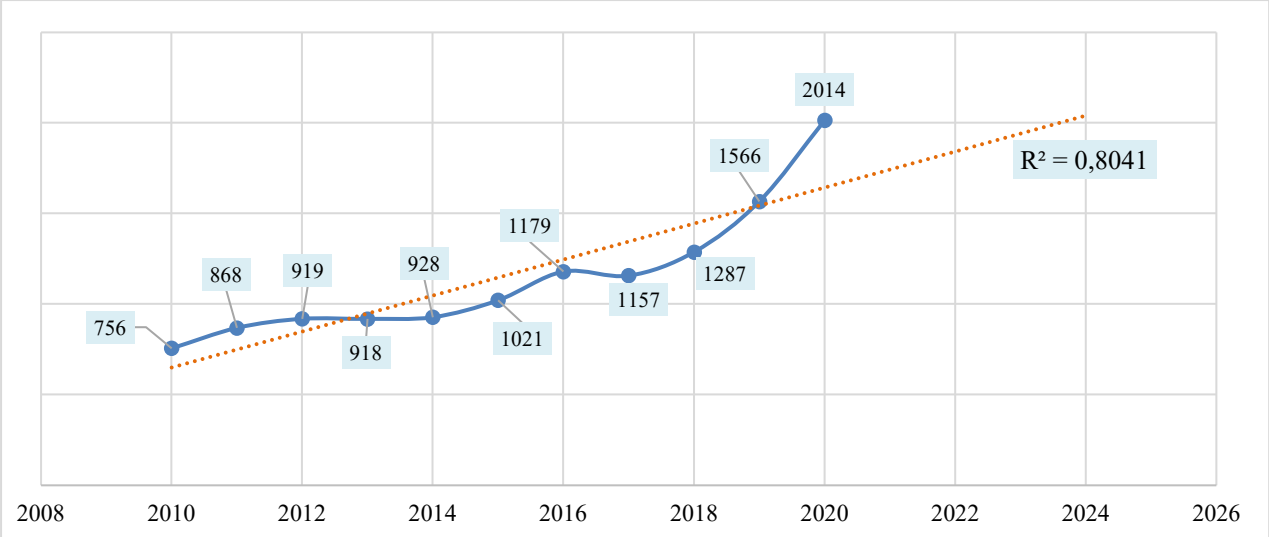

Рис. 1. Динамика совокупной выручки IT-компаний на период 2010–2020 гг., млрд руб. [1]

Деградация территорий, исчезновение природных объектов, разрушение экосистем, нарушение экологического баланса, изменения климата – все это факторы антропогенного воздействия, которые в конечном итоге могут привести к их полному истреблению. Поэтому мировая общественность под эгидой ООН уже на протяжении более 40 лет приняла и утвердила ряд межгосударственных соглашений по сохранению планеты и бережному отношению к ее ресурсам [2].

По оценкам различных исследовательских компаний (Allied Market Research) объем продаж на мировом рынке экологически чистых технологий к 2027 г. должен вырасти и достичь 48,4 млрд долл. Этому способствуют новые наметившиеся тренды:

1. Утилизация отходов. В данном случае будет формироваться экологически ответственное отношение производителей к окружающей среде, которое подразумевает не складирование отходов производства и переработки, а реализацию вторичной переработки и раздельного сбора мусора. Для выполнения данных работ необходимо создать устойчивую инфраструктуру раздельного сбора, учета и переработки отходов потребления и производства, которая позволит не только очистить прилегающие к городам и промышленным объектам территории, но

и существенно сэкономить на полигонах и транспортировке отходов к переработчикам, а также дополнительно заработать на реализации полезных фракций.

2. «Зеленые» офисы и ресурсосберегающие технологии. Промышленные предприятия и коммерческие компании инвестируют в модернизацию своих офисных, производственных помещений для повышения экологичности и энергоэффективности, внедрения ресурсосберегающих технологий, озеленения прилегающих территорий и создания рекреационных зон вокруг промышленных объектов, использования многоразовых предметов в бытовом использовании и перехода на онлайн-инкассацию и электронный документооборот.

3. Формирование экоимиджа бизнеса. Экологическая тематика сегодня находится на пике популярности, причем это не просто новомодная тенденция, но и конкурентное преимущество и некое стратегическое преимущество в плане привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов. Экологический имидж не должен выражаться в простом декларировании целей, он должен быть корпоративной культурой всего персонала и клиентов. Многие крупные промышленные добывающие, производственные, финансовые корпорации участвуют в экологических и экопросветительских проектах.

4. Прозрачная экологическая политика компаний. Общество должно не просто знать об экологичности компании, но и видеть доказательства компенсации нанесенного ущерба природе. С этой целью необходимо вести просветительскую работу и размещать на официальных сайтах оперативную информацию о реализованных проектах в данной области, о размере компенсационных затрат в ответ на нанесенный урон природе, обществу, планете. Открытость и доступность информации, полная прозрачность сайта будет повышать рейтинг доверия к компании и послужит важным механизмом в привлечении крупных инвесторов [3; 4].

Появление новых трендов экотехнологичного развития в профиле крупных компаний доказывает необходимость комплексного подхода к проблеме изменения климата и сохранения биоразнообразия планеты [5]. Повышение экологичности национальной экономики – это длительный процесс, который должен системно реализовываться в соответствии с требованиями мирового сообщества и климатических соглашений между странами.

Проблемам изменения климатических условий на Земле, сокращению биологического разнообразия и ухудшения в целом агроэкологических условий были посвящены труды многих исследований. В работах следующих авторов были поставлены задачи поиска наиболее оптимальных и ресурсосберегающих технологий бережливого природопользования (Plotnikov et al., 2015; Ushakov et al., 2019; Sigidov et al., 2020; Kolesnikov et al., 2020; Fedotova et al., 2021). Влиянию климатических подвижек на основные производительные отрасли народного хозяйства были посвящены следующие научные труды (Федотова и Федотова, 2019; Antipova et al., 2020; Ибрагимов и др., 2020; Solodova et al., 2021). Решению вопросов привлечения инвестиционных ресурсов под экологически чистые проекты и поиску возможностей для размещения таких займов были посвящены работы таких авторов, как Яшалова (2013); Порфирьев (2016), Стиглиц и др. (2016), Дворецкая (2017), Безсмертная (2019), Семенова и др., (2020), Sigidov et al., (2021).

Несмотря на большой задел по изучению проблем привлечения финансирования под экологически чистые проекты остаются неизученными вопросы легализации и сертификации «зеленых» займов в ряде стран, вопросы обеспеченности и гарантий по таким вложениям. Поэтому возникает необходимость пересмотра существующих правил обращения ценных бумаг и их сертификации.

Материалы и методы

Основными источниками информации для данного исследования послужили анатомические и отчетные данные официальных сайтов аналитических компаний, формирующих релизы и рейтинги. В процессе поиска информации были проанализированы труды российских и иностранных авторов по выбранной тематике, проведена оценка динамики отдельных рынков за период лет и выстроены прогнозы их будущего развития на основе тенденции рынка. Оценочные материалы были основаны на статистических данных отдельных компаний по размещенным займам, отчетам аналитических компаний и Московской биржи. В процессе проведенного исследования были использованы эмпирический инструментарий и методический аппарат обработки отчетных данных.

В качестве основного метода был выбран структурно-функциональный анализ отчетных материалов с учетом особенностей развития и новых трендов экотехнологической направленности в мире.

Результаты и их обсуждение

Основы «зеленого» финансирования были заложены в 1972 г. в рамках утвержденной Программы ООН United Nations Environment Programme (UNEP), где зеленая экономика определена как модель экономического развития, направленная на повышение благосостояния людей и обеспечения социальной справедливости, что снижает риски для окружающей среды. С этого момента появилось понятие зеленой экономики и ее принципов реализации [6; 7].

В 2006 г. создана под эгидой ООН Principles for Responsible Investment (PRI), в которую сразу же вступили несколько крупных институциональных инвесторов, разработавших Принципы ответственного инвестирования, которые согласовывают экологические и социальные вопросы при принятии инвестиционных решений. На 2020 г. в PRI входили более 2000 крупных инвесторов. Реализуемый сегодня глобальный зеленый курс включает в себя 3 основных компонента оценки: недвижимость, долговые обязательства, инфраструктуру, определяющих комплексное и сбалансированное развитие экономики [8].

Перечисленные тренды неизбежно привели к появлению понятия «зеленые» финансы, под которыми определяют финансовые услуги, направленные на стимулирование экономической деятельности для бережливого ресурсопотребления и компенсации нанесенного урона окружающей среде. Сегодня ряд крупных российских корпораций стараются компенсировать наносимый ущерб посредством финансирования собственного вредного воздействия (табл. 1).

Таблица 1. Статистика зеленого инвестирования российских компаний [2]

Компания		Выручка, млрд руб.	Выбросы вредных веществ в атмосферу, млн тонн	Выбросы парниковых газов, млн тонн CO_2-экв.	Образование отходов, млн тонн	Плата за негативное последствие на окружающую среду, млн руб.	Общие расходы на охрану природы, млрд руб.
Газпром	2018 г.	8224	2,9	240	3,6	615,8	69
	2019 г.	7660	2,9	236,5	3,3	617,7	53,2
Лукойл	2018 г.	8036	0,4	30	1,6	75	35,5
	2019 г.	7841	0,4	30,3	1,7	н/д	35,9
Роснефть	2018 г.	8238	1,8	50,8	7,2	1159	77,3
	2019 г.	8676	1,8	59,4	6,1	1348	63,8
Россети	2018 г.	1022	0,002	н/д	н/д	20	0,5
	2019 г.	1030	0,002	н/д	0,1	13,3	0,6

Окончание табл. 1

Компания		Выручка, млрд руб.	Выбросы вредных веществ в атмосферу, млн тонн	Выбросы парниковых газов, млн тонн CO_2-экв.	Образование отходов, млн тонн	Плата за негативное последствие на окружающую среду, млн руб.	Общие расходы на охрану природы, млрд руб.
Интер РАО	2018 г.	963	0,3	81,2	4	н/д	н/д
	2019 г.	1032	0,3	78,9	3,7	н/д	1,3
Норникель	2018 г.	729	1,9	9,9	30,2	695,2	32,4
	2019 г.	878	2	9,8	36,4	886,9	39,5
Аэрофлот	2018 г.	612	н/д	12,1	0,01	3,7	44
	2019 г.	678	н/д	13,1	0,01	2,8	37,6

По данным таблицы 1 видим, что крупные российские компании за 2018–2019 гг. не только подсчитывали свою выручку, но и оценивали воздействие от собственной деятельности на окружающую среду. В натуральных выражениях производилась оценка выбросов вредных веществ, газов, производственных и коммунальных отходов. В зависимости от объёмов вредных выбросов и отходов производился расчет компенсационных затрат за вредное воздействие на окружающую среду. На данном этапе сложно оценивать объемы зеленого ответственного инвестирования в воссоздание и охрану природы, мы можем только проанализировать долевое соотношение полученного финансового результата и зеленых затрат (рис. 2).

Представленные соотношения компенсационных затрат в выручке компаний наглядным образом отражают уровень экологической ответственности крупных корпораций. Максимальный уровень компенсационных затрат у компании «Аэрофлот», которая от 5,5 до 7,2% выручки направляет на природоохранные мероприятия. На втором месте стоит Норникель – уровень затрат равен 4,4–4,5% от выручки. Меньше всего тратит компания «Россети» – 0,05–0,06% выручки. Добывающие компании, такие как «Роснефть», «Лукойл», «Газпром», направляют на возмещение природного ущерба от 0,4 до 0,9% своей выручки.

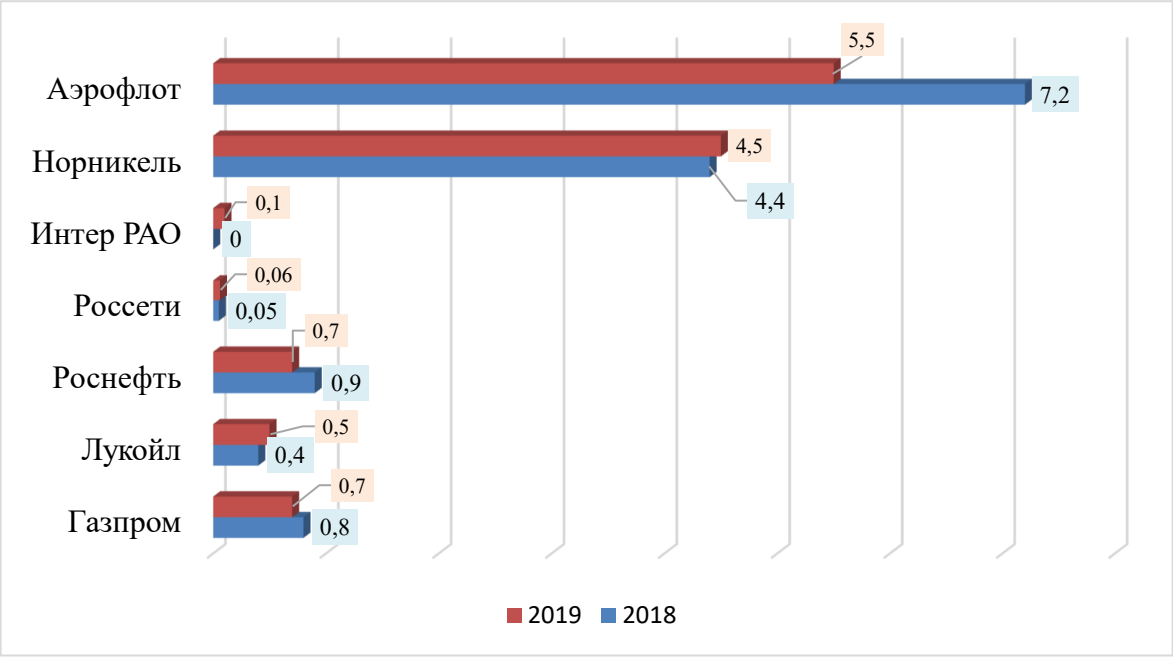

Рис. 2. Доля компенсационных затрат в общей выручке компаний, %

С нашей точки зрения такой уровень финансовой компенсации нанесенного урона окружающей среде не является достаточным и не сопоставим с тем уроном, который промышленные корпорации наносят природе, поэтому следует добиваться большей ответственности добывающих и перерабатывающих компаний [9; 10].

В рамках повышения ответственного инвестирования в охране окружающей среды появились и активно применяются инструменты зеленого финансирования – зеленые облигации (green bonds). Впервые они появились в 2007–2008 гг., когда были выпущены Международным банком развития. До периода 2010 г. зеленые облигации эмитировались международными банками, в некоторых случаях региональными и национальными банками развития и фондами. С момента основания в 2010 г. Climate Bonds Initiative (CBI) были официально сформулированы стандарты выпуска и обращения климатических облигаций и механизм их сертификации. Далее аналогичные стандарты были разработаны для инвестиций в солнечную энергетику, в низкоуглеродный транспорт, в энергоэффективность, в сферу ветроэнергетики, энергетики приливов, а также геотермальной энергетики.

В 2014 г. консорциум инвестиционных банков Bank of America Merrill Lynch, Citi, Crédit Agricole Corporate and Investment Bank, JPMorgan Chase, BNP Paribas, Daiwa, Deutsche Bank, Goldman Sachs, HSBC, Mizuho Securities, Morgan Stanley, Rabobank and SEB были разработаны Green Bonds Principles (GBP), которые сегодня во всем мире выступают общепринятыми эталонами, которым следует большинство мировых эмитентов зеленых облигаций. Принципы определяют рамки работы инвесторов на поле зеленого финансирования, соблюдение данных принципов отслеживается международными секретариатами (ICMA). Для большей конкретизации ответственного инвестирования и учета специфики различных регионов межгосударственные ассоциации разрабатывают собственные стандарты зеленых облигаций. Так, Народный банк Китая выпустил руководство по выпуску зеленых облигаций; Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) утвердила стандарты зеленых эмиссий на основе международных принципов зеленых облигаций с введением дополнительных региональных критериев зеленых исламских финансов (сукук) ASEAN.

Международные финансовые рынки максимально обеспечивают рынок зеленого финансирования и его обращения путем выделения отдельных зеленых секций (рис. 3).

Как видим из рисунка 3, фондовые биржи выделяют отдельные площадки или секции для зелёных финансовых инструментов, единственным критерием размещения которых является соответствие принципам зеленого финансирования по результатам независимой оценки экспертов. Таким образом, на рубеже 2016–2017 гг. 132 страны с долей 82% вредного воздействия на уровне государства приняли единые зеленые правила и стандарты и попытались сформировать единую инфраструктуру зеленого инвестирования. Принятие зеленых финансов повлекло за собой определенные изменения в самой структуре мирового финансового рынка [11; 12].

Так, можно наблюдать следующие мировые тенденции: нацеленность на стратегию экологически устойчивого развития; повышение экологичности и энергоэффективности производств; появление новых зеленых сегментов на мировых финансовых рынках; введение в оценочный инструментарий бизнеса критериев экологичности и низкоуглеродности. В данном случае развиваются зеленые проекты, которые становятся популярными в последние 2-3 года. Кроме того, интересные зеленые проекты способны не только реализовать цели устойчивого развития, но и смогут привлечь крупных иностранных инвесторов в страну [13].

Российская Федерация в 2018 г. впервые выпустила зеленые облигации. На начало 2020 г. на Московской бирже было размещено 8 выпусков 5 эмитентов на сумму 7,55 млрд руб. Если рассматривать саму структуру эмитентов, то можно выделить порядка 7 эмитентов-концессионеров, которые в своей инвестиционной деятельности преследуют принципы ESG. Рассмотрим подробнее, какие выпуски они уже разместили (рис. 4).

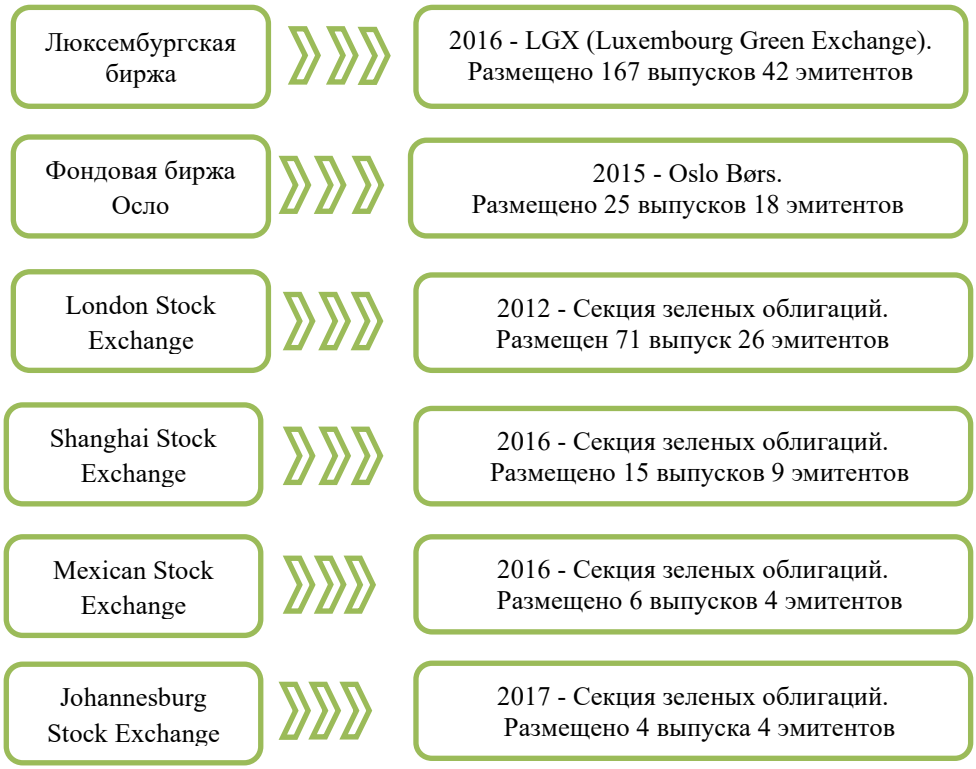

Рис. 3. Примеры размещений зеленых выпусков на мировых фондовых биржах [3]

Рис. 4. Российские эмитенты зеленого сектора Московской биржи

Фактически, согласно представленной схеме, на Московской бирже уже сформирован зеленый сектор долговых обязательств, которые еще признаны официально зелеными, но в проспектах эмиссий перечисленных выпусков указаны цели сохранения природы и достижения устойчивых целей развития. Поэтому можно утверждать, что российские компании уже на протяжении 3 лет активно финансируют экотехнологические инициативы и проекты в соответствии с принципами социально ответственного инвестирования [14; 15]. Кроме того, на российском финансовом рынке есть достаточно высокий потенциал других эмитентов, которые в определенной степени финансируют снижение нагрузки на окружающую среду и также отражают данный факт в проспектах эмиссий. Такие выпуски условно можно отнести к зеленым финансам. Можно даже сказать, что Московская биржа подготовила определенную инфраструктуру под зеленые выпуски, которые не только в будущем будут расти, но также могут стать мощным каналом финансирования экологических проектов и сформируют соответствующую бизнес-практику.

Российской экономике, по оценкам экспертов, для создания модели зеленого развития необходимы долгосрочные инвестиции в размере 6 млрд евро ежегодно. Такие масштабные ресурсы на развивающийся финансовый рынок сложно привлечь, тем более что накопившиеся проблемы со старыми фондами ЖКХ, старопромышленных городов, накопившихся отходов требуют уже сегодня решений. Утвержденные государственные программы и заложенное в них финансирование только на 1-2% покрывают потребности, поэтому большое значение будет уделено частному капиталу и активизации частной инвестиционной инициативы, т. к. без реализации экологических зеленых проектов не будет достижения запланированного качества жизни и природосбережения [16; 17; 18].

Государственная поддержка очень важна в плане организации процесса финансирования и установления определенных правил делового оборота [19]. Обозначим некоторые направления такой поддержки: необходимо обеспечивать целостность национального финансового рынка и стабильное функционирование ее зеленого сегмента, только в этом случае иностранный капитал придет в страну под зеленые проекты; выпуск не только частных, но и государственных зеленых долговых займов под зеленые инфраструктурные проекты; гарантии для инвесторов и определенные финансовые льготы.

Выводы

Практика иностранных государств доказала, что зеленое финансирование сегодня развивается и охватывает все новые сферы жизни человека. Не только в развитых странах, но и в развивающихся странах Азии и Африки проблема ухудшения экологии и загрязнения территорий отходами производства и потребления становится достаточно острой. Большинство стран мира уже взяли на себя ответственность за негативное воздействие и углеродный след.

Остаются вопросы координации деятельности стран в этом аспекте и совместной реализации рамочных соглашений в части ответственного инвестирования и реализации зеленых проектов. При данных условиях будет построен новый режим международного сотрудничества в сфере изменения климата, что непосредственным образом отразится на мировых рынках товаров и услуг и установит новый формат делового оборота.

Список литературы

1. Выручка 100 крупнейших российских ИТ-компаний впервые преодолела порог в 2 трлн. URL: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_rejtinga_cnews100 (дата обращения: 25.10.2021).

2. Самые «зеленые» акции России: их оценят нерезиденты. URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/samye-zelenye-aktsii-rossii-ikh-otseniat-nerezidenty (дата обращения: 25.10.2021).

3. High-Level Mapping to GBP Environmental Objectives and other Green Classifications. URL: https://www.icmagroup.org/assets/documents/Sustainable-finance/2021-updates/Green-Project-Mapping-June-2021-100621.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

4. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? // Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. [пер. с англ.]. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

5. Global problems of biodiversity and food security / Fedotova G. V., Sotnikova L. F., Orlova E. R., Baranova A. F., Goncharova A. V. // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. N677. P. 32010.

6. Яшалова Н. Н. «Зеленая» экономика: вопросы теории и направления развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 9(11). С. 33–40.

7. Безсмертная Е. Р. Выпуск «зеленых» облигаций как элемент системы защиты окружающей среды // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 5. С. 61–69. https://doi.org/10.26794/1999–849X-2019–12–5–61–69.

8. Дворецкая А. Е. Зеленое финансирование как современный тренд глобальной экономики // Вестник Академии. Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. 2017. № 2. С. 60–65.

9. Порфирьев Б. Н. «Зелёные» тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 60(9). С. 5–16. https://doi.org/10.20542/0131–2227–2016–60–9–5–16.

10. Семенова Н. Н., Еремина О. И., Скворцова М. А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. 2020. № 24(2). С. 39–49. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-39-49.

11. Theoretical and methodological pillars of sustainable economic development / O. V. Antipova, Y. I. Sigidov, E. M. Akhmetshin [et al.] // Asia Life Sciences. 2020. Vol. Supp 22, No 2. P. 697–710.

12. Governance efficiency in conditions of the world economy globalization and digitalization / D. S. Ushakov, Y. I. Sigidov, A. Gribincea,, I. Birca, L. Mashal // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. Vol. 10(8). P. 2566–2573.

13. Федотова Г. В., Федотова Э. М. Agriculture 4.0 в рамках пандемии COVID-19 // Последствия и вызовы пандемии коронавируса для технологического и социально-экономического развития общества: сборник трудов III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. В. Шкиотова, В. А. Гордеева ; Ярослав. гос. техн. ун-т. Ярославль, 2020. С. 117–123.

14. Imperatives of formation of the information society in the context of the modern global challenges / Y. I. Sigidov, E. V. Skubriy, L. N. Orlova [et al.] // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. Vol. 111. P. 231–240. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_24.

15. Global trends of the digital economy development / A. V. Kolesnikov, L. E. Zernova, V. V. Degtyareva Yu. I. Sigidov // Opcion. 2020. Vol. 36, No S26. P. 523–540.

16. Solodova S. V., Sigidov Yu. I., Ilyasov R. H. Issues of implementation of control indicators of the food security doctrine of the Russian federation // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 839(3). P. 032015.

17. Financial risks in the financial and economic security management system of the enterprise / Y. I. Sigidov, A. M. Petrov, A. A. Osmonova, G. S. Zhukova, Y. O. Kostenko // Estudios de Economia Aplicada. 2021. Vol. 39(6).

18. Ибрагимов А. Г., Джанчарова Г. К., Русский В. Г. Производство зерна в России и мире: прошлое и современное // Экономика и предпринимательство. 2020. № 10 (123). С. 1240–1244.

19. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth / V. Plotnikov, G. V. Fedotova, E. G. Popkova, A. A. Kastyrina // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. Vol. 15-2. P. 105–114.

References

1. Revenue 100 of the largest Russian IT companies first overcame the threshold of 2 trillion. Available at: https://www.cnews.ru/reviews/rynok_it_itogi_2020/articles/vyruchka_uchastnikov_ rejtinga_ cnews100. (accessed 25.10.2021)

2. The most "green" shares in Russia: they will be appreciated by non-residents. Available at: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/samye-zelenye-aktsii-rossii-ikh-otseniat-nerezidenty. (accessed 25.10.2021)

3. High-Level Mapping to GBP Environmental Objectives and other Green Classifications. Available at: https://www.icmagroup.org/assets/documents/Sustainable-finance/2021-updates/Green-Project-Mapping-June-2021-100621.pdf. (accessed 25.10.2021)

4. Stiglitz D., Sen A., Fitussi J.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? [Incorrectly assessing our life: why does GDP makes sense?] Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa [Report Commission for Measuring Efficiency of Economics and Social Progress]. Moscow, Publishing House of the Institute of Gaidar, 2016. 216 p.

5. Fedotova G. V., Sotnikova L. F., Orlova E. R., Baranova A. F., Goncharova A. V. Global problems of biodiversity and food security. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021, vol. 677, pp. 32010.

6. Yashalova N. N. "Zelenaya" ekonomika: voprosy teorii i napravleniya razvitiya ["Green" Economy: Questions of theory and Development Directions]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2013, no. 9 (11), pp. 33–40.

7. Bezsmertnaya E. R. Vypusk "zelenykh" obligatsii kak element sistemy zashchity okruzhayushchei sredy [The release of "green" bonds as an element of the environmental protection system]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*, 2019, no. 12 (5), pp. 61–69. https://doi.org/10.26794 / 1999-849x-2019-12-5-61-69.

8. Dvoretskaya A. E. Zelenoe finansirovanie kak sovremennyi trend global'noi ekonomiki [Green finance as a modern trend in the global economy]. *Vestnik Akademii. Moskovskaya akademiya predprinimatel'stva pri Pravitel'stve Moskvy = Bulletin of the Academy. Moscow Academy of Entrepreneurship under the Government of Moscow*, 2017, no. 2, pp. 60–65.

9. Porfiryev B. N. "Zelenye" tendentsii v mirovoi finansovoi sisteme ["Green" trends in the global financial system]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2016, no. 60 (9), pp. 5–16. https://doi.org/10.20542 / 0131-2227-2016-60-9-5-16.

10. Semenova N. N., Eremin O. I., Skvortsova M. A. "Zelenoe" finansirovanie v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ["Green" financing in Russia: the current state and development prospects]. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2020, 24 (2), pp. 39-49. https://doi.org/10.26794 / 2587-5671-2020-24-2-39-49.

11. Antipova O. V., Sigidov Y. I., Akhmetshin E. M., eds. Theoretical and methodological pillars of sustainable economic development. *Asia Life Sciences*, 2020, vol. Supp 22, no 2, pp. 697–710.

12. Ushakov D. S., Sigidov Y. I., Gribincea A., Birca I., Mashal L. Governance efficiency in conditions of the world economy globalization and digitalization. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2019, no. 10(8), pp. 2566–2573.

13. Fedotova G. V., Fedotova E. M. [Agriculture 4.0 within the framework of the Pandemic COVID-2019]. *Posledstviya i vyzovy pandemii koronavirusa dlya tekhnologicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva. Sbornik trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Consequences and challenges of the coronavirus pandemic for the technological and socio-economic development of society. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference]; ed. by S. V. Schkotov, V. A. Gordeyeva. Yaroslavl, Yaroslavsky St. Techn. Univ. Publ., 2020, pp. 117–123.

14. Sigidov Y. I., Skubriy E. V., Orlova L. N., eds. Imperatives of formation of the information society in the context of the modern global challenges. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2020, vol. 111, pp. 231–240. https://doi.org/10.1007/978-3-030-39797-5_24.

15. Kolesnikov A. V., Zernova L. E., Degtyareva V. V., Sigidov Yu. I. Global trends of the digital economy development. *Opcion*, 2020, vol. 36, no. S26, pp. 523–540.

16. Solodova S. V., Sigidov Yu. I., Ilyasov R. H. Issues of implementation of control indicators of the food security doctrine of the Russian federation. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021, vol. 839(3), pp. 032015

17. Sigidov Y. I., Petrov A. M., Osmonova A. A., Zhukova G. S., Kostenko Y. O. Financial Risks in the financial and economic security management system of the enterprise. *Estudios de Economia Aplicada*, 2021, vol. 39(6).

18. Ibrahimov A. G., Dzhencharova G. K., Russian V. G. Proizvodstvo zerna v Rossii i mire: proshloe i sovremennoe [Grain production in Russia and the world: the past and modern]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2020, no. 10 (123), pp. 1240-1244.

19. Plotnikov V., Fedotova G. V., Popkova E. G., Kastyrina A. A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15-2, pp. 105–114.

Информация об авторах / Information about the Authors

Федотова Гилян Васильевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Поволжский НИИ производства и переработки мясомолочной продукции, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: g_evgeeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2066-8628,
Researcer ID: N-8708-2015

Gilian V. Fedotova, Doctor of Economic Sciences, Chef Researcher, Povolzhsky Research Institute of Production and Processing of Meat and Dairy Products, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: g_evgeeva@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2066-8628,
Researcer ID: N-8708-2015

Капустина Юлия Александровна, кандидат экономических наук, доцент, директор социально-экономического института, Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: kapustina_bu@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6828-4332

Yulia A. Kapustina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Socio-Economic Institute, Ural State Forestry University, Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: kapustina_bu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6828-4332

Соколов Алексей Алексеевич, кандидат экономических наук, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: ASokolov.vlg@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6540-1644

Alexey A. Sokolov, Candidate of Economic Sciences, Volgograd Institute of Management - branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: ASokolov.vlg@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-3880-6475

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-58-67

CC BY 4.0

Цифровые платформы и их роль в инновационном развитии экономики

А. С. Обухова[1] ✉, Я. В. Черных[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Резюме

Актуальность. *Использование цифровых платформ позволяет повысить эффективность бизнес-процессов. Цифровые технологии и порождаемые их использованием огромные массивы цифровых данных кардинальным образом воздействуют на социально-экономические процессы, происходящие в обществе. Основными сегментами в области цифровой трансформации на данный момент являются: платежи и переводы, краудфандинг, управление активами, финансовый маркетплейс, блокчейн, платформенные технологии.*

Целью *исследования является определение особенностей функционирования цифровых платформ и описание их роли в инновационном развитии экономики.*

Задачи: *описать общемировые тенденции финансовых технологий; охарактеризовать подходы российских и зарубежных авторов к определению цифровых платформ; определить факторы, способствующие развитию цифровых платформ; охарактеризовать изменение структуры рынка за счет использования цифровых платформ.*

Методология. *В исследовании были использованы общенаучные методы: сравнительный анализ, обобщение, индукция.*

Результаты. *На основе проведенного исследования были получены следующие результаты: описаны общемировые тенденции финансовых технологий; приведены подходы российских и зарубежных авторов к определению «цифровая платформа»; описаны факторы, оказывающие влияние на развитие цифровых платформ (изменение поведения клиентов и т. д.); охарактеризована трансформация структуры рынка под влиянием цифровых платформ, которая заключается в создании многосторонних платформ, объединяющих потребителей, поставщиков услуг и заинтересованных сторон для обмена ценностями в рамках более крупной экосистемы.*

Выводы. *Цифровая платформа представляет собой интегрированную информационную систему, которая обеспечивает многосторонний процесс взаимодействия пользователей по обмену информацией. При этом наблюдаются снижение общих транзакционных издержек и оптимизация бизнес-процессов, повышается эффективность цепочки поставок товаров и услуг. Важнейшим стратегическим решением для финансовых учреждений является создание собственной цифровой платформы или партнерства с существующими сторонними платформами.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация; цифровые технологии; цифровые платформы; финансовые технологии; платформенная экономика; цифровой канал распределения.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Обухова А. С., Черных Я. В. Цифровые платформы и их роль в инновационном развитии экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 58–67. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-58-67.

Поступила в редакцию 10.12.2021 Принята к публикации 11.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Обухова А. С., Черных Я. В., 2022

Digital Platforms and Their Role in the Innovative Development of the Economy

Anna S. Obukhova[1]✉, Yana V. Chernyikh[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Abstract

Relevance. *The use of digital platforms can improve the efficiency of business processes. Digital technologies and the huge amounts of digital data generated by their use radically affect the socio-economic processes taking place in society. The main segments in the field of digital transformation at the moment are: payments and transfers, crowdfunding, asset management, financial marketplace, blockchain, platform technologies.*

The purpose *of the study is to determine the features of the functioning of digital platforms and describe their role in the innovative development of the economy.*

Objectives*: to describe global trends in financial technologies; to characterize the approaches of Russian and foreign authors to the definition of digital platforms; to identify factors contributing to the development of digital platforms; to characterize the change in the structure of the market through the use of digital platforms.*

Methodology*. The study used general scientific methods: comparative analysis, generalization, induction.*

Results. *Based on the conducted research, the following results were obtained: global trends in financial technologies are described; approaches of Russian and foreign authors to the definition of "digital platform" are given; factors influencing the development of digital platforms (changing customer behavior, etc.) are described; the transformation of the market structure under the influence of digital platforms is characterized, which consists in creating multilateral platforms that unite consumers, service providers and stakeholders to exchange values within a larger ecosystem.*

Conclusions. *The digital platform is an integrated information system that provides a multi-sided process of user interaction for the exchange of information. While reducing overall transaction costs, optimizing business processes, increasing the efficiency of the supply chain of goods and services. The most important strategic decision for financial institutions is to create their own digital platform or partnership with existing third-party platforms.*

Keywords*: digital transformation; digital technologies; digital platforms; financial technologies; platform economy; digital distribution channel.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Obukhova A. S., Chernyikh I. V. Digital Platforms and Their Role in the Innovative Development of the Economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 58–67. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-58-67.

Received 10.12.2021 Accepted 11.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Цифровая трансформация приводит к организационным и операционным изменениям в организациях, отраслях или экосистеме за счет интеллектуальной интеграции цифровых технологий, которые используются для создания новых продуктов (услуг), т. е. внедрением инноваций и приобретением возможностей для адаптации к меняющимся обстоятельствам.

Материалы и методы

Цифровая трансформация преимущественно используется в бизнес-контексте, которая оказывает влияние на деятельность не только организаций, но и на деятельность правительства, учреждений государственного сектора и организаций, участвующих в решении социальных проблем (например, загрязнение окружающей среды и старение населения), за счет использования одной или

нескольких из этих существующих новых технологий. На рисунке 1 представлен механизм трансформации инновационной инфраструктуры в условиях цифровизации с позиции государственного регулирования [1, с. 36].

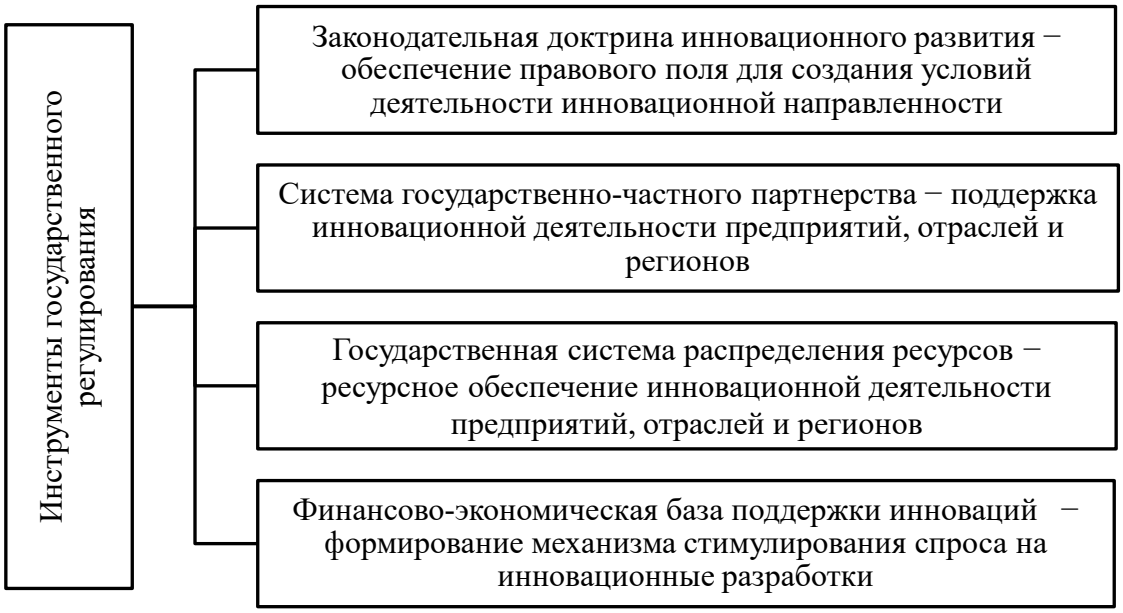

Рис. 1. Инструменты государственного регулирования трансформации инновационной инфраструктуры

Следовательно, цифровая трансформация экономики – приоритетное направление развития любого государства, которое охватывает все сферы жизни, открывая новые возможности для развития [2, с.512].

Цифровая экономика представляет собой производство, основанное на цифровых технологиях [3, с.60]. Цифровые технологии и порождаемые их использованием огромные массивы цифровых данных кардинальным образом воздействуют на социально-экономические процессы, происходящие в обществе [4, с. 460]. Формирование социально ориентированной модели экономики связано с изменением технологического уклада, ростом активизации предпринимательского сектора с использованием потенциала цифровых технологий [5, с.79].

Результаты и их обсуждение

Основными сегментами области цифровой трансформации на данный момент являются: платежи и переводы, краудфандинг, управление активами, финансовый маркетплейс, блокчейн, платформенные технологии (рис. 2) [6, с. 29].

Индустриальный век изменил социальную жизнь и сделал ее урбанизированной, где города играют доминирующую роль в принятии решений и формировании будущего человечества. Аналогичным образом платформенная экономика сближает географические и социальные различия, чтобы создать более единообразные модели спроса и стандарты обслуживания во всем мире [7, с. 67]. Самые ранние упоминания этой модели можно отнести к лауреатам Нобелевской премии Жану Тироле и Жан-Шарлю Роше в их работе по изучению ценообразования и конкуренции, когда одна компания обслуживала клиентов двух типов [8]. На рисунке 3 представлены подходы разных авторов к определению «цифровая платформа».

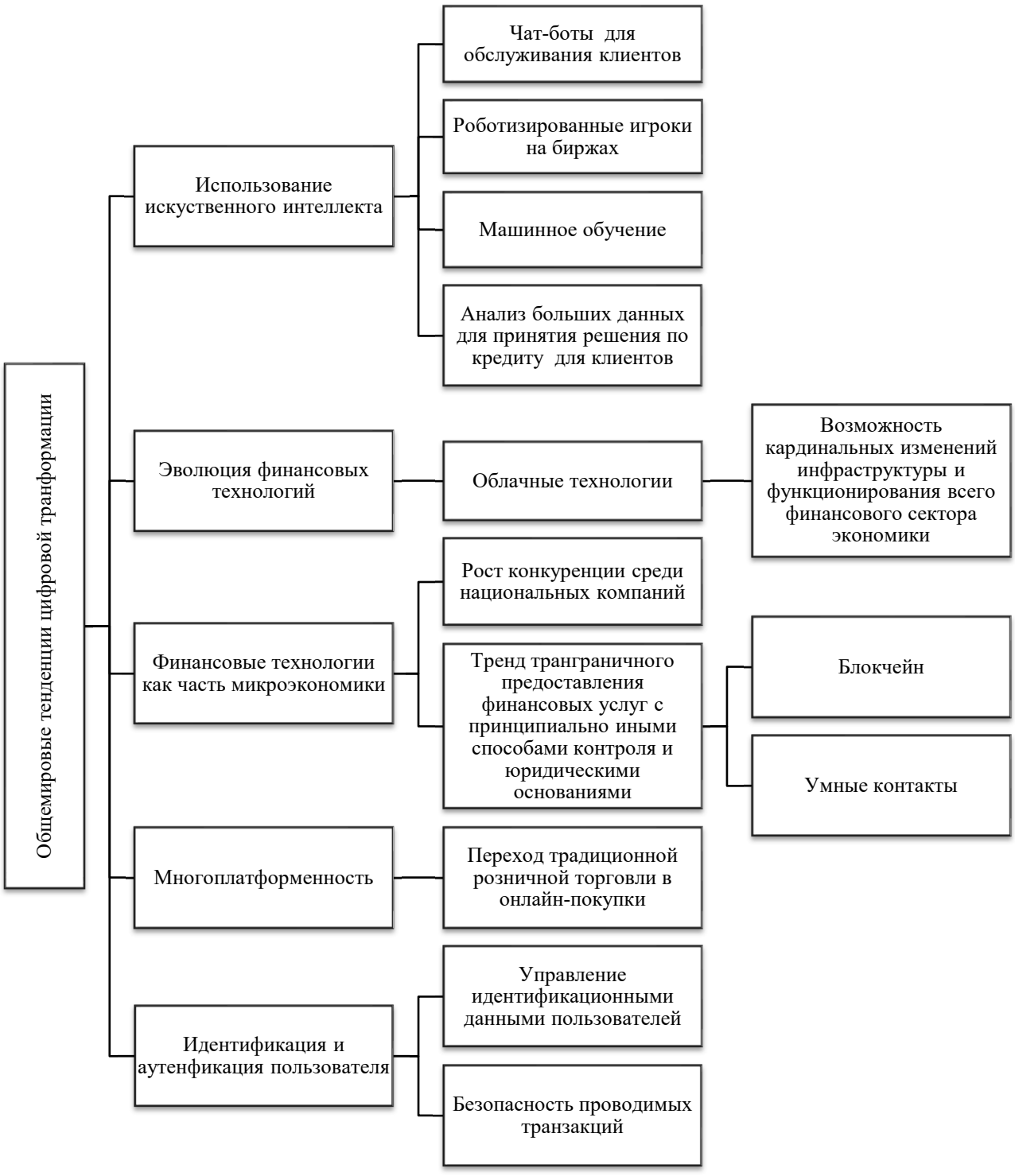

Рис. 2. Общемировые тенденции финансовых технологий

Использование цифровых платформ позволит потребителям и малому бизнесу подключаться к поставщикам финансовых и других услуг онлайн или через мобильный канал, тем самым стать доминирующей бизнес-моделью для банков и финансовых учреждений в будущем [16, с.14].

Наблюдаются позитивные изменения, обусловленные интенсивным развитием рынка электронной коммерции, интернет-торговли, широкого примене-

ния цифровых технологий [17, с.126]. Этому сдвигу способствуют несколько факторов.

Внутриотраслевая конкуренция со стороны нетрадиционных игроков ведет к продолжающемуся дезагрегированию традиционной банковской цепочки создания стоимости. Поскольку большинство финансовых учреждений переходят от ориентации на продукты к ориентации на клиентов, это связано с обеспечением дифференцированного обслуживания клиентов на целевых рынках.

Регулирующие изменения и повышенные требования к капиталу также создают препятствия для прибыльного обслуживания многих сегментов рынка. Финансовые учреждения отказываются от непрофильных функций, уходят с рынков, предлагающих более низкий потенциал роста, и отказываются от продуктов, требующих большего капитала [18, с. 18123].

Accenture	•Группа технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия
Б. М. Глазков	•Система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счёт применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда [9]
Джеффри Паркер, Санджит Чаудари	•Предприятие, обеспечивающее взаимовыгодные взаимодействия между сторонними производителями и потребителями. Она дает открытую инфраструктуру для участников и устанавливает новые правила [10, с. 21]
Массачусетский технологический университет	•Обеспеченная высокими технологиями бизнес-модель, которая создает стоимость, облегчая обмены между двумя или большим числом взаимозависимых групп участников [11; 12]
И. А. Павлинов, Л. К. Скородова, Е. И. Павлинова	•Цифровая среда (программно-аппаратный комплекс) с комплексом функций и сервисов, обеспечивающая потребности потребителей и производителей, а также реализующая возможности прямого взаимодействия между ними [13, с. 28]
Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей	•Представляет собой интерактивную двустороннюю или многостороннюю рыночную бизнес-модель с технологической поддержкой. Она помогает двум или более потенциальным участникам, между которыми в принципе могут появиться деловые отношения, провести сделку [14, с. 224]
Американский финансовый холдинг «JP Morgan Chase & Co»	•Экономическая деятельность с использованием онлайн-посредника, обеспечивающая площадку, посредством которой независимые работники или продавцы могут предоставлять определенный товар или услугу клиентам [15, с.44]

Рис. 3. Подходы к определению «цифровая платформа»

Поведение клиентов – это важный фактор, связанный с тем, что большинство из них проводят свое время в социальных сетях, обмениваясь сообщениями, т. е. используют цифровые платформы. Тем самым финансовые учреждения должны создавать такие цифровые платформы, которые будут учитывать потребности клиентов в обслуживании, а также учитывать стратегические цели развития рынка.

Использование финансовых услуг поставщиками цифровой платформы создает партнерские отношения с финансовыми учреждениями и помогает создать экосистему [19, с. 25]. В процессе создания цифровые платформы часто были «двусторонними», т. е. связывали только покупателей и продавцов для простых транзакций. Далее, в процессе трансформации наблюдается создание многосторонних платформ, которые объединяют потребителей, поставщиков услуг и заинтересованные стороны для облегчения обмена ценностями в рамках более крупной экосистемы (рис. 4) [7, с. 67].

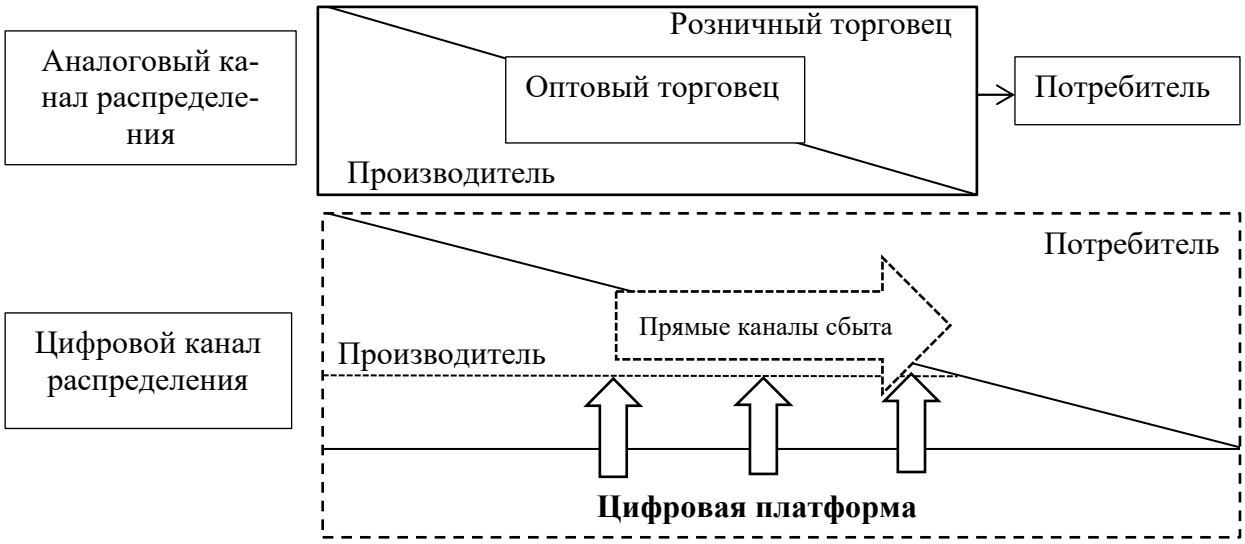

Рис. 4. Трансформация структуры рынков под влиянием цифровых платформ

Участники, использующие цифровые платформы, получают выгоду от ее использования и тем самым повышают ее устойчивость на финансовом рынке за счет размещения рекламы на целевых рынках и использования данных о клиентах, генерируемых платформой, а также возможностей агрегирования данных для создания новых и смежных перспектив развития.

По мере того как продукты финансовых услуг становятся все более массовыми, поставщикам финансовых услуг может потребоваться сместить акцент на обслуживание более широких потребностей потребителей в рамках более крупной экосистемы.

Новшество в платформенном бизнесе XXI века – это инновации в использовании технологий для обеспечения доступных подключений, которые раньше были невозможны. Это многократно повысило сложность бизнес-модели и открыло новые потоки создания ценности. Вот некоторые из фундаментальных сдвигов, которые цифровые технологии создали в новой платформенной экономике [20]:

1. Платформенным компаниям не хватает запасов и основных средств. Такие предприятия более масштабируемы, чем традиционные. Благодаря облачным вычислениям, определяющим фактором масштаба является возможность наращи-

вать вычислительные мощности и экспоненциально экстраполировать аналитику клиентов.

2. Вместо линейных отношений, которые обычно протекают через цепочку поставок, компании, занимающиеся платформами, следуют сетевой модели, облегчая прямое взаимодействие между определенной группой клиентов. Например, у YouTube есть три разных набора клиентов, а именно: зрители видео, создатели видео и рекламодатели. Это приводит к отказу от посредников и нарушению разрозненности в распределении, хотя это также приводит к созданию очень крупномасштабного посредника, часто с монопольной властью, который может представлять риск, если его не регулировать разумным законодательством.

3. Платформа с наиболее активными клиентами, вероятно, привлечет больше клиентов в будущем. Каждый бизнес конкурирует не за долю на рынке, а за то, чтобы стать стандартом, и как только этот стандарт установлен, весь рынок выстраивается вокруг платформы, которая была определена как стандарт.

Учитывая характер платформ, одна организация может одновременно выполнять несколько ролей. Ключевым остается устойчивый поток ценностей внутри платформы, который требует сосуществования всех этих сущностей, в то время как роль разработчиков приложений может показаться идентичной сторонам, владеющим платформой, поскольку она масштабируется и включает несколько приложений для увеличения взаимодействия и обеспечения привязки к платформе.

Выводы

Цифровая платформа представляет собой интегрированную информационную систему, которая обеспечивает многосторонний процесс взаимодействия пользователей по обмену информацией, при этом наблюдается снижение общих транзакционных издержек, оптимизация бизнес-процессов, повышается эффективность цепочки поставок товаров и услуг.

Важнейшим стратегическим решением для финансовых учреждений является создание собственной цифровой платформы или партнерства с существующими сторонними платформами. Одним из вариантов может быть создание цифровых платформ для целевых сегментов клиентов, поддержание первенства отношений с клиентами и организация других поставщиков услуг для создания и предоставления дополнительных и новых форм ценности.

Переход к предоставлению финансовых услуг с помощью цифровых платформ и непрерывного обслуживания клиентов приведет к преобразованию действующих организаций. Финансовым учреждениям важно понимать, что возможность предоставлять продукт не ограничивается продуктами, которые они могут производить или поставлять, но также и использованием продуктов третьей стороны – потенциальных конкурентов. Следовательно, процесс обмена экономическими ценностями между участниками является важнейшим компонентом долгосрочного успеха экосистемы цифровой платформы.

Таким образом, использование новых технологий потребителями позволяют развивать ведение бизнеса, а финансовым учреждениям оценить свои отличия и экономическую устойчивость с течением времени. Это означает поиск новых способов удовлетворения более широкого набора потребностей клиентов, дифференциацию клиентского опыта или стремление стать лучшим в своем сегменте производителем продукции. Независимо от стратегического направления участие в мобильной цифровой экосистеме будет неизбежным для сегодняшних поставщиков финансовых услуг, чтобы создавать устойчивую ценность для клиентов.

Список литературы

1. Квашнина Д. В., Ершова И. Г. Механизм регулирования трансформации инновационной системы региона в условиях цифровизации // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / под ред. Т. С. Колмыковой [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 35–40.

2. Мерзлякова Е. А., Бридский Е. В. Основные тенденции и перспективные направления развития электронной коммерции в России // ЦИТИСЭ. 2021. № 2 (28). С. 510–522.

3. Квашнина Д. В., Ершова И. Г. Государственное регулирование инновационной политики региона в рамках цифровой экономики // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 2 (77). С. 60–65.

4. Исследование возможностей национальной инновационной среды по внедрению финансовых технологий / Н. А. Серебрякова, Т. С. Колмыкова, Е. А. Гривачев, С. В. Клыкова // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2021. Т. 83, № 1 (87). С. 460–465.

5. Сергеев П. В., Колмыкова Т. С., Сергеев В. П. Взаимодействие науки, бизнеса и власти в условиях цифровой трансформации экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 4. С. 77–86.

6. Обухова А. С., Павлова О. А., Черных Я. В. Исследование тенденций и перспектив развития цифровой экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 3 (46). С. 23–30.

7. Коваленко А. И. Проблематика исследований многосторонних платформ // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 3 (57). С. 64–90.

8. Жан-Шарль Роше, Жан Тироль. Конкуренция платформ на двусторонних рынках // Журнал Европейской экономической ассоциации. № 1 (4). С. 990–1029.

9. Цифровые платформы подходы к определению и типизации. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/04/digital_platforms.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

10. Чаудари П. С., Альстайн М., Паркер Дж. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику – и как заставить их работать на вас. М.: Манн и Фербер, 2017. 304 с.

11. Ghasemkhani H., Soule D., Westerman G. F. Competitive advantage in a digital world: Toward an information-based view of the firm. URL: http://dx.doi. org/10.2139/ssrn.2698775 (дата обращения: 11.09.2021).

12. Organizing for a digital future: Opportunities and challenges / D. L. Soule, N. Carrier, D. Bonnet, G. F. Westerman // MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting. Working Paper. 2014. N 10. P. 1–22. https://doi.org/10.2139/ssrn.2698379.

13. Цифровая экономика: монография / И. А. Павлинов, Л. К. Скодорова, Е. И. Павлинова [и др.]. Рыбница: Теслайн, 2019. 260 с.

14. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. М.: Интеллектуальная литература, 2019. 250 с.

15. Paychecks, Paydays and the Online Platform Economy. Big Data on Income Volatility // J. P. Morgan Chase & Co. 2016. N 1. P. 44–51.

16. Колмыкова Т. С., Клыкова С. В. Роль цифровых финансовых сервисов и технологий в развитии современной архитектуры экономического пространства // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 2 (53). С. 11–17.

17. Аналитический инструментарий оценки готовности национальной экономики к цифровизации / Т. С. Колмыкова, В. Н. Щербаков, И. Н. Третьякова, В. Ю. Сергеева // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 3 (50). С. 120–128.

18. Cybersecurity challenges in the digital economy / A. Obukhova, E. Merzlyakova, N. Kazarenkova, O. Aseev, A. Zelenov // Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenges. Proceedings of the 35th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), 2020. P. 18121–18127.

19. Гелисханов И. Г., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22–36.

20. Рост цифровых платформ. URL: https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2018/02/rise-of-digital-platforms-fs.html (дата обращения: 11.09.2021).

References

1. Kvashnina D. V., Ershova I. G. [The mechanism of regulation of the transformation of the innovation system of the region in the conditions of digitalization]. Strategiya formirovaniya ekosistemy tsifrovoi ekonomiki. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Strategy for the formation of the ecosystem of the digital economy. a collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference]; ed. by T. S. Kolmykova, eds. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 35–40. (In Russ.)

2. Merzlyakova E. A., Bridsky E. V. Osnovnye tendentsii i perspektivnye napravleniya razvitiya elektronnoi kommertsii v Rossii [Main tendencies and perspective directions of development of e-commerce in Russia]. *TsITISE = TsITISE*, 2021, no. 2 (28), pp. 510-522.

3. Kvashnina D. V., Ershova I. G. Gosudarstvennoe regulirovanie innovatsionnoi politiki regiona v ramkakh tsifrovoi ekonomiki [State regulation of the region's innovation policy in the digital mode of the economy]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*, 2020, no. 2 (77), pp. 60–65.

4. Serebryakova N. A., Kolmykova T. S., Grivachev E. A., Klykova S. V. Issledovanie vozmozhnostei natsional'noi innovatsionnoi sredy po vnedreniyu finansovykh tekhnologii [Investigation of the possibilities of the national innovation environment for the introduction of financial technologies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, 2021, vol. 83, no. 1 (87), pp. 460-465.

5. Sergeev P. V., Kolmykova T. S., Sergeev V. P. Vzaimodeistvie nauki, biznesa i vlasti v usloviyakh tsifrovoi transformatsii ekonomiki [Interaction of science, business and government in the conditions of digital transformation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Economics. Sociology. Management = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 77–86.

6. Obukhova A. S., Pavlova O. A., Chernykh Ya. V. Issledovanie tendentsii i perspektiv razvitiya tsifrovoi ekonomiki [Research of trends and prospects of digital economy development]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2019, no. 3 (46), pp. 23-30.

7. Kovalenko A. I. Problematika issledovanii mnogostoronnikh platform [Problematics of research of multilateral platforms]. *Sovremennaya konkurentsiya = Modern Competition*, 2016, vol. 10, no. 3 (57), pp. 64-90.

8. Jean-Charles Rocher, Jean Tyrol. Konkurentsiya platform na dvustoronnikh rynkakh [Competition of platforms in bilateral markets]. *Zhurnal Evropeiskoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the European Economic Association*, no. 1 (4), pp. 990–1029.

9. Tsifrovye platformy podkhody k opredeleniyu i tipizatsii [Digital platforms approaches to definition and typification]. Available at: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/04/digital_platforms.pdf. (accessed 18.09.2021)

10. Chaudhary P. S., Alstein M., Parker J. Revolyutsiya platform. Kak setevye rynki menyayut ekonomiku – i kak zastavit' ikh rabotat' na vas [The revolution of platforms. How network markets change the economy – and how to make them work for you]. Moscow, Mann and Ferber Publ., 2017. 304 p.

11. Ghasemkhani H., Soule D., Westerman G. F. Competitive advantage in a digital world: Toward an information-based view of the firm. Available at: https://dx.doi. org/10.2139/ssrn.2698775. (accessed 11.09.2021)

12. Soule D. L., Carrier N., Bonnet D., Westerman G. F. Organizing for a digital future: Opportunities and Challenges. *MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting. Working Paper*, 2014, no. 10, pp. 1-22. https://doi.org/10.2139/ssrn.2698379

13. Pavlinov I. A., Skodorova L. K., Pavlinova E. I., eds. Tsifrovaya ekonomika [Digital economy]. Rybnitsa, Tesline Publ., 2019. 260 p.

14. Ma Huateng, Meng Zhaoli, Yang Delhi, Wang Hualei. Tsifrovaya transformatsiya Kitaya. Opyt preobrazovaniya infrastruktury natsional'noi ekonomiki [China's digital transformation. Experience in transforming the infrastructure of the national economy]. Moscow, Intellectual Literature Publ., 2019. 250 p.

15. Paychecks, Paydays and the Online Platform Economy. Big Data on Income Volatility. *J. P. Morgan Chase & Co*, 2016, no. 1, pp. 44-51.

16. Kolmykova T. S., Klykova S. V. Rol' tsifrovykh finansovykh servisov i tekhnologii v razvitii sovremennoi arkhitektury ekonomicheskogo prostranstva [The role of digital financial services and technologies in the development of modern architecture of the economic space]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2021, no. 2 (53), pp. 11-17.

17. Kolmykova T. S., Shcherbakov V. N., Tretyakova I. N., Sergeeva V. Yu. Analiticheskii instrumentarii otsenki gotovnosti natsional'noi ekonomiki k tsifrovizatsii [Analytical tools for assessing the readiness of the national economy for digitalization]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2020, no. 3 (50), pp. 120-128.

18. Obukhova A., Merzlyakova E., Kazarenkova N., Aseev O., Zelenov A. Cybersecurity challenges in the digital economy. Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenges. Proceedings of the 35th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), 2020, pp. 18121-18127.

19. Geliskhanov I. G., Yudina T. N., Babkin A. V. Tsifrovye platformy v ekonomike: sushchnost', modeli, tendentsii razvitiya [Digital platforms in the economy: essence, models, development trends]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 22–36.

20. Rost tsifrovykh platform [The growth of digital platforms]. Available at: https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2018/02/rise-of-digital-platforms-fs.html. (accessed 11.09.2021)

Информация об авторах / Information about the Authors

Обухова Анна Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0002-5780-6529,
Scopus Author ID: 41762272700,
Researcher ID: N-6305-2016,
e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Черных Яна Владимировна, магистрант кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: nata0703@bk.ru

Anna S. Obukhova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
ORCID: 0000-0002-5780-6529,
Scopus Author ID: 41762272700,
Researcher ID: N-6305-2016,
e-mail: obuhova_anna@inbox.ru

Yana V. Chernykh, Undergraduate, Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: nata0703@bk.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-68-79

CC BY 4.0

Комфортизация информационно-экономической среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления

А. В. Веретёхин[1] ✉

[1] Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
пр. Академика Вернадского 4/В, г. Симферополь 295007, Российская Федерация

✉ e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях цифровизации предприятия для своего успешного функционирования нуждаются в комфортной информационно-экономической среде. Одновременно с этим, в связи с ресурсной ограниченностью части российских предприятий, а также из-за негативного воздействия пандемии COVID-19, возрастает значение государственной регуляторной политики в достижении благоприятной бизнес-среды территории.*

Цель *– в рамках парадигмы стратегического управления рассмотреть направления и меры, способствующие формированию благоприятных информационно-экономических условий функционирования и развития предприятий.*

Задачи: *проанализировать современные информационно-экономические системы поддержки предприятий как результат регионального управления по обеспечению комфортности бизнес-среды.*

Методология. *Применялись методы: апостериорный анализ, синтез, сравнения, обобщения, классификации и метод визуализации данных.*

Результаты. *Установлено, что в условиях цифровых трансформаций взаимосвязь и взаимовлияние благоприятности и информативности экзосреды обусловливают приемлемое функционирование предприятия. Передовая практика стратегического управления в экономически развитых странах подтверждает возможность одновременного достижения таких стратегических целей прогрессивного развития государства, как «создание комфортной бизнес-среды» и «построение диджитализированного общества». Этот опыт необходимо учитывать в региональном управлении не только в процессе целеполагания, но и при разработке и внедрении соответствующих мероприятий по комфортизации бизнес-среды. В данном исследовании вопрос комфортизации информационно-экономический среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления был рассмотрен на примере Республики Крым. В настоящее время в Республике Крым формируются по сути две параллельные системы поддержки предприятий – экономическая и информационная. В ней цифровизация инфопространства зачастую осуществляется фрагментарно и непоследовательно.*

Вывод. *На региональном уровне для обеспечения развития необходимо фундаментально взаимоувязывать цели управления по комфортизации бизнес-среды и цифровизации экономики. Их достижение следует рассматривать как единое целое.*

Ключевые слова: *стратегическое управление; комфортная среда предприятия; информатизация.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Веретёхин А. В., 2022

Для цитирования: Веретёхин А. В. Комфортизация информационно-экономический среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 68–79. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-68-79.

Поступила в редакцию 29.11.2021 Принята к публикации 11.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Comforting the Information and Economic Environment of the Enterprise within the Framework of the Strategic Management Paradigm

Andrey V. Veretyokhin[1] ✉

[1] V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4/B Academician Vernadsky av., Simferopol 295007, Russian Federation

✉ e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru

Abstract

Relevance. *To be successful, enterprises need a comfortable information and economic environment. The importance of state regulatory policy increases to achieve a favorable business climate. This is due to the limited resources of some Russian businesses and COVID-19 impact.*

The purpose *is within the framework of the paradigm of strategic management, consider the activities to create favorable information and economic conditions for enterprises.*

Objectives: *analyze information and economic systems to support enterprises as a management result to ensure a comfortable business environment.*

Methodology. *The author uses methods: posteriori analysis, synthesis, comparison, generalization, classification and data visualization.*

Results. *In the context of digital transformation, the relationship and mutual influence of favorability and informativeness are clearly manifested in the enterprise environment. The strategic management of economically developed countries confirms the possibility of simultaneous implementation of the state development strategic goals: "comfortable business environment" and "informatized society". This experience should be taken into account in regional management when setting goals, developing and implementing appropriate comfort measures. In this study, the author examines the enterprise comfort environment within the strategic management paradigm framework on the example of the Republic of Crimea. Two separate systems of enterprise support exist in the Republic of Crimea. The available regional information resources are not convenient enough.*

Conclusion. *The goals of operational management on the comfort of the business environment and the digitalization of the economy are fundamentally interconnected at the regional level. Their achievement is a single process.*

Keywords*: strategic management; comfortable environment of the regional enterprise; informatization.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Veretyokhin A. V. Comforting the Information and Economic Environment of the Enterprise within the Framework of the Strategic Management Paradigm. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 68–79. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-68-79.

Received 29.11.2021 Accepted 11.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

В мире количество публикаций, освещающих проблемы функционирования предприятия и перспективы его развития с акцентом на формирование комфортной среды с учетом современных трендов экономических трансформаций, постоянно растет. Традиционно в научных работах

подчеркивается, что именно факторы макроуровня в первую очередь определяют степень комфортности среды для бизнеса [1]. Отмечается необходимость гармонизации соответствующих политических, экономических, социальных и экологических показателей. Строятся теории систематизации основных факторов по отдельным группам компонентов, формирующих элементы комфортной среды предприятия (например, для делового климата промышленных систем) [2].

Функционированию предприятий во взаимосвязи со спецификой региональной локации посвящено достаточно много научных работ [3]. При этом рассматриваются предприятия отдельных отраслей и секторов экономики и особо выделяются общие проблемы и задачи в зависимости от размера бизнеса, подчеркивается уязвимость малого и среднего предпринимательства. В то же время пандемия 2020 г. показала высокую экономическую зависимость всех, в т. ч. мелких и крупных предприятий, от негативных изменений внешней среды, а также востребованность дистанционных технологий и важность регуляторной политики. В связи с этим вопросы обеспечения благоприятных информационно-экономических условий функционирования предприятий приобретают особую актуальность.

Некоторые аспекты формирования комфортной среды функционирования предприятия, в частности с упором на стратегическую роль государственной поддержки в этом вопросе, изучались отечественными и зарубежными авторами: Ю. В. Быковская, А. В. Давыдова, З. Н. Козенко, С.А. Коробов, Р.И. Маликов, Э. Л. Пашнанов, С. И. Фомина, F. Boons, F. Lüdeke-Freund, K. McKague, M. A. Siddiquee и др. При этом рассматривались, как правило, общие, специфические и единичные проблемы по отдельному направлению развития предприятия (например, развитие инновационное, инвестиционное, кадровое и т. п.) и для предприятия определенного комплекса (например, машиностроительного, топливно-энергетического, санаторно-курортного, агропромышленного и т. п.). В работах многих авторов отмечается стратегическая необходимость внешней поддержки предприятия даже для сравнительно устойчивых экономик. Особенно она эффективна при использовании дистанционных технологий. Однако в опубликованных работах недостаточное внимание уделяется практически направленному комплексному подходу (учитывающему роль информационно-коммуникационной инфраструктуры) к созданию преференций для развития компаний. Не всегда учитывается, что стоящая на повестке дня цифровизация дополняет сложившиеся представления о комфортизации новыми аспектами. В частности, на современном этапе комфортность информационно-коммуника-тивного поля предприятия приобретает стратегическое значение. В то же время для того, чтобы информатизированность была комплексной и эффективной (как сейчас, так и в будущем), она должна осуществляться в рамках парадигмы стратегического управления.

Материалы и методы

Работа основывается на научных теоретических положениях и практических результатах российских и зарубежных специалистов в сфере государственного управления, менеджмента предприятия и цифровизации экономики. В исследовании применялись методы: апостериорный анализ, синтез, сравнения, обобщения, классификации и метод визуализации данных. Использовалась информация из открытых официальных источников.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на различия концепций стратегического менеджмента как направления науки, на практике в условиях информатизации и в рамках парадигмы стратегического управления особое внимание уделяется как определению

стратегических целей, так и целей оперативного управления по их достижению, информационному обеспечению управления [4; 5]. В современном научно-прикладном подходе к исследованиям экономических систем ввиду стремительных изменений среды их функционирования считаются обоснованными необходимость взаимосвязи стратегического и оперативного управления, ориентация оперативного управления на стратегические цели [6].

Целью комфортизации информационно-экономический среды предприятия является ориентация на достижение: устойчивости и стабильности функционирования, укрепления рыночной позиции, максимизации использования собственного потенциала, экономико-правовой защищенности, физической и экологической безопасности, эффективности ресурсопользования, благоприятности информационно-коммуникативного поля [1; 7; 8]. Причем в цифровом обществе последнее само по себе является одним из инструментов обеспечения всех основных факторов комфортности.

Следует отметить, что современный тренд целеполагания в управлении развитием экономических макросистем – это диджитализация. Всеобъемлющее применение цифровых технологий в инфополе повышает ценность информации, поскольку обеспечивается ее полнота, своевременность, точность. Исследования, основанные на анализе 67 научных публикаций и государственных планов 18 развитых стран и 3 стран СНГ, показывают не только понимание важности цифровизации в глобальном масштабе и заинтересованность в ее повсеместном внедрении, но и активную позицию правительств в поддержке этого процесса на своих территориях [9; 10]. Причем по состоянию на 2018 г. большинство государств в своих стратегиях развития рассматривают внедрение диджитализации и ее передовых технологий как возможность своего экономического роста (61,1%) и повышение, поддержание или восстановление конкурентоспособности (55,6%). Для достижения стратегических целей в государственных программах предусматриваются региональные мероприятия. В основном они способствуют разработке и внедрению инноваций и технологий (66,7%), которые нацелены на цифровизацию общества и развитие человеческих ресурсов (61,1%), производств (55,6%) и инфраструктуры (44,4%). Отдельное внимание в государственном управлении многих стран уделяется комфортизации бизнес-среды, которая заключается в финансовой и/или информационной поддержке развития предпринимательских структур. Это свидетельствует об актуальности и необходимости дополнительных регулирующих воздействий государства в этом вопросе. В частности, США, Великобритания, Швейцария используют механизм гарантий по кредитам предприятий. В Испании применяют как государственные гарантии по экспортным операциям, так и субсидии для погашения процентных ставок по кредитам. Информатизированная система J-Net.21 используется в Японии для поддержки малого предпринимательства и инновационного развития страны. В Европейском союзе (ЕС) широко распространены информационно-коммуникативные сети, которые активно применяются во всех секторах экономики для осуществления связи и заключения соглашений между предпринимателями (Enterprise), стимулирования кооперативных взаимодействий (Europartenariat), подбора партнеров как для создания совместного бизнеса (BRE), так и исключительно зарубежных (BC-Net) и т. п. [11]. Есть примеры и других мер по комфортизации, по факту, подтверждающие позицию ученых, отмечающих, что в современных условиях регулирующее воздействие государственного стратегического управления проявляется «в информационном преобразовании … реальности», которое становится «направлением реа-

лизации экономической и социальной политики страны» [12].

Таким образом, исходя из сущности понятия «комфортная бизнес-среда», а также учитывая прогрессивную практику применения стратегического управления на макроуровне, можно констатировать, что в настоящее время в условиях цифровых трансформаций возможно одновременно осуществлять достижение таких стратегических целей развития государства, как «создание комфортной бизнес-среды» и «построение диджитализированного общества».

В то же время в среде предприятия отчетливо проявляются взаимосвязь и взаимовлияние благоприятности и информативности. Как следствие, с авторской точки зрения, в рамках парадигмы стратегического управления такие цели управления, как «комфортизация бизнес-среды» и «цифровизация экономики», необходимо рассматривать как взаимосвязанные и взаимозависимые (рис. 1). Это следует учитывать не только в процессе целеполагания, но и при разработке и внедрении соответствующих мероприятий по комфортизации локальной и глобальной бизнес-среды.

Рис. 1. Взаимозависимость и взаимосвязь целей управления [1; 7; 8]

В Российской Федерации (РФ) целями национального развития определены, в том числе, успешное предпринимательство и цифровая трансформация. Причем в рамках цифровизации предполагается среди прочего достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики, а также государственного управления [13]. На современном этапе для формирования благоприятного климата ведения бизнеса необходимо иметь комфортную инфосреду, создание которой в условиях цифровизации отечественной экономики требует определенной информационной оснащенности и поддержки. Часть российских компаний в силу ограниченности ресурсов не в состоянии обеспечивать себя полным набором необходимых сведений и организовывать за пределами своей локации масштабные информационные интервенции (например, многоохватные инфопроекты, широкое информирование аудиторий, создание масштабных инфоповодов, организация глобальных рекламных и PR-кампаний и т. п.). В этом аспекте действенную помощь могут оказать общественные, государственные и частные организации. Однако для того, чтобы эта поддержка была эффективной как сейчас, так и в будущем, она должна осуществляться в рамках стратегической парадигмы цифровизации.

Поскольку территория РФ разнообразна и огромна и, как следствие, региональный фактор играет достаточно важную роль в процессе развития социально-экономических систем [14], проблемы комфортизации информационно-экономический среды предприятия в рамках парадигмы стратегического управления в дальнейших исследованиях будем рас-

сматривать на примере Республики Крым (РК).

Целью стратегического управления РК в сфере предпринимательских структур является обеспечение благоприятной бизнес-среды, которая должна способствовать инновациям и к 2030 г. быть одной из наиболее привлекательных в РФ для инвестирования [15]. В настоящее время для осуществления этой цели проводится комфортизация региональных условий ведения бизнеса. При этом, поскольку нормативно-правовая база в основном создана [11], на первый план выдвигаются проблемы экономико-хозяйственного функционирования предприятий, и соответственно поддержка предприятий в преодолении этих трудностей становится важной целью регионального управления. Как результат, в Республике в управлении применяются методы активизации и стимулирования внешнеэкономической, инвестиционной и проектной деятельности предприятий, строится современная инфраструктура на основе авангардных инструментов государственно-частного партнерства [16]. Кроме того, осуществляется информатизация. В РК внедряются информационные технологии, помогающие предприятиям в осуществлении бизнес-процессов. В настоящее время на территории РК в реализации мер по поддержке предприятий принимают участие, наряду с общероссийскими объединениями, региональные общественные организации: «Ассоциация предпринимателей Республики Крым и города Севастополя» (АПРКС), «Крымские инновационные технологии» (РОО «КИТ»), Союз «Торгово-промышленная палата Крыма» (СТППК) и др. В Крыму работает свободная экономическая Зона (СЭЗ). Для обеспечения государственных правовых гарантий в РК учреждена должность уполномоченного по защите прав предпринимателей (УПЗПП). На уровне РК осуществление перехода на проактивную модель оказания массовых социально значимых государственных услуг является насущной задачей управления, что отражено в региональных официальных документах. В республиканской стратегии цифровизации и в других нормативно-правовых актах программного характера задекларировано, что одним из приоритетов развития является формирование в регионе современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, создание действенных механизмов интерактивного взаимодействия с бизнес-сообществом и способствование внедрению информационных технологий, т. е. построение «информационного» общества [17]. Для обеспечения достижения целей стратегического управления на сегодняшний момент в РК в результате частного и государственного партнерства созданы и находятся в распоряжении крымских бизнесменов два региональных информационных навигатора – «Государственная поддержка предпринимательства в Республике Крым» и «Портал МСП Республики Крым». Они предоставляют электронные услуги, которые позволяют определить рыночную нишу; выбрать вид бизнеса, помещение; проверить контрагентов; содержат информацию о закупках, мерах поддержки предприятий и др., а также имеют ссылки на соответствующие сайты. Применяя региональные онлайн-навигаторы, можно получить данные, необходимые для создания нового бизнеса и расширения имеющегося, в т. ч. почерпнуть информацию о государственных организациях и частных компаниях, а также их услугах по этому вопросу. Дополнительно создаются тематические универсальные электронные площадки с целью формирования положительного имиджа региона, поддержки позитивного отношения и доверия потребителя к брендам крымских компаний, а также для продвижения товаров и услуг предприятий РК. Так, для развития информационного поля РК и популяризации крымских туристических продуктов разработан и внедрен «Туристический

портал Республики Крым». Этот портал постоянно совершенствуется и пополняется. Он является достаточно универсальным и представляет интерес как для туристов, так и для операторов рынка, поскольку содержит нужные им данные. Кроме того, по мнению профильного министерства, это вполне успешный маркетинговый проект. За четыре месяца после запуска портал набрал более 43 тыс. посетителей и 254 тыс. просмотра страниц. Он в основном популярен у граждан РФ (более 80% посетителей), США, Германии, Беларуси, Нидерландов, Франции, Бразилии, Великобритании и Китая [18]. Ряд авторов подчеркивают дифференцированную направленность и мультипликативный эффект инвестиционного портала РК [11].

В результате предпринимаемых региональным руководством действий по обеспечению комфортности бизнес-среды в РК на данном этапе интенсивно формируется организационно и институционально структурированная система экономической поддержки предприятий. Она характеризуется финансовой, маркетинговой и консультационно-образовательной направленностью. Региональную поддержку предприятий условно можно классифицировать как отраслевую, универсальную и специальную. Причем первая предоставляется предприятиям приоритетных отраслей. Например, согласно нормативно-правовым актам, для РК это, прежде всего, туризм, агропромышленный комплекс (АПК), промышленность [15]. Независимо от вида деятельности и размера, предприятия могут рассчитывать на универсальную помощь. Специальная поддержка характеризуется некими ограничениями, налагаемыми на ее претендента, и может включать несколько разных категорий. В РК такая помощь предоставляется малым и средним предприятиям (МСП), а также экспортно ориентированным компаниям (ЭОК). Таким образом, в регионе специальная поддержка имеет две категории. Отраслевую помощь в РК можно получить в рамках соответствующих региональных государственных программ. Информация о них находится в открытом доступе. Однако необходимо заранее обладать некоторыми знаниями о самой программе и приложить определенные усилия, чтобы найти полезные данные для предприятия. Частично справочную информацию можно почерпнуть на сайте Правительства РК на соответствующих страницах ответственных за исполнение программ министерств, а также на порталах региональных бизнес-навигаторов. В настоящее время предприятия в своем развитии могут рассчитывать на различную финансовую поддержку. Так, промышленные предприятия могут получить субсидии на создание новых производств, модернизацию, повышение энергоэффективности, сертификацию систем менеджмента, участие в выставках. Для предприятий АПК возможно частичное возмещение затрат на проведение некоторых видов работ, а также получение грантов в форме субсидий на развитие материально-технической базы сельскохозяйственных потребительских кооперативов, на поддержку начинающих фермеров и на развитие семейных ферм. Предприятиям туристического сектора доступны субсидии на закупку оборудования для производства продукции народно-художественных промыслов и ремёсел. Крымские МСП имеют возможность получать специальную поддержку соответствующей категории, а также претендовать на отраслевую помощь, если отвечают критериям отбора участников государственной программы развития своей отрасли [11]. В РК в рамках парадигмы стратегического управления и с целью комфортизации бизнес-среды в целом сформирована система экономической поддержки функционирования предприятий, которая включает различные виды, меры, институты и охватывает все сферы дея-

тельности (рис. 2). Однако для предприятия важна как сама поддержка, так и процедура ее получения, поскольку все это является элементами комфортности бизнес-среды.

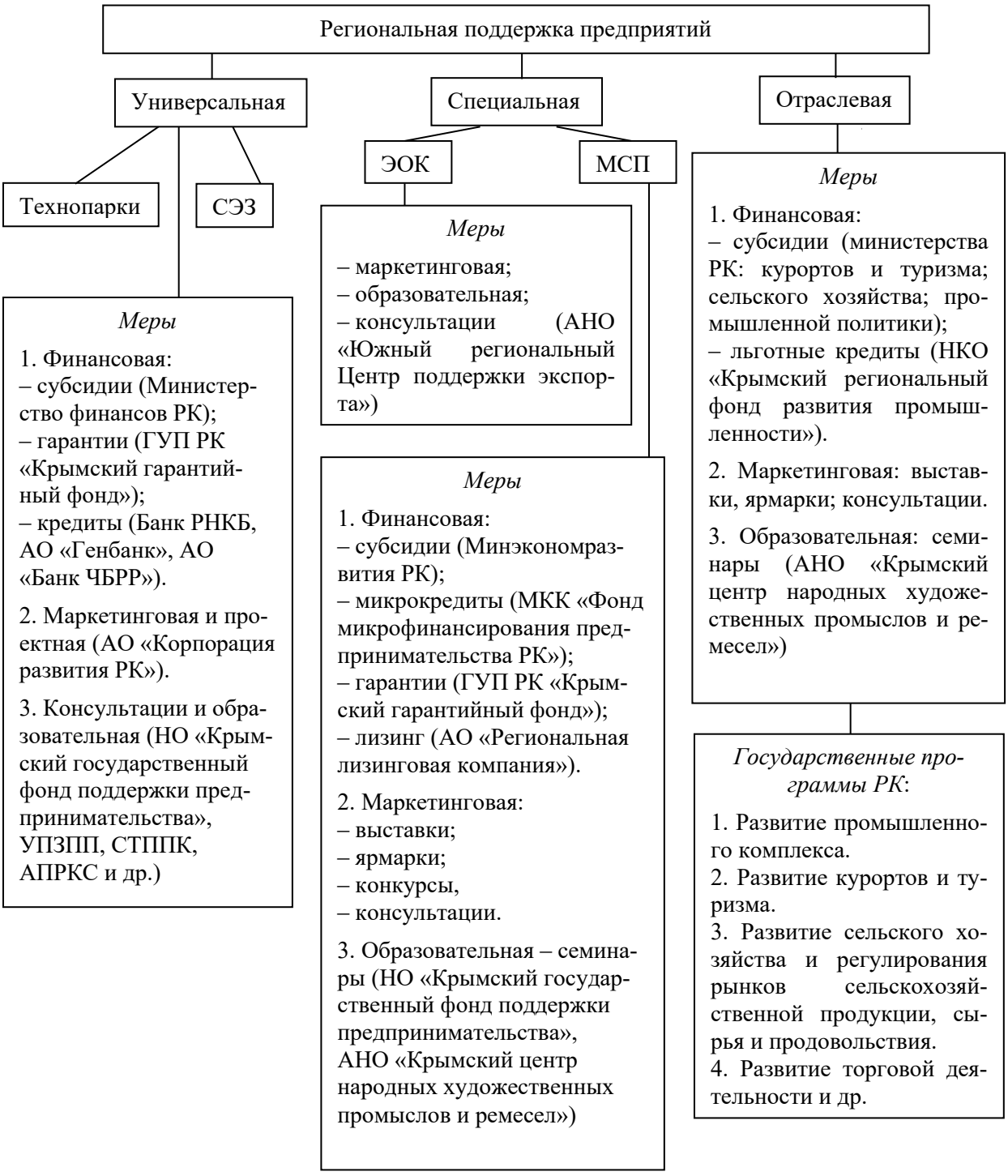

Рис. 2. Основные региональные виды, меры и институты экономической поддержки предприятий, способствующие формированию благоприятной бизнес-среды [11; 18; 19]

Как показывает накопленный опыт, цифровизация предоставления любой услуги делает ее более доступной для потребителя [7; 8]. Предприятиям в РК первичные заявки на получение некоторых видов услуг по поддержке развития мож-

но подать онлайн, для этого необходимо воспользоваться сайтами соответствующих организаций (рис. 2). Часть заявок принимается лично уполномоченными службами соответствующих министерств и организаций. Это характерно, например, при подаче заявок на финансовую поддержку. Можно констатировать, что в РК достигнуты некоторые позитивные результаты в получении государственных и муниципальных услуг на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) или через многофункциональные центры (МФЦ) [19]. Однако в целом по состоянию на 01.07.2021 г. Республика входит в группу из 14 субъектов РФ с низкими значениями показателей достижения уровня «цифровой зрелости», т. е. менее 25% [20].

Рассмотренные направления и меры поддержки предпринимательских структур, их уровень информатизации в Республике Крым, а также приведенные примеры подходов к диджитализации в экономически развитых странах демонстрируют целесообразность экономического и информационного благоприятствования функционированию и развитию предприятия в рамках парадигмы стратегического управления.

Выводы

Таким образом, в рамках парадигмы стратегического управления можно констатировать необходимость в комплексном подходе к осуществлению комфортизации информационно-экономический среды предприятия. Исходя из сущности понятия «комфортная среда» и практики применения стратегического управления в развитых экономиках отчетливо прослеживаются взаимозависимость и взаимосвязь реализации таких целей управления, как комфортизация среды и цифровизация экономики.

В РК с целью, прежде всего, экономической комфортизации формируется организационно и институционально структурированная система поддержки предприятий. Она охватывает всевозможные сферы деятельности предприятия, включает основные виды, достаточно разнообразные меры и различные институты. Вместе с тем имеющиеся в распоряжении крымских предприятий региональные информационно-коммуникативные ресурсы недостаточно удобны и не всегда обеспечивают менеджеров необходимыми данными для принятия управленческих решений по достижению целей предприятия. В РК цифровизация инфопространства зачастую осуществляется фрагментарно и не всегда последовательно. В регионе на момент проведения исследования нет ни одной государственной или частной услуги экономического характера, адресованной предприятию, получение которой было бы полностью автоматизировано. Комфортизация экономической и информационной внешней среды предприятия осуществляется в РК недостаточно согласованно и происходит в процессе достижения целей управления, задекларированных в разных стратегических нормативно-правовых актах. В результате экономическая и информационная поддержка предприятия зачастую формируются и существуют параллельно и не образуют единое целое. С авторской точки зрения, на уровне республики возникла насущная необходимость сформулировать и фундаментально взаимоувязать цели управления по комфортизации бизнес-среды и цифровизации экономики, и следует рассматривать достижение их в регионе как единый процесс. Иными словами, выстраивать не две (экономическую и информационную) системы по комфортизации среды предприятия, как делается это сейчас, а одну – информационно-экономическую систему. В результате появится возможность сформировать единое региональное информационно-экономическое простран-

ство, обеспечивая тем самым комфортизацию среды предприятия.

В дальнейших исследованиях предполагается изучить направления формирования единого комфортного инфополя производственной корпорации.

Список литературы

1. McKague K., Siddiquee M. A. Improving the Enabling Environment // Making Markets More Inclusive. New York, 2014. P. 125–132.

2. Стрих Н. И., Гардт А. А. Деловой климат промышленных систем: системный подход к оценке // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 5. С. 174–86.

3. Sirine H., Yulianto A. R., Nugroho A. J. S., Priyanto S. H. Determinants of regional entrepreneurship development: empirical study of batik clusters in Indonesia // Diponegoro International Journal of Business. 2019. Vol. 2 (2). P. 64–75.

4. Степанов Д. А. Стратегическое планирование и управление развитием промышленных предприятий: российская и зарубежная методическая парадигма // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 12. С. 3093–3108.

5. Apolo-Vivanco N. J., López-Rodríguez J., Sotomayor-Pereira J. G. Theoretical Aspects of the Strategic Management Decision-Making of Companies // International Conference on Computational Methods in Experimental Economics. 2021. P. 3–22. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67020-7_1.

6. Коренная К. А., Голлай А. В., Логиновский О. В. Основы эффективного управления промышленными предприятиями в современных условиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2021. Т. 21, № 3. С. 161–170.

7. Kim D., Yeom S., Ko M. C. The Interactive Effect of Government Financial Support and Firms' Innovative Efforts on Company Growth: A Focus on Climate-Tech SMEs in Korea // Sustainability. 2020. Vol. 12 (22). P. 9666.

8. Yang L., Zhang Y. Digital Financial Inclusion and Sustainable Growth of Small and Micro Enterprises – Evidence Based on China's New Third Board Market Listed Companies // Sustainability. 2020. Vol. 12(9). P. 3733.

9. The impact of the fourth industrial revolution: a cross-country/region comparison / Y. Liao, E. R. Loures, F. Deschamps [et al.] // Production. 2018. Vol. 28. P. e20180061.

10. Agumbayeva A. Y., Chmyshenko E. G., Abdirov Y. S. Impact of the new Industrialization on innovational development of production in Kazakhstan // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2019. Vol. 240. P. 639–644.

11. Кирильчук С. П., Бондаренко Е. В. Методы государственного регулирования и поддержки предпринимательской деятельности за рубежом, в России и в Крыму // Экономика строительства и природопользования. 2018. № 1 (66). С. 110–117.

12. Халиков М. С. К вопросу об истории и практики стратегического управления // Образование и право. 2021. № 2. С. 170–178.

13. О целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ Document/View/0001202007210012 (дата обращения: 05.10.2021).

14. Юшина К. С. Стратегическое управление предприятием на основе применения методов региональной интеграции // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 6. С. 1635–1648.

15. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: Закон Республики Крым от 09.01.2017 г. № 352-ЗРК/2017. URL: https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/628 (дата обращения: 05.10.2021).

16. Rosell J., Saz-Carranza A. Determinants of public-private partnership policies // Public Management Review. 2020. Vol. 22(8). P. 1171–1190.

17. Государственная программа Республики Крым «Информационное общество»: Постановление Совета министров РК от 25.12.2017 г. № 702. URL: https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/675 (дата обращения: 05.10.2021).

18. Стрельбицкий С. Туристический портал зарекомендовал себя как успешный маркетинговый проект, который объединяет турсообщество. URL: https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/1034 (дата обращения: 05.10.2021).

19. Опанасюк Л. Н., Коноплёв В. В. Цифровизация в Республике Крым как гарант соблюдения отдельных прав граждан // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 476–488.

20. Слышкин В. Показатель национальной цели «цифровая трансформация» // Цифровая эволюция: материалы Всероссийского форума. Калуга, 2021. URL: https://xn--80adbvdrrdn3buj1grakh.xn--p1ai/forum-materials. (дата обращения: 05.10.2021).

References

1. McKague K., Siddiquee M. A. Improving the Enabling Environment. Making Markets More Inclusive. New York, 2014, pp. 125–132.

2. Strikh N. I., Gardt A. A. Delovoi klimat promyshlennykh sistem: sistemnyi podkhod k otsenke [Business climate of industrial systems: a systematic approach to assessment]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*, 2020, no. 5, pp. 174–86.

3. Sirine H., Yulianto A. R., Nugroho A. J. S., Priyanto S. H. Determinants of regional entrepreneurship development: empirical study of batik clusters in Indonesia. *Diponegoro International Journal of Business*, 2019, vol. 2 (2), pp. 64–75.

4. Stepanov D. A. Strategicheskoe planirovanie i upravlenie razvitiem promyshlennykh predpriyatii: rossiiskaya i zarubezhnaya metodicheskaya paradigma [Strategic planning and management of the industrial enterprises development: Russian and foreign methodological paradigm]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 12, pp. 3093–3108.

5. Apolo-Vivanco N. J., López-Rodríguez J., Sotomayor-Pereira J. G. Theoretical Aspects of the Strategic Management Decision-Making of Companies. International Conference on Computational Methods in Experimental Economics, 2021, pp. 3–22. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67020-7_1

6. Korennaya K. A., Gollai A. V., Loginovskii O. V. Osnovy effektivnogo upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami v sovremennykh usloviyakh [Fundamentals of Effective Management of Industrial Enterprises in Modern Conditions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika = Bulletin of the South Ural State University. Series "Computer Technologies, Control, Radio Electronics"*, 2021, vol. 21 (3), pp. 161–170.

7. Kim D., Yeom S., Ko M. C. The Interactive Effect of Government Financial Support and Firms' Innovative Efforts on Company Growth: A Focus on Climate-Tech SMEs in Korea. *Sustainability,* 2020, vol. 12 (22), p. 9666.

8. Yang L., Zhang Y. Digital Financial Inclusion and Sustainable Growth of Small and Micro Enterprises – Evidence Based on China's New Third Board Market Listed Companies. *Sustainability,* 2020, vol. 12(9), p. 3733.

9. Liao Y., Loures E. R., Deschamps F., eds. The impact of the fourth industrial revolution: a cross-country/region comparison. *Production,* 2018, vol. 28, p. e20180061.

10. Agumbayeva A. Y., Chmyshenko E. G., Abdirov Y. S. Impact of the new Industrialization on innovational development of production in Kazakhstan. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 240, pp. 639–644.

11. Kyrylchuk S. P., Bondarenko E. V. Metody gosudarstvennogo regulirovaniya i podderzhki predprinimatel'skoi deyatel'nosti za rubezhom, v Rossii i v Krymu [Methods of state regulation and support of business activities abroad, in Russia and in the Crimea]. *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya = Construction Economic and Environmental Management*, 2018, no. 1 (66), pp. 110–117.

12. Khalikov M. S. K voprosu ob istorii i praktiki strategicheskogo upravleniya [On the question of the history and practice of strategic management]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law,* 2021, no. 2, pp. 170–178.

13. O tselyakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 g. [On the development goals of the Russian Federation for the period up to 2030]. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012. (accessed 05.10.2021)

14. Yushina K. S. Strategicheskoe upravlenie predpriyatiem na osnove primeneniya metodov regional'noi integratsii [Strategic enterprise management based on the application of regional integration methods]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 1635–1648.

15. O strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 g. [On the strategy of social and economic development of the Republic of Crimea until 2030]. Law of the Republic of Crimea of January 09, 2017 № 352-ZPK / 2017. Available at: https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/628. (accessed 05.10.2021)

16. Rosell J., Saz-Carranza A. Determinants of public-private partnership policies. *Public Management Review*, 2020, vol. 22(8), pp. 1171–1190.

17. Gosudarstvennaya programma Respubliki Krym "Informatsionnoe obshchestvo" [State Program of the Republic of Crimea "Information Society"]. Resolution of the RC Council of Ministers of December 25, 2017 № 702]. Available at: https://minek.rk.gov.ru/ru/structure/675. (accessed 05.10.2021)

18. Strelbitsky S. Turisticheskii portal zarekomendoval sebya kak uspeshnyi marketingovyi proekt, kotoryi ob"edinyaet tursoobshchestvo [The travel portal has established itself as a successful marketing project that travel community unites]. Available at: https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/1034. (accessed 05.10.2021)

19. Opanasyuk L. N., Konoplev V. V. Tsifrovizatsiya v Respublike Krym kak garant soblyudeniya otdel'nykh prav grazhdan [Digitalization in the Republic of Crimea as a guarantor of the citizens individual rights observance]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences,* 2020, no. 1, pp. 476–488.

20. Slyshkin V. [Indicator of the national goal "digital transformation"]. Tsifrovaya Evolyutsiya. Materialy Vserossiiskogo foruma [Digital Evolution. All-Russian Forum Materials]. Kaluga, 2021. (In Russ.) Available at: https://xn--80adbvdrrdn3buj1grakh.xn--p1ai/forum-materials. (accessed 05.10.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Веретёхин Андрей Васильевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и издательского дела, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация,
e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6287-4091,
SPIN: 2757-6296,
Researcher ID: D-6794-2019

Andrey V. Veretyokhin, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Advertising, Public Relations and Publishing Department, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
e-mail: v_a_v_crimea@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6287-4091,
SPIN: 2757-6296,
Researcher ID: D-6794-2019

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-80-91

CC BY 4.0

Управление стратегической конкурентоспособностью промышленных предприятий: оценка, внедрение технологических и управленческих инноваций

М. П. Калиниченко[1] ✉

[1] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
пр. Ленина 53, г. Тула 300041, Российская Федерация

✉ e-mail: mpk79@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В условиях современного VUCA-мира стремительно нарастает нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность во внешней среде промышленных предприятий. От топ-менеджмента требуется продуцирование и внедрение инноваций, в т. ч. управленческих и технологических, формируемых на базе модели устойчивого развития.*

Цель *исследования – развитие научно-методических подходов к управлению конкурентоспособностью промышленных предприятий.*

Задачи*: разработать методический подход к оценке конкурентоспособности промышленных предприятий с учетом характера экономических отношений между хозяйствующими субъектами и их стейкхолдерами; обосновать стратегические приоритеты применения технологических и управленческих инноваций как факторов повышения конкурентоспособности промышленных предприятий с учетом смены технологических укладов.*

Методология *исследования включает сочетание системного, логического, эмпирического и сравнительного методов анализа; статического и динамического подходов, что позволило комплексно рассмотреть процессы формирования конкурентоспособности промышленных предприятий. Также в статье применялись общенаучная методология, в т. ч. методы анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному и от общего к частному, а также методы статистического и экономического анализа.*

Результаты. *Предлагается подход к пониманию конкурентоспособности предприятия сквозь призму системы «стейкхолдеры – предприятие – стейкхолдеры». Обосновано, что субъект управления подчиняется необходимости устанавливать и поддерживать соответствие ряда параметров (показателей) конкурентоспособности предприятия, своих интересов с параметрами и интересами стейкхолдеров. Разработан научно-методический подход к интегральной оценке конкурентоспособности предприятия, обоснованы приоритеты управления КП как инновационным процессом.*

Вывод. *Тестирование предлагаемого подхода к интегральной оценке конкурентоспособности ООО «Горное оборудование» показало, что значение этой оценки находится в прямой зависимости от согласованности интересов.*

Ключевые слова: *конкурентоспособность промышленного предприятия; управленческие инновации; технологические инновации; конкурентные преимущества; стейкхолдеры.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Калиниченко М. П. Управление стратегической конкурентоспособностью промышленных предприятий: оценка, внедрение технологических и управленческих инноваций // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 80–91. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-80-91.

Поступила в редакцию 04.12.2021 Принята к публикации 14.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Калиниченко М. П., 2022

Management of Strategic Competitiveness of Industrial Enterprises: Assessment, Implementation of Technological and Managerial Innovations

Maksim P. Kalynychenko[1] ✉

[1] Plekhanov Russian University of Economics
53 Lenin av., Tula 300041, Russian Federation

✉ e-mail: mpk79@mail.ru

Abstract

The relevance. *In the modern VUCA-world, instability, uncertainty, complexity and ambiguity in the external environment of industrial enterprises are growing rapidly. Top management is required to produce and implement innovations, including managerial and technological ones, formed on the basis of a sustainable development model.*

The purpose *of the article is to develop scientific and methodological approaches to managing the competitiveness of an industrial enterprise.*

Objectives: *to develop a methodological approach to assessing the competitiveness of an industrial enterprise, taking into account the nature of economic relations between an industrial enterprise and its stakeholders; substantiate the feasibility of using technological and managerial innovations as factors in increasing the competitiveness of an industrial enterprise.*

The *research* ***methodology*** *includes a combination of systemic, logical, empirical and comparative methods of analysis; of static and dynamic approaches, which made it possible to comprehensively consider the processes of forming the competitiveness of industrial enterprises. Also, the article used general scientific methods of analysis and synthesis, ascent from the abstract to the concrete and from the general to the particular, as well as the methods of statistical and economic analysis.*

Results. *An approach to understanding the competitiveness of enterprise through the prism of the «stakeholders – industrial enterprise – stakeholders» system is proposed. It is substantiated that the subject of management is subject to the need to establish and maintain compliance, the relationship between the set of parameters (indicators) of the competitiveness of an industrial enterprise and their respective interests with the parameters and interests of stakeholders. A scientific and methodological approach to the integral assessment of the competitiveness of an enterprise has been developed, and the priorities for managing the CP as an innovative process have been justified.*

Conclusion. *Testing the proposed approach to the integrated assessment of the competitiveness of Mining Equipment LLC showed that the value of this assessment is directly dependent on the consistency of joint interests.*

Keywords*: competitiveness of an industrial enterprise; management innovation; technological innovation; competitive advantages; stakeholders.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kalynychenko M. P. Management of Strategic Competitiveness of Industrial Enterprises: Assessment, Implementation of Technological and Managerial Innovations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 80–91. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-80-91.

Received 04.12.2021 Accepted 14.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Проблему относительно низкой конкурентоспособности российских промышленных предприятий косвенно отражают глобальные индексы конкурентоспособности для роста (Growth Competitiveness Index), индексы легкости ведения бизнеса (Ease of doing business Index) и индексы конкурентоспособности для бизнеса (Business Competitiveness Index). В таблице 1 приведена динамика интегрального показателя оценки конкурентоспособности топ-10 стран мира и России [1]. На основе метода укрупнения

интервалов установлена тенденция, что среди стран, входящих в топ-10 по индексу конкурентоспособности, свои позиции в рейтинге улучшили Нидерланды, Швеция и Гонконг. Для сокращения разрывов между Россией и ведущими странами мира следует уделять больше внимания проблемам управления КП, в т. ч. за счет продуцирования и внедрения управленческих, технологических инноваций, формируемых на базе модели устойчивого развития.

Таблица 1. Динамика индекса конкурентоспособности стран в 2010–2021 гг., ранг

Страна	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018	2018	2019	2020	2021	Ср. значение
Швейцария	1	1	1	1	1	1	1	1	4	5	3	1	1,8
Сингапур	3	2	2	2	2	2	2	3	2	1	1	5	2,3
США	4	5	5	3	3	3	3	2	1	2	10	10	4,3
Нидерланды	8	7	8	8	5	5	4	4	6	4	4	4	5,6
Германия	5	6	4	5	4	4	5	5	3	7	17	15	6,7
Швеция	2	3	6	10	9	9	6	7	9	8	6	2	6,4
Гонконг	11	11	7	7	7	7	9	6	7	3	5	7	7,3
Дания	9	8	15	13	12	12	12	12	10	10	2	3	9,8
Соед. Королевство	12	10	10	9	10	10	7	8	8	9	19	15	10,6
Япония	6	9	9	6	6	6	8	9	5	6	34	31	11,3
Россия	63	66	64	64	53	45	43	38	43	43	50	45	51,4

Актуальность внедрения в систему управления промышленными предприятиями указанных инноваций также обусловлена нарастанием интенсивности конкуренции и стремлением конкурентов обеспечить себе устойчивое положение на целевых рынках сбыта. Потенциал роста КП – формирование и использование согласованных управленческих инноваций и технологий: реструктуризация систем управления и бизнес-моделей; обоснованное предвидение будущего через инструменты форсайта; оптимизация бизнес-процессов; сбалансирование жизненных циклов продукции, технологий и совокупного работника; построение гармоничных отношений со стейкхолдерами и т. д.

Таким образом, проблема управления КП за счет внедрения технологических и управленческих инноваций крайне актуальна.

Материалы и методы

Данная статья основана на результатах проведения научных обобщений трудов зарубежных и отечественных авторов, сферой научных интересов которых является конкуренция, управление конкурентоспособностью экономических систем и инновационный менеджмент. Так, под управленческими инновациями чаще всего понимают внедрение новшеств в методах и технологиях, структурах и процессах управления предприятиями [2, с. 494; 3, с. 146]. Несмотря на публикационную активность, недостаточно освещены вопросы сущностного содержания управленческих инноваций, которые выступают условием и фактором повышения КП, а также проблемными остаются методические подходы к оценке и стратегическому управлению КП.

В ряде исследований представлен вывод, что российский менеджмент недостаточно сосредоточен на управленческих инновациях [4, с. 226-247; 5, с. 309]. Барьерами на пути их внедрения называют: отрицательную динамику рыночной конъюнктуры, корпоративные конфликты [6, с. 110-113]; специфичность бизнес-

моделей промышленных предприятий [7, с. 117-121]; дефицит высококвалифицированных специалистов в области менеджмента [8, с. 70-72]; низкую восприимчивость к данному типу инноваций, недопонимание их значимости со стороны менеджмента; сопротивление при внедрении со стороны сотрудников [9, с. 101-104] и др. Методические подходы к оценке КП представлены в [10; 11; 12; 13].

Под влиянием современных вызовов новейшие тенденции развития управленческих технологий увязываются с формированием критериев оценки качества менеджмента в контексте устойчивого (гармоничного, сбалансированного) развития. Становится очевидным, что современная экономическая система рыночного типа в разрезе отдельных субъектов хозяйствования не отвечает по основным постулатам ни одной из экономических теорий [14, с. 9-11]. Управление современными промышленными предприятиями базируется на концепции развития как открытой социально-экономической системы, и культивируется стейкхолдерский подход, согласно которому все внутреннее построение системы управления является ответом на разнонаправленные интересы стейкхолдеров [15, с. 127-141].

Результаты и их обсуждение

Интегральные оценки КП предполагают применение различных методов, в т. ч. на основе теории конкурентной рациональности. Конкурентоспособным считается то предприятие, где эффективнее организована работа всех его подсистем: финансовой – финансовое состояние (ФС); производственной – эффективность производства (ЭП); маркетинговой – эффективность сбыта и продвижения (ЭС) плюс значение показателя конкурентоспособности товара (КТ):

$$КПП = 0{,}15 \cdot ЭП + 0{,}29 \cdot ФС + \\ + 0{,}23 \cdot ЭС + 0{,}33 \cdot КТ, \quad (1)$$

где 0,15; 0,29; 0,23; 0,33 – весовые коэффициенты соответствующих показателей.

В таблице 2 приведены результаты интегральной оценки конкурентоспособности ООО «Горное оборудование». Данное предприятие имеет резервы повышения конкурентоспособности, в т. ч. за счет технологических и управленческих инноваций.

Таблица 2. Конкурентоспособность ООО «Горное оборудование» в 2018–2020 гг.

Показатель	2018	2019	2020	Среднее значение
Интегральная оценка конкурентоспособности	0,64	0,67	0,73	0,68

Стейкхолдеры заинтересованы в определенных параметрах и показателях КП. Поэтому топ-менеджмент вынужден устанавливать и поддерживать соответствие и взаимосвязь множества параметров и интересов стейкхолдеров с параметрами (показателями) КП и интересами промышленного предприятия. Особенность предлагаемого нами подхода заключается в том, что КП рассматривается сквозь призму системы «стейкхолдеры – предприятие – стейкхолдеры». Тогда КП – это способность удовлетворять интересы стейкхолдеров более привлекательным способом по сравнению с конкурентами.

Предлагаемый подход позволяет иначе подходить к управлению КП, а также получать как количественную (ресурсы промышленного предприятия и его стейкхолдеров – фактическая КП, либо которую планируется совместно развивать – стратегическая КП), так и качественную (содержание экономического взаимодействия акторов и соответствующий им уровень гармоничности сов-

местных интересов) характеристику. Стейкхолдеры заинтересованы в конкретных факторах КП (свойствах) промышленного предприятия. Поэтому ему требуются компетенции, чтобы устанавливать и поддерживать баланс между множеством параметров и интересов стейкхолдеров и параметрами (показателями) КП или собственными интересами.

Сопоставление фактических показателей КП с плановыми позволяет установить направления и содержание управленческих воздействий. В этой связи управление промышленным предприятием можно представить как процесс целенаправленного воздействия на факторы (показатели), которые определяют конкурентные преимущества в процессе их формирования и применения с целью достижения стратегических показателей КП. Тогда КП следует представить как систему индикаторов, отражающих их количественную оценку, а цель управленческого воздействия – обеспечить соответствие значений этих индикаторов в заданном интервале. Следовательно, результат реализации совокупности управленческих решений – устойчивая КП, а для этого требуется поддержание в соответствующих временных интервалах и нормативных значениях локальных показателей КП для подсистем, отвечающих за взаимодействие со стейкхолдерами предприятия.

Следует предложить систему показателей для оценки конкурентоспособности подсистем, ответственных за взаимодействие со стейкхолдерами. Для этого единичные показатели КП (ЕПК) группируются по подсистемам, что в последующем позволяет определить методы и инструменты внедрения указанных инноваций, а также устанавливать интегральный показатель КП (табл. 3). Объективная система ЕПК отражает динамику конкурентоспособности всей системы управления промышленным предприятием. Предлагается применять комплексные (КПК) и интегральный (ИПК) показатели конкурентоспособности предприятия (рис.).

Наши теоретические обобщения [16; 17; 18 и др.] позволили предложить следующие классификационные подходы к формированию интегрального показателя КП: в зависимости от наличия базы сопоставления (эталоны; среднее значение по выборке элементов; максимальные или минимальные значения; нормативные значения; предшествующий период); в зависимости от значения показателей (абсолютные или относительные показатели).

Таблица 3. Взаимосвязь показателей и методов управления КП по отдельным подсистемам взаимодействия со стейкхолдерами (фрагмент)

Подсистемы	Единичные показатели конкурентоспособности подсистем	Методы, технологии управления
Маркетинг	Доля рынка (%), объем сбыта продукции (услуг), тыс. руб.; удовлетворенность интересов и лояльность клиентов, баллы; капитализация маркетинговых активов, тыс. руб.; затраты на 1 руб. сбыта, коп.; конкурентоспособность продукции (баллы, коэфф.) и др.	Методы маркетинговых исследований; методы сегментации рынка; методы позиционирования; методы прогнозирования потребностей клиентов; методы принятия маркетинговых решений; методы сбыта и продвижения; методы ценообразования и т. д.
Персонал	Удовлетворенность интересов в сфере труда и лояльность персонала, баллы; средняя заработная плата на одного работника, руб.; производительность труда, тыс. руб. / чел.; текучесть и стабильность кадров, % и др.	Методы отбора персонала; методы мотивации персонала; методы обучения и повышения квалификации персонала; методы оплаты труда; методы социальной защиты и т. д.

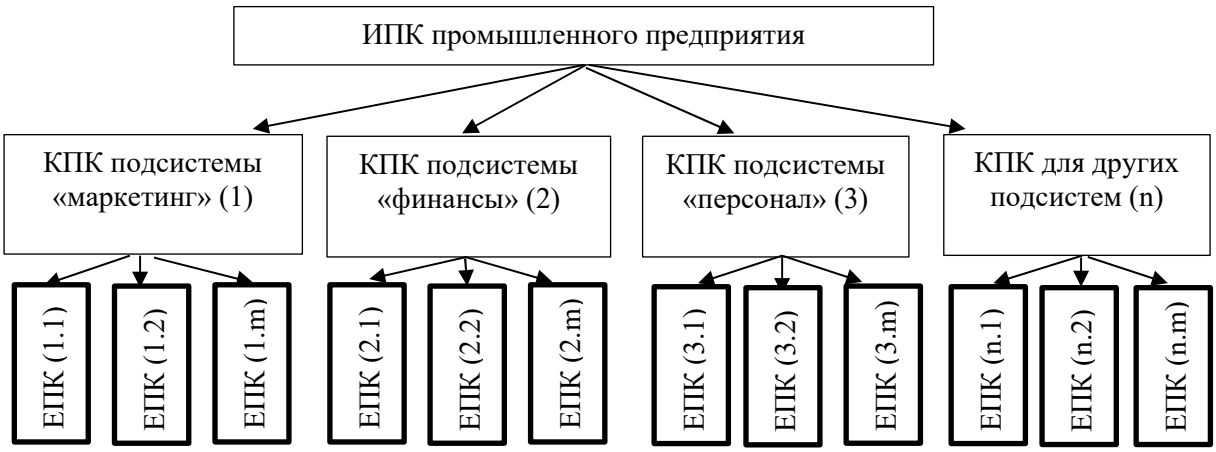

Рис. 1. Система показателей КП

Общим знаменателем в процессах управления предприятиями является их энтропийный подход, тогда предлагается проводить оценку ИПК (L_K) по формуле

$$L_k = \sum_{l=0}^{n} Q_l \cdot H_l \,, \qquad (2)$$

где Q_l – коэффициент значимости l-й подсистемы взаимодействия со стейкхолдерами в соответствии с ее приоритетами совместных интересов;

H_l – энтропия n-й подсистемы взаимодействия со стейкхолдерами;

n – количество подсистем взаимодействия со стейкхолдерами.

В ранее нами проведенном исследовании [19, с. 203-207; 20, с. 391-395] были разработаны и апробированы подходы к оценке гармонии совместных интересов. Топ-менеджмент ООО «Горное оборудование» установил следующие приоритеты подсистем: «маркетинг» – 0,39; «финансы» – 0,44; «персонал» – 0,17. С учетом этого в таблице 4 представлены результаты оценки ИПК ООО «Горное оборудование».

Таблица 4. Результаты оценки ИПК ООО «Горное оборудование»

Показатель	Период		
	2018	2019	2020
ИПК	4,21	4,05	4,42

Исходя из полученных расчетов установлено, что оценка ИПК ООО «Горное оборудование» наблюдалась в 2020 г., когда были наиболее согласованы совместные интересы с такими стейкхолдерами, как клиенты, персонал и учредители.

Тогда формулу (2) для использования ряда ЕПК подсистем промышленного предприятия представим следующим образом

$$L_k = \sum_{l=1}^{n} Q_l \cdot \sum_{k=1}^{x} a_{kl} \cdot q_{kl} \,, \qquad (3)$$

где a_{kl} – коэффициент значимости k-го ЕПК для l-й подсистемы взаимодействия со стейкхолдерами;

x – количество ЕПК, принятых для комплексной оценки конкурентоспособности l -й подсистемы взаимодействия со стейкхолдерами;

q_{kl} – ЕПК для l-й подсистемы взаимодействия со стейкхолдерами;

КП – следствие продуцирования и применения уникальных по своей природе факторов нематериального характера; скорость реакции на слабо поступающие сигналы из внешней среды и трансформации новой информации, знаний в создаваемую ценность для стейкхолдеров (в т. ч. на основе ее сотворчества). Решение данной задачи во многом зависит от того, насколько оперативно будут проду-

цироваться и внедряться управленческие и технологические инновации.

Использование методологии стратегического менеджмента в управлении КП позволяет совместно со стейкхолдерами реализовать подход к стратегированию: как общей цели развития в отношении перспективных (новых), так и существующих (старых) рынков; способов обеспечения устойчивых конкурентных преимуществ. Г. Клейнер стратегическую КП понимал не как победу в конкурентной борьбе за ключевых стейкхолдеров, а как способность успешно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе [21, с. 129-131].

Продуцирование технологических инноваций в связи с переходом от одного технологического уклада к другому приводит к тому, что предприятия могут ориентироваться на следующие возможные конкурентные стратегии: следование за технологическими лидерами; интеллектуального лидерства. Результаты проведения конкурентного анализа для ООО «Горное оборудование» показали, что по причине турбулентности внешней рыночной среды, а также в результате НТП и изменения технологий в рамках технологических укладов наблюдается снижение использования производственно-экономического потенциала предприятия, в т. ч. оборудования, занятого в основных процессах, что в свою очередь приводит к снижению КП. В данном контексте достижение целей и показателей стратегической КП связано с реализацией потенциала КП (ПКП), который нами рассматривается как функция от двух переменных (производственно-технологический потенциал; потенциал развития экономических отношений со стейкхолдерами) и понимается как внутренне присущие способности и возможности у предприятия для опережения конкурентов по эффективной организации производственно-технологического процесса и выстраиванию взаимодействия со стейкхолдерами для получения устойчивых конкурентных преимуществ.

Внедрение инновационной модели развития на российских промышленных предприятиях предусматривает коренное переформатирование их производственно-хозяйственной деятельности в соответствии с новой парадигмой менеджмента («Менеджмент 2.0») [22, с. 139-260]. Объективно необходимым условием приспособления промышленного предприятия к условиям VUCA-мира и поддержания устойчивой конкурентоспособности является внедрение в систему управления управленческих инноваций. Первоочередной причиной необходимости применения управленческих инноваций является достижение конкурентоспособности как целостности конкурентных преимуществ, определяющих способность принимать непосредственное участие в конкурентной борьбе на рынке.

Вследствие нарастания конкурентной борьбы между предприятиями значительно усложняется механизм формирования и использования конкурентных преимуществ, базой реализации конкурентоспособности становятся эффективные управленческие инновации через функционирование адаптивных и поддерживающих механизмов. Адаптивные механизмы настраивают промышленное предприятие к изменениям, создают напряжение, однако и побуждают к активной реакции на внешние и внутренние вызовы, создавая все условия для эффективного его функционирования. Поддерживающие механизмы, напротив, сдерживают промышленное предприятие от конфигураций, которые способны вывести его из состояния равновесия; могут провоцировать застойные процессы и тормозить рост.

Инновации вносят изменения в функционирование промышленных предприятий и требуют переформатирования системы (конкретной подсистемы) управления. Как отправную точку трансформации всего механизма хозяйствования автор статьи усматривает, прежде всего, в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов, выявлении новых связей в системе управления

и гармонизации функций, процессов, методов и стимулов. Другими словами, хозяйствование должно быть основано, с одной стороны, на общесистемных параметрах, управляемости, а с другой – на соблюдении признаков и пропорций экономической гармонии. Тогда управленческие инновации следует рассматривать как рычаг, регулирующий процессы повышения результатов хозяйствования промышленных предприятий, трансформации ресурсов из категории массовых в категорию ключевых.

Автор статьи разделяет позицию тех экономистов, которые управленческие инновации относит в самостоятельную группу инновационных явлений и процессов, имеющие собственную специфику и сферу. Наряду с этим управленческим инновациям характерны черты инноваций всех других типов. Они в контексте личностного измерения включают в себя не только изменения в методологиях и технологиях экономической организации (хозяйствования), но и определенные аспекты духовного творчества, в целом интеллектуальной деятельности, мотивацию и способы поведения, качественно отличающиеся от ранее имевших место.

Теоретические обобщения позволяют утверждать, что управленческие инновации выступают инновационным продуктом, получаемым от вложения интеллектуального капитала в новые формы, способы и методы планирования, организации, мотивации и оценки результатов деятельности предприятия и КП, и реализуются в материальной или другой формах. С другой стороны, управленческие инновации создают среду, формирующую предпосылки активизации инновационной деятельности, развитие инновационного типа культуры. Такие инновации будем рассматривать как системообразующие, т. е. они способны стимулировать развитие и обеспечивать саморазвитие элементов промышленного предприятия как системы.

Для обеспечения соответствия трансформациям VUCA-мира рекомендуется субъектам управления промышленными предприятиями учитывать влияние на организационные изменения как эволюционные, так и революционные закономерности. Последние в большей мере обусловлены управленческими инновациями, которые выступают источником ключевых конкурентных преимуществ. В процессе организационных преобразований, которые отражаются на стратегической КП, важным элементом в системе управления промышленными предприятиями становится гибкость; появляется возможность многоцелевого использования производственных мощностей; повышается уровень качества готовой продукции; повышается ритмичность процессов производства и реализации продукции при одновременном сокращении валовых затрат; улучшается качество трудовой жизни и повышается удовлетворенность (гармония) интересов в сфере труда; внедряются новшества в стимулирование сотрудников, обеспечивающие высокую степень вовлеченности в экономическую деятельность, инновационной активности и, как результат, создание уникальных (ключевых) конкурентных преимуществ.

М. Портер обратил внимание на то, что решающим в конкурентной борьбе является время, т. е. как долго можно удерживать имеющиеся конкурентные преимущества. Это обусловливают ряд детерминант: а) тип источников конкурентных преимуществ. Более низкого ранга источники могут получить и конкуренты; или более высокого ранга – доступные современные технологии или разрабатываемые новшества; б) количество имеющихся у промышленного предприятия источников конкурентных преимуществ: их диверсификация существенно повышает шансы на успех.

Вместе с тем доподлинные конкурентные преимущества хозяйствующие субъекты получают только за счет инноваций, а управленческие инновации позволяют создать условия для продуцирования инноваций других типов и являют-

ся основой для организации инновационного процесса [23, с. 237-241].

Залог долгосрочного успеха – способность изменяться одновременно с трансформирующимися внешним окружением, которая обеспечивается наличием управленческих механизмов, контролирующих необходимость и обеспечивающих проведение организационных изменений. Организационно-управленческие изменения (инновации) обеспечивают необходимые условия для осуществления инноваций других типов, являются основой для организации инновационного процесса на предприятии в целом и осуществляются по ряду направлений: разработка и реализация новой или трансформированной корпоративной, функциональных, инструментальных стратегий; создание специализированных подразделений по проведению научных исследований и разработок, практической реализации научно-технических достижений; внедрение современных методов управления; разработка новых или существенно измененных методов и приемов организации труда; разработка и внедрение новых или существенно измененных организационных структур; применение современных систем контроля качества, сертификации продукции; внедрение подходов для гармонизации экономических отношений со стейкхолдерами.

Динамическое равновесие можно обеспечить с помощью управленческих инноваций. Эффективные из них имеют следующие специфические черты: обусловленность объективными изменениями условий деятельности хозяйствующих субъектов; многоуровневость и сквозной характер; обеспечение нелинейности управления, эксклюзивности механизмов управляющего воздействия; низкий уровень затрат в сопоставлении с технологическими инновациями или материальными затратами (или в сравнении с научно-техническими разработками).

Таким образом, управленческие инновации создают среду для продуцирования и реализации других типов инноваций и сводятся к разработке новых целенаправленных подходов по формированию приоритетов управленческой деятельности с целью получения конкурентных преимуществ. Для достижения высокого уровня КП и конкурентных преимуществ в условиях VUCA-мира предприятиям рекомендуется более активно развивать технологические и управленческие инновации, поскольку сами технологические инновации не увеличат производительность труда без управленческих инноваций.

Выводы

Развивая положения теории конкуренции, представляется возможным предложить подход к пониманию и оценке КП сквозь призму системы «стейкхолдеры – предприятие – стейкхолдеры». Обосновано, что топ-менеджмент подчиняется логике устанавливать и поддерживать соответствие, взаимосвязь между множеством параметров (показателей) КП, его соответствующими интересами и множеством параметров, интересов стейкхолдеров. Из этого следует необходимость устанавливать и поддерживать пропорции между целями управления, системой показателей КП и совместными интересами. Представлена классификация подходов к формированию интегральной оценки КП, а также усовершенствован методический подход к интегральной оценке КП с учетом того, что в процессе управления промышленным предприятием проявляется энтропийный характер как нарушение упорядоченности взаимосогласованного взаимодействия. Доказано, что при разработке стратегии КП по направлению внедрения уникальных и/или доступных технологических инноваций в соответствии с траекторией проявления глобальных технологических укладов требуется формировать и последовательно осваивать сменяющие друг друга инновационно-технологические циклы, а также предвидеть трансформационные процессы во внешней среде на основе технологий форсайта и принимать опережающие ре-

шения по развитию организационных компетенций.

Исследование теоретического базиса формирования конкурентных преимуществ показало нарастание значимости в них идей нелинейного стратегического управления, в первую очередь ориентации на интеллектуальное лидерство. При продуцировании и реализации конкурентных преимуществ необходимо избегать классического рационального типа поведения, т. е. следует принимать нестандартные, не прогнозируемые конкурентами решения. Хозяйствующие субъекты, обладая организационными компетенциями по формированию совместной со стейкхолерами среды, смогут продуцировать эксклюзивные конкурентные преимущества и превратить управление КП в инновационный процесс.

Список литературы

1. World Economic Forum: The Global Competitiveness Report; 2021. URL: https://www.weforum.org/reports (дата обращения: 10.10.2021).

2. Советкин Я. Д. Управленческие инновации: подход к определению и классификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2020. Т. 19, № 4. С. 493-519.

3. Титов А. К. Организационно-управленческие инновации в повышении конкурентоспособности российского бизнеса // Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности: сб. науч. ст. по итогам III Международной научной конференции. Казань, 2020. С. 144-145.

4. Советкин Я. Д., Гусева Н. И. Собственные ноу-хау, использование консультационных услуг и взаимодействие с другими компаниями как основные источники управленческих инноваций для компаний, действующих на российском рынке // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 1. С. 226-247.

5. Киселева О. Н. Диффузия организационно-управленческих инноваций как фактор интенсификации процессов экономического развития предприятий России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 15, № 2. С. 307-323.

6. Евлоев Р. Г. Проблемы внедрения управленческих инноваций в современных организациях // Вестник Академии. 2020. № 4. С. 108-113.

7. Чебыкина М. В., Шаталова Т.Н. Методологические подходы к формированию управленческих инновационных процессов промышленных предприятий // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 1. С. 116-122.

8. Балаханова Д. К. Организационно-управленческие инновации: теория и практика подготовки // Нормирование и оплата труда в промышленности. 2021. № 4. С. 69-72.

9. Турковский С. Р. Инновационное совершенствование системы управления хозяйствующих субъектов // BENEFICIUM. 2021. № 1(38). С. 100-105. https://doi.org/ 10.34680/BENEFICIUM.2021. 1(38).100-105.

10. Иванова Л. А. Маркетинговые исследования: практика проведения анализа конкурентоспособности организации // Современное общество и власть. 2018. № 7. С. 67-69.

11. Каткова Т. В. Конкурентоспособность как фактор взаимодействия предприятия с внешней средой // Актуальные вопросы управления, экономики и права. Современное образование и его роль в жизни общества: материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Quantum, 2018. С. 55-59.

12. Намыслова У. Д. Способы оценки и анализа конкурентоспособности предприятий // Экономические науки. 2015. № 4. С. 39-42.

13. Рохчин В. Е., Ветрова Е. Н. Управление стратегической конкурентоспособностью промышленного предприятия на основе развития его потенциала / под ред. А. Е. Карлика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2012. 262 с.

14. Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Вып. 56. С. 5-39.

15. Калиниченко М. П. Предприятие как объект маркетинг менеджмента: современные тенденции и закономерности // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 14, № 1. С. 125-144.

16. Балабанова Л. В., Холод В. В. Стратегічне маркетингове управління конкурентоспроможністю підприємств. Київ: Професіонал, 2014. 448 с.

17. Верескун М. В. Управління конкурентоспроможністю промислових підприємств: монографія. Маріуполь: Приазовський державний технічний університет, 2012. 280 с.

18. Піддубна Л. І. Конкурентоспроможність економічних систем: теорія, механізм регулювання та управління: монографія. Харків: ВД «ІНЖЕК», 2007. 368 с.

19. Калиниченко М. П. Гармоничный подход в маркетинг-менеджменте предприятия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 4 (230). С. 201-208.

20. Kalynychenko M. P. The harmony of stakeholders interests in marketing management // North-East Asia Academic FORUM. Harbin University of Commerce, 2013. P. 390-397.

21. Клейнер Г. Б. Микроэкономика знаний и конкурентоспособность предприятий // Вопросы теории. 2007. № 3(3). С. 129-131.

22. Гэри Хэмел. Будущее менеджмента. СПб.: BestBusinessBooks, 2013. 277 с.

23. Портер Майкл. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Паблишер, 2018. 716 с.

References

1. World Economic Forum: The Global Competitiveness Report. Available at: https://www.weforum.org/reports. (accessed 10.10.2021)

2. Sovetkin Ya. D. Upravlencheskie innovacii: podhod k opredeleniyu i klassifikacii [Management innovations: an approach to definition and classification]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Managemen,* 2020, vol. 19, no. 4, pp. 493-519.

3. Titov A. K. [Organizational and managerial innovations in increasing the competitiveness of Russian business]. Prioritetnye napravleniya innovatsionnoi deyatel'nosti v promyshlennosti. Sbornik nauchnykh statei po itogam III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Priority directions of innovation activity in industry. Collection of scientific articles on the results of the III International Scientific Conference]. Kazan, 2020, pp. 144-145. (In Russ.)

4. Sovetkin Ya. D., Guseva N. I. Sobstvennye nou-hau, ispol'zovanie konsul'tacionnyh uslug i vzaimodejstvie s drugimi kompaniyami kak osnovnye istochniki upravlencheskih innovacij dlya kompanij, dejstvuyushchih na rossijskom rynke [Own know-how, the use of consulting services and interaction with other companies as the main sources of managerial innovation for companies operating in the Russian market]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Moscow University Bulletin. Series 6: Economics,* 2021, no. 1, pp. 226-247.

5. Kiseleva O. N. Diffuziya organizacionno-upravlencheskih innovacij kak faktor intensifikacii processov ekonomicheskogo razvitiya predpriyatij Rossii [Diffusion of organizational and managerial innovations as a factor in the intensification of the processes of economic development of Russian enterprises]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economics*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 307-323.

6. Evloev R. G. Problemy vnedreniya upravlencheskih innovacij v sovremennyh organizaciyah [Problems of introducing managerial innovations in modern organizations]. *Vestnik Akademii = Bulletin of the Academy*, 2020, no. 4, pp. 108-113.

7. Chebykina M. V., Shatalova T. N. Metodologicheskie podhody k formirovaniyu upravlencheskih innovacionnyh processov promyshlennyh predpriyatij [Methodological approaches to the formation of management innovative processes of industrial enterprises]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Bulletin of the Samara University. Economics and Management*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 116-122.

8. Balahanova D. K. Organizacionno-upravlencheskie innovacii: teoriya i praktika podgotovki [Organizational and managerial innovations: theory and practice of training]. *Normirovanie i oplata truda v promyshlennosti = Rationing and Wages in Industry*, 2021, no. 4, pp. 69-72.

9. Turkovskij S. R. Innovacionnoe sovershenstvovanie sistemy upravleniya hozyajstvuyushchih sub"ektov [Innovative improvement of the management system of business entities]. *BENEFICIUM*, 2021, no. 1(38), pp. 100-105. https://doi.org/ 10.34680/BENEFICIUM.2021.1(38).100-105

10. Ivanova L. A. Marketingovye issledovaniya: praktika provedeniya analiza konkurentosposobnosti organizacii [Marketing research: the practice of analyzing the competitiveness of an organization]. *Sovremennoe obshchestvo i vlast' = Modern Society and Power*, 2018, no. 7, pp. 67-69.

11. Katkova T. V. [Competitiveness as a factor in the interaction of an enterprise with the external environment]. Aktual'nye voprosy upravleniya, ekonomiki i prava. Sovremennoe obrazovanie i ego rol' v zhizni obshchestva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Topical issues of management, economics and law. Modern education and its role in the life of society. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Quantum Publ., 2018, pp. 55-59. (In Russ.)

12. Namyslova U. D. Sposoby ocenki i analiza konkurentosposobnosti predpriyatij [Methods for assessing and analyzing the competitiveness of enterprises]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2015, no. 4, pp. 39-42.

13. Rohchin V. E., Vetrova E. N. Upravlenie strategicheskoj konkurentosposobnost'yu promyshlennogo predpriyatiya na osnove razvitiya ego potenciala [Management of the strategic competitiveness of an industrial enterprise based on the development of its potential]; ed. by A. E. Karlika. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg State University of Economics and Finance, 2012. 262 p.

14. Glaz'ev S. Yu. O novoj paradigme v ekonomicheskoj nauke [On a new paradigm in economic science]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*, 2016, is. 56, pp. 5-39.

15. Kalynychenko M. P. Predpriyatie kak ob"ekt marketing menedzhmenta: sovremennye tendencii i zakonomernosti [Enterprise as an object of marketing management: modern trends and patterns]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economics,* 2019, vol. 14, no. 1, pp. 125-144.

16. Balabanova L. V., Holod V. V. [Strategic marketing management of the competitiveness of industrial enterprises]. Kiev, Profesional Publ., 2014. 448 p. (In Ukr.)

17. Vereskun M. V. [Management of the competitiveness of industrial enterprises]. Mariupol', Pryazovskyi State Technical University Publ., 2012. 280 p. (In Ukr.)

18. Piddubna L. I. [Competitiveness of economic systems: theory, mechanism of regulation and management]. Harkov, INZHEK Publ., 2007. 368 p. (In Ukr.)

19. Kalynychenko M. P. Garmonichnyj podhod v marketing-menedzhmente predpriyatiya [Harmonious approach in marketing management of an enterprise]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika = Bulletin of the Adyghe State University. Series 5: Economics,* 2018, no. 4 (230), pp. 201-208.

20. Kalynychenko M. P. The harmony of stakeholders interests in marketing management. North-East Asia Academic Forum. Harbin University of Commerce, 2013, pp. 390-397.

21. Klejner G. B. Mikroekonomika znanij i konkurentosposobnost' predpriyatij [Microeconomics of knowledge and competitiveness of enterprises]. *Voprosy teorii = Questions of Theory,* 2007, no. 3(3), pp. 129-131.

22. Geri Hemel. Budushchee menedzhmenta [The future of management]. St. Petersburg, BestBusinessBooks, 2013. 277 p.

23. Porter Majkl. Konkurentnoe preimushchestvo. Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustojchivost' [Competitive advantage. How to achieve a high result and ensure its sustainability]. Moscow, Al'pina Pablisher, 2018. 716 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Калиниченко Максим Петрович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и торгового дела, Российский экономического университет, г. Тула, Российская Федерация,
e-mail: mpk79@mail.ru

Maksim P. Kalynychenko, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Economics, Management and Trade, Plekhanov Russian Economic University, Tula, Russian Federation,
e-mail: mpk79@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-92-105

CC BY 4.0

Обеспечение экономической безопасности региона в пандемический кризис: доказательство преимуществ цифровых технологий

С. С. Моисеев[1] ✉, С. В. Пономарев[2], О. Н. Горбунова[1]

[1] Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Интернациональная 33, г. Тамбов 392000, Российская Федерация

[2] Калужский филиал Финансового университета при Правительстве РФ
ул. Чижевского 17, г. Калуга 248023, Российская Федерация

✉ e-mail: economresearch@mail.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования обусловлена вхождением российских регионов в пространство пандемического кризиса, снижением уровня их экономической безопасности и необходимостью разработки инструментов ее повышения.*

Цель *исследования – изучение особенностей современного пандемического кризиса и его воздействия на развитие российских регионов, а также поиск цифровых технологий обеспечения их экономической безопасности.*

Задачи *исследования состоят в выделении характерных черт пандемического кризиса и определения российской региональной специфики его проявления, систематизации угроз экономической безопасности для региональной экономики, возникающих в условиях пандемии COVID-19, а также в обосновании преимуществ цифровых технологий для нивелирования угроз экономической безопасности в период пандемического кризиса.*

Методология. *Авторы использовали анализ научной литературы и метод компаративного анализа для проведения сравнения социально-экономической динамики российских регионов. Метод систематизации был применен для исследования угроз экономической безопасности региона в период пандемического кризиса. Для раскрытия особенностей воздействия пандемии на экономическую безопасность регионов России авторы реализовали метод экономико-статистического анализа.*

Результаты*. В статье выделены характерные черты пандемического кризиса, раскрыта российская региональная специфика его проявления. Авторами предпринята попытка систематизации угроз экономической безопасности для региональной экономики, возникающих в условиях пандемии COVID-19. Выделены угрозы эпидемиологического, экономического, социального и технологического характера. Проведен анализ показателей социально-экономического положения регионов России, отражающих современные тенденции территориального развития.*

Выводы. *Проведенный анализ позволил авторам сделать вывод о снижении уровня экономической безопасности регионов России в период пандемического кризиса. Выявленные преимущества цифровых технологий позволили авторам обосновать целесообразность их использования в качестве базиса реализуемых мер по нивелированию угроз экономической безопасности российских регионов в условиях пандемического кризиса.*

© Моисеев С. С., Пономарев С. В., Горбунова О. Н., 2022

Ключевые слова: *регион; экономическая безопасность; угрозы; цифровые технологии; нивелирование угроз; пандемический кризис.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Моисеев С. С., Пономарев С. В., Горбунова О. Н. Обеспечение экономической безопасности региона в пандемический кризис: доказательство преимуществ цифровых технологий // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 92–105. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-92-105.

Поступила в редакцию 02.12.2021 Принята к публикации 15.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Ensuring the Economic Security of the Region in a Pandemic Crisis: Evidence of the Advantages of Digital Technologies

Sergey S. Moiseev[1] ✉, Sergey V. Ponomarev[2], Olga N. Gorbunova[1]

[1] Tambov State University named after G. R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya str., Tambov 392000, Russian Federation

[2] Kaluga Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
17 Chizhevsky str., Kaluga 248023, Russian Federation

✉ e-mail: economresearch@mail.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is due to the entry of Russian regions into the space of a pandemic crisis, a decrease in their level of economic security and the need to develop tools to improve it.*

The purpose *of the study is to study the features of the current pandemic crisis and its impact on the development of Russian regions, as well as the search for digital technologies to ensure their economic security.*

The objectives *of the study are to identify the characteristic features of the pandemic crisis and to determine the Russian regional specifics of its manifestation, systematize threats to economic security for the regional economy arising in the conditions of the COVID-19 pandemic, as well as to substantiate the advantages of digital technologies for leveling threats to economic security during the pandemic crisis. The authors used the analysis of scientific literature and the method of comparative analysis to compare the socio-economic dynamics of Russian regions.*

Metodology. *The method of systematization was used to study the threats to the economic security of the region during the pandemic crisis. To reveal the features of the impact of the pandemic on the economic security of Russian regions, the authors implemented a method of economic and statistical analysis.*

Results. *The article highlights the characteristic features of the pandemic crisis, reveals the Russian regional specifics of its manifestation. The authors attempt to systematize the threats to economic security for the regional economy arising in the context of the COVID-19 pandemic. The threats of epidemiological, economic, social and technological nature are highlighted. The analysis of the indicators of the socio-economic situation of the regions of Russia, reflecting the current trends of territorial development, is carried out.*

Conclusions. *The analysis allowed the authors to conclude that the level of economic security of the regions of Russia has decreased during the pandemic crisis. The identified advantages of digital technologies allowed the authors to substantiate the expediency of their using as the basis of implemented measures to level threats to the economic security of Russian regions in the context of the pandemic crisis.*

Keywords*: region; economic security; threats; digital technologies; threat leveling; pandemic crisis.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Moiseev S. S., Ponomarev S. V., Gorbunova O. N. Ensuring the Economic Security of the Region in a Pandemic Crisis: Evidence of the Advantages of Digital Technologies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstven-*

nogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2022; 12(1): 92–105. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-92-105.

Received 02.12.2021 Accepted 15.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

До 2020 г. развитие российских регионов осуществлялась в соответствии с целями цифрового развития. Несмотря на это, только 32 региона из 80 в 2019 г. имели высокие показатели развития цифровой инфраструктуры [1]. Уровень цифровой готовности регионов России позволил выйти стране в 2019 г. на 45 позицию в мире по индексу развития ИКТ, 32 место – по индексу развития электронного правительства, 26 место – по глобальному индексу кибербезопасности [2].

Тем не менее позитивная динамика регионов по внедрению цифровых технологий наблюдалась как на уровне индивидов, домохозяйств, бизнес-структур, так и органов государственной власти. Они использовали потенциал цифровых технологий для организации межличностного взаимодействия, работы с контрагентами, выстраивания внутренних коммуникаций, автоматизации производственных процессов, управления различными подсистемами. Цифровые технологии способствуют оптимизации деятельности всех субъектов регионального хозяйства, делают ее более быстрой и мобильной, позволяют получить максимальный объем требуемой информации в сжатые сроки и учесть все множество факторов внешней и внутренней среды для повышения качества принимаемых решений. Таким образом, внедрение цифровых технологий направлено на поддержание благополучия населения и обеспечение экономической безопасности регионов страны [3; 4].

В 2020 г. мир столкнулся с новым до сих пор неизведанным явлением – пандемией COVID-19, нарушившим нормальный ход социально-экономических процессов и явлений [5]. В попытке обезопасить население регионов правительство страны и органы регионального управления решились на введение режимов чрезвычайных ситуаций и карантинных мер. В частности, в форме самоизоляции, приостановления деятельности предприятий и перевода работников на удаленную форму занятости, временное блокирование межрегиональных и международных перевозок. Реализуемые меры, с одной стороны, способствовали снижению уровня заболеваемости населения и сдерживанию количества летальных исходов, а с другой – снизили экономическую безопасность регионов до критического уровня [6; 7].

Для предотвращения возникающих угроз экономической безопасности и сокращения величины ущерба от пандемии требуется разработка действенного инструментария их идентификации и своевременного нивелирования. Вероятно, на помощь в решении данной задачи могут прийти цифровые технологии, способные поддержать безопасное функционирование хозяйственного комплекса территории и социальное благополучие населения.

Материалы и методы

Теоретический базис исследования составляют труды Huber et al. [8], Н. Кремлева и др. [9], Н. Шубиной [10]. Исследователи раскрывают понятие экономической безопасности как достигнутого уровня социально-экономической стабильности и способности хозяйственной системы предотвращать внутренние и внешние угрозы. Авторы также систематизируют факторы, детерминирующие безопасное состояние экономики [10]. Kapustina et al. [4], Д. Горулев [11] фокусируют исследовательское внимание на выявлении преимуществ цифровизации для экономики и общества, однако не оставляют в стороне спектр новых угроз.

И это далеко не всегда угрозы информационного характера, связанные с утечкой информации и развитием киберпреступных схем. Здесь следует отметить и социальные угрозы, связанные с усилением социального неравенства из-за разного доступа к информационным технологиям, ростом безработицы в результате автоматизации и другие.

В условиях пандемии, по мнению исследователей, повышается вероятность нанесения реального экономического и социального ущерба хозяйственной системе региона, поэтому требуется разработка мер по нивелированию угроз безопасности, в т. ч. на основе использования эффективных цифровых технологий [5].

Цель настоящего исследования состоит в проведении комплексного анализа влияния пандемического кризиса на экономическую безопасность российских регионов и определении перспектив использования цифровых технологий для преодоления сопутствующих проблем регионального развития.

Задачи исследования:

– выделить характерные черты пандемического кризиса и определить российскую региональную специфику его проявления;

– систематизировать угрозы экономической безопасности для региональной экономики, возникающие в условиях пандемии COVID-19;

– обосновать преимущества цифровых технологий для нивелирования угроз экономической безопасности в период пандемического кризиса.

Методы исследования: анализ научной литературы; метод компаративного анализа; графический метод; метод систематизации; метод экономико-статистического анализа; системный подход.

Результаты и их обсуждение

Пандемический кризис стал тотальным, ударив по всем регионам, секторам экономики, занятости и доходам населения [12]. Первая волна кризиса во втором квартале 2020 г. характеризовалась введением карантинных мер, требований социального дистанцирования, локдауном. Она вызвала приостановку деятельности большинства предприятий и разрушение традиционно сформировавшихся межрегиональных и международных связей, перевод работников на дистанционный формат работы. После первой волны началось частичное восстановление нормальной жизни и экономической сферы. В октябре 2020 г. началась вторая волна пандемии, которая не сопровождалась массовым закрытием предприятий и жёсткими ограничениями для работников, однако негативно повлияла на восстановительный рост.

Специфика пандемического кризиса определяется некоторыми чертами, не свойственными ранее возникавшим кризисам в российской экономике. В частности, внезапным и интенсивным характером пандемии (распространившейся за несколько месяцев на все страны мира без исключения) [13], подверженностью всех и каждого воздействию коронавируса, а также введенными социально-экономическими ограничениями (в передвижении, осуществлении социальной и экономической активности), неопределенностью относительно сроков и последствий распространения вируса, а также путей распространения пандемии, интенсивности и эффективности мер по ее сдерживанию [14].

Всеобщая блокированность и снижение социально-экономической мобильности привели к негативным последствиям как для мировой экономики в целом, так и для отдельно взятых регионов, актуализировав проблемы обеспечения их экономической безопасности.

Систематизируем угрозы экономической безопасности для региональной экономики, возникающие в условиях пандемии COVID-19, выделив их следующие типы: 1) эпидемиологические; 2) экономические; 3) социальные; 4) технологические (рис. 1).

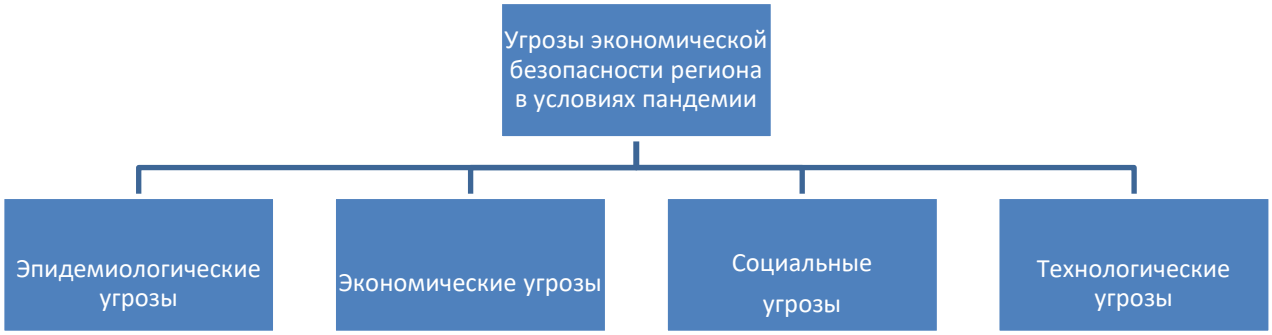

Рис. 1. Систематизация угроз экономической безопасности региона в период пандемического кризиса

Наибольшую опасность для населения региона в период пандемии представляет собой эпидемиологическая угроза, проявляющаяся в росте заболеваемости коронавирусом и увеличении смертности населения. Высокие показатели смертности населения свидетельствуют о неспособности региона защитить свое население от эпидемиологической угрозы, о несоответствии уровня медицинского обслуживания стандартам, а также о неэффективности регионального управления [5].

В целом в России в 2020 г. от коронавирусной инфекции, вызванной COVID-19, скончалось 144 691 человек. Другими словами, 6,8% от общего числа умерших в 2019 г. [15]. Анализ показателя летальности населения в 2021 г. в разрезе регионов России представлен ниже (рис. 2).

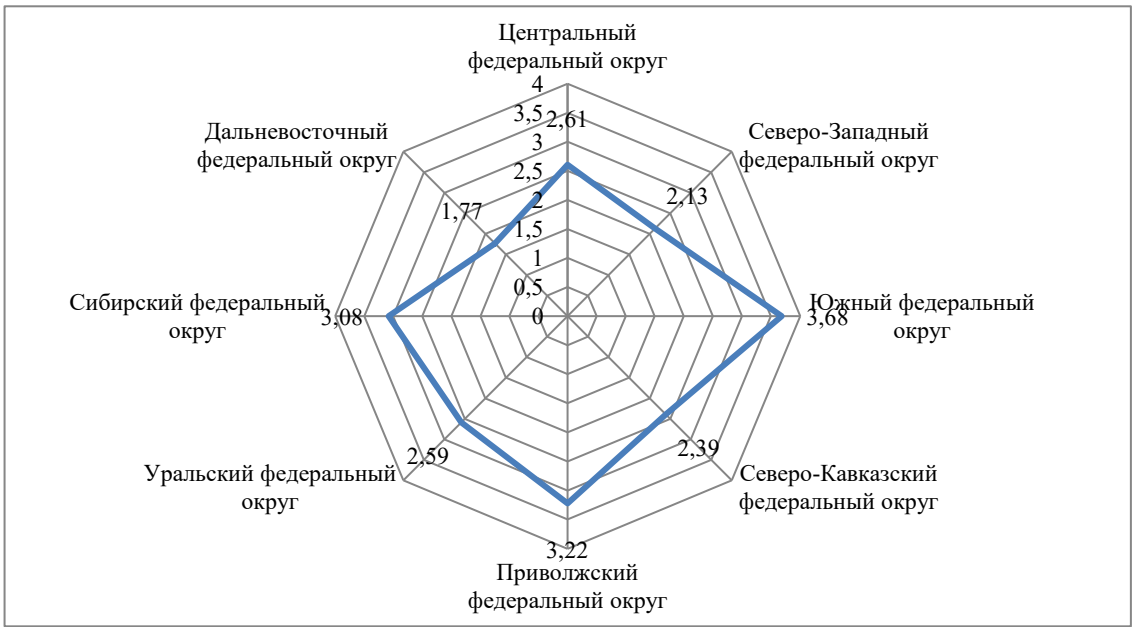

Рис. 2. Показатели летальности населения от COVID-19 по федеральным округам в 2021 г. [16]

Очевидно, что наибольший уровень проявления эпидемиологической угрозы приходится на Южный федеральный округ, где наблюдается самая сложная ситуация со смертностью населения (коэффициент детальности, т. е. отношения числа умерших к числу выздоровевших, составляет 3,68%). Минимальное значение коэффициента летальности (1,77%) – в Дальневосточном федеральном округе,

что является свидетельством устойчивости региона к воздействию эпидемиологической угрозы.

К экономическим угрозам региона могут быть отнесены угрозы, возникающие в реальном секторе экономики региона, подрывающие устойчивое функционирование производственной подсистемы региона, а также угрозы в монетарной и финансовой сферах.

Таких угроз в период пандемического кризиса становится много. Для их мониторинга можно использовать такие показатели, как объем ВРП на душу населения, объем промышленного производства на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, уровень дефицита бюджета региона и др. Отслеживая динамику данных показателей, можно выявить зоны опасности регионального развития и оперативно предпринять превентивные меры для их предотвращения (табл. 1).

Таблица 1. Индикаторы для мониторинга экономических угроз безопасности региона в период пандемического кризиса [17]

Индикатор	Пороговое значение
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	Не менее среднего по РФ
Индекс промышленного производства, %	Не менее среднего по РФ
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	Не менее среднего по РФ
Степень износа основных фондов, %	Не более 60
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	Не менее среднего по РФ
Уровень дефицита бюджета региона, % ВРП	Не более 3
Удельный вес убыточных организаций, %	Не более среднего по РФ
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, % к ВРП	Не менее 25
Индекс потребительских цен, 2020 г. к 2019 г., %	Не более среднего по РФ

Оценка результатов анализа проводится с использованием заданных пороговых значения основных индикаторов экономической безопасности регионов.

Например, доступная в настоящее время статистическая информация по регионам России позволяет сделать вывод о негативной динамике промышленного производства в период пандемии. В среднем по России снижение промышленного производства в 2020 г. относительно 2019 г. составило 5,5%. Такая динамика характерна для большинства регионов страны. Исключение составили Центральный и Северо-Кавказский федеральный округа с позитивной динамикой роста на 1,6% и 6,1% соответственно. Наибольшее сокращение зафиксировано в Дальневосточном федеральном округе (сокращение на 10,6% относительно 2019 г.), что свидетельствует о снижении уровня экономической безопасности региона [18; 19].

В 2020 г. оборот розничной торговли сократился абсолютно во всех регионах России, по России значение показателя снизилось на 4,1% по сравнению с 2019 г. Лидером по падению розничных продаж стал Южный федеральный округ. Розничный товарооборот продовольственных товаров упал на 2,6%, а непродовольственных товаров – на 5,2% [20]. Безусловно, появление такой негативной тенденции явилось следствием карантинных ограничений и закрытия торговых центров.

Одним из показателей, отражающих состояние бюджетной системы региона в условиях пандемии и уровень его экономической безопасности, является «размер совокупной задолженности по налогам и сборам, страховым взносам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему». Наибольший размер налоговой задолженности в 2020 г. наблюдался в

бюджетной системе Центрального федерального округа (827 млрд руб.), поскольку оборот в различных отраслях по данному округу является наибольшим относительно оборота в других федеральных округах. Также значительна налоговая задолженность в бюджетную систему в Приволжском федеральном округе (230 млрд руб.). Остальные федеральные округа имеют сопоставимый уровень налоговой задолженности.

В 2020 г. инвестиции в основной капитал в реальном выражении в целом по России снизились только на 1,4% [18]. Это является следствием двух взаимокомпенсирующих процессов: сжатие внутреннего рынка, падение курса рубля и финансирование экстренных мер в сфере здравоохранения и сопряженных видах экономической деятельности компенсировалось ростом расходов бюджетных средств на инвестиционные программы до 2,7% ВВП и повышением активности корпоративного сектора и домашних хозяйств на денежно-кредитном рынке. Таким образом, только в Дальневосточном федеральном округе объем инвестиций в основной капитал на душу населения по итогам 2020 г. сократился на 6,2%.

Индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре 2020 г. к декабрю 2019 г. составил 104,9% (на продовольственные товары – 106,7%, на непродовольственные товары – 104,8%, на услуги – 102,7%). Индекс потребительских цен в декабре 2020 г. относительно декабря 2019 г. вырос во всех федеральных округах, наибольший инфляционный рост цен произошел в Северо-Кавказском федеральном округе, а минимальный рост – в Уральском федеральном округе.

Вышеприведенные показатели, характеризующие уровень экономической безопасности региона, отражают «первичный шок» от пандемического кризиса и соответствующие экономические угрозы.

Социальными показателями, отражающими уровень экономической безопасности регионов, традиционно считаются: уровень безработицы (% к численности рабочей силы), доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (%), среднедушевые денежные доходы населения (в рублях), отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума. Однако не все из указанных показателей могут оперативно идентифицировать надвигающуюся угрозу [6; 7].

Сигнализирует о надвигающейся угрозе показатель уровня безработицы, рассчитываемый на региональном уровне. Значительный рост данного показателя в 2020 г. наблюдался во всех регионах России и был вызван введенными ограничениями производственной деятельности, вынужденными увольнениями сотрудников и сокращением/задержкой оплаты труда. Наибольший всплеск безработицы произошел в Северо-Кавказском федеральном округе (10,4% относительно 2019 г.), наименьший – в Центральном федеральном округе (2,2%) [21]. Напротив, показатель численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума имеет отложенный эффект. В частности, во всех регионах России (за исключением Северо-Кавказского федерального округа), по официальным статистическим данным, в 2020 г. произошло сокращение численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Это объясняется тем, что, во-первых, кризисная ситуация разразилась только во втором квартале 2020 г. на фоне благоприятного первого квартала и рост бедности еще не проявился в полном объеме. Во-вторых, ощутимо влияние компенсирующего эффекта вследствие роста инфляции на 3,1% [22]. В целом ожидаемое увеличение числа бедного населения в период пандемического кризиса приведет к росту числа государственных пособий и выплат данной категории граждан, однако выделенные из бюджета средства эта часть населения восполнить не сможет, так как

не имеет возможности в полном объеме оплачивать обязательные налоговые сборы. Кроме того, увеличение числа малоимущих граждан поставит под угрозу вопрос социальной стабильности и создаст возможность общественных волнений и кризисов [23].

Интенсификация цифрового развития становится объективным фактором развития региональной хозяйственной системы, которая несет выгоды для территории и расширяет имеющиеся возможности. Однако за безусловными выгодами цифровизации (повышение производительности труда в реальном секторе экономики региона вследствие внедрения более эффективных технологий и систем автоматизации производственной деятельности; расширение потребительского сегмента и числа поставщиков финансовых услуг; ускорение операций и рост качества предоставляемых услуг) скрывается целый ряд угроз для безопасного функционирования региона [4]. Речь идет о технологических угрозах, влекущих за собой возникновение прямых экономических и социальных угроз. Например, угроза утечки информации, угроза развития киберпреступности, угроза сбоя информационных систем предприятий могут привести к росту непроизводительных расходов для поддержания работы информационных систем и внедрения средств безопасности, принятию неверных финансовых решений, банкротству предприятий, т. е. принести прямой экономический ущерб. Использование цифровых технологий и цифровых решений может спровоцировать рост безработицы среди персонала с традиционными компетенциями (вытесняемыми вследствие автоматизации и роботизации), что в свою очередь проявится в развитии социальной нестабильности и усилении неравенства населения [3].

Накануне пандемии в России увеличилось число абонентов широкополосного доступа к сети Интернет, а также количество индивидов, использующих его для реализации личных и профессиональных целей. Кроме того, в этот период заметен рост числа предприятий, работающих в цифровой форме и использующих цифровые технологии для оптимизации производственных и сбытовых процессов, а также усиления информационной открытости регионального пространства, вызванной расширением доступа к сети Интернет (табл. 2).

Таблица 2. Показатели доступа и использования цифровых технологий населением и организациями в регионах России в 2013 и 2019 гг. [24; 25]

Регион	Число абонентов широкополосного доступа к Интернету на 100 человек населения		Население, использующее Интернет, % от общей численности населения		Удельный вес организаций, использовавших Интернет, % от общего числа обследованных организаций субъекта Российской Федерации		Организации, использующие облачные сервисы, % от общего числа организаций предпринимательского сектора	
	2013	2019	2013	2019	2013	2019	2013	2019
Центральный федеральный округ	18,73	26,0	61,6	90,9	87,9	93,1	20	31,6
Северо-Западный федеральный округ	20,08	23,9	71,7	89,5	92,3	92,1	20	27,7
Южный федеральный округ	12,97	17,7	57,7	87,2	85,9	91,8	17	26,1
Северо-Кавказский федеральный округ	5,17	8,6	38,8	88,6	89,2	77,7	20	18,6

Окончание табл. 2

Регион	Число абонентов широкополосного доступа к Интернету на 100 человек населения		Население, использующее Интернет, % от общей численности населения		Удельный вес организаций, использовавших Интернет, % от общего числа обследованных организаций субъекта Российской Федерации		Организации, использующие облачные сервисы, % от общего числа организаций предпринимательского сектора	
	2013	2019	2013	2019	2013	2019	2013	2019
Приволжский федеральный округ	18,2	22,0	60,3	88,5	88,7	92,8	16	26,3
Уральский федеральный округ	18,66	24,6	65,4	87,9	91,2	91,7	20	28,6
Сибирский федеральный округ	14,83	20,3	60,5	85,1	84,7	89,4	18	22,7
Дальневосточный федеральный округ	13,47	17,5	59,4	87,0	86,0	91,1	16	23,2

Регионами-лидерами по динамике показателей цифрового развития являются Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ и Уральский федеральный округ.

Безусловно, пандемия создала благоприятную почву для интенсификации цифрового развития, а цифровые технологии стали инструментом преодоления негативного воздействия пандемии на регионы России и предотвращения затяжного пандемического кризиса.

Сократить потери от пандемического кризиса смогут субъекты хозяйствования, внедряющие в свою деятельность цифровые технологии: поставщики контента, торговые онлайн-площадки, предприятия IT-сектора. Например, наибольший рост в период пандемии показали сервисы видеоконференций, групповых звонков, цифровые технологии организации удаленной работы, а также онлайн-сервисы доставки еды, онлайн-кинотеатры, образовательные платформы во всех регионах страны [26].

Россия приступила к внедрению федеральной платформы цифровых пропусков в 21 регионе страны в рамках стабилизации эпидемиологической обстановки. Данная цифровая платформа предоставляет сервисы по получению цифровых пропусков гражданам и доведению информации о состоянии их здоровья до работодателей через единый портал государственных услуг и мобильное приложение «Госуслуги. Стопкороновирус» [27].

В некоторых регионах страны, например в Республике Татарстан, Свердловской области, Екатеринбурге, запущены цифровые сервисы, обеспечивающие получение услуг для комфортной жизни граждан в режиме самоизоляции (доставка готовой еды, продуктов питания и лекарств, психологическая помощь, федеральные и республиканские горячие линии, образовательные ресурсы, сервисы для удаленной работы, бизнеса и онлайн-взаимодействия с государство) [27].

О потенциале цифровых технологий в преодолении последствий пандемического кризиса свидетельствует рост вовлеченности регионов в дистанционную торговлю на фоне слабого изменения общего среднего удельного веса реализуемых товаров [28]. В частности, во II квартале 2020 г. 5 регионов России (Брянская область, Владимирская область, Москва, Кировская область, Сахалинская область) показали самый высокий средний уровень дистанционных продаж – 31,8%. Еще ряд регионов продемонстрировали высокую активность по данному показателю: Костромская об-

ласть (рост среднего удельного веса проданных товаров с 7,5 до 25,2%); Ульяновская область (рост с 7,5 до 23,3%); Ставропольский край (рост с 7,5 до 23,3%); Санкт-Петербург (рост с 14,7 до 22,7%); Ленинградская область (рост с 12,3 до 21,8%). 14 регионов страны подтвердили средний уровень активности со средним значением показателя – 15,2%. Низкий уровень активности замечен у 15 регионов России (среднее значение показателя – 11,4%), и только у 25 регионов выявлен очень низкий уровень включенности в дистанционную торговлю (7,6%).

В 2020 г. изменился и цифровой климат ИТ-компаний, осуществляющих разработки в сфере электронной коммерции. Индексы цифрового климата подтверждают, что интеграторы цифровых преобразований на рынке электронной коммерции вступили в 2020 г. со значительно окрепшим потенциалом. В частности, в период пандемии индекс делового климата вырос с 99,7% до 101,4%, т. е. общие финансово-экономические тенденции для данного рынка услуг в ИТ-сегменте складывались весьма позитивно. Индекс активности спроса вырос до 100,3% с негативной отметки 99,2%, показав существенную активизацию заказчиков со стороны рынка электронной коммерции [28].

По данным исследования ВШЭ в области спроса на технологические разработки ИТ-компаний со стороны компаний, наиболее актуальными в период пандемии являются: услуги по автоматизации бизнеса (доля ИТ-компаний, отметивших высокий спрос на эти услуги, достигала 59%); услуги по внедрению технологий на базе аналитики больших данных (51%); услуги по разработке мобильных приложений (47%); услуги по обеспечению информационной безопасности (47%); услуги по развитию облачных сервисов (46%); услуги по разработке программ для внедрения технологий искусственного интеллекта и чат-ботов (45%); услуги по созданию веб-сайтов (45%). Данные цифровые технологии наиболее востребованы в рамках развития электронных каналов торговли в ритейл-сегменте [28].

Кроме того, для снижения угроз экономической безопасности и преодоления негативного воздействия пандемии на региональную экономику региональные органы власти приступили к реализации некоторых мер в рамках государственной политики, в частности, направленных на поддержание цифровой гигиены и внедрение систем когнитивного целеполагания, реализуемых на уровне крупных компаний региона и в системе регионального управления, связанных с внедрением систем защиты от внешних проникновений и распределением прав доступа к информации. В большинстве регионов реализуются региональные программы повышения цифровой грамотности населения. Пандемия обострила проблему недостатка квалифицированных кадров в области использования цифровых технологий. В связи с этим в настоящее время в регионах России сделан акцент на развитие образовательных систем для переобучения специалистов в области ИКТ.

Выводы

Во-первых, в статье выделены характерные черты пандемического кризиса, а также определена специфика его проявления в регионах России.

Во-вторых, авторами проведен анализ угроз экономической безопасности регионов в условиях пандемического кризиса. Выделены эпидемиологические, экономические, социальные и технологические угрозы, снижающие уровень экономической безопасности регионов России в период пандемии. С помощью статистических данных проиллюстрированы региональные закономерности их проявления.

В-третьих, в статье обосновано, что цифровизация регионов России сопряжена с возникновением технологических,

экономических и социальных угроз. Однако в период пандемического кризиса именно цифровые технологии доказывают свое антикризисное воздействие и способствуют повышению уровня экономической безопасности регионов.

Список литературы

1. Digital readiness of Russian regions / N. Bychkova, Z. Tavbulatova, N. Ruzhanskaya, R. Tamov, E. Karpunina // Proceeding of the 36th IBIMA Conference. 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 2442-2461.

2. Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М. Индикаторы цифровой экономики. М.: Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики, 2019. 248 с.

3. Social risks of digital transformation / N. Kapustina, T. Strelnikova, E. Ioda, E. Furman, E. Karpunina // Proceeding of the 35th International Business Information Management Association (IBIMA). Seville, 2020. P. 7682-7692.

4. Effects of digitalization: new challenges for economic security systems / A. Molchan, E. Karpunina, G. Kochyan, I. Petrov, L. Velikanova // Proceedings of the 34rd IBIMA Conference. 13-14 November 2019. Madrid, 2019. P. 6631-6639.

5. Epidemic threats and their impact on the economic security of the state / E. Karpunina, O. Zabelina, G. Galieva, E. Melyakova, Y. Melnikova // Proceeding of the 35th IBIMA Conference. 1-2 April 2020. Seville, 2020. P. 7671-7682.

6. Economic security of Russian regions: risk factors and consequences of the Covid-19 pandemi / Z. Mejokh, E. Korolyuk, D. Sozaeva, N. Pilipchuk, E. Karpunina // Proceeding of the 36th IBIMA Conference. 4-5 November 2020. Granada, 2020. P. 8197-8205.

7. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis / E. Korolyuk, I. Rustamova, N. Kuzmenko, B. Khashir, E. Karpunina // Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021. P. 5248-5257.

8. Economic security at risk: findings from the economic security Index / G. Huber, P. Rehm, M. Schlesinger, R. Valletta // The Rockefeller Foundation. 2010. 55 p.

9. Кремлев Н. Д., Федоров В. Г., Сергеев М. Ф. Вопросы оценки экономической безопасности региона // Вопросы статистики. 2007. № 2. С. 42-48.

10. Шубина Н. А. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и состояние // Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. Т.16, № 2. С. 288-307.

11. Горулев Д. А. Экономическая безопасность в цифровой экономике // Технико-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1(43). С. 77-84.

12. Зубаревич Н. В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1. С. 48–60.

13. Сочнёнкова А. С. Основные экономические проблемы и пути их решения в период распространения COVID-1 в России // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: материалы Всероссийской молодежной научной конференции: в 4 т. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 232–236.

14. МВФ представил очередной доклад «Перспективы развития мировой экономики», посвященный влиянию пандемии COVID-19. URL: https://www.ranepa.ru/ciir/news/mvf-predstavil-ocherednoy-doklad-perspektivy-razvitiya-mirovoy-ekonomiki-posvyashchennyy-vliyaniyu-p/ (дата обращения: 12.10.2021).

15. Росстат подсчитал смертность от COVID-19 в 2020 году. URL: https://ria.ru/20210611/koronavirus-1736688570.html (дата обращения: 12.10.2021).

16. Коронавирус в России. URL: https://coronavirus-in.ru/ (дата обращения: 12.10.2021).

17. Хасанов Р., Кораблева А. Индекс экономической безопасности как инструмент оценки развития агропромышленных регионов // Экономическая политика. 2019. Т. 14, № 6. С. 82–101.

18. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Май 2020. Динамика промышленного производства в России. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_май_печать_(1).pdf (дата обращения: 12.10.2021).

19. В СКФО в январе-феврале 2020 года промпроизводство выросло на 5%. URL: https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/5e9561649a79470ed4650a80 (дата обращения: 12.10.2021).

20. Оборот розничной торговли в России в 2020 г. упал на 4,1%. URL: https://tass.ru/ekonomika/10572773 (дата обращения: 12.10.2021).

21. Социально-экономическое положение России. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения: 12.10.2021).

22. Аналитики зафиксировали рост доходов жителей почти четверти регионов России. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838728-analitiki-zafiksirovali-rost-dohodov-zhitelei (дата обращения: 12.10.2021).

23. Ерохина Е. В., Джергения Ю. Угрозы реализации национальных интересов Российской Федерации в период после пандемии // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3, № 3. С. 259-272.

24. Федеральная служба государственной статистики РФ. Информационное общество. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478?print=1 (дата обращения: 12.10.2021).

25. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, О. Е. Баскакова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг. М.: Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики, 2020. 144 с.

26. Бархатов В. И., Дьяченко О. В. Развитие цифровой экономики России в условиях пандемии // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Вып. 70, № 10 (444). С. 177–182.

27. Как ИТ помогают российским регионам изолировать людей и переживать пандемию. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_ИТ_помогают_российским_регионам_изолировать_людей_и_пер (дата обращения: 12.10.2021).

28. Лола И. С., Бакеев М. Б. Активность дистанционной торговли в России в условиях COVID-19: региональный ответ на вызовы пандемии и роль ИТ-сегмента / Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики. М., 2020. 55 с.

References

1. Bychkova N., Tavbulatova Z., Ruzhanskaya N., Tamov R., Karpunina E. Digital readiness of Russian regions. Proceeding of the 36th IBIMA Conference. 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 2442-2461.

2. Abdrahmanova G. I., Vishnevskij K. O., Gohberg L. M. Indikatory cifrovoj ekonomiki. Moscow, National Research University of Higher School of Economics Publ., 2019. 248 p.

3. Kapustina N., Strelnikova T., Ioda E., Furman E., Karpunina E. Social risks of digital transformation. Proceeding of the 35th International Business Information Management Association (IBIMA). Seville, 2020, pp. 7682-7692.

4. Molchan A., Karpunina E., Kochyan G., Petrov I., Velikanova L. Effects of digitalization: new challenges for economic security systems. Proceedings of the 34rd IBIMA Conference. 13-14 November 2019. Madrid, 2019, pp. 6631-6639.

5. Karpunina E., Zabelina O., Galieva G., Melyakova E., Melnikova Y. Epidemic threats and their impact on the economic security of the state. Proceeding of the 35th IBIMA Conference. 1-2 April 2020. Seville, 2020, pp. 7671-7682.

6. Mejokh Z., Korolyuk E., Sozaeva D., Pilipchuk N., Karpunina E. Economic security of Russian regions: risk factors and consequences of the COVID-19 pandemic. Proceeding of the 36th IBIMA Conference. 4-5 November 2020. Granada, 2020, pp. 8197-8205.

7. Korolyuk E., Rustamova I., Kuzmenko N., Khashir B., Karpunina E. Diagnostics of regional economic security problems during the 2020 crisis. Proceeding of the 37th IBIMA Conference, 1-2 April 2021. Cordoba, 2021, pp. 5248-5257.

8. Huber G., Rehm P., Schlesinger M., Valletta R. Economic security at risk: findings from the economic security Index. The Rockefeller Foundation. 2010. 55 p.

9. Kremlev N. D., Fedorov V. G., Sergeev M. F. Voprosy ocenki ekonomicheskoj bezopasnosti regiona [Issues of assessing the economic security of the region]. *Voprosy statistiki = Questions of Statistics*, 2007, no. 2, pp. 42-48.

10. Shubina N. A. Konceptual'nye podhody k ponimaniyu ekonomicheskoj bezopasnosti regiona: sushchnost', struktura, faktory i sostoyanie [Conceptual approaches to understanding the economic security of the region: essence, structure, factors and state]. *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of the Ural Federal University. Series: Economics and Management*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 288-307.

11. Gorulev D. A. Ekonomicheskaya bezopasnost' v cifrovoj ekonomike [Economic security in the digital economy]. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa = Technical and Technological Problems of Service*, 2018, no. 1(43), pp. 77-84.

12. Zubarevich N.V. Vliyanie pandemii na social'no-ekonomicheskoe razvitie i byudzhety regionov [The impact of the pandemic on socio-economic development and budgets of regions]. *Voprosy teoreticheskoj ekonomiki = Questions of Theoretical Economics*, 2021, no. 1, pp. 48–60.

13. Sochnyonkova A. S. [The main economic problems and ways to solve them during the spread of COVID-1 in Russia]. Za nami budushchee: vzglyad molodyh uchenyh na innovacionnoe razvitie obshchestva. Materialy Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii [The future is behind us: the view of young scientists on the innovative development of society. Materials of the All-Russian Youth scientific conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 232–236. (In Russ.)

14. MVF predstavil ocherednoj doklad "Perspektivy razvitiya mirovoj ekonomiki", posvyashchennyj vliyaniyu pandemii COVID-19 [The IMF presented a regular report "Prospects for the development of the world economy", dedicated to the impact of the COVID-19 pandemic]. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/news/mvf-predstavil-ocherednoy-doklad-perspektivy-razvitiya-mirovoy-ekonomiki-posvyashchennyy-vliyaniyu-p/. (accessed 12.10.2021)

15. Rosstat podschital smertnost' ot COVID-19 v 2020 godu [Rosstat has calculated the mortality from COVID-19 in 2020]. Available at: https://ria.ru/20210611/koronavirus-1736688570.html. (accessed 12.10.2021)

16. Koronavirus v Rossii [Coronavirus in Russia]. Available at: https://coronavirus-in.ru/. (accessed 12.10.2021)

17. Hasanov R., Korableva A. Indeks ekonomicheskoj bezopasnosti kak instrument ocenki razvitiya agropromyshlennyh regionov [Economic security index as a tool for assessing the development of agro-industrial regions]. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2019, vol. 14, no. 6, pp. 82–101.

18. Byulleten' o tekushchih tendenciyah rossijskoj ekonomiki. Maj 2020. Dinamika promyshlennogo proizvodstva v Rossii [Bulletin on the current trends of the Russian economy. May 2020. Dynamics of industrial production in Russia]. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/_maĭ_pechat'_(1).pdf. (accessed 12.10.2021)

19. V SKFO v yanvare-fevrale 2020 goda promproizvodstvo vyroslo na 5% [In the North Caucasus Federal District in January-February 2020, industrial production increased by 5%]. Available at: https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/5e9561649a79470ed4650a80. (accessed 12.10.2021)

20. Oborot roznichnoj torgovli v Rossii v 2020 godu upal na 4,1% [Retail trade turnover in Russia in 2020 fell by 4.1%]. Available at: https://tass.ru/ekonomika/10572773. (accessed 12.10.2021)

21. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii [Socio-economic situation of Russia]. Available at: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801. (accessed 12.10.2021)

22. Analitiki zafiksirovali rost dohodov zhitelej pochti chetverti regionov Rossii [Analysts have recorded an increase in the incomes of residents of almost a quarter of Russia's regions]. Available at: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838728-analitiki-zafiksirovali-rost-dohodov-zhitelei. (accessed 12.10.2021)

23. Erohina E. V., Dzhergeniya Yu. Ugrozy realizacii nacional'nyh interesov Rossijskoj Federacii v period posle pandemii [Threats to the realization of the national interests of the Russian Federation in the post-pandemic period]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 259-272.

24. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. Informacionnoe obshchestvo [Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Information Society]. Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/14478?print=1. (accessed 12.10.2021)

25. Abdrahmanova G. I., Baskakova O. E, Vishnevskij K. O., Gohberg L. M. Tendencii razvitiya interneta v Rossii i zarubezhnyh stranah: analiticheskij doklad [Trends in the development of the Internet in Russia and foreign countries: analytical report]. Moscow, National Research University of Higher School of Economics Publ., 2020. 144 p.

26. Barhatov V. I., D'yachenko O. V. Razvitie cifrovoj ekonomiki Rossii v usloviyah pandemii [Development of the digital economy of Russia in the conditions of a pandemic]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2020, vol. 70, no. 10 (444), pp.177–182.

27. Kak IT pomogayut rossijskim regionam izolirovat' lyudej i perezhivat' pandemiyu [How IT helps Russian regions isolate people and survive the pandemic]. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:Kak_IT_pomogayut_rossijskim_regionam_izolirovat'_lyudej_i_per. (accessed 12.10.2021)

28. Lola I. S., Bakeev M. B. Aktivnost' distancionnoj torgovli v Rossii v usloviyah COVID-19: regional'nyj otvet na vyzovy pandemii i rol' IT-segmenta [The activity of distance trading in Russia under COVID-19: regional response to the challenges of the pandemic and the role of the IT segment]. Moscow, National Research University of Higher School of Economics Publ., 2020. 55 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Моисеев Сергей Сергеевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры стратегического развития и экономической безопасности, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: economresearch@mail.ru

Sergey S. Moiseev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Strategic Development and Economic Security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation,
e-mail: economresearch@mail.ru

Пономарев Сергей Валерьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и информационных технологии, Калужский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
г. Калуга, Российская Федерация,
e-mail: pionerday@yandex.ru

Sergey V. Ponomarev, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Informatics and Information Technology, Kaluga Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, Russian Federation,
e-mail: pionerday@yandex.ru

Горбунова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического развития и экономической безопасности, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: oon26@mail.ru

Olga N. Gorbunova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Strategic Development and Economic Security, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation,
e-mail: oon26@mail.ru

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-106-114

CC BY 4.0

Влияние COVID-19 на туристический и гостиничный бизнес в Курской области

М. В. Абушенкова[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: abushenkova.mv@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования определяется критическим положением туристического и гостиничного бизнеса всех регионов страны в условиях новой вирусной инфекции, включая Курскую область.*

Цель *данного исследования заключается в изучении влияния COVID-19 на туристический и гостиничный бизнес в Курской области.*

Задачи*: выявление воздействия COVID-19 на состояние туристического и гостиничного бизнеса в Курской области; уточнение направлений выхода из кризисной ситуации; исследование особенностей привлечения туристов в условиях ковидных ограничений; выявление ключевых экономических и социальных последствий для туристического и гостиничного бизнеса Курской области в условиях пандемии коронавируса.*

Методология *представлена методами научного обобщения, сбора и обработки информации, анализа и синтеза.*

Результаты *исследования показали, что в условиях новой вирусной инфекции туристический и гостиничный бизнес Курской области переживает значительное падение туристского спроса. Распространение новой вирусной инфекции сначала не так сильно пугало граждан и предпринимателей. Однако постепенное поглощение страны за страной, все большее количество зараженных и погибших – все это стало не только причиной страха народа, но и введения серьезных мер по борьбе с распространением COVID-19. Одной из первых мер стало ограничение посещения людных мест и работ гостиниц, далее, остановиться в гостинице стало просто невозможным. Туристические агентства и гостиницы Курской области до сих пор не могут окончательно «встать на ноги», несмотря на снятие жестких ограничений и популяризацию внутреннего туризма среди граждан Российской Федерации. Накопленных финансовых резервов, которые могли бы смягчить критическую экономическую ситуацию, нет. Малым предприятиям туристического и гостиничного бизнеса в сложившихся условиях очень сложно выжить без государственной поддержки.*

Выводы*. Туристические агентства и гостиницы Курской области в условиях пандемии новой вирусной инфекции рискуют не только не привлечь новых потребителей своих услуг, но и потерять значительное количество постоянных клиентов. Для туристических фирм угрозу представляет ослабление туристического потока как из стран дальнего зарубежья, так и внутренних туристов. Гостиницы региона также остро зависят от спроса на туристические услуги. Возрастает зависимость туристического и гостиничного бизнеса от государственной поддержки. Пандемия коронавируса, как минимум, в среднесрочной перспективе не позволит предприятиям туристического и гостиничного бизнеса улучить экономическое положение.*

Ключевые слова: *COVID-19; туристический и гостиничный бизнес; Курская область; ковидные ограничения; повышение туристского спроса.*

© Абушенкова М. В., 2022

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Абушенкова М. В. Влияние COVID-19 на туристический и гостиничный бизнес в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 106–114. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-106-114.

Поступила в редакцию 14.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

The Impact of COVID-19 on the Tourism and Hotel Business in the Kursk Region

Marina V. Abushenkova[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: abushenkova.mv@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the study is determined by the critical situation of the tourism and hotel business in all regions of the country in the conditions of a new viral infection, including the Kursk region.*

The purpose *of this study is to study the impact of COVID-19 on the tourism and hotel business in the Kursk region.*

Objectives*: to identify the impact of COVID-19 on the state of the tourism and hotel business in the Kursk region; to clarify the ways out of the crisis situation; to study the features of attracting tourists under covid restrictions; to identify key economic and social consequences for the tourism and hotel business of the Kursk region in the context of the coronavirus pandemic.*

The methodology *is presented by methods of scientific generalization, collection and processing of information, analysis and synthesis.*

The results *of the study showed that in the conditions of a new viral infection, the tourist and hotel business of the Kursk region is experiencing a significant drop in tourist demand. The spread of a new viral infection did not scare citizens and entrepreneurs so much at first. However, the gradual absorption of country after country, an increasing number of infected and dead became not only the cause of fear of the people, but also the introduction of serious measures to combat the spread of COVID-19. One of the first measures was the restriction of visits to crowded places and the work of hotels, further, it became simply impossible to stay in a hotel. Travel agencies and hotels in the Kursk region still cannot finally "get back on their feet" despite the lifting of strict restrictions and the popularization of domestic tourism among citizens of the Russian Federation. There are no accumulated financial reserves that could mitigate the critical economic situation. It is very difficult for small enterprises of the tourism and hotel business to survive without government support in the current conditions.*

Conclusion. *Travel agencies and hotels of the Kursk region in the conditions of a pandemic of a new viral infection risk not only not attracting new consumers of their services, but also losing a significant number of regular customers. For travel companies, the weakening of the tourist flow, both from foreign countries and domestic tourists, is a threat. Hotels in the region are also acutely dependent on the demand for tourist services. The dependence of the tourism and hotel business on government support is increasing. The coronavirus pandemic, at least in the medium term, will not allow tourism and hotel businesses to improve their economic situation.*

Keywords*: COVID-19; tourism and hotel business; Kursk region; covid restrictions; increase in tourist demand.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Abushenkova M. V. The Impact of COVID-19 on the Tourism and Hotel Business in the Kursk Region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 106–114. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-106-114.

Received 14.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

Введение

Вирусная инфекция COVID-19 стала ударом для всего мира. Бизнесы разного масштаба закрывались один за другим, люди оставались без работы и возможности дальнейшего трудоустройства, никто не мог предсказать развитие ситуации. Со временем жестокие ограничения спали, но даже при смягченных обстоятельствах большой удар пришелся по туристическому и гостиничному бизнесу [1].

Запрет на перемещения, ограничения путешествий и серьезные требования к туристам спровоцировал падение объема предоставляемых услуг гостиницами и другим временным жильем более чем на 36% на 2020 г. [2]. Переводя данные в денежный эквивалент, процент равняется чуть более чем 160 млрд руб. Подобных показателей российский рынок не видел с 2013 г.

Пандемия COVID-19 бросила вызов правительствам, обществу и бизнесу во всем мире [3]. Последствия пандемии негативно отразились на въездном, выездном и внутреннем туризме и привели к серьезному кризису в сфере гостиничных услуг [4]. В то время как некоторые отрасли незначительно пострадали от карантинных ограничений, предприниматели в индустрии гостеприимства почти полностью потеряли свой бизнес в течение нескольких месяцев [5].

Материалы и методы

Проведенное исследование базируется на методах научного обобщения, сбора и обработки информации, анализа и синтеза, контент-анализа информационных источников. При подготовке данной статьи были использованы статистические данные [6], информация с официальных сайтов в сети Интернет, что позволило провести компаративный анализ современных тенденций по влиянию новой вирусной инфекции на экономические параметры функционирования туристического и гостиничного бизнеса Курской области.

Информационные материалы, размещенные на официальных сайтах: «Лента новостей Курска» [7], «Гарант.РУ» [8], «Курские известия» СМИ «Сетевое издание «KURSK-IZVESTIA» [9], «Интерфакс-«Туризм» [10], Lenta.ru [11], позволили расширить представление об изучаемом явлении.

Результаты и их обсуждение

Курская область наполнена достопримечательностями и интересными туристическими маршрутами, развитая инфраструктура также способствует развитому туризму и гостиничному бизнесу в области.

Здесь можно отправиться в гости к Фету или подышать историей на Северном фасе, а можно разгадать тайну магнитной аномалии. В регионе рады путешественникам. За последние 3 года турпоток держится на уровне 200 тысяч человек [7].

Курская магнитная аномалия, Стрелецкая степь, Дом-музей Афанасия Фета, археологический и краеведческий музеи, древние монастыри, красивые отели – все это перестало быть легкодоступным во время пандемии.

Ковид по-разному повлиял на разные отрасли гостиничного и туристического бизнеса. Сильнее пострадали гостиницы с нулевым потоком гостей, закрытые по указу правительства отели в крупных городах и зависящие от потока иностранных туристов. Проще переживали разгар пандемии гостиницы, расположенные за пределом городской черты, до которых просто добраться на личном авто [2].

Для пополнения числа посетителей и хоть какой-то выручки в начальный период пандемии весь туристический бизнес задумался о методах достижения безопасности будущих постояльцев. И если на момент введения ограничений (в России их ввели в апреле 2020 г.) поток постояльцев мог заставить множество заведений закрыться, то к концу мая-июня 2020 г. люди устали сидеть дома и спрос на услуги отелей и гостиниц возрос.

Так как по состоянию на лето 2020 г. границы были закрыты и туристы не могли покинуть Россию, вырос спрос на внутренний туризм. Людям буквально пришлось выбирать, куда можно поехать в отпуск, не покидая страну. В санаториях и на курортах, где ограничения были сняты только частично, для заселения требовалось предоставить:

1. Справку об отсутствии контактов с зараженными, выписанную не более чем за 2 недели до самолета/поезда.
2. Полис (ОМС или ДМС).
3. Ваучер на размещения.
4. При посещении санатория соответствующая санаторно-курортная карта [12].

Ограничения коснулись и самого отдыха туристов. Организовано все было следующим образом:

1. Заселение в один номер возможно только при условии, что постояльцы являются членами одной семьи.
2. По аналогии гости могли размещаться за столиками в обеденной зоне кафе, таким образом, работали и рестораны. В противном случае отобедать можно было только в одиночестве.
3. Между столиками соблюдалась дистанция не менее полутора метров.
4. Закрыты детские комнаты.
5. Все мероприятия перенесены на свежий воздух, если мероприятие допускает возможность соблюдения дистанции. В противном случае развлекательная программа отменялась.
6. Обязательное ношение средств индивидуальной защиты.

Несмотря на наличие возможности провести отпуск на территории России, спрос на предоставление услуг гостиниц значительно снизился по соотношению 2020 г. к 2019 г. Достаточно жесткие ограничения по нахождению в отелях и посещению любых культурных достопримечательностей, за исключением находящихся на свежем воздухе культурных памятников, способствовали подобным показателям.

В сравнении первого года пандемии (2020) с вторым текущему (2021) показатели, напротив, сильно увеличились, так как ограничения были ослаблены. Чтобы попасть в самолет или отель летом 2021 г., требовалось продемонстрировать сертификат о вакцинации и справку ПЦР, подтверждающую отсутствие болезни. Посещать туристические зоны можно было в свободном порядке.

Для наглядного сравнения была подготовлена таблица с данными об обороте гостиничных организаций и организаций общественного питания, т. е. кафе и ресторанов, которые также посещаются туристами по состоянию на разгар туристического сезона – июль месяц.

Таблица. Оборот гостиничных организаций и организаций общественного питания по состоянию на разгар туристического сезона [6]

Показатель	Июль 2020 г.	Июль 2021 г.
Сумма, млн руб.	320,7	437,2
Процентное соотношение к предыдущему году, %	70,2	136,8

Опираясь на показатели таблицы, можно сделать такие выводы:

1. В разгаре сезона в июле 2020 г. туристами было забронировано гостиниц и посещено отелей почти на 30% меньше, чем в год, предшествующий пандемии. Данный показатель лучше, чем в крупных городах, где показатели могли упасть на 60-80% [2].
2. Разгар туристического сезона в июле 2021 г. значительно поднял показатели относительно первого года эпидемии: оборот составил более 136% от предыдущего года, однако показатели года, предшествующего пандемии, были выше. По состоянию на июль 2019 г. оборот гостиниц и мест общественного

питания составил более 455 млн, что на 20 млн больше 2021 г.

После анализа статистических данных следует подытожить состояние туристического и гостиничного бизнеса: несмотря на улучшение ковидной ситуации в мире и в России в частности, бизнес не оправился от эпидемии, и показатели постковидного года все равно меньше, чем показатели лет, предшествующих эпидемии.

Экономическое потрясение, спровоцированное новой вирусной инфекцией, находит параллели с финансовым кризисом 2008-2009 гг. Государства вынуждены были вмешаться в монетарную и налогово-бюджетную политику, чтобы оказать поддержу бизнесу. Но такие ограничительные меры, как запрет на перемещение и социальная дистанция, затронули многие сферы, в т. ч. и туристический бизнес [13].

Беспрецедентные по масштабам угрозы, появившиеся в 2020 г. вследствие лавинообразного распространения на планете коронавируса COVID-19, потребовали повсеместной реализации системных мер государственной поддержки бизнеса и населения, мобилизации всех возможных внутренних и внешних финансовых источников [14]. Мировая экономика после пандемии погрузится в рецессию, более сильную, чем за предыдущие десятилетия. Из-за повсеместного распространения COVID-19 бизнесмены и инвесторы пересматривают ранее намеченные планы, формируют стратегии посткризисного развития [15, с. 117].

Чтобы выжить в новых реалиях, бизнесу пришлось стать более гибким, подстраиваться под указания власти, обеспечивать охрану здоровья работников и постояльцев, видоизменять услуги, чтобы отели и туристические зоны не теряли прибыль в значительных показателях, минимизировать потери. Можно только предполагать, когда условия достаточно стабилизируются и бизнес сможет восстановить былые показатели.

В настоящее время небольшие частные отели и гостиницы выступают центрами, которые оказывают множество услуг, не связанных непосредственно с размещением клиентов, но удовлетворяющих их интересы. Это стимулирует финансовую привлекательность региона [16].

Почти что катастрофические условия, грозящие гостиничному бизнесу, способствовали сплочению бывалых конкурентов для совместного решения ситуации, поиска новых путей ведения бизнеса. Подобный подход также послужил толчком в развитии туристической отрасли.

По словам руководителя агентства по туризму России, первый год пандемии поспособствовал следующим шагам в развитии:

1. Определилась исключительная степень важности туризма для экономического состояния страны, переведение туризма в разряд несырьевой отрасли экономики.

2. Расширение географии поездок по территории страны: введение новых рейсов, направлений, запуск программы «туристический кэшбек».

3. Создание Национального проекта по туризму.

4. Популяризация безопасных поездок и заботы о здоровье: активный отдых на природе, посещение санаториев, путешествия выходного дня на личном транспорте.

5. Внедрение онлайн-форматов для всех процессов, связанных с построением и реализацией туристических маршрутов. Появление индивидуальных туров и популяризация путешествий в маленьких группах [17].

COVID-19 и введенные в этой связи ограничения можно сравнить с природными катаклизмами, поэтому объяснение рецессии как вызванного «шоком предложения» получило неподдельный интерес [18].

Для сдерживания коронавируса мировое сообщество вводит разные ограничительные меры – от запрета внутренних

поездок до полной остановки работы предприятий, что в свою очередь влечет сокращение предложения товаров, вызванного аккумуляцией запасов и падением спроса из-за самоизоляции населения [19; 20]

Главный санитарный врач по Курской области О. Д. Климушин в интервью «Курским известиям» объяснил, почему, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, в регионе продолжают работу рестораны, но закрыты фуд-корты. Так, по словам Олега Дмитриевича Климушкина: «Трафик на фуд-кортах выше в разы. И возможность соблюдения предписанных правил в ресторанах гораздо выше. И хотя я настаивал на сохранении временных ограничений, тем не менее коллегиально штабом решили ослабить эти ограничения в отношении ресторанов. Нужно же ещё и бизнес этот не погубить. Мы же стремимся, чтобы наш край был туристически привлекательным. А без ресторанов и гостиниц этого не случится» [9].

Ряд мер по выводу туристической отрасли из кризиса после COVID-19 представили общественники, разместив на портале Российских общественных инициатив программу ее развития, по следующим направлениям [8]:

– визовая политика;
– гостиничный бизнес;
– транспортная инфраструктура;
– национальная идентичность;
– общественное питание.

Авторы инициативы убеждены, что данные меры помогут расширить вклад туристической отрасли в течение пяти лет в экономику нашей страны с 3% до 11% ВВП, а на международном рынке – с менее чем 1% до 3%.

Заметим, что и понятие «завершение кризиса» нельзя трактовать однозначно. Это может быть и восстановление экономического подъема, и достижение стабильных докризисных темпов роста или выход производства на линию длительного тренда. Это разнообразие трактовок стоит иметь в виду при рассмотрении перспектив после кризисного восстановления [18].

По истечении 2021 г. внутренний туризм, вероятно, вернется к доковидным показателям, но восстановление выездного туризма тормозит все еще малое число стран открывших границы и отсутствие чартерных авиаперевозок. [19]

Траты россиян на путешествия летом 2021 г. возросли на 34,2% по сравнению с 2020 г. По результатам исследования лаборатории «СберИндекс» и сервиса для планирования путешествий OneTwoTrip расходы россиян на внутренний туризм составили чуть менее 1,5 трлн руб., что на 31,5% больше, чем годом ранее. При выборе направлений для внутреннего туризма спрос оказался стабильнее. В тройку лидеров попали Москва, Санкт-Петербург и Сочи. Несмотря на такие показатели, отрасль все еще остается в депрессии. Расходы на выездной туризм летом 2021 г. составили в долларовом эквиваленте всего 17,4% от уровня 2019 г. [11].

Считая туризм первостепенной отраслью стратегического развития, администрация Курской области отводит особую роль в этом процессе частному бизнесу, поскольку он способен играть важную роль в разработке туристических продуктов и услуг, соответствующих не только внутреннему, но и международному спросу.

Выводы

Несмотря на значительные недостатки в виде уменьшения прибыли, можно отметить и положительную сторону COVID-19 для России и Курской области в частности. Среди россиян всегда были популярны курортные страны, такие как Турция, Египет, Греция, а также отдых на отечественных южных курортах. Невозможность вылететь заграницу заставила граждан изучать собственную Родину.

У людей открылись глаза на существование множества интересных тури-

стических маршрутов и достопримечательностей на территории России, которая не ограничивается столицами и югом. Многие уже успели посетить за лето 2020-2021 гг. необычные для себя регионы. Другие же явно отметили в списке пожеланий существование крупных природных памятников, исторических музеев или древних монастырей Курской области.

С возможностью спокойно улететь за границу граждане все равно будут помнить о существовании множества живописных и богатых культурно уголков родной страны, которые можно посетить еще не раз.

Пандемия заставила бизнес цепляться за каждого клиента, следовательно, оказывать услуги достойного уровня, чтобы люди возвращались еще и еще. При сохранении достойного уровня обслуживания, гостиничный и туристический бизнес может ожидать повышения уровня доходности. Повлияют на показатели, конечно, и ограничения, связанные с пандемией.

Список литературы

1. Влияние пандемии на сферу туризма. URL: https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf (дата обращения: 26.10.2021).

2. Итоги года на рынке гостиничных услуг. URL: https://marketing.rbc.ru/articles/12427/ (дата обращения: 26.10.2021).

3. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation / C. Clark, A. Davila, M. Regis, S. Kraus // Global Transitions. 2020. Vol. 2. P. 76–82. https://doi.org/10.1016/j.glt.2020.06.003.

4. Zhang H., Cho T., Wang H. The impact of a terminal high altitude area defense incident on tourism risk perception and attitude change of Chinese tourists traveling to South Korea // Sustainability. 2020. Vol. 12, is. 1. P. 1–13.

5. Baum T., Hai N. T. T. Hospitality, tourism, human rights and the impact of COVID-19 // International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2020. Vol. 32, N 7. P. 2397–2407. https://doi.org/10.1108/IJCHM-03-2020-0242.

6. Социально-экономическое положение Курской области. URL: https://kurskstat.gks.ru/ publication_collection/document/38734 (дата обращения: 26.10.2021).

7. В Курске обсудили туристический потенциал региона. URL: http://kursk-news.net/society/2019/09/28/41761.html (дата обращения: 28.10.2021).

8. Туризм-2020 и COVID-19: туристическая отрасль в условиях пандемии и после нее. URL: https://www.garant.ru/article/1376805/ (дата обращения: 28.10.2021).

9. Руководитель курского Роспотребнадзора: «Жить в локдауне – непозволительная роскошь». URL: https://kursk-izvestia.ru/news/175989/ (дата обращения: 28.10.2021).

10. Внутренний туризм в 2021 году восстановится до уровня 2019 года, выездной – нет. URL: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/82108/ (дата обращения: 28.10.2021).

11. Россияне на треть увеличили свои расходы на отдых в 2021 году. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/27/tourism/ (дата обращения: 28.10.2021).

12. Соболевская В. Гостиничная индустрия в эпоху COVID-19. URL: http://hotel.report>... gostinichnaya...v-epohu-covid-19 (дата обращения: 26.10.2021).

13. Дробот Е. В. Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 4. С. 937-960. https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111375.

14. Вертакова Ю. В., Феоктистова Т. В. Реализация антикризисных мер для населения и бизнеса в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 5 (175). С. 444–454.

15. Акмаева Р. И., Бабкин А. В., Епифанова Н. Ш. О стратегиях восстановления российских организаций после COVID-19 // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 3. С. 115–128.

16. Третьяков А. В., Алюшин Р. Е., Яценко К. В. Малый бизнес в гостиничной сфере Курской области на рубеже XX-XXI веков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. Т. 55, № 3. С. 48-57.

17. Кабелкайте-Вайткене Ю. А. Влияние пандемии коронавируса на индустрию гостеприимства: проблемы и возможности // Российские регионы: взгляд в будущее. 2020. Т. 7, № 4. С. 106–116.

18. Кизилов В. В. Некоторые макроэкономические последствия COVID-19: специфика мирового кризиса 2020 года // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 1. С. 9–27. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-1-9-27.

19. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики / Е. В. Дробот, И. Н. Макаров, В. С. Назаренко, С. М. Манасян // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 8. С. 2135-2150. https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110790.

20. Кулькова И. А. Адаптация поведения предпринимателей к вызванным пандемией коронавируса изменениям // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 10. С. 2529-2540. https://doi.org/10.18334/epp.10.10.111051.

References

1. Vliyanie pandemii na sferu turizma [The Impact of the pandemic on the tourism]. Available at: https://ru.investinrussia.com/data/files/sectors/ru-ru-tourism-in-russia-current.pdf. (accessed 26.10.2021)

2. Itogi goda na rynke gostinichnyh uslug [RBC: a year in the market of hotel services]. Available at: https://marketing.rbc.ru/articles/12427/. (accessed 26.10.2021)

3. Clark C., Davila A., Regis M., Kraus S. Predictors of COVID-19 voluntary compliance behaviors: an international investigation. *Global Transitions*, 2020, vol. 2, pp. 76–82. https://doi.org/10.1016/j.glt.2020.06.003

4. Zhang H., Cho T., Wang H. The impact of a terminal high altitude area defense incident on tourism risk perception and attitude change of Chinese tourists traveling to South Korea. *Sustainability*, 2020, vol. 12, is. 1. pp. 1–13.

5. Baum T., Hai N. T. T. Hospitality, tourism, human rights and the impact of COVID-19. *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, 2020, vol. 32, no. 7, pp. 2397–2407. https://doi.org/10.1108/IJCHM-03-2020-0242

6. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Kurskoj oblasti [The socio-economic situation of the Kursk region]. Available at: https://kurskstat.gks.ru/publication_collection/document/38734. (accessed 26.10.2021)

7. V Kurske obsudili turisticheskij potencial regiona [In Kursk discussed the tourism potential of the region]. Available at: http://kursk-news.net/society/2019/09/28/41761.html. (accessed 28.10.2021)

8. Turizm-2020 i COVID-19: turisticheskaya otrasl' v usloviyah pandemii i posle nee [Tourism 2020 and COVID-19: the tourism industry in the conditions of the pandemic and after]. Available at: https://www.garant.ru/article/1376805/. (accessed 28.10.2021)

9. Rukovoditel' kurskogo Rospotrebnadzora: «ZHit' v lokdaune – nepozvolitel'naya roskosh'» [The head of Rospotrebnadzor of Kursk "Life in lockdown – a luxury"]. Available at: https://kursk-izvestia.ru/news/175989/. (accessed 28.10.2021)

10. Vnutrennij turizm v 2021 godu vosstanovitsya do urovnya 2019 goda, vyezdnoj – net [Domestic tourism in 2021 will be restored to the level of 2019, exit – no]. Available at: https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/82108/. (accessed 28.10.2021)

11. Rossiyane na tret' uvelichili svoi raskhody na otdyh v 2021 godu [The Russians in the third increased their spending on recreation in 2021]. Available at: https://lenta.ru/news/2021/09/27/tourism/. (accessed 28.10.2021)

12. Sobolevskaya V. Gostinichnaya industriya v epohu COVID-19 [Hotel industry in the era of COVID-19]. Available at: http://hotel.report>...gostinichnaya...v-epohu-covid-19. (accessed 26.10.2021)

13. Drobot E. V. Mirovaya ekonomika v usloviyah pandemii COVID-19: itogi 2020 goda i perspektivy vosstanovleniya [The world economy in the conditions of the COVID-19 pandemic: the results of

2020 and prospects for recovery]. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic Relations*, 2020, vol. 10, no. 4, pp. 937-960. https://doi.org/10.18334/eo.10.4.111375

14. Vertakova Yu. V., Feoktistova T. V. Realizaciya antikrizisnyh mer dlya naseleniya i biznesa v usloviyah pandemii koronavirusa COVID-19 [Implementation of anti-crisis measures for the population and business in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*, 2020, vol. 26, no. 5 (175), pp. 444-454.

15. Akmaeva R. I., Babkin A. V., Epifanova N. S. O strategiyah vosstanovleniya rossijskih organizacij posle COVID-19 [On strategies for restoring Russian organizations after COVID-19]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 115-128.

16. Tretyakov A. V., Alyushin R. E., Yatsenko K. V. Malyj biznes v gostinichnoj sfere Kurskoj oblasti na rubezhe XX-XXI vekov [Small business in the hotel sector of the Kursk region at the turn of the XX-XXI centuries]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, 2020, vol. 55, no. 3, pp. 48-57.

17. Calcite-Vitkine J. A. Vliyanie pandemii koronavirusa na industriyu gostepreimstva: problemy i vozmozhnosti [The Impact of the pandemic of the coronavirus in the hospitality industry: challenges and opportunities]. *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee = Russian Regions: a Look into the Future*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 106–116.

18. Kizilov V. V. Nekotorye makroekonomicheskie posledstviya COVID-19: specifika mirovogo krizisa 2020 goda [Some macroeconomic consequences of COVID-19: specifics of the global crisis of 2020]. *Finansovyj zhurnal = Financial Journal*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 9-27. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-1-9-27

19. Drobot E. V., Makarov I. N., Nazarenko V. S., Manasyan S. M. Vliyanie pandemii COVID-19 na real'nyj sektor ekonomiki [The impact of the COVID-19 pandemic on the real sector of the economy]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 8, pp. 2135-2150. https://doi.org/10.18334/epp.10.8.110790

20. Kulkova I. A. Adaptaciya povedeniya predprinimatelej k vyzvannym pandemiej koronavirusa izmeneniyam [Adaptation of entrepreneurs' behavior to changes caused by the coronavirus pandemic]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 10, pp. 2529-2540. https://doi.org/10.18334/epp.10.10.111051

Информация об авторе / Information about the Author

Абушенкова Марина Владимировна, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: abushenkova.mv@yandex.ru,
ORCID: orcid.org/0000-0002-8632-1715

Marina V. Abushenkova, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: abushenkova.mv@yandex.ru,
ORCID: orcid.org/0000-0002-8632-1715

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-115-126

CC BY 4.0

Механизм выявления угроз экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса

Н. А. Кулагина[1] ✉, Е. М. Чепикова[1], Р. М. Мугутдинов[2]

[1] Брянский государственный инженерно-технологический университет
пр-т Станке Димитрова 3, г. Брянск 241037, Российская Федерация

[2] Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого
ул. Политехническая 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

✉ e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Четвертая техническая революция, в реалиях которой происходят активные процессы цифровизации, кардинально меняет современные представления о бизнесе и экономике, так как деятельность ведется в новых условиях. Бизнес-субъекты адаптируются под инновационные модели бизнеса, процессы в которых вписываются в концепцию «Индустрии 4.0» и влекут за собой систематическое перераспределение ролей на рынке в пользу инновационно ориентированных, высокопроизводительных, цифровых предприятий. Новые возможности цифровизации неизбежно порождают новые угрозы экономической безопасности бизнес-субъектов, которые вызваны хаотичным влиянием факторов как внешней, так и внутренней среды, затрагивают все аспекты деятельности и требуют своевременного выявления для выработки инструментов снижения их последствий.*

Целью *исследования является теоретико-методическая проработка вопросов выделения среди инновационных форм предпринимательской деятельности – «цифрового предприятия» – особого вида предприятия с наделенными признаками и особенной структурой, особенности которых позволяют впоследствии выработать механизм систематизации угроз экономической безопасности, связанных со спецификой его деятельности для управления стратегическим развитием.*

Задачи*: анализ статистических данных об уровне цифровизации бизнеса в России; формулирование авторского подхода к пониманию сущности и признаков цифрового предприятия; представление авторской трактовки понятия «экономическая безопасность цифрового предприятия», а также раскрытие алгоритма выделения специфических угроз экономической безопасности цифровых предприятий с целью последующего управления ними для обеспечения темпов устойчивого развития предприятия.*

Методология*. В рамках исследования были использованы материалы мировых рейтинговый отчетов и информационных агентств. Были использованы стандартные методы статистической обработки. Применены метод классификации и сравнительного анализа, а также методы структурно-функционального и стратегического анализа.*

Результаты*. В статье рассмотрены основные тенденции цифровизации бизнеса в России. Сформулирован авторский подход к пониманию дефиниции «цифровое предприятие», выделены его ключевые признаки. Проведена систематизация угроз экономической безопасности цифровых предприятий на основе выделенных признаков цифрового предприятия.*

Выводы*. Цифровое предприятие – это бизнес-субъект, в основе деятельности которого лежит интеграция физических и цифровых объектов, который дает возможность быстро адаптировать и внедрять глобальные технологические ИТ-тренды в целях обеспечения устойчивого экономического развития. Цифровое предприятие – это концепция, которая дает огромное преимущество для компаний, которые, следуя общемировым трендам, понимают значимость цифровизации в ведении бизнеса. Экономическая безопасность цифрового предприятия представляет собой комплексное, многогранное понятие, под которым следует понимать устойчивость потенциала предприятия к угрозам из цифровой экосреды и механизм их анализа, систематизации и устранения.*

Ключевые слова: *инновационный бизнес; инновационная среда; цифровизация; цифровая экономика; цифровое предприятие; экономическая безопасность.*

© Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М., 2022

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Мугутдинов Р. М. Механизм выявления угроз экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 115–126. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-115-126.

Поступила в редакцию 01.12.2021 Принята к публикации 11.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Mechanism for Identifying Threats to the Economic Security of a Digital Enterprise in an Innovative Business Environment

Natalia A. Kulagina[1]✉, Evgeniya M. Chepikova[1], Rashid M. Mukhutdinov[2]

[1] Bryansk State Engineering and Technological University
3 Stanke Dimitrova av., Bryansk 241037, Russian Federation

[2] St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great
29 Politechnicheskaya str., St. Petersburg 195251, Russian Federation

✉ e-mail: kulaginana2013@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The fourth technical revolution, in the realities of which active digitalization processes are taking place, radically changes modern ideas about business and the economy, as activities are conducted in new conditions. Business entities adapt to innovative business models, the processes in which fit into the concept of Industry 4.0 and entail a systematic redistribution of roles in the market in favor of innovation-oriented, high-performance, digital enterprises. New opportunities of digitalization inevitably generate new threats to the economic security of business entities, which are caused by the chaotic influence of factors, both external and internal environment, affect all aspects of activity and require timely identification to develop tools to reduce their consequences.*

The purpose *of the study is a theoretical and methodological study of the issues of distinguishing among innovative forms of entrepreneurial activity a special type of enterprise - a "digital enterprise", with endowed features and a special structure, the features of which allow later to develop a mechanism for systematizing threats to economic security associated with the specifics of its activities for strategic development management.*

Objectives*: to analyze statistical data on the level of digitalization of business in Russia; to formulate the author's approach to understanding the essence and features of a digital enterprise; to present the author's interpretation of the concept of "economic security of a digital enterprise", as well as to reveal the algorithm for identifying specific threats to the economic security of digital enterprises in order to subsequently manage them to ensure the pace of sustainable development of the enterprise.*

Methodology. *The materials of the world rating reports and news agencies were used as part of the study. Standard methods of statistical processing were used. The method of classification and comparative analysis, as well as methods of structural-functional and strategic analysis are applied.*

Results. *The article discusses the main trends of digitalization of business in Russia. The author's approach to understanding the definition of "digital enterprise" is formulated, its key features are highlighted. The systematization of threats to the economic security of digital enterprises is carried out on the basis of the selected features of a digital enterprise.*

Conclusions. *A digital enterprise is a business entity based on the integration of physical and digital objects, which makes it possible to quickly adapt and implement global technological IT trends in order to ensure sustainable economic development. Digital enterprise is a concept that gives a huge advantage to companies that, following global trends, understand the importance of digitalization in doing business. The economic security of a digital enterprise is a complex, multifaceted concept, which should be understood as the resilience of the enterprise's potential to threats from the digital environment and the mechanism for their analysis, systematization and elimination.*

Keywords*: innovative business; innovative environment; digitalization; digital economy; digital enterprise; economic security.*

***Conflict of interest**: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kulagina N. A., Chepikova E. M., Mukhutdinov R. M. Mechanism for Identifying Threats to the Economic Security of a Digital Enterprise in an Innovative Business Environment. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 115–126. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-115-126.

Received 01.12.2021 Accepted 11.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

В инновационных условиях хозяйствования информационные технологии стирают привычные границы понимания устоявшихся понятий. Слияние виртуального и реального мира диктует рынку новые реалии, в которых привычные бизнес-модели уже не могут существовать обособленно от цифровых инструментов. Цифровая трансформация полностью меняет систему взаимоотношения как на макро-, так и на мезоуровнях экономики [1].

Эпоха цифрового бизнеса порождает волну инноваций практически во всех отраслях экономики и общества, что приводит к поиску современных механизмов устойчивого развития. Кардинальное изменение парадигмы ведения бизнеса делает трансформацию бизнес-процессов неотъемлемой частью как сохранения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, так и вызовом, который ставит под угрозу само его существование на рынке [2].

На фоне цифровых трансформаций все более возрастает значимость обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов, так как применение сквозных цифровых технологий и взаимодействие бизнес-структур в цифровой экосреде влечет за собой серьезные угрозы. Глобальные вызовы порождают новые, ранее не известные угрозы и риски, инструменты анализа которых нуждаются в совершенствовании вследствие новизны их возникновения [3].

Конкурентная среда, в которой функционируют предприятия, вынуждает их быстро адаптироваться к новым условиям, меняя бизнес-стратегии и бизнес-процессы, применять новые инновационные механизмы обеспечения экономической безопасности и системы мониторинга рисков. Возникает необходимость построения концепции обеспечения экономической безопасности в новых условиях с учетом специфики влияния инновационных факторов развития и процессов цифровизации общества [4].

Материалы и методы

В рамках исследования были использованы материалы мировых рейтинговый отчетов и информационных агентств. Были использованы стандартные методы статистической обработки. Применены метод классификации и сравнительного анализа, а также методы структурно-функционального и стратегического анализа.

Результаты и их обсуждение

Процессы цифровой трансформации перешли в активную фазу внедрения на уровне отдельных отраслей и экономики в целом, а их важность определена Правительством РФ в виде национальных и региональных проектов. Именно цифровизация экономики является важнейшим источником обеспечения конкурентоспособности страны на мировой арене и способна обеспечивать устойчивые темпы экономического роста и решение важнейших социальных задач развития.

По данным исследований Высшей школы экономики [5], индекс цифровизации бизнеса в России в 2018 г. составлял 31%. В данном контексте под

цифровизацией подразумевается уровень использования широкополосного интернета, RFID-технологий, ERP-систем и т. д. В разрезе по видам экономической деятельности уровень показателя проиллюстрирован ниже (рис. 1).

Как видим, наилучший уровень продемонстрировали предприятия, занятые в сфере телекоммуникаций и оптово-розничной торговли.

Валовые внутренние затраты на цифровизацию имеют следующую структуру (рис. 2).

Рис.1. Уровень цифровизации бизнеса в России в 2018 г., %

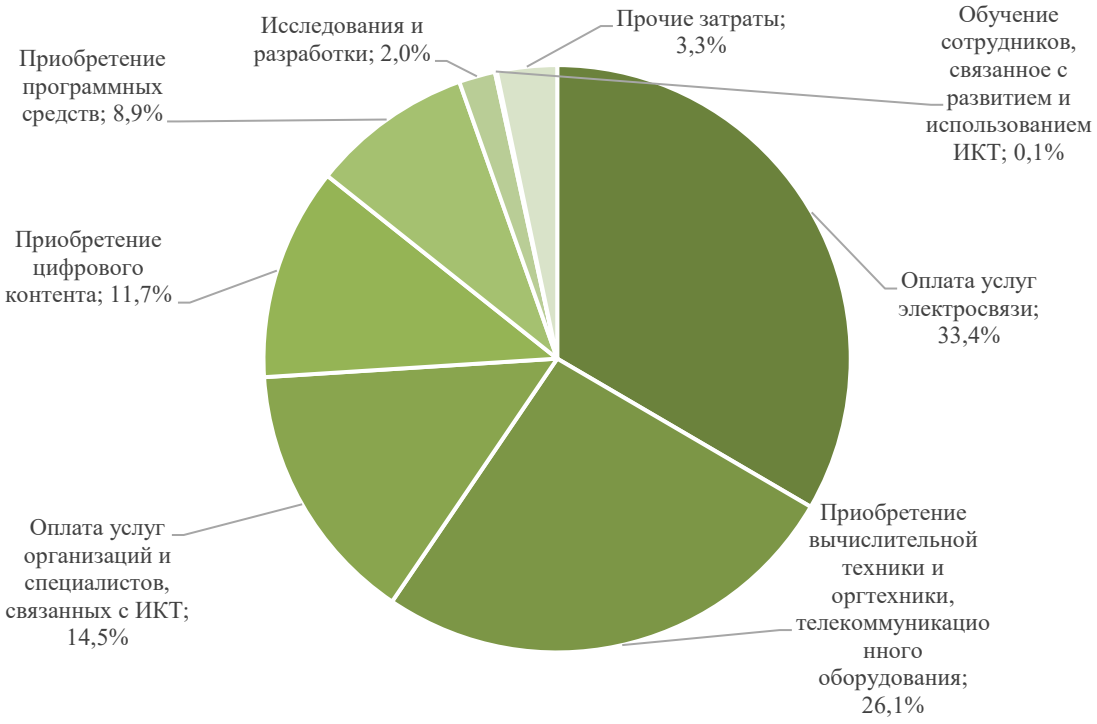

Рис. 2. Структура за затрат на развитие цифровой экономики, %

Большая часть затрат приходится на оплату услуг электросвязи, а также приобретение вычислительной техники и другого оборудования. Негативным моментом является тот факт, что затраты на создание и использование цифровых технологий, исследования и разработки и обучение сотрудников, связанное с процессами цифровизации, занимают незначительную долю в структуре расходов.

Цифровизация предприятий в России на сегодняшний день еще находится на уровне становления. Показатели использования ИКТ в России ниже, чем в развитых странах. И если до 2019 г. мы могли наблюдать рост, то кризис, связанный с пандемией COVID-19, негативно сказался и на этом аспекте (рис. 3).

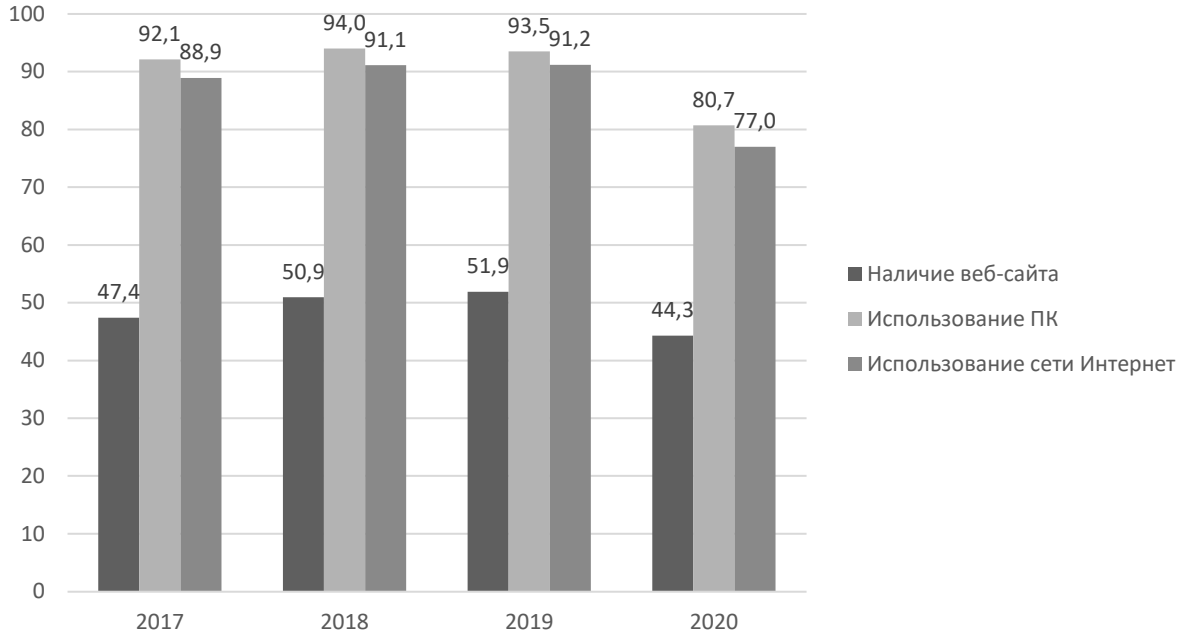

Рис. 3. Использование ИКТ в организациях, %

Тем не менее цифровые технологии сегодня задают направление развития экономических процессов. Их научно-теоретическое осмысление подчеркивает возрастающее влияние такого понятия, как «цифровое предприятие». Этот термин относительно молодой и, как следствие, недостаточно проработанный. Обратимся к существующим определениям.

Сам термин «цифровое предприятие» впервые был введен пионером в вопросах цифровой экономики Н. Негропонте в 1996 г. Но на тот момент данное понятие имело чисто теоретическое применение и практическую реализацию получило лишь в XXI в.

А. Мельникова дает следующее определение цифровому предприятию: организация, способная быстро адаптироваться к быстро меняющимся окружающим условиям, в т. ч. на основе проактивного прогноза развития ситуации в будущем [6].

Несколько иной подход мы видим в трудах В. Ананьина. Цифровое предприятие – это то предприятие, которое использует информационные технологии в качестве конкурентного преимущества во всех сферах своей деятельности: производстве, бизнес-процессах, маркетинге и взаимодействии с клиентами [7].

Р. Гирманов предлагает свое определение цифрового предприятия, делая акцент на том, что в основе деятельности такого предприятия лежит созданная цифровая платформа интеграции и взаимодей-

ствия всех участников на протяжении всего жизненного цикла предприятия [8].

По нашему мнению, цифровое предприятие – это бизнес-субъект, в основе деятельности которого лежит интеграция физических и цифровых объектов, который дает возможность быстро адаптировать и внедрять глобальные технологические ИТ-тренды в целях обеспечения устойчивого экономического развития [9].

Обобщая существующие исследования, выделим наиболее характерные для цифровых предприятий признаки:

1. Цифровые бизнес-модели и бизнес-процессы. Это не только глубокая цифровизация внутренних процессов, но и отношений с контрагентами. Невозможно адаптировать цифровые технологии для эффективной внутренней работы без кардинальной оптимизации внутренних и внешних бизнес-процессов [10; 11].

2. Особые требования к человеческому капиталу, социальность. В первую очередь это наличие у персонала и руководства так называемой «культуры изменений», а также компетенций, которые позволят функционировать процессам управления знаниями. Цифровое предприятие подразумевает переход от вертикальной иерархии к «плоской» системе управления. Сюда, безусловно, стоит отнести и такую особенность, как исключение человека из регулярной рутинной деятельности.

3. Смещение акцента с материальной формы продукта на цифровую. Это не значит, что цифровое предприятие – это предприятия информационно-коммуникационного сектора. Здесь подразумевается невозможность продвижения, продажи и использования продукта без его цифрового представления, например в виде электронных макетов, документации и т. д.

4. Бизнес-аналитика. Переход к цифровому предприятию неизбежно влечет за собой рост объемов обрабатываемых данных и, как следствие, необходимость использования инструментов бизнес-анализа для принятия решений на различных уровнях. Информация – это один из видов ресурсов, необходимых для функционирования цифрового бизнес-субъекта.

Таким образом, отнесение предприятия в группу цифровых субъектов в инновационных условиях ведения бизнеса осуществляется на основе трансформации традиционных признаков с помощью инструментов цифрового развития (рис. 4).

Однако стоит отдельно обратить внимание, что цифровая трансформация предприятий – это ответ на существующие потребности общества в условиях цифровой экономики, но в то же время выбор целей и путей цифровой трансформации – это субъективный процесс, который реализуется в первую очередь внутри самого хозяйствующего субъекта, исходя из его бизнес-интересов, стратегических ориентиров и уровня использования имеющегося инновационного потенциала.

В качестве примера рассмотрим результаты исследования Capgemini Consulting и MIT Sloan School of Management, на основании можно судить о взаимосвязи инновационных условий ведения бизнеса и процессов цифровизации предприятий [12].

На рисунке 5 приведена матрица, которая была сформирована исследователями в результате анализа более 400 компаний различных отраслей. По одной оси выделены инвестиции в технологические инновации в целях запуска процесса цифровизации, по другой – глубина преобразований менеджмента. По результатам исследования были сделаны выводы о том, что активное использование новых технологий и методов дает компании в среднем до 26% больше прибыльности по сравнению с аналогичными компаниями. В то время как компании, стратегия развития которых все еще четко не обозначена, имеют отрицательные результаты по сравнению с конкурентами.

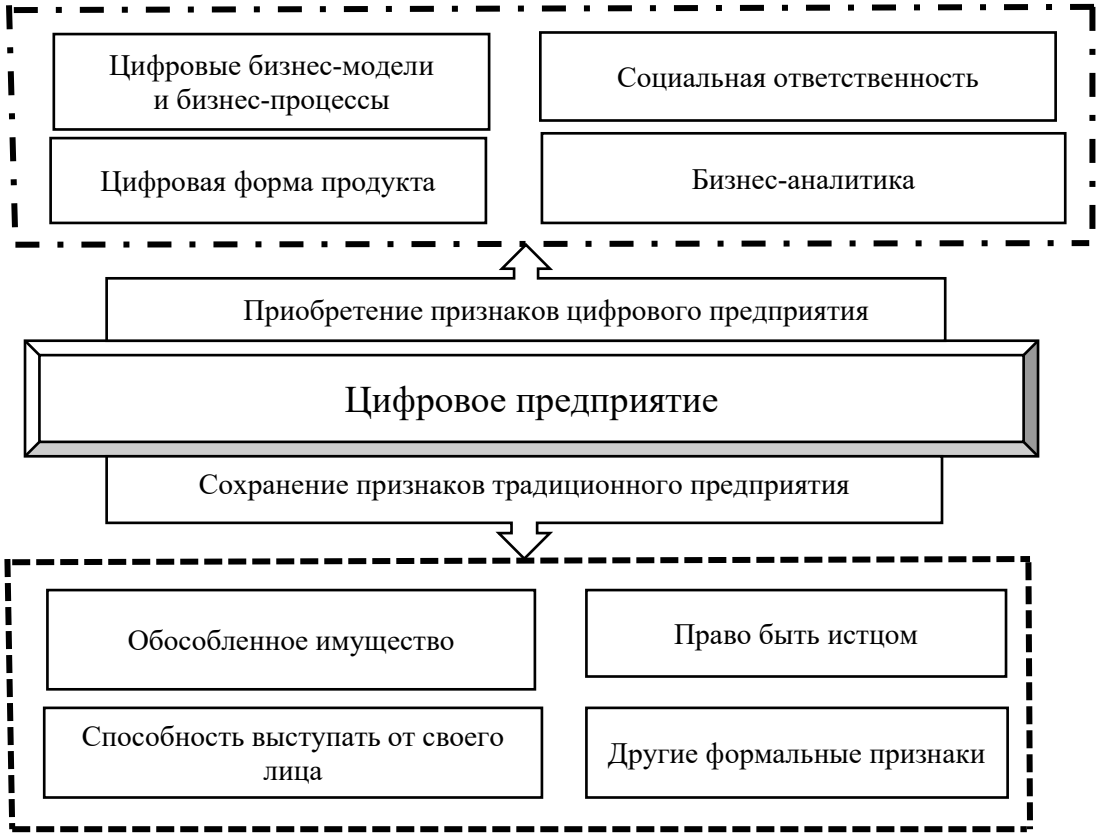

Рис. 4. Признаки цифрового предприятия

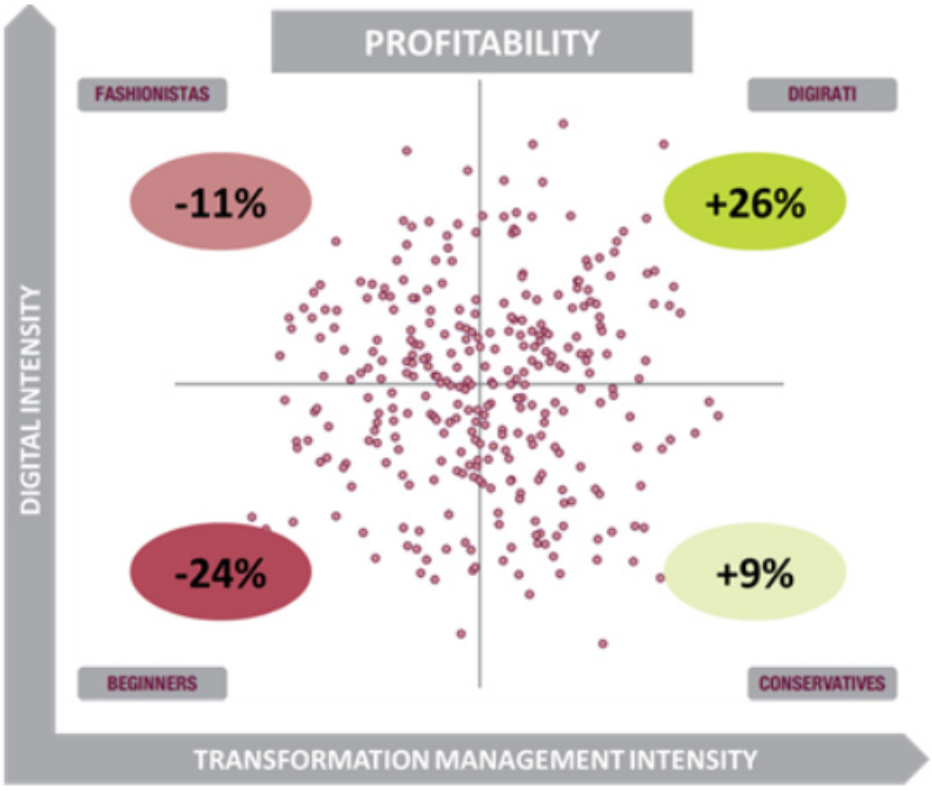

Рис. 5. Зависимость прибыльности от процессов цифровой трансформации

Новые возможности цифровизации неизбежно порождают и новые угрозы экономической безопасности бизнес-субъектов. Для начала раскроем, что мы понимаем под экономической безопасностью цифрового предприятия [13; 14].

По мнению авторов, под экономической безопасностью цифрового предприятия нами понимается состояние защищенности организации от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается поддержание успешного протекания процесса цифровизации и возможность снижения вероятности киберугроз [15; 16].

При ориентации на обеспечение экономической безопасности остро встает вопрос о выявлении и прогнозировании угроз, связанных с новой парадигмой ведения хозяйственной деятельности, т. е. с учетом инновационных условий ведения бизнеса.

Исходя из обозначенных признаков цифрового предприятия следует выделить специфические угрозы экономической безопасности, которые нами предлагается классифицировать по выделенным признакам на рисунке 4 (табл. 1).

Таблица 1. Угрозы экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса

Классификационный признак угрозы 1-го порядка	Код составляющей 2-го порядка	Пример угрозы
Угрозы, связанные с цифровизацией бизнес-процессов и бизнес-моделей	$У_{11}$	Угроза попадания в зависимость от заимствованных цифровых разработок
	$У_{12}$	Угрозы цифровой инфраструктуре
	…	
Угрозы, связанные с социальностью и человеческим капиталом	$У_{21}$	Несоответствие компетентности персонала
	$У_{22}$	Отсутствие мотивации руководителей различных уровней
	…	
Угрозы, вызванные смещением акцента на цифровую форму продукта	$У_{31}$	Угроза внедрения «незрелых» технологий
	$У_{32}$	Промышленный шпионаж
	…	
Угрозы, связанные с бизнес-аналитикой и большими данными	$У_{41}$	Угрозы кибербезопасности
	$У_{42}$	Угроза недостатка достоверной информации
	…	

Первый блок угроз связан с цифровизацией бизнес-процессов и бизнес-моделей организации. Это, например, угроза попадания в зависимость от заимствованных цифровых разработок; угрозы цифровой инфраструктуре и безопасности цифровых систем [17].

Следующий блок угроз связан с спецификой человеческого капитала. Здесь стоит выделить такие угрозы, как несоответствие компетентности персонала, саботаж цифровых технологий, консерватизм мышления, отсутствие мотивации руководителей различных уровней.

Третий блок угроз включает в себя такие угрозы, как угроза внедрения «незрелых» технологий, промышленный шпионаж.

Вопросы, связанные с ростом объемов информации и бизнес-аналитикой, подвергаются угрозам, связанным с кибербезопасностью, а также угрозам, связанным с нормативно-правовыми изменениями в информационной сфере. Сюда же стоит отнести угрозу недостатка достоверной информации.

Напрямую связана с угрозами другая категория экономической безопасности – риск, которая представляет со-

бой возможность нанесения ущерба экономической системе в связи с реализацией угрозы экономической безопасности [18]. Соответственно, для цифрового предприятия риски обусловлены спецификой угроз, связанных с особенностями его функционирования и специализацией.

Риски характеризуются с двух позиций. Во-первых, это вероятность реализации угрозы, во-вторых, это оценка размера ущерба, который может быть нанесён в случае реализации этой угрозы.

Для проведения экспресс-оценки рисков экономической безопасности цифрового предприятия целесообразно составлять карты стратегической их оценки для дальнейшего прогнозирования их негативного проявления и финансовой оценки последствий (табл. 2).

Таблица 2. Макет-карта оценки рисков экономической безопасности цифрового предприятия в инновационных условиях ведения бизнеса

Риск	Группа угроз, к которой относится риск	Вероятность наступления риска	Стоимостная оценка риска	Стоимость реализации мер защиты	Допустимые издержки

Таким образом, предлагаемый методический подход к выявлению и систематизации угроз экономической безопасности цифровых предприятий на основе признаков их функционирования представляет, на наш взгляд, реальный инструмент для анализа и управления в контексте стратегии развития предприятий. Это позволит координировать действия по разработке и внедрению мероприятий по повышению уровня экономической безопасности с учетом специфики хозяйствования цифрового предприятия, совершенствовать стратегию его развития, а также анализировать динамику происходящих изменений [19; 20].

Выводы

Цифровое предприятие – это концепция, которая дает огромное преимущество для компаний, которые, следуя общемировым трендам, понимают значимость цифровизации в ведении бизнеса. Сегодня уже теряет актуальность вопрос внедрения цифровых технологий в бизнес. Традиционное понимание автоматизации и информатизации ушли в прошлое. Цифровая трансформация – это непрерывный процесс изменений бизнеса, который может эффективность протекать лишь в тех предприятиях, бизнес-модель которых перестроена соответственным образом.

Прогнозирование угроз цифровизации экономики и угроз цифровым предприятиям становится одной из приоритетных задач обеспечения экономической безопасности. Формирование процессов экономического роста и повышение благосостояния общества невозможны без решения современных вызовов и проблем экономической безопасности, которые на сегодняшний день недостаточно изучены и требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Список литературы

1. Харламов А. В., Харламова Т. Л. Трансформация российской хозяйственной системы: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4 (33). С. 8-16.

2. Родионов Д. Г., Карпенко П. А., Конников Е. А. Концептуальная модель управления развитием региональных социально-экономических систем // Экономические науки. 2021. № 197. С. 163-170.

3. Rodionov D., Rudskaia I. Problems of infrastructural development of "Industry 4.0" in Russia on Sibur experience // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020. Seville, 2018. P. 3534-3544.

4. Родионов Д. Г., Алферьев Д. А. Устойчивость оптимального плана производства инновационной продукции промышленного предприятия // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13, № 5. С. 106-119.

5. Индикаторы цифровой экономики: 2020: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2020. 360 с.

6. Интервью TAdviser с генеральным директором СберТеха Алисой Мельниковой. TAdviser. URL: http://qoo.by/2ZRx (дата обращения: 18.10.2021).

7. Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность / В. И. Ананьин, К. В. Зимин, М. И. Лугачев [и др.] // Бизнес-информатика. 2018. № 2 (44). С. 45–54.

8. Гимранов Р. Д. Группировка угроз и рисков экономической безопасности цифрового предприятия нефтегазовой отрасли: ситуационный подход // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 7. С. 1291-1310.

9. Положихина М. А. Регулирование процесса цифровизации экономики: европейский и российский опыт // Россия и современный мир. 2018. № 4 (101). С. 64–81.

10. Тельнов Ю. Ф. Развитие архитектур цифровых предприятий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 230–235.

11. Кузнецова Т. И., Иванов Г. М., Опарин О. И. Цифровое предприятие в концепции «Индустрия 4.0» // Гуманитарный вестник. 2017. Вып. 12 (62). С. 10.

12. Capgemini: офиц. сайт. URL: https://www.capgemini.com/ (дата обращения: 18.10.2021).

13. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ 02.07.2021 г. № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 18.10.2021).

14. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_ 216629 (дата обращения: 18.10.2021).

15. Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность / В. И. Ананьин, К. В. Зимин, М. И. Лугачев, Р. Д. Гимранов, К. Г. Скрипкин // Бизнес-информатика. 2018. № 2 (44). С. 45–54.

16. Цифровая трансформация предприятий сталкивается с 4 вызовами. URL: https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaatransformaciapredpriatij-stalkivaetsa -s-4-vyzovami -25080 (дата обращения: 18.10.2021).

17. Мананников Д. Необходимость изменения парадигмы безопасности в условиях цифровизации экономики. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56901&p=attachment (дата обращения: 18.10.2021).

18. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическя безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10–15.

19. Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Логачева Н. А. Систематизация угроз экономической безопасности в условиях цифровой трансформации // Экономические науки. 2021. № 4(197). С. 128-134.

20. Кулагина Н. А., Чепикова Е. М., Логачева Н. А. Цифровая экономика: сущность и базовые элементы развития // Управленческий учет. 2021. № 4–2. С. 262–266.

References

1. Kharlamov A. V., Kharlamova T. L. Transformaciya rossijskoj hozyajstvennoj sistemy: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Transformation of the Russian economic system: theoretical and practical aspects]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2019, vol. 9, no. 4 (33), pp. 8-16.

2. Rodionov D. G., Karpenko P. A., Konnikov E. A. Konceptual'naya model' upravleniya razvitiem regional'nyh social'no-ekonomicheskih sistem [Conceptual model of management of the development of regional socio-economic systems]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2021, no. 197, pp. 163-170.

3. Rodionov D., Rudskaya I. Problems of infrastructure development of "Industry 4.0" in Russia on the experience of Sibur experience. Proceedings of the 32nd International Conference of the Business Information Management Association, IBIMA 2018 – Vision 2020. Seville, 2018, pp.3534-3544.

4. Rodionov D. G., Alferyev D. A. Ustojchivost' optimal'nogo plana proizvodstva innovacionnoj produkcii promyshlennogo predpriyatiya [Stability of the optimal plan for the production of innovative products of an industrial enterprise]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 106-119.

5. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M., eds. Indikatory cifrovoj ekonomiki: 2020. Statisticheskij sbornik [Indicators of the digital economy: 2020. Statistical collection]. Moscow, National Research University "Higher School of Economics" Publ., 2020. 360 p.

6. Interv'yu TAdviser s general'nym direktorom SberTekha Alisoj Mel'nikovoj [Interview of TAdviser with the CEO of SberTech Alice Melnikova. Tadviser]. Available at: http://qoo.by/2ZRx. (accessed 18.10.2021)

7. Ananyin V. I., Zimin K. V., Lugachev M. I., eds. Cifrovoe predpriyatie: transformaciya v novuyu real'nost' [Digital enterprise: transformation into a new reality]. *Biznes-informatika = Business Informatics*, 2018, no. 2 (44), pp. 45-54.

8. Gimranov R. D. Gruppirovka ugroz i riskov ekonomicheskoj bezopasnosti cifrovogo predpriyatiya neftegazovoj otrasli: situacionnyj podhod [Grouping of threats and risks to the economic security of a digital enterprise in the oil and gas industry: situational approach]. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2020, vol. 14, no. 7, pp. 1291-1310.

9. Polosuhina M. A. Regulirovanie processa cifrovizacii ekonomiki: evropejskij i rossijskij opyt [Regulation of the process of digitalization of the economy: European and Russian experience]. *Rossiya i sovremennyj mir = Russia and the Modern World*, 2018, no. 4 (101), pp. 64-81.

10. Telnov Y. F. Razvitie arhitektur cifrovyh predpriyatij [Development of digital enterprise architectures]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 2021, vol. 230, no. 4, pp. 230-235.

11. Kuznetsova T. I., Ivanov G. M., Oparin O. I. Cifrovoe predpriyatie v koncepcii "Industriya 4.0" [Digital enterprise in the concept of "Industry 4.0"]. *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin*, 2017, is. 12 (62), p. 10.

12. Capgemini. Available at: https://www.capgemini.com/. (accessed 18.10.2021)

13. O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [On the National Security Strategy of the Russian Federation]. Decree of the President of the Russian Federation of July, 2021 № 400. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669. (accessed 18.10.2021)

14. O Strategii ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030]. Decree of the President of the Russian Federation of May, 2017 № 208. Available at: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_ LAW_ 216629. (accessed 18.10.2021)

15. Ananyin V. I., Zimin K. V., Logachev M. I., Gimranov D. R., Skripkin K. G. Cifrovoe predpriyatie: transformaciya v novuyu real'nost' [Digital factory: transformation into a new reality]. *Biznes-informatika = Business Informatics*, 2018, no. 2 (44), pp. 45-54.

16. Cifrovaya transformaciya predpriyatij stalkivaetsya s 4 vyzovami [The digital transformation of enterprises faces 4 challenges]. Available at: https://ac.gov.ru /news/page/ cifrovaatransformaciapredpriatij-stalkivaetsa -s-4-vyzovami -25080. (accessed 18.102021)

17. Manannikov D. Neobhodimost' izmeneniya paradigmy bezopasnosti v usloviyah cifrovizacii ekonomiki [The need to change the security paradigm in the conditions of digitalization of the economy]. Available at: https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=56901&p=attachment. (accessed 18.10.2021)

18. Sushkova I. A. Sootnoshenie i vzaimosvyaz' ponyatij "vyzov", "opasnost'", "ugroza", "risk" [Interrelation and interdependence of the concepts of "challenge", "risk", "threat", "risk"]. *Ekonomicheskya bezopasnost' i kachestvo = Economic Sciences*, 2018, no. 4 (33), pp. 10–15.

19. Kulagina N. I., Chepikova E. M., Logacheva N. I. Sistematizaciya ugroz ekonomicheskoj bezopasnosti v usloviyah cifrvooj transformacii [Classification of threats to economic security in the conditions of economic transformation]. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2021, no. 4(197), pp. 128-134.

20. Kulagina N. A., Chepikova E. M., Logacheva N. A. Cifrovaya ekonomika: sushchnost' i bazovye elementy razvitiya [Digital economy: essence and basic elements of development]. *Upravlencheskij uchet = Managerial Accounting*, 2021, no. 4, pp. 262-266.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кулагина Наталья Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7303-6923,
Researcher ID: O-5530-2017

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russian Federation,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7303-6923,
Researcher ID: O-5530-2017

Чепикова Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления, экономической и информационной безопасности, Брянский государственный инженерно-технологический университет, г. Брянск, Российская Федерация,
e-mail: kozlovavev@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8225-2978

Evgeniya M. Chepikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Economic and Information Security, Bryansk State Engineering and Technological University, Bryansk, Russian Federation,
e-mail: kozlovavev@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8225-2978

Мугутдинов Рашид Магомедрасулович, соискатель Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет имени Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: Mugutdinov.r@list.ru

Rashid M. Mukhutdinov, Applicant of the Higher School of Engineering and Economics, St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great,
St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: Mugutdinov.r@list.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-127-136

CC BY 4.0

Определяющее значение кейтеринга в реформации ресторанной индустрии

В. В. Волобуев[1] ✉, А. С. Третьяк[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Резюме

Актуальность *изучения сферы общественного питания никогда не вызывала сомнений, поскольку данный вид деятельности напрямую связан с важнейшей потребностью человека – потребностью в пище, а также состояние данного рынка находится в тесной связи с уровнем развития экономики регионов и государства в целом и отражает удовлетворение запросов общества и личности. Ресторанная индустрия в том виде, в котором мы ее воспринимаем на сегодняшний день, формировалась столетиями. В XII в. в Китае появились первые рестораны, когда города Кайфын и Ханчжоу имели плотность населения больше миллиона жителей каждый. Одной из предпосылок появления ресторанных предприятий было непринятие местной кухни торговцами, которые налаживали торговые связи между городами. Отсюда вытекает принцип бизнеса: нужно предложить то, что захотят купить. Сфера предоставления услуг в XXI в. переживает реформацию в плане вседозволенности, каждый человек может получить то, что он хочет, когда и где угодно. Реформация не обошла стороной и структуру общественного питания. Реформация ресторанного бизнеса – общемировой тренд, позволяющий преобразовывать качественно новые системы предоставления услуг питания. Потребители все чаще обращают внимание на «универсальность сервиса», в том числе на организацию услуг питания, не привязанных к месту производства, а отвечающих запросам потребителя. К такому кластеру услуг относят кейтеринг. Кейтеринг как способ предоставления услуг питания набирает все большую популярность среди маркетинговых инструментов продвижения ресторанного продукта. Анализ кейтеринга в широком смысле позволяет выявить его роль в развитии ресторанной индустрии.*

Цель *статьи состоит в выявлении особенностей кейтеринга в системе предоставления ресторанных услуг.*

Задачи*. Поставленная цель предопределила постановку следующих задач: изучение теоретических основ кейтеринга; классификация отделов кейтеринга; изучение системы проектирования продукта кейтеринга.*

Методология*. Для анализа трудов отечественных специалистов, освещавших разные стороны ресторанных услуг, авторы опирались на такие методы, как статистико-экономический анализ, сравнительная оценка, причинно-следственный анализ.*

Результаты*. В статье рассматривается кейтеринг как феномен ресторанного бизнеса, также выявлены особенности кейтеринга, теоретические основы и подразделения кейтеринга. Отдельное внимание уделяется системе проектирования продукта кейтеринга.*

Выводы*. Невнимание управленцев в ресторанной индустрии привело к упадку прибыли от ресторанного продукта. Для создания грамотной стратегии ведения бизнеса необходимо учитывать всевозможные исходы событий и прибегать к универсальным инструментам повышения привлекательности ресторанного продукта.*

Ключевые слова: *рынок; ресторанные услуги; сервис; кейтеринговая компания; организация сферы питания; отделы кейтеринговой службы.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Волобуев В. В., Третьяк А. С., 2022

Для цитирования: Волобуев В. В., Третьяк А. С. Определяющее значение кейтеринга в реформации ресторанной индустрии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 127–136. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-127-136.

Поступила в редакцию 20.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

The Defining Importance of Catering in the Reformation of the Restaurant Industry

Vitalii V. Volobuev[1] ✉, Anna S. Tretyak[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: volobuev.vit98@gmail.com

Abstract

The relevance *of studying of the field of public catering has never been in doubt, since this type of activity is directly related to the most important human need – the need for food, and the state of this market is closely related to the level of development of the economy of the regions and the state as a whole and reflects the satisfaction of the needs of society and the individual. The restaurant industry in the form in which we perceive it today has been formed for centuries. In the XII century, the first restaurants appeared in China, when the cities of Kaifeng and Hangzhou had a population density of more than a million inhabitants each. One of the prerequisites for the emergence of restaurant enterprises was the rejection of local cuisine by merchants who established trade relations between cities. This implies the principle of business – you need to offer what they want to buy. The sphere of service provision in the XXI century is undergoing a reformation in terms of permissiveness, everyone can get what he wants, whenever and wherever. The Reformation did not ignore the structure of public catering. The reformation of the restaurant business is a global trend that allows us to transform qualitatively new systems of providing food services. Consumers are increasingly paying attention to the" universality of service", including the organization of food services that are not tied to the place of production, but meet the needs of the consumer. Such a cluster of services includes catering. Catering as a way of providing food services is gaining more and more popularity among marketing tools for promoting a restaurant product. The analysis of catering in a broad sense allows us to identify its role in the development of the restaurant industry.*

The purpose *of the article is to identify the features of catering in the system of providing restaurant services*

Objectives. *The set goal predetermined the formulation of the following objectives: study of the theoretical foundations of catering; study of the catering division into departments, structures; study of the catering product design system.*

Methodology. *To analyze the works of domestic specialists who covered different aspects of restaurant services, the author relied on such methods as statistical and economic analysis, comparative assessment, cause-and-effect analysis*

Results. *The article considers catering as a phenomenon of the restaurant business. The features of catering, the theoretical foundations and divisions of catering are also revealed. Special attention is paid to the catering product design system.*

Conclusions. *The inattention of managers in the restaurant industry has led to a decline in profits from the restaurant product. To create a competent business strategy, it is necessary to take into account all possible outcomes of events and resort to universal tools to increase the attractiveness of a restaurant product.*

Keywords*: market; restaurant services; service; catering company; catering organization; catering service departments.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Volobuev V. V., Tretyak A. S. The Determining Value of Catering in the Reformation of the Restaurant Industry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 127–136. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-127-136.

Received 20.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

Введение

Кейтеринг как способ предоставления услуг питания набирает все большую популярность среди маркетинговых инструментов продвижения ресторанного продукта. Такого рода услугами пользуются как частные лица для проведения досуга, так и корпоративные компании, для которых необходима организация выездных банкетов, пресс-конференций, фуршет-приемов самого разного уровня. Отдельно необходимо отметить, что даже в условиях пандемии первой половины 2020 г., несмотря на ограничение деятельности многих служб общественного питания, именно кейтеринг стал практически единственной возможностью для компаний сохранить бизнес и рабочие места [1]. В период эпидемиологической обстановки услугами кейтеринга чаще пользовались именно корпоративные клиенты [2].

Родоначальником кейтеринга принято считать Жана-Франсуа Ватель. Именно он стал организовывать светские выездные пиры во времена французского короля Людовика XIV с таким грандиозным размахом, что они покоряли не только современников, но и впечатляли потомков. Наиболее раннее упоминание в рассказах кейтеринг обрел в 1778 г., когда в США под руководством Цезаря Краншелла организовывался бал с полным банкетным обслуживанием в честь отъезда британского генерала Уильяма Хоу [3, с. 9].

Грамотная организация кейтеринга включает в себя не только технологию приготовления блюд, но и соответствующее оформление фуршетного или же банкетного стола. Эффектно произвести подачу блюда, а также учесть все нюансы при проведении любых торжественных и деловых мероприятий – главная задача кейтеринг-менеджера.

Материалы и методы

Исследование эффективности при реализации ресторанного продукта по-средствам кейтеринга, т. е. использования инструментов выездного ресторанного обслуживания, имеет много общего с исследованием экономики рынка услуг. При подборе методологии и материалов для проведения исследования учитывались ключевые особенности, преемственные сфере услуг общественного питания и индустрии гостеприимства.

Структуру кейтеринга (процесса) подразделяют на участников:

1. *Исполнитель.* В качестве исполнителя мы рассматриваем не только персонал, но и предприятие в целом, поскольку масштабность кейтеринга может рассматриваться даже не в пределах конкретного региона, поэтому возможно появление *сети исполнителей.* В любом случае это звено напрямую отвечает за производство и реализацию кейтерингового продукта.

2. *Поставщик* – ключевой элемент, способствующий *выездному* обслуживанию на объект. Чаще всего поставщики не входят в штат исполнителей ввиду экономической затратности, однако крупные кейтеринговые компании, холдинги, сети имеют достаточный экономический потенциал для наличия собственной службы поставщиков в своем бизнесе. Малые и средние кейтеринговые предприятия прибегают к аутсорсингу.

3. *Потребитель.* Целевая аудитория кейтеринга многообразна. Начиная от событийного кейтеринга вплоть до кейтеринга бизнес-компаний можно выявить значительное количество целевых групп, которые являются потребителем. Наличие такой целевой аудитории является показателем экономической рентабельности данного вида ресторанного бизнеса.

К ключевым особенностям стоит отнести и функции кейтеринга по отношению к своему продукту. Первая – производственная функция, отвечает за этапы прогнозирования и проектирования ресторанного продукта, а также включает производственные характеристики, имеющиеся у предприятия. Такие характери-

стики являются показательными для оценки производственных возможностей того или иного кейтерингового предприятия, по ним определяется уровень компании (малая, средняя и крупная). Вторая функция – сервисная. Как известно, сервис – это процесс предоставления той или иной услуги за счет уже готового продукта деятельности. Кейтеринговый сервис включает в себя следующие этапы:

1. Реклама и доведение до потенциального потребителя информации о кейтеринговом продукте.

2. Консультация потребителя по особенностям продукта и ассортименту.

3. Прием заказа, заключение договора.

4. Взаимодействие с потребителем (заказчиком) на протяжении всего процесса оказания услуги.

Организационная функция кейтеринга является завершающей. Организация кейтеринга касается и двух предыдущих функций, поскольку каждая из них входит в цикл кейтеринга. В организацию включаются все процессы от прогнозирования и производства до реализации банкета, фуршета или обыкновенной доставки продуктов.

В качестве материалов для проведения комплексного исследования кейтеринга и его значения в реформации ресторанной индустрии были изучены труды отечественных и зарубежных специалистов, освещавших разные стороны ресторанного бизнеса и социально-культурного сервиса в целом: Дж. Эдош [4], Л. С. Кучер [5], К. С. Погодин [6; 7], А. И. Ткалич [8], В. Г. Федцов [9; 10; 11].

В качестве методов были использованы: статистико-экономический анализ, сравнительная оценка, причинно-следственный анализ.

Результаты и их обсуждение

Ресторанный бизнес – один из самых развитых видов деятельности, связанный с организацией производства и обслуживания в сфере предоставления услуг питания, а в свою очередь ресторан – это то место, где работают все органы чувств, которые генерируют общее чувство удовлетворенности гостя. Самая главная задача в индустрии питания – качественно и своевременно обеспечить прием пищи в сочетании с высококлассным сервисом, дабы повысить лояльность целевой аудитории [12].

Активное развитие кейтеринг-индустрии началось в начале XX в. в США. В то время происходило масштабное строительство высотных зданий, что спровоцировало появление необходимости организовать питание рабочих на месте, т. е. поставлять провизию. Одновременно с этим вошла в обиход идея быстрого обеспечения питания для сотрудников офисов и бизнес-центров, чтобы ликвидировать проблему опоздания и отсутствия на рабочем месте во время обеда, т. к. сотрудникам было просто незачем покидать офисы в рабочее время.

В России период активного развития кейтеринга можно отнести к 2000-гг. Сегодня главный вопрос в том, насколько данная индустрия емкостная, насколько полно можно рассматривать кейтеринг как универсальное решение проблем в ресторанном бизнесе. Для исследования данного вопроса необходимо разделять рынок цивилизованный, который занимают профессиональные компании, от аффилированных компаний, структурных подразделений и даже местных монополистов, приверженность которых личным связям и предпочтениям – страшная вещь. А ведь доля таких компаний, по оценке специалистов [13, с. 9], составляет до 80%. Стабилизация рынка постепенно будет приводить к цивилизованной форме, но одновременно с этим он снизит объем прибыли.

На сегодняшний день рынок ресторанных услуг стремительно развивается. Прямым тому доказательством существует кейтеринг-индустрия – сегмент рынка, связанный с оказанием услуг питания на удалённых точках, включающий все

предприятия и службы, оказывающие подрядные услуги по организации питания сотрудников компаний и частных лиц как в помещении, так и на выездном обслуживании, а также осуществляющие обслуживание мероприятий различного назначения [14, с. 116]. К выбору популярной услуги при планировании праздников, деловых встреч, организаций загородных мероприятий, клиентов привлекает одно из главных преимуществ кейтеринга – абсолютная свобода выбора места проведения мероприятия, сценария и меню.

Стоит понимать, что кейтеринг относится именно к видам ресторанного бизнеса, а не является их производной. Соответственно правильная организационная структура ни что иное, как инструмент для успешного ведения бизнеса. Структура кейтеринга включает в себя несколько отделов, каждый, в свою очередь, осуществляет контроль за своим сектором деятельности.

1. *Административный отдел* отвечает за координацию деятельности эксплуатационной и производственной служб, выполняет организационные функции.

2. *Эксплуатационный отдел* осуществляет контроль за структурами, отвечающими за закупку оборудования, продуктов и напитков. Он же обеспечивает привлечение клиентов, разработку меню, доставку, техническое оснащение мероприятия, его обслуживание и безопасность.

3. *Производственный отдел* занимается оформлением зала, приготовлением позиций меню, а также организацией обслуживания гостей на соответствующем уровне.

Методы автоматизации процессов необходимы для быстрого продвижения кейтеринга на рынке услуг, а технологии оказания услуг питания на выездном обслуживании – гарант качества и высококлассного сервиса [13, с. 12]. На протяжении всего развития индустрии кейтеринга в сфере общественного питания сформировываются разнообразные методики и технологии организации выездного обслуживания:

1. *Предварительная дегустация*. Для оценки вкусовых качеств позиций меню непосредственно перед его утверждением для заказчика проводится дегустация блюд из меню. Длительность такой процедуры обычно составляет 2 часа. Место проведения дегустации заранее согласовывается с заказчиком.

2. *Весовой расчет блюда на гостя*. Расчет массы блюд на гостей мероприятия зависит от продолжительности мероприятия. Если мероприятия продолжительностью до 2,5 ч, суммарный расчет веса всех блюд на одного гостя составляет в среднем 0,7 кг, продолжительностью от 2,5 ч – 1,2 кг. Помимо весового расчета блюд стоит обратить внимание на формулу расчета стоимости кейтеринговых услуг. Расчет стоимости выводится из следующей формулы:

$$Цена=(СП+ПМ+ОБ+Т+ПР) \cdot К,$$

где СП – себестоимость продуктов; ПМ – расходы на поваров и мойщиков; ОБ – расходы на официантов и барменов; Т – расходы на транспорт; ПР – прочие расходы (аренда техники); К – коэффициент.

3. *Стандарт производства*. Для осуществления качественной работы по организации производства и обслуживания по средствам кейтеринга необходимо учесть всевозможные детали и риски. Для этого в организации вводятся чек-листы (нормативный документ, устанавливающий правильный порядок работы, с указанием количественных показателей, табель рабочих групп, расходы, позиции меню и утвержденный план мероприятия).

4. *Регулирование цехов и потоков*. Главная проблема, которая может возникнуть при организации, – неправильное управление процессом. Для устранения такой вероятности следует создать производственную систему, в которой будут грамотно делегированы все задачи по соответствующим цехам. Документально закрепить все потоки за цехами,

зону ответственности и производственные задачи.

5. Температурный режим. Ресторанное обслуживание во многом уделяет внимание температурному режиму, поскольку это является причиной разделения цехов на горячий и холодный. Для сохранения нужной температуры используют оборудование, предназначенное для своего цеха. Термобоксы, мармиты – с системой подогрева, в которые помещаются блюда горячего цеха после их приготовления и сразу доставляются на мероприятие. Холодный цех использует холодильные установки и мини-холодильники для сохранения низкой температуры [15, с. 244].

6. *Транспортировка*. Данный этап начинается с логистического процесса по построению маршрута транспортировки продуктов. Далее внимание уделяется транспорту, который должен обеспечить качественное перемещение как продуктов, так и оборудования, мебели, сервировочного материала из точки А в точку Б [15, с. 245]. Чаще всего транспортировка необходимых объектов происходит накануне мероприятия. Периодически производится проверка содержимого, чтобы все было доставлено в первоначальном виде.

7. *Украшение и сервировка на месте*. При оформлении пространства выездного мероприятия учитываются корпоративные цвета компании-заказчика, тематика мероприятия и стиль оформления площадки. Сервировка украшается с помощью драпировки, живых цветов, свечей, разнообразных изделий из стекла, кованых подставок и яркой формы официантов. Российский формат обслуживания банкета предполагает сервировку стола только столовыми приборами с последующей поэтапной подачей блюд. Для обслуживания одного гостя на банкете протокольной нормой считается 60 см стола. При фуршетном обслуживании сервировка осуществляется из расчета 1 метр стола на 10 гостей. Для организации полноценного питания 50 гостей сервируется пятиметровый стол [16; 17]. На фуршетных столах сервируется только около трети от общего объёма приготовленной пищи, остальные блюда обновляются постепенно в ходе проведения мероприятия.

Предприятия, оказывающие кейтеринговые услуги, имеют свою кадровую политику. Исходя из этого можно определить перечень профессий в кейтеринг-индустрии. Первыми, про кого стоит упомянуть, являются офисные сотрудники, именно они представляют кейтеринговую компанию перед заказчиком. Менеджер по продажам или сотрудники отдела закупок выполняют предварительные функции, необходимые для начала подготовительных работ. На менеджера возлагается первичное ознакомление заказчика с меню, обсуждение условий проведения мероприятия с заказчиком и заключение договора. Следующим шагом является составление акта для сотрудников отдела закупок. Акт включает в себя перечень необходимых продуктов, оборудования и расходных материалов.

К обслуживающему и производственному персоналу относят поваров, кухонных рабочих, барменов, официантов, грузчиков. Это профессии производственного отдела. Каждый является элементом своего потока производства и обслуживания, отвечает за свой участок работы. Руководство таким персоналом ведет кейтеринг-менеджер или супервайзер (старший официант). Зачастую такие сотрудники являются привлеченными со стороны, так как кейтеринговая компания может не иметь таких сотрудников в штате и заниматься лишь организацией мероприятия и подбором необходимого персонала [18, с. 119].

В административный отдел включены несколько профессий кейтеринг-индустрии: супервайзер, ассистент, технический специалист, кейтеринг-менеджер или банкетный менеджер. Кейтеринг-менеджер возглавляет отдел, в его подчинении могут находиться до

100 единиц персонала, включая супервайзера, отвечающего за консультацию гостей непосредственно на мероприятии и руководство официантами, своего ассистента, технического специалиста, который организует ввоз и вывоз всего необходимого оборудования и его установки.

Организация кейтеринга – непростая задача. На практике обслуживание мероприятия должно быть безупречным, не говоря о самой еде, причем необходимо просчитать все исходы события, все детали должны быть продуманы. Из работы Роберта Милла можно вынести, что неудачные исходы возможны при отсутствии стандартов качества. Стандарты обслуживания у кейтеринговой компании могут отсутствовать по нескольким причинам: административный отдел (руководство) не относит стандарт качества к стратегическим показателям предприятия, также считает, что сервисное обслуживание «по стандарту» не может соответствовать ожиданиям потребителей и его нельзя подвести под стандарт качества [13, с. 182-183]. Обоснованием для начала подготовительных работ является договор кейтеринга (выездного обслуживания). Договор между компанией и заказчиком заключается перед формированием плана мероприятия, так как составление плана и его реализация включаются в обязанности компании (исполнителя) по договору, также в договоре указываются сроки оказания подготовительных работ.

Выездное обслуживание подразумевает технически оснащенное пространство, в котором будет организовано как приготовление пищи, так и подготовка к обслуживанию гостей. В перечень необходимого оборудования для выездного ресторанного обслуживания включается посуда, стулья, столы, банкетная мебель, текстиль, тентовые конструкции, тепловые пушки (при необходимости), контейнеры из противоударных и негорючих материалов, термоконтейнеры, мармиты, чафин-дишей, рация, световое, звуковое и видеооборудование.

Планирование – первый этап процесса управления любым бизнесом, из которого определяются цели, а также средства и методы решения поставленных задач [19, с. 16]. Для правильного расчета необходимого оборудования менеджеру кейтеринговой фирмы необходимо уточнить место, дату, время, предполагаемый бюджет, стилистику мероприятия, меню и число гостей. После уточнения необходимой информации кейтеринговая компания разрабатывает план мероприятия, после чего его согласуют с заказчиком.

Итак, план кейтеринга включает в себя следующие пункты:

– дата, время и место проведения кейтеринга;

– схема помещения с расстановкой и сервировкой столов;

– установленное меню в соответствии с предполагаемым бюджетом и вкусами приглашенных гостей;

– расписание мероприятия с подробным описанием действий каждого из сотрудников, а также временем подачи блюд;

– оформление интерьера;

– перечень необходимого оборудования и мебели;

– перечень столовых приборов;

– список обслуживающего персонала;

– перечень лизинговых услуг;

– световое, звуковое, фото- и видеооборудование.

Планирование мероприятия проводится в четко установленные договором сроки, обычно план предоставляется не позднее 15 дней до даты проведения мероприятия [16]. Грамотно построенный план кейтеринга позволит учесть всевозможные острые углы, которые могут испортить впечатление гостей.

Лидером кейтеринговой индустрии на сегодняшний день является Великобритания. Компания Compass Group ока-

зывает услуги кейтеринга категории VIP по всему миру, также организует питание в аэропортах, крупных компаниях и бизнес-центрах. Вторым лидером в кейтеринг-индустрии стала Франция (международная компания Sodexo). В штате компании насчитывается более 380 000 единиц персонала на 33 900 предприятиях в 80 странах. Sodexo предоставляет услуги по организации питания для всевозможных отраслей деятельности, включая бизнес-компании и промышленность, удаленные объекты, медицинские, образовательные и исправительные учреждения, дома престарелых [3, с. 13].

Также, по данным исследований, около 34% компаний, в т. ч. «непрофильные» компании, отдают предпочтение именно службе доставки готовой продукции, нежели полной организации ресторанного обслуживания [20]. Причем, учитывая последствия пандемии, количество подобных услуг по сравнению с прошлыми годами увеличилось как минимум вдвое.

Выводы

На основании вышесказанного можно сделать вывод: кейтеринг относится именно к видам ресторанного бизнеса, а не является их производной. Соответственно правильная организационная структура ни что иное, как инструмент для успешного ведения бизнеса. Для грамотного ведения бизнеса в сфере организации выездного ресторанного обслуживания также необходимо учитывать интенсивное развитие методов и технологий кейтеринговой деятельности, динамику рынка и экономического ресурса. Методы проектирования продукта кейтеринга необходимы для быстрого продвижения кейтеринга на рынке услуг, а технологии оказания услуг питания на выездном обслуживании являются гарантом качества и высокой прибыли. Прогресс в исследовании кейтеринга на российском рынке – объективный показатель рентабельности такого направления деятельности.

Список литературы

1. Волобуев В. В., Третьяк А. С. Кейтеринг-индустрия как инновационное направление развития ресторанного бизнеса г. Курска в условиях коронавирусной пандемии // Туристический, гостиничный и ресторанный бизнес: инновации и тренды: материалы региональной научно-практической конференции / Юго-Западный госурственный универсиет. Курск, 2020. С. 34-40.

2. Воронкова А. А., Алексушин Г. В. Кейтеринг как перспектива выживания ресторанных предприятий в условиях пандемии // Modern Science. 2021. № 3-2. С. 49-52.

3. Акулич М. Кейтеринг. Основные аспекты и маркетинг. М.: Издательские решения, 2016. 808 с.

4. Эдош Дж. Кейтеринг. Как начать и успешно вести выездной ресторанный бизнес. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 238 с.

5. Ресторанный бизнес в России: технология успеха / Л. С. Кучер, Л. М. Шкуратова, С. Л. Ефимов, Т. Н. Голубева. М.: Транслит, 2007. 269 с.

6. Погодин К. С. Кейтеринг. Практическое руководство для владельцев и управляющих. М.: Ресторанные ведомости, 2013. 653 с.

7. Погодин К. С. Ресторан выездного обслуживания (кейтеринг). М.: Питер, 2018. 240 с.

8. Ткалич А. И. Консалтинговый сервис. М.: Альфа-М, Инфра-М, 2012. 208 с.

9. Федцов В. Г. Культура ресторанного сервиса. 7-е изд. М.: Дашков и К, 2019. 248 с.

10. Федцов В. Г. Культура гостинично-туристского сервиса. М.: Феникс, 2014. 715 с.

11. Федцов В. Г. Культура сервиса. М.: Приор, 2013. 208 с.

12. Волобуев В. В. Стратегия лояльности: инновационное развитие в ресторанной индустрии // Туристический, гостиничный и ресторанный бизнес: инновации и тренды: материалы регио-

нальной научно-практической конференции / Юго-Западный госурственный университет. Курск, 2019. С. 186-189.

13. Милл Р. К. Управление рестораном / под ред. Г. А. Клебче. 3-е изд. М.: Юнити, 2015. 536 с.

14. Башин Ю. Б. Кейтеринг. М.: Вузовский учебник, 2017. 832 с.

15. Погодин К. С. Кейтеринг. 20 лет в России. Истории успеха. М.: Альпина Паблишер, 2014. 590 с.

16. Алексушин Г. В., Пушкина Д. П. Особенности обслуживания в кейтеринге // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей X Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / Самарский государственный университет. Самара, 2020. С. 5-10.

17. Алексушин Г. В., Юдина В. С. Подготовка помещения для использования в нем кейтеринга // Устойчивое развитие науки и образования 2020. № 10(49). С. 72–75.

18. Мэттел Б. Кейтеринг. Руководство по эффективному управлению бизнесом. М.: BBPG, 2018. 823 с.

19. Саак А. Э., Пшеничных Ю. А. Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме. М.: Питер, 2017. 512 с.

20. Харитонова Ю. А., Климова Т. Б. Современное состояние и тенденции развития кейтеринга в Российской Федерации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020, Т. 6, № 4. С. 52-61. https://doi.org/ 10.18413/2408- 9346-2020-6-4-0-6.

References

1. Volobuev V. V., Tretyak A. S. [Catering industry as an innovative direction of the restaurant business development in Kursk in the conditions of the coronavirus pandemic]. Turisticheskij, gostinichnyj i restorannyj biznes: innovacii i trendy. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii [Tourist, hotel and restaurant business: innovations and trends. Materials of the regional scientific and practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 34-40. (In Russ.)

2. Voronkova A. A., Aleksushin G. V. Kejtering kak perspektiva vyzhivaniya restorannyh predpriyatij v usloviyah pandemii [Catering as a perspective for the survival of restaurant enterprises in a pandemic]. *Modern Science*, 2021, no. 3-2, pp. 49-52.

3. Akulich M. Osnovnye aspekty i marketing [Catering. Basic aspects and marketing]. Moscow, Publishing Solutions, 2016. 808 p.

4. Edosh J. Kejtering. Kak nachat' i uspeshno vesti vyezdnoj restorannyj biznes [Catering How to start and successfully conduct an outbound restaurant business]. Moscow, Alpina Business Books Publ., 2006. 238 p.

5. Kucher L. S., Shkuratova L. M., Efimov S. L., Golubeva T. N. Restorannyj biznes v Rossii: tekhnologiya uspekha [Restaurant business in Russia: technology of success]. Moscow, Translit Publ, 2007. 269 p.

6. Pogodin K. S. Kejtering. Prakticheskoe rukovodstvo dlya vladel'cev i upravlyayushchih [Catering. Practical guide for owners and managers]. Moscow, Restaurant Vedomosti Publ, 2013. 653 p.

7. Pogodin K. S. Restoran vyezdnogo obsluzhivaniya (kejtering) [Exit service restaurant (catering)]. Moscow, Peter Publ., 2018. 240 p.

8. Tkalich A. I. Konsaltingovyj servis [Consulting service]. Moscow, Alfa-M, Infra-M Publ., 2012. 208 p.

9. Fedtsov V. G. Kul'tura restorannogo servisa [Culture of restaurant service]. 7th ed. Moscow, Dashkov and Co Publ., 2019. 248 p.

10. Fedtsov V. G. Kul'tura gostinichno-turistskogo servisa [Culture of hotel and tourist service]. Moscow, Phoenix Publ., 2014. 715 p.

11. Fedtsov V. G. Kul'tura servisa [Culture of service]. Moscow, Prior Publ., 2013. 208 p.

12. Volobuev V. V. [Loyalty strategy: innovative development in the restaurant industry]. Turisticheskij, gostinichnyj i restorannyj biznes: innovacii i trendy. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj

konferencii [Tourist, hotel and restaurant business: innovations and trends. Materials of the regional scientific and practical conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2019, pp. 186-189. (In Russ.)

13. Mill R. K. Upravlenie restoranom [Restaurant management]; ed. by G. A. Klebche. 3rd ed. Moscow, Unity Publ., 2015. 536 p.

14. Bashin Yu. B. Kejtering [Catering]. Moscow, University textbook Publ., 2017. 832 p.

15. Pogodin K. S. Kejtering. 20 let v Rossii. Istorii uspekha [Catering. 20 years in Russia. Success stories]. Moscow, Alpina Publisher, 2014. 590 p.

16. Aleksushin G. V., Pushkina D. P. [Features of service in catering]. Rossiiskaya nauka: aktual'nye issledovaniya razrabotki. Sbornik nauchnyh statej X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Russian Science: current research and development. Collection of scientific articles of the X All-Russian scientific and practical conference]. Samara, 2020, pp. 5-10. (In Russ.)

17. Aleksushin G. V., Yudina V. S. Podgotovka pomeshcheniya dlya ispol'zovaniya v nem kejteringa [Preparation of the premises for the use of catering in it]. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya = Sustainable Development of Science and Education*, 2020, no. 10(49), pp. 72–75.

18. Mattel B. Kejtering. Rukovodstvo po effektivnomu upravleniyu biznesom [Catering. Guide to effective business management]. Moscow, BBPG Publ., 2018. 823 p.

19. Saak A. E., Pshenichnykh Yu. A. Menedzhment v social'no-kul'turnom servise i turizme [Pshenichnykh Management in socio-cultural service and tourism]. Moscow, Piter Publ., 2017. 512 p.

20. Kharitonova Yu. A., Klimova T. B. Sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya kejteringa v Rossijskoj Federacii [The current state and trends in the development of catering in the Russian Federation]. *Nauchnyj rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa = Scientific Result. Technologies of Business and Service*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 52-61. https://doi.org/ 10.18413/2408- 9346-2020-6-4-0-6

Информация об авторах / Information about the Authors

Волобуев Виталий Валерьевич, преподаватель кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

Vitalii V. Volobuev, Lecturer of the Department of History and Sociocultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: volobuev.vit98@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-8996-736X

Третьяк Анна Сергеевна, доцент кафедры истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: anna_tretyak@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-5204-613X

Anna S. Tretyak, Associate Professor of the Department of History and Socio-Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: anna_tretyak@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-5204-613X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-137-149

CC BY 4.0

Ценовой пузырь на рынке жилья: идентификация и масштабы развития

Е. В. Соловьева[1], В. Н. Бердникова[1] ✉

[1] Кубанский государственный технологический университет
ул. Московская 2, г. Краснодар 350072, Российская Федерация

✉ e-mail: wkoshman@rambler.ru

Резюме

Актуальность. *Значительный перегрев рынков жилья в пандемийный период вызвал большой интерес к этой проблематике как со стороны органов государственного регулирования, так и со стороны участников рыночного оборота. Отечественные и зарубежные исследователи в основном идентифицируют ценовые пузыри как отставание доходов населения от ценовых характеристик рынка или как соотношение цены и ренты от жилья и почти не уделяют внимание определению масштабов развития ценовых спекулятивных пузырей, таким образом, в сложившихся российских условиях изучение этого вопроса является своевременным.*

Цель *исследования состояла в разработке методики идентификации спекулятивных ценовых пузырей на рыке недвижимости, позволяющей установить их размеры, опираясь на величину реальной справедливой стоимости в период стабильности, смоделированную справедливую стоимость и рыночную стоимость в условиях ажиотажного рынка.*

Задачи *исследования состояли в динамическом анализе рынка жилья, выявлении периодов стабильности ажиотажного роста цен на рынке, моделировании справедливой стоимости при устойчивых значениях ценообразующих факторов и расчете размера ценового пузыря.*

Методология*. Исследование базируется на основе корреляционно-регрессионного анализа, индексного метода обработки информации.*

Результаты*. Были установлены процентные размеры спекулятивных ценовых пузырей, при этом в качестве базы была принята справедливая цена на рынке жилья, также была разработана шкала деления спекулятивных пузырей.*

Вывод*. Были произведены расчеты для рынка жилья г. Сочи в 2021 г. и выведен эйфорический ценовой пузырь в размере 54%, который не подкреплен существенными изменениями макроэкономических факторов и требует особого внимания со стороны заинтересованных лиц.*

Ключевые слова: *спекулятивный ценовой пузырь; рынок жилья; справедливая стоимость недвижимости; ценообразование стоимости недвижимости; оценка размера ценового пузыря.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Соловьева Е. В., Бердникова В. Н. Ценовой пузырь на рынке жилея: идентификация и масштабы развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 137–149. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-137-149.

Поступила в редакцию 25.12.2021 Принята к публикации 27.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Соловьева Е. В., Бердникова В. Н., 2022

Identification and Scale of the Development of a Price Bubble in the Housing Market

Ekaterina V. Solovyova[1], Valentina N. Berdnikova[1] ✉

[1] Kuban State Technological University
2 Moskovskaya str., Krasnodar 350072, Russian Federation

✉ e-mail: wkoshman@rambler.ru

Abstract

Relevance. *Housing costs rose significantly in the housing market during the pandemic. There was a great interest in the price from state regulatory authorities and market participants. Domestic and foreign researchers mainly identify price bubbles. They compare the income of the population, the price of rent and the cost of housing and do not pay attention to calculating the scale of speculative price bubbles. Today in Russia, the study of this problem is relevant.*

The purpose *of the study was to develop a methodology for identifying speculative price bubbles on the real estate market. It uses the value of the fair value during the period of stability, the simulated fair value and the market value in the conditions of a hype market.*

The objectives *of the study were to provide a dynamic analysis of the housing market, identify periods of stability of excessive price growth in the market, simulate fair value with stable values of price-forming factors and calculate the size of the price bubble.*

Methodology. *The research is based on correlation and regression analysis, an index method of information processing.*

Results. *The percentage sizes of speculative price bubbles were established. The fair price base in the housing market was adopted, a scale for dividing speculative bubbles was developed.*

Conclusion. *Calculations were made for the housing market in Sochi in 2021, a euphoric price bubble of 54 per cent was calculated. Macroeconomic factors have not changed, so the market price requires special attention from interested parties.*

Keywords*: speculative price bubble; housing market; fair value of real estate; pricing of real estate value; estimation of the size of the price bubble.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Solovyova E. V., Berdnikova V. N. Identification and Scale of the Development of a Price Bubble in the Housing Market. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 137–149. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-137-149.

Received 25.12.2021 Accepted 27.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Последние годы проблемам формирования и развития ценовых пузырей на различных рынках уделяется особо пристальное внимание. Значительная волатильность на фондовом рынке, вызванная пандемийным шоком и последующей мягкой политикой национальных банков по оживлению экономики, спровоцировала рост активов и повышенный спрос на них со стороны инвесторов. Эти процессы привлекли на рынок участников, которые своими решениями способствовали не всегда необоснованному наращиванию стоимости ценных бумаг, последствия чего вполне могут быть масштабными в целом для экономики. Надо отметить, что в этот же период времени российский рынок жилья ощутил существенную государственную поддержку и также показал ценовой рывок. Использованные меры воздействия и реакция на них рыночной конъюнктуры нашли отражение в целой серии последних публикаций С. Г. Стерника, И. Ф. Гареева, М. И. Максимова, Ф. В. Акулинина,

И. А. Коростелкиной, И. Н. Нехороших и др. [1; 2; 3; 4; 5]. Перегретые рынки жилья в подобном состоянии не могут прибывать длительное время, поэтому неизбежен процесс охлаждения, который может протекать разными способами: стремительно или мягко, постепенно. В связи с этим необходимость идентификации ценовых пузырей на рыке недвижимости, их реакция на внешние детерминанты и внутренние процессы, их дальнейшее развитие имеют глубокий научный интерес.

В широком понимании «пузырь» – это «необоснованно высокая стоимость активов (недвижимости, акций, сырьевых ресурсов и др.)» [6]. Основополагающий вклад в исследование подобных ценовых скачков в 1995–2009 гг. на рынке жилой недвижимости внесли российские ученые Г. М. Стерник и С. Г. Стерник, которые объяснили природу возникновения пузырей как процесс, при котором сделки купли-продажи заключаются по ценам, существенно превышающим реальную стоимость объекта. Единожды сформировавшаяся ошибка накапливается за счет ее повторения множеством рыночных субъектов и проводит к необоснованному росту цен [7]. Авторами были обозначены типы рынка недвижимости в зависимости от продолжительности развития, динамики цен и доходов населения, при этом ключевым индикатором рассматривается коэффициент, показывающий значение эластичности цены жилья по изменению доходов. Также были обоснованы ценовые пузыри первого и второго рода, которые формируются на перегретом и надутом рынке соответственно, для которых характерно превышение темпов роста стоимости недвижимости над доходами более чем в два раза. Параллельно с этими исследованиями А. Б. Гусев изучает природу, типологию ценовых пузырей и вводит дополнительный параметр идентификации, представляющий собой оценку доступности жилья, а именно какое число квадратных метров жилья можно купить на одну месячную заработную плату [8]. При квалификации ценового перегрева делается упор на то, что при повышении уровня цен на рынке недвижимости снижается реальная стоимость активов общества. Таким образом, авторы едины в фундаментальном понимании того, что первопричиной формирования ценовых пузырей является нарастание в экономике ситуации, при которой темпы роста доходов населения не успевают за ростом цен.

Заметим, что встречаются и несколько иные точки зрения на идентификацию и на развитие ценовых пузырей на рынке недвижимости. Например, А. А. Слуцкий провел анализ региональных рынков жилья и пришел к выводу, что многие из них постоянно находятся в состоянии ценового перегрева, при этом рост цен на них никоим образом не привязан ни к росту доходов населения, ни к росту обеспеченности населения жильем, как следствие, была выдвинута гипотеза о том, что ценовой пузырь формируется тогда, когда цены сделок начинают превышать значения некоей равновесной, справедливой и т. д. стоимости [9]. Таким образом, в результате «рефлексирования рынка» на почве неверных оценок в отношении цены отдельных объектов недвижимости наблюдается мультипликация ошибки, приводящая к дальнейшему разрастанию пузыря. Такой подход к идентификации пузырей имеет сложности в части установления причинно-следственной связи между количественно измеримыми явлениями и процессами и ростом стоимости недвижимости.

По мере развития рынка ипотечного кредитования, первичной и вторичной недвижимости, купли-продажи и аренды арсенал параметров идентификации ценовых пузырей на рынке недвижимости существенно расширился. Так, в своей статье А. Д. Раменская указывает на то, что уже при максимальном значении отношения «цена квадратного метра/цена

ежегодной аренды метра жилья» можно судить о начале формирования ценового пузыря. Такие тенденции можно наблюдать в условиях, когда повышение доходов стимулирует население отказываться от аренды и приобретать собственное жилье, что провоцирует рост стоимости недвижимости [10]. Заявленный тезис носит декларативный характер, т. к. обозначенное требование о максимальном значении отношения «цена квадратного метра/цена ежегодной аренды метра жилья» не имеет своего порогового значения, что ограничивает его практическое использование.

Следует отметить, что в мире также измеряют ценовой пузырь с помощью простого соотношения цены и ренты, считают этот показатель достаточно надежным инструментом для постанализа и для оценки текущих перспектив формирования пузыря, несмотря на это все больше внимания уделяется моделированию движения цены во временном разрезе, с учетом факторов влияния, для различных выборок и при различных сценариях развития [11; 12; 13; 14].

Таким образом, в исследовании ценовых пузырей на рынке недвижимости авторы акцентируют внимание на различных аспектах, основными из которых является вскрытие причин формирования пузыря и поиск факторов, его образующих, но недостаточно глубоко проработаны критерии оценки масштабов ценовых пузырей, поэтому в данной статье нами будет рассматриваться ценовой пузырь с двух позиций: как рациональное повышение рыночных цен (смещение справедливой стоимости вверх) и как спекулятивный, беспочвенный подъем рынка.

Материалы и методы

Под ценовым пузырем будем понимать необоснованный рост рыночной цены недвижимости быстрыми темпами в течение непродолжительного периода времени, приводящий к тому, что цена объектов значительно отрывается от его справедливой стоимости. Справедливой стоимостью является среднерыночная стоимость активов в период стабильности рынка, когда темпы капитализации недвижимости соответствуют темпам инфляционных изменений.

Рассмотрим две категории ценовых пузырей – рациональные и спекулятивные [15]. Проявление первых доказано теорией о рациональных ожиданиях, предложенной Лукасом в 1972 г., согласно которой инвестор платит за актив больше, ожидая в будущем продать его по более высокой цене. Подобные намерения покупателя постепенно текущую справедливую цену делают равновесной, поэтому в цене недвижимости изначально заложен рациональный пузырь. В случае спекулятивного пузыря спрос инвесторов на недвижимость может определяться случайным шумом (например, ожиданиями изменений в финансовой сфере, в политике, в инфляционных процессах, слухи и т. д.). Такой пузырь в большей степени соответствует теории иррационального ценообразования, которая основана на бихевиористской теории финансов. К формированию спекулятивного пузыря приводит переоценка прибыльности вложений в актив, когда рынок охвачен стремительным ростом и, скорее всего, обвалится через короткое время. Для рынка недвижимости в отличие от фондового рынка краткосрочный период в силу низкой ликвидности определяется месяцами.

Опираясь на понимание спекулятивного ценового пузыря как ситуации, при которой рыночная цена значительно отрывается от справедливой цены, в данном исследовании будут использованы индексный метод анализа выборочной совокупности, метод корреляционно-регрессионного моделирования. Последовательность расчета спекулятивного ценового пузыря отражена ниже (табл. 1).

Таблица 1. Определение размера спекулятивного ценового пузыря

Этап	Показатель	Экономическое содержание	Формулы
1. Сбор и анализ информации по рынку недвижимости за текущий год	Показатель активности рынка	Процент охвата генеральной совокупности	$w_i = \frac{n_i}{N_i} \cdot 100,$ где n_i – совокупность отобранных с рынка объектов недвижимости; N_i – совокупность объектов недвижимости, право собственности на которые зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН)
2. Анализ ценовой динамики на рынке недвижимости и инфляционных процессов за последние несколько лет	Реальная стоимость недвижимости	Стоимость недвижимости без учета влияния инфляционных изменений	$\tilde{V} = \frac{V}{CPI'}$ где $\tilde{V}$ – реальная стоимость недвижимости; V – рыночная стоимость недвижимости; CPI – индекс потребительских цен.
3. Определение базового периода, в котором реальная стоимость недвижимости была относительно устойчива	Стандартное отклонение реальной стоимости	Средний размер колебания реальной стоимости	$\sigma = \sqrt{\frac{\sum(\widetilde{V_t} - \tilde{V})^2}{n-1}},$ где $\tilde{V_t}$– реальная стоимость недвижимости в i-м периоде
4. Проверка наличия связи между ценообразующими факторами и рыночной стоимостью в базовом периоде	Линейный коэффициент корреляции Пирсона	Мера и направление зависимости между рыночной стоимостью и влияющими на нее факторами	$r = \frac{\sum(X_i - \bar{X})(V_i - \bar{V})}{\sqrt{\sum(X_i - \bar{X})^2 \sum(V_i - \bar{V})^2}},$ где X_i – значение ценообразующего фактора; $\bar{X}$ – среднее значение ценообразующего фактора; V_i – значение рыночной стоимости; $\bar{V}$ – среднее значение рыночной стоимости
5. Расчет справедливой стоимости с помощью модели	Справедливая стоимость	Объективная стоимость недвижимости, не содержащая в себе спекулятивных ожиданий	$\tilde{V}_f = a + b_1 X_1 + \cdots + b_n X_n,$ где $\tilde{V}_f$ – справедливая стоимость; $a, b_1 \ldots b_n$ – параметры модели
6. Проверка результатов моделирования на качество	Критерий Фишера, аппроксимации	Оценка соответствия смоделированных значений рыночным данным	$F = \frac{\sigma}{\sigma_m},$ где σ – фактическая дисперсия справедливой стоимости; σ_m – дисперсия смоделированной справедливой стоимости. $A = \sum \left\lvert \frac{V - V_m}{V} \right\rvert \cdot 100,$ V_m – смоделированное значение справедливой стоимости недвижимости.
7. Анализ и расчет спекулятивного ценового пузыря	Индекс спекулятивного ценового пузыря	Процент необоснованного прироста стоимости недвижимости	$PB = \frac{V_m}{\tilde{V}_f} \cdot 100 - 100,$ где V_m– рыночная стоимость недвижимости; V_f – смоделированное значение справедливой стоимости при обновленных значений ценообразующих факторов в период формирования ценового пузыря

Таким образом, рассчитанный в последней формуле относительный размах стоимости, не объяснённой изменениями ценообразующих факторов, можно отнести к стихийному, спекулятивному росту. Другими словами, наличие опережающего роста рыночной стоимости относительно роста смоделированной справедливой стоимости является главным критерием наличия спекулятивного пузыря. Предложим, что в зависимости от уровня рассчитанного размера спекулятивного пузыря можно выделить следующие типы спекулятивных пузырей:

– ценовой ажиотажный пузырь – рост до 20%;

– ценовой бум-пузырь – рост от 20 до 50%;

– ценовой пузырь-эйфория – свыше 50%.

В качестве объекта исследования рассмотрим рынок земельных участков, предназначенных под индивидуальное жилищное строительство (ИЖС), в г. Сочи Краснодарского края. Информационной базой выступают данные порталов «Авито», «Домофонд», «Неагент», Фонда данных государственной кадастровой оценки, «Яндекс.Карты», а также данные официальных сайтов Росстата, администрации г. Сочи.

Результаты и их обсуждение

В пандемийный период рынок недвижимости по России показал серьезный рост, приведший к его существенному перегреву. Несмотря на продолжающееся масштабное стимулирование ипотечного кредитования со стороны государства, сегодня ощущается, что потенциал дальнейшего спроса на жилую недвижимость уже полностью исчерпал себя. Заметим, что параллельно с интенсивным ростом цен в 2020 г. продолжилось снижение покупательной способности заработных плат в отношении жилой недвижимости. По данным ЦБ, если на начало 2020 г. на одну среднюю заработную плату можно было приобрести 0,76 кв. м жилой недвижимости, то по состоянию на 1 января 2021 г. данный показатель снизился до 0,67 кв. м [16].

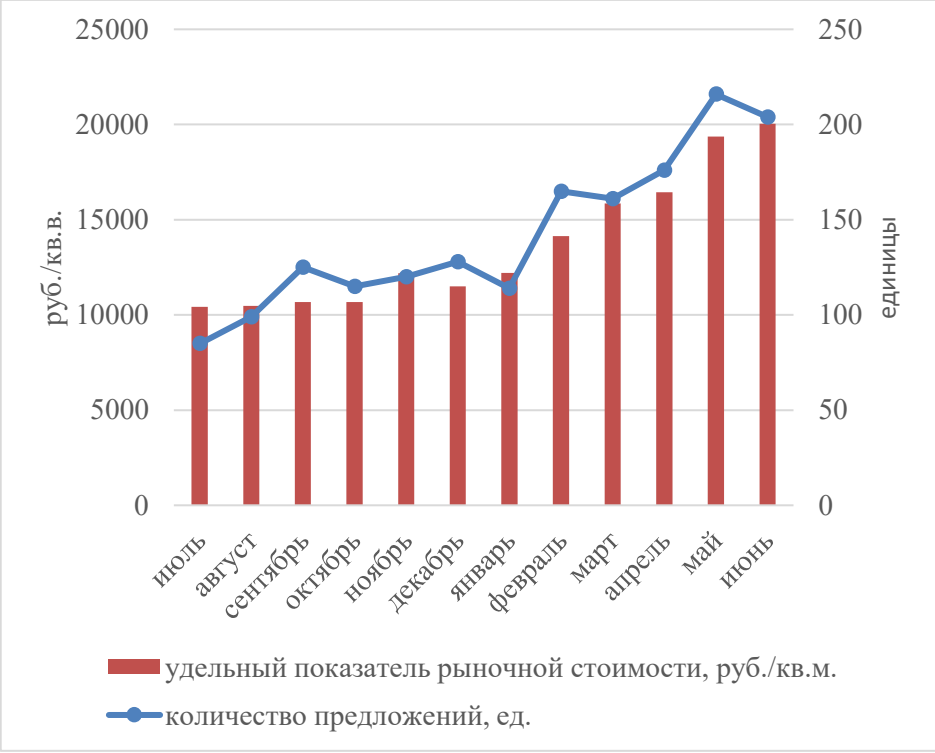

Рис. 1. Динамика удельного показателя рыночной стоимости земельных участков в г. Сочи в 2020-2021 гг.

За это время в России особенно резко поднялся рынок недвижимости г. Сочи. Еще в июле 2020 г. средняя цена предложения составляла 10 422 руб./кв.м земельного участка, предназначенного под индивидуальное жилищное строительство, то через год она составила уже 20 046 руб./кв.м. (рис. 1).

Такая тенденция в г. Сочи предварительно свидетельствует о формировании спекулятивного ценового пузыря. Первопричин таких процессов достаточно: на время разработки нового генплана города была приостановлена выдача разрешений на строительство многоквартирных домов, введен запрет на точечную застройку в городе, продолжилась нехватка социальных объектов, возрос износ коммунальных сетей, и все это на фоне объемной льготной ипотеки [17]. Руководствуясь последовательностью расчета размера ценового пузыря, изложенной в таблице 1, были получены следующие результаты:

1. В таблице 2 сформирована выборочная совокупность из 662 земельных участков, предложенных к продаже, в разрезе их локаций (исторически сложившихся районов города) за 2020-2021 гг.

Таблица 2. Оценка активности рынка по выборочной совокупности

Районы города	Количество предложений на рынке, ед.	Количество земельных участков под ИЖС в ЕГРН, ед.	Доля участия объектов в рыночном обороте за 2020-2021 гг., %
Адлер	15	2124	0,71
Вардане	91	1825	4,99
Вишневая	8	504	1,59
Волконка	16	274	5,84
Головинка	16	913	1,75
Дагомыс	46	1189	3,87
Донская	34	633	5,37
КСМ	11	568	1,94
Кудепста	33	846	3,90
Культурное Уч-Дере	39	613	6,36
Лазаревское	24	3483	0,69
Лоо	34	1119	3,04
Макаренко	10	377	2,65
Малый Ахун	12	204	5,88
Мамайка	111	2135	5,20
Новый Сочи	44	1721	2,56
Раздольное	14	401	3,49
Соболевка	21	635	3,31
Солоники	3	374	0,80
Хоста	80	1150	6,96
Итого	662	21088	3,14

Анализ рынка в разрезе районов города частично подтверждает важные признаки активности и малоактивности, к которым можно отнести немногочисленность поселения, слабую развитость социальной инфраструктуры, низкий уровень инвестиционной привлекательности, закрытость и отсутствие статистической информации [18; 19]. В то же время намечающийся ценовой пузырь негативно сказался на особо оживленных сегментах, например, количество предложений в Адлере упало, т. к. собственники стали придерживать объекты в ожидании продолжающегося роста цен.

2. Номинальная стоимость недвижимости была пересчитана в реальную с помощью индекса потребительских цен, построен график, отражающий динамику этих процессов (рис. 2).

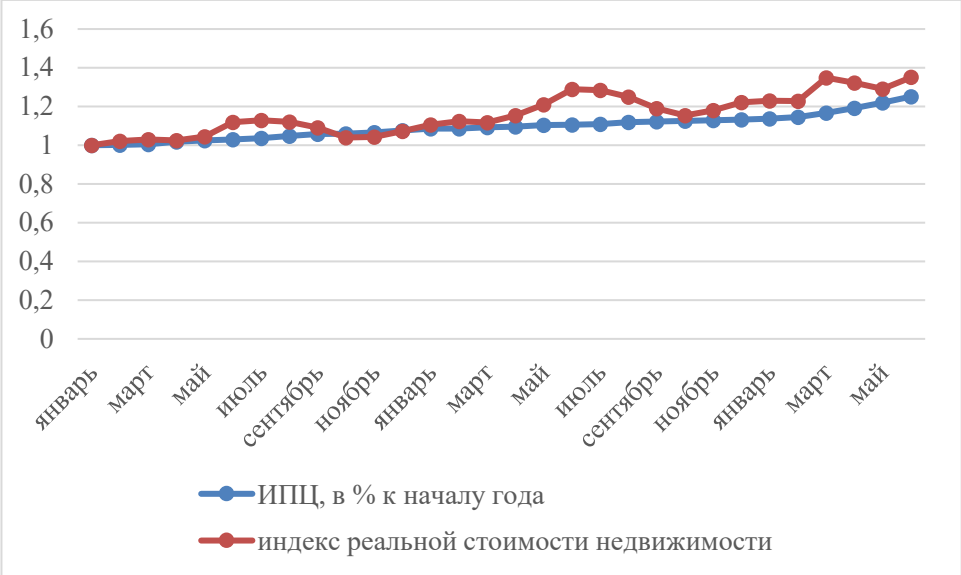

Рис. 2. Динамика реальной стоимости земельных участков под ИЖС в г. Сочи в 2018-2020 гг.

Индексы реальных цен на земельные участки, предназначенные под индивидуальное жилищное строительство, по отношению к началу 2018 г. показывают устойчивую тенденцию к росту, а также отдельные скачки и проседания.

3. Базовым периодом можно принять 1 квартал 2019 г., т. к. индекс реальной стоимости в этот период относительно устойчив, а стандартная девиация самая низкая – 44,17 руб./кв. м (табл. 3).

4. Ценообразование на рынке недвижимости зависит от характеристик объекта и множества среднесрочных и долгосрочных макроэкономических факторов [20]. Остановимся на восьми внешних, существенных для рынка земли факторах, результаты расчета линейного коэффициента Пирсона для наглядности могут быть представлены в матричном виде (табл. 4).

Таблица 3. Расчет поквартального значения стандартного отклонения, руб./кв. м

1 кв. 2018 г.	2 кв. 2018 г.	3 кв. 2018 г.	4 кв. 2018 г.	1 кв. 2019 г.	2 кв. 2019 г.	3 кв. 2019 г.	4 кв. 2019 г.	1 кв. 2020 г.	2 кв. 2020 г.
72,93	239,95	94,58	85,83	44,17	324,08	225,11	162,87	329,12	144,03

Таблица 4. Корреляционная матрица

Показатель	Престиж района города	Среднемесячная начисленная зарплата	Доходы бизнеса	Среднегодовая численность населения	Средняя ипотечная ставка	Объем инвестиций в основной капитал	Нахождение относительно социальных объектов	Нахождение относительно остановок
Престиж района города	1	0,37	0,44	0,10	0,19	0,02	0,28	0,10
Среднемесячная начисленная зарплата	0,37	1	0,33	0,19	0,30	-0,02	0,29	0,08
Доходы бизнеса	0,14	0,33	1	0,02	0,55	-0,41	0,41	0,19
Среднегодовая численность населения	0,10	0,19	0,02	1	0,01	0,12	0,06	0,13

Окончание табл. 4

Показатель	Престиж района города	Среднемесячная начисленная зарплата	Доходы бизнеса	Среднегодовая численность населения	Средняя ипотечная ставка	Объем инвестиций в основной капитал	Нахождение относительно социальных объектов	Нахождение относительно остановок
Средняя ипотечная ставка	0,19	0,30	0,55	0,01	1	0,22	0,45	0,21
Объем инвестиций в основной капитал	0,02	-0,02	-0,41	0,12	0,22	1	-0,24	0,03
Нахождение относительно социальных объектов	0,28	0,29	0,41	0,06	0,45	-0,24	1	0,18
Нахождение относительно остановок	0,10	0,08	0,19	0,13	0,21	0,03	0,18	1
Удельный показатель рыночной стоимости	0,91	0,35	0,37	0,01	0,46	0,27	0,15	0,12

С помощью анализа тесноты связи между ценообразующими факторами и удельным показателем рыночной стоимости, а также оценки мультиколлинеарности были установлены основные ценообразующие факторы для земельных участков, предназначенных под ИЖС:

– престиж района города;

– среднемесячная начисленная зарплата;

– доходы бизнеса;

– средняя ипотечная ставка.

5. С помощью метода корреляционно-регрессионного анализа были сформированы эконометрические модели с высоким уровнем аппроксимации, имеющие приемлемые значения критерия Фишера (табл. 5).

Ценообразующие факторы:

X_1 – престиж района города, в границах которого находится земельный участок;

X_2 – среднемесячная начисленная зарплата;

X_3 – доходы бизнеса;

X_4 – средняя ипотечная ставка.

Каждый из факторов проходит процедуру кодировки, значения которой используются в модели.

6. Была дана статистическая оценка результатам моделирования, в результате наиболее предпочтительной можно считать мультипликативную модель расчета справедливой стоимости (табл. 6).

7. Используя мультипликативную модель, просчитаем теоретическое значение рыночной стоимости уже при измененных величинах факторов стоимости в 2020 г. Результаты расчета меры спекулятивного ценового пузыря в разрезе районов г. Сочи отражены в таблице 7.

Таблица 5. Модели расчета справедливой стоимости

Наименование	Модель
Линейная	$\tilde{V}_f$ =-712,549+5529,41X_1+446,354((X_2+0,2)/0,885135)+421,484((X_3+0,2)/0,901182)+699,701(1355,05/(X_4+1195,35))
Мультипликативная	$\tilde{V}_f$ =5828,49((X_1+0)^{0,91109})((1355,05/(X_4+1195,35)^{0,081391})(((X_2+0,2)/0,885135+0,5)^{0,0995407})(((X_3+0,2)/0,901182)+0,5)^{0,103605}
Экспоненциальная	$\tilde{V}_f$ =1766,65exp((X_1)0,909722+(1355,05/(X_4+1195,35))0,116097+((X_2+0,2)/0,885135)0,0905003+((X_3+0,2)/0,901182)0,102889))

Таблица 6. Показатели качества моделирования

Критерии качества	Модели		
	линейная	мультипликативная	экспоненциальная
Критерий Фишера	100,75	120,71	90,73
Ошибка аппроксимации, %	10,2	7,8	15,4

Таблица 7. Идентификация типа спекулятивного ценового пузыря

Районы города	$\widetilde{V_f}$	V_m	Индекс спекулятивного ценового пузыря	Тип пузыря
Адлер	25359	40663	60	Ценовой пузырь-эйфория
Вардане	4615	7223	57	Ценовой пузырь-эйфория
Вишневая	6181	10855	76	Ценовой пузырь-эйфория
Волконка	4654	6821	47	Ценовой бум-пузырь
Головинка	6084	8605	41	Ценовой бум-пузырь
Дагомыс	8429	12070	43	Ценовой бум-пузырь
Донская	12946	15460	19	Ценовой ажиотажный пузырь
КСМ	8027	14853	85	Ценовой пузырь-эйфория
Кудепста	9080	13651	50	Ценовой бум-пузырь
Культурное Уч-Дере	5728	9697	69	Ценовой пузырь-эйфория
Лазаревское	9695	12998	34	Ценовой бум-пузырь
Лоо	7049	9634	37	Ценовой бум-пузырь
Макаренко	6871	11176	63	Ценовой пузырь-эйфория
Малый Ахун	8941	17308	94	Ценовой пузырь-эйфория
Мамайка	8264	14678	78	Ценовой пузырь-эйфория
Новый Сочи	14294	19447	36	Ценовой бум-пузырь
Раздольное	9159	14088	54	Ценовой пузырь-эйфория
Соболевка	9287	12108	30	Ценовой бум-пузырь
Солоники	4509	6810	51	Ценовой пузырь-эйфория
Хоста	9528	15328	61	Ценовой пузырь-эйфория
Итого по городу	8935	13674	54	Ценовой пузырь-эйфория

Согласно произведенным расчетам на рынке жилья г. Сочи в 2021 г., просматривается эйфорический ценовой пузырь в размере 54%, поэтому такая необоснованная перегретость рынка подлежит, прежде всего, мониторингу со стороны государственных органов управления, инвесторов, иных участников рынка недвижимости, а также профессиональных сообществ.

Вывод

Накопленный мировой опыт говорит о том, что ценовые пузыри на рынке недвижимости формируются вследствие неподкрепленного ценообразующими факторами быстрого роста цен на объекты в условиях нестабильности экономической ситуации или финансовых вливаний в экономику. Проблема диагностирования масштабов спекулятивных ценовых пузырей на рынке недвижимости и, как следствие, разработка инструментов реагирования на них во избежание отрицательного эффекта от их разрыва.

В данном исследовании было обозначено, что на рынке недвижимости в период активного спекулятивного роста совершаются сделки и приобретаются объекты потому, что каждый инвестор ожидает дальнейшего роста цен, но его ожидания совершенно не основаны на объективных изменениях в фундаментальных показателях. Предложенная авторами новая мера ценовых пузырей базировались на сравнении справедливой стоимости (рассчитанной по эконометри-

ческой модели, выведенной в базовый период с относительно стабильным рынком, с обновленными характеристиками ценообразующих факторов в период усиленного роста) и реальной рыночной стоимости объектов в это же время. В результате было установлено, что в г. Сочи превышение рыночной стоимости над справедливой составило 54%.

Полученные результаты позволяют дать критическую оценку рыночным спекулятивным процессам, которые имеют высокие риски негативных последствий для стабильности финансовой системы. В то же время следует отметить, что финансовые модели девелоперов сейчас находятся под давлением, вызванным удорожанием стоимости строительства, ближайшие годы в г. Сочи новые земельные участки не будут поступать в рыночный оборот, что позволит удержать рынок на необоснованно высоком уровне, не допустить быстрого падения рынка на дно, как следствие, спекулятивный пузырь может в таком состоянии находиться продолжительное время.

Список литературы

1. Стерник С. Г., Гареев И. Ф. Структурные изменения на рынке жилой недвижимости в 2020 году: экспансия государственной поддержки и системный рост индивидуального жилищного строительства // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8, № 2. С. 85-130. https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112369.

2. Максимов М. И., Акулинин Ф. В., Богомолов Д. М. Пир во время чумы? Анализ роста рынка недвижимости в ряде регионов России // Инновационное развитие экономики. 2021. № 2-3(62-63). С. 180-185.

3. Коростелкина И. А., Воронкова Н. В. Рынок недвижимости в период пандемии: современные тренды и прогнозы // Тренды и управление. 2021. № 1. С. 51-62. https://doi.org/ 10.7256/2454-0730.2021.1.33906.

4. Нехороших И. Н. Роль государства на рынке недвижимости в России // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 1(52). С. 27-31. https://doi.org/ 10.22394/1997-4469-2021-52-1-27-31.

5. Бердникова В. Н. Экономические инструменты управления региональным рынком недвижимости в условиях пандемии // Актуальные вопросы экономики и управления: наука и практика. Криулинские чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Курский государственный университет. Курск, 2021. С. 64-69.

6. Lucas R. E., Jr. Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. N 4. P. 103–124.

7. Стерник Г. М., Стерник С. Г. Типология рынков недвижимости по склонности к образованию ценовых пузырей // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2009. № 8(95). С. 31-53.

8. Гусев А. Б. Ценовые пузыри на региональных рынках жилья // Рынок недвижимости России. URL: hhttp://realtymarket.ru/docs/pps/gusev2.pdf (дата обращения: 06.10.2021).

9. Слуцкий Ал-р. А., Слуцкий Анат. А. Ценовые пузыри на рынке жилья и вариант вывода ипотечного кредитования из кризиса // Банковское кредитование. 2009. № 1. С. 30-36.

10. Раменская А. Д. «Ценовые пузыри» и причины возникновения жилищного кризиса в России // Актуальные проблемы экономической теории: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых / Уральский государственный экономический университет. Екатеринбург, 2017. С. 32-34.

11. Bourassa S. C., Hoesli M., Oikarinen E. Measuring House Price Bubbles // Real Estate Economics. 2019. N 47. P. 534-563. https://doi.org/10.1111/1540-6229.12154.

12. Lai R. N., Van Order R. A. Momentum and House Price Growth in the United States: Anatomy of a Bubble // Real Estate Economics. 2010. N 38. P. 753-773. https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2010.00282.x.

13. Fabozzi F. J., Xiao K. The Timeline Estimation of Bubbles: The Case of Real Estate // Real Estate Economics. 2019. N 47. P. 564-594. https://doi.org/10.1111/1540-6229.12246.

14. Pavlov A., Wachter S. Subprime Lending and Real Estate Prices // Real Estate Economics. 2011. N 39. P. 1-17. https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2010.00284.x.

15. Мельникова Е. Г. Формирование ценовых «пузырей» на рынке акций // Деньги и кредит. 2010. № 12. С. 43-48.

16. Обзор финансовой стабильности. Информационно-аналитический материал. IV квартал 2020 – I квартал 2021 года. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/33327/ofs_21-1.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

17. Бердникова В. Н. Ипотека как инструмент финансирования инвестиционно-строительного процесса // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: материалы V Международной научно-практической онлайн-конференции / Томский государственный архитектурно-строительный университет. Томск, 2018. С. 72-74.

18. Бедин Б. М., Кошман В. Н., Хомкалов Г. В. Массовая оценка рыночной стоимости жилой недвижимости в многофункциональном городе: теория и практика / Байкальский государственный университет. Иркутск, 2006. 123 с.

19. Шабалина О. Н. Особенности признания рынка активным и неактивным. Классификация рынков по уровню активности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 11(206). С. 65-82.

20. Мицек Е. Б. Базовые характеристики эконометрической модели экономики России 2020 года // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 1(32). С. 91-104.

References

1. Sternik S. G., Gareev I. F. Strukturnye izmeneniya na rynke zhiloj nedvizhimosti v 2020 godu: ekspansiya gosudarstvennoj podderzhki i sistemnyj rost individual'nogo zhilishchnogo stroitel'stva [Structural changes in the residential real estate market in 2020: expansion of state support and systematic growth of individual housing construction]. *Zhilishchnye strategii = Housing Strategies*, 2021, no. 8(2), pp. 85-130. https://doi.org/10.18334/zhs.8.2.112369

2. Maksimov M. I., Akulinin F. V., Bogomolov D. M. Pir vo vremya chumy? Analiz rosta rynka nedvizhimosti v ryade regionov Rossii [A feast during the plague? Analysis of the growth of the real estate market in a number of regions of Russia]. *Innovacionnoe razvitie ekonomiki = Innovative Development of the Economy*, 2021, no. 2-3(62-63), pp. 180-185.

3. Korostelkina I. A., Voronkova N. V. Rynok nedvizhimosti v period pandemii: sovremennye trendy i prognozy [Real estate market in the time of pandemic: current trends and projections]. *Trendy i upravlenie = Trends and Management*, 2021, no. 1, pp. 51-62. https://doi.org/10.7256/2454-0730.2021.1.33906

4. Nekhoroshikh I. N. Rol' gosudarstva na rynke nedvizhimosti v Rossii [The role of the state in the real estate market in Russia]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*, 2021, no. 1(52), pp. 27-31. https://doi.org/ 10.22394/1997-4469-2021-52-1-27-31

5. Berdnikova V. N. [Economic tools for managing the regional real estate market in the context of a pandemic]. Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya: nauka i praktika. Kriulinskie chteniya. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Current issues of economics and management: science and practice. Krivulinsky readings. A collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Kursk, Kursk State University Publ., 2021, pp. 64-69. (In Russ.)

6. Lucas R. E., Jr. Expectations and the Neutrality of Money. *Journal of Economic Theory*, 1972, no. 4, pp. 103–124.

7. Sternik G. M., Sternik S. G. Tipologiya rynkov nedvizhimosti po sklonnosti k obrazovaniyu cenovyh puzyrej [Typology of real estate markets according to the propensity to form price bubbles]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2009, no. 8(95), pp. 31-53.

8. Gusev A. B. Cenovye puzyri na regional'nyh rynkah zhil'ya [Price bubbles on regional housing markets]. Available at: hhttp://realtymarket.ru/docs/pps/gusev2.pdf. (accessed 06.10.2021)

9. Slutsky Al-r. A., Slutsky Anat. A. Cenovye puzyri na rynke zhil'ya i variant vyvoda ipotechnogo kreditovaniya iz krizisa [Price bubbles in the housing market and the option of withdrawing mortgage lending from the crisis]. *Bankovskoe kreditovanie = Bank Lending*, 2009, no. 1, pp. 30-36.

10. Ramenskaya A. D. ["Price bubbles" and the causes of the housing crisis in Russia]. Aktual'nye problemy ekonomicheskoj teorii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i molodyh uchenyh [Actual problems of economic theory. Materials of the All-Russian scientific and Prac-

tical Conference of students and young scientists]. Ekaterinburg, Ural State University of Economics Publ., 2017, pp. 32-34. (In Russ.)

11. Bourassa S. C., Hoesli M., Oikarinen E. Measuring House Price Bubbles. *Real Estate Economics*, 2019, no. 47, pp. 534-563. https://doi.org/10.1111/1540-6229.12154

12. Lai R. N., Van Order R. A. Momentum and House Price Growth in the United States: Anatomy of a Bubble. *Real Estate Economics*, 2010, no. 38, pp. 753-773. https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2010.00282.x

13. Fabozzi F. J., Xiao K. The Timeline Estimation of Bubbles: The Case of Real Estate. *Real Estate Economics*, 2019, no. 47, pp. 564-594. https://doi.org/10.1111/1540-6229.12246

14. Pavlov A., Wachter S. Subprime Lending and Real Estate Prices. *Real Estate Economics*, 2011, no. 39, pp. 1-17. https://doi.org/10.1111/j.1540-6229.2010.00284.x

15. Melnikova E. G. Formirovanie cenovyh "puzyrej" na rynke akcij [Creation of price "bubbles" on the stock market]. *Den'gi i kredit = Money and Credit*, 2010, no. 12, pp. 43-48.

16. Obzor finansovoj stabil'nosti. Informacionno-analiticheskij material, IV kvartal 2020 – I kvartal 2021 goda [Financial Stability Review. Information and analytical material, IV quarter of 2020 – I quarter of 2021]. Available at: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/33327/ofs_21-1.pdf. (accessed 10.10.2021)

17. Berdnikova V. N. [Mortgage is a financing tool the investment-building process]. Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyah ekologicheski orientirovannogo razvitiya. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj onlajn-konferencii [Problems of economics and construction management in the conditions of environmentally oriented development. Materials of the V International Scientific and Practical Online Conference]. Tomsk, Tomsk State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2018, pp. 72-74. (In Russ.)

18. Bedin B. M., Koshman V. N., Khomkalov G. V. Massovaya ocenka rynochnoj stoimosti zhiloj nedvizhimosti v mnogofunkcional'nom gorode: teoriya i praktika [Mass assessment of the market value of residential real estate in a multifunctional city: theory and practice]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2006. 123 p.

19. Shabalina O. N. Osobennosti priznaniya rynka aktivnym i neaktivnym. Klassifikaciya rynkov po urovnyu aktivnosti [Features of recognition of the market as active and inactive. Classification of markets by activity level]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2018, no. 11(206), pp. 65-82.

20. Shabalina O. N. Bazovye harakteristiki ekonometricheskoj modeli ekonomiki Rossii 2020 goda [Features of recognition of the market as active and inactive. Classification of markets by activity level]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the Humanities University*, 2021, no. 1(32), pp. 91-104.

Информация об авторах / Information about the Authors

Соловьева Екатерина Владимировна, доктор экономических наук, заведующий кафедрой технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: soloveisolovei008@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8354-5887

Ekaterina V. Solovyova, Doctor of Economic Sciences, Head of the Department of the Technology, Organization, Economics of Construction and Real Estate Management, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: soloveisolovei008@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-8354-5887

Бердникова Валентина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры технологии, организации, экономики строительства и управления недвижимостью, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: wkoshman@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-9842-8368

Valentina N. Berdnikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of the Technology, Organization, Economics of Construction and Real Estate Management, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation,
e-mail: wkoshman@rambler.ru,
ORCID: 0000-0002-9842-8368

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166

CC BY 4.0

Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году

Р. А. Томакова[1] ✉, В. И. Томаков[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: rtomakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Ключевой проблемой, с которой встретились IT-компании в связи с повсеместным внедрением информационных технологий, стала возросшая потребность в квалифицированных программистах и аналитиках. Пандемия послужила катализатором процессов цифровизации экономики, ускорила процессы автоматизации и цифровизации экономики и социальной жизни общества. Создавшаяся ситуация обусловила необходимость в оценке рынка труда IT-сектора экономики с целью выявления трендов удовлетворения спроса в IT-специалистах.*

Цель *исследования – оценить текущее положение и тенденции развития рынка труда IT-специалистов в нашей стране после годичной пандемии.*

Задачи *состояли в том, чтобы оценить: численность IT-специалистов в экономике страны; рынок вакансий, запросы и предложения работодателей; структуру вакансий; активность и портрет соискателей.*

Методология *исследования базируется на системном подходе. В основу исследования положен ресурсный подход. Использовались традиционные для теоретико-прикладных исследований методы: статистический анализ, синтез, сопоставление, обобщение.*

Материалом исследования послужили статистические данные Росстата и общероссийской федеральной базы вакансий и резюме, аналитические материалы исследований рынка труда IT-специалистов.

Результаты. *Исследования выявили растущую потребность в IT-специалистах во всех сферах экономики. На IT-рынке наблюдается значительная несогласованность спроса и предложения IT-специалистов. В значительной мере это касается программистов. Потребность этой категории IT-специалистов возрасла во всех отраслях экономики.*

Выводы. *Необходимо внести изменения в парадигму поиска и найма персонала в условиях конкуренции за IT-специалистов. Насколько правильно компания-работодатель будет представлена на рынке и насколько качественно поведет себя с соискателями в процессе согласования интересов работодателя и работника, настолько и будет обеспечен успех найма нужного специалиста.*

Ключевые слова: *рынок труда; информационные технологии; IT-специалист; программист; вакансии; спрос; предложение.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Томакова Р. А., Томаков В. И. Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 150–166. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166.

Поступила в редакцию 28.11.2021 Принята к публикации 12.01.2022 Опубликована 29.02.2022

© Томакова Р. А., Томаков В. И., 2022

The Russian Labor Market in the Information Technology Industry in 2021

Rimma A. Tomakova[1] ✉, Vladimir I. Tomakov[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: rtomakova@mail.ru

Abstract

Relevance. *The pandemic served as a catalyst for the digitalization of the economy, accelerated the processes of automation and digitalization in all spheres of the economy and in the social life of society. The key problem faced by IT companies in connection with the widespread introduction of information technology is the increased need for qualified programmers and analysts. The current situation has led to the need to assess the labor market of the IT sector in order to identify trends in meeting the demand for IT specialists.*

The purpose *of the study: to assess the current situation and trends in the development of the labor market of IT specialists in our country after a one-year pandemic.*

The objectives*: the number of IT specialists in the country's economy; the job market, requests and offers from employers; the structure of vacancies; activity and portrait of applicants.*

The *research* ***methodology*** *is based on a systematic approach. The research is based on a resource approach. Traditional methods for theoretical and applied research were used - statistical analysis, synthesis, comparison, generalization.*

The research material was statistical data of Rosstat and the All-Russian federal database of vacancies and resumes, analytical materials of labor market research of IT specialists.

Results. *The pandemic accelerated the processes of digitalization of the economy and social life of society, caused a new round of competition for IT specialists. Research has revealed a growing need for IT specialists in all areas of the economy. There was an imbalance of supply and demand in the industrial labor market. Programmers are one of the most needed and paid specialists, the need for which is observed in all sectors of the economy.*

Conclusions. *There was a need to change the paradigm of staff search and recruitment. How well the employer company will be represented on the market and how well it will behave with applicants in the process of coordinating the interests of the employer and the employee, so the success of hiring the right specialist will be ensured.*

Keywords*: labor market; information technology; IT specialist; programmer; vacancies; demand; supply.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tomakova R. A., Tomakov V. I. The Russian Labor Market in the Information Technology Industry in 2021. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 150–166. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166.

Received 28.11.2021 Accepted 12.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Одним из ключевых приоритетов экономической политики Российской Федерации на период до 2030 г. является цифровизация всех отраслей экономики, основные перспективные направления которой закреплены в программе «Цифровая экономика Российской Федерации».

Долгосрочная программа цифровизации отраслей российской экономики за счет внедрения цифровых технологий повысила спрос IT-специалистов, поскольку информационные технологии распространяются на различные сферы жизни общества: государственное управление [1], здравоохранение [2], образование [3], культуру [4], сельское хозяйство [5] и др. Цифровизация обеспечивает поступательное развитие экономики регионов [6; 7] и страны в целом [8]. Процесс цифровизации вызвал появление новых

форм ведения бизнеса, основанных на цифровых платформах [9].

Основой экономического преобразования и инновационного развития регионов в контексте цифровизации отраслей экономики является кадровая составляющая [10; 11] и соответствующий поставленным задачам уровень их подготовки [12]. Значительную роль в цифровизации социальной жизни и экономики играют IT-специалисты высокого уровня квалификации. Именно эта категория специалистов вносит весомый вклад в инновационное развитие не только IT-отрасли, но различных секторов экономики, сферы обслуживания, здравоохранения, науки и образования. Эта сфера высококвалифицированных трудовых ресурсов и кадрового дефицита. В настоящее время на рынке присутствует большая потребность в цифровых технологиях, таких как Data Science, нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии беспроводной связи и др. Кроме этого, тенденция к созданию «экосистем», например в большом банковском бизнесе, предопределила повышенный спрос на разработчиков, архитекторов, аналитиков и т. д. Раньше потребители услуг IT-отрасли приобретали у IT-поставщиков значительную долю программного продукта. На сегодняшний день многие компании стремятся своими силами трансформировать большинство технологических процессов в цифровой формат и автоматизировать их. С этой целью в различных областях экономики и социальной жизни многие компании развивают собственные IT-департаменты. Такой шаг позволяет самостоятельно управлять IT-проектами и быстрее реализовывать их.

В результатом цифровой трансформации значительно повысилась потребность в IT-специалистах. По подсчетам Минцифры, дефицит IT-кадров в России составляет от 500 тыс. до 1 млн чел. [13]. Практически все эксперты отмечают всплеск спроса на IT-специалистов [14]. Их нехватка ощущается и в отраслях, где ранее высокие технологии применялись с меньшей степенью интенсивности, например, «Северсталь», также ряд компаний холдинга «Севергрупп» сейчас создают крупные IT-проекты. IT-кластер «Газпром нефти» содержит три технопарка в крупных городах, четыре центра обработки данных. Более чем в 30 регионах страны «Газпром нефть» открыла 20 технологических представительств. Почти 6 тыс. IT-специалистов заняты в центрах по информационным и цифровым технологиям. Задачи IT-кластера – развитие инфраструктуры центров обработки данных, систем телекоммуникаций, пользовательских сервисов, программ и мобильных приложений для сотрудников, клиентов и партнеров компании.

Многие небольшие компании стали интенсивно перестраиваться в направлении IT-сферы и в срочном порядке переходить цифровизации и автоматизации процессов. Прежде внедрение новой IT-инфраструктуры в различные сферы экономики, сервиса, образования могло происходить в течение нескольких месяцев, однако сложившаяся эпидемиологическая обстановка потребовала более ускоренного темпа, пришлось отказаться от традиционных стратегий развития. Стали развиваться сервисы по доставке еды, продаж, образовательные платформы и др. Резко выросла нагрузка на IT-инфраструктуру, и на рынке труда стал ощутимо заметен дефицит IT-специалистов [15].

Необходимо отметить и тот факт, что пандемия негативно сказалась на состоянии российской экономики и переформатировала российский рынок труда [16], привела к экономическому кризису, снижению объемов производства во многих секторах экономики. Эти обстоятельства затронули внутренний спрос и предложение [17]. Кризисы всегда сопровождаются уменьшением предложения вакансий на рынке труда. Ситуация, сложившаяся в 2020 г., не стала исключением для IT-сферы [18]. Многие российские компании

временно приостановили поиск новых сотрудников в IT-сфере.

Оценить текущее положение рынка труда в IT-сфере в нашей стране после годичной пандемии коронавируса можно с помощью изучения рынка труда IT-специалистов [19]. Зная, какие вакансии существуют, зная предложения и запросы работодателей, оценивая их динамику, можно более эффективно отслеживать рынок труда, быть в курсе всплесков и тенденций в потребности IT-специалистов по отдельным профессиональным отраслям и регионам, которые повлияют на подбор персонала, помогут в разработке модели формирования HR-бренда компании на рынке труда [20].

Данное исследование предназначено специалистам в области регулирования и найма специалистов IT-сферы, потребителям IT-продукта и работникам сферы образования. Оно призвано помочь компаниям и организациям лучше ориентироваться в IT-рынке, принять правильное решение, снизить сроки и стоимость подбора персонала и на взаимовыгодных условиях нанимать квалифицированных IT-специалистов.

Материал и методы

Для принятия результативных решений с целью кадрового обеспечения профессиональных отраслей IT-специалистами выполняется системное исследование проблемы и анализ статистических данных, отражающих ситуацию на рынке труда IT-специалистов в реальном времени. В основу исследования положен ресурсный подход к рассмотрению обеспечения IT-специалистами запросов российской экономики. Ресурсный подход к обеспечению кадрами позволяет оценить по количественным и качественным характеристикам наличие на рынке труда на данный момент IT-специалистов, отвечающих потребностям организаций, оценить сбалансированность рынка труда в соответствии с потребностями экономики.

Исследование основано на научном обзоре практического материала, который был систематизирован и обработан для выстраивания общей логики статьи. Исходным материалом послужили: статистические данные Росстата и общероссийской федеральной базы вакансий и резюме; аналитические материалы службы исследований российской платформы онлайн-рекрутинга HeadHunter (hh.ru); отчеты АПКИТ; аналитика кадрового агентства уникальных специалистов (КАУС-IT); информация рекрутинговых систем поиска и ведения баз вакансий и кандидатов. Изучены экспертные мнения руководителей и представителей ведущих российских IT-компаний. В статье также использованы данные из научных публикаций, размещенных в открытых источниках.

В ходе исследования использовались традиционные общенаучные методы: статистический анализ, синтез, сопоставление, обобщение.

Результаты и их обсуждение

Изменения рынка труда в России принято рассматривать, связывая его трансформацию в основном с позиции событий последнего года – ограничений и локдауна вследствие короновирусной инфекции [21]. Экономика страны переживает «перезагрузку» после пандемии – восстанавливаются производства и потребительская активность. Эксперты Минэкономразвития оценили рост российской экономики в 2021 г. на уровне от 3,3% до 2,9% [22]. Информационные технологии в современных условиях значительно влияют на большинство отраслей народного хозяйства, оптимизируя деловую среду и формируя положительные тенденции в экономике. В современных реалиях IT-технологии становится локомотивом, который позволяет функционировать практически всем сегментам эко-

номики. Информационные и коммуникационные технологии используются в 93 организациях, достигая 97-98% в отдельных видах экономической деятельности [23]. Потребность в IT-специалистах существенно увеличилась и актуальным остается вопрос подбора IT-специалистов. Чтобы быть в курсе актуального положения дел в подборе необходимых кадров, необходимо анализировать различные факторы рынка труда:

1. *Рынок вакансий IT-специалистов, запросы и предложения работодателей.* В российской экономике численность IT-специалистов составляет 1,45 млн чел. [24]. Насколько значителен спрос на IT-специалистов, можно увидеть из постоянно обновляемой статистики российского рынка труда, проводимой службой исследования крупнейшей российской онлайн-платформы по поиску работы и сотрудников HeadHunter. В частности, с начала 2021 г. компании разместили более 250 000 вакансий для IT-специалистов для работы в разных профессиональных сферах [25].

Рынок труда в IT-сфере в 2021 г. имел тенденцию интенсивного роста от месяца к месяцу по сравнению с аналогичными периодами 2020 г., достигнув максимума в мае месяце после снятия ограничений, обусловленных пандемией.

Рисунок 1 отражает динамику вакансий в профессиональной области «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации».

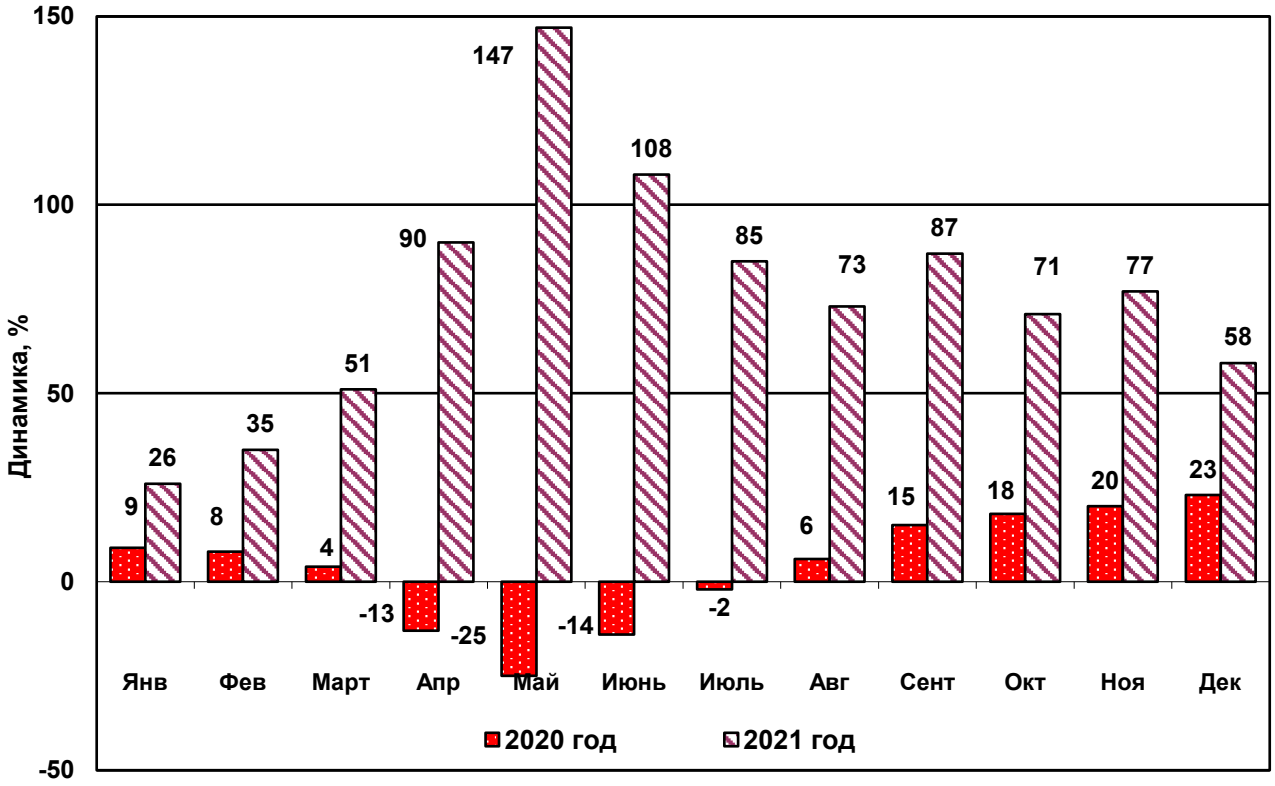

Рис. 1. Динамика вакансий в профессиональной области «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации»

В абсолютном выражении число открытых вакансий с общей формулировкой «программист» на 17 ноября 2021 г. на российском рынке труда составило 80 889, в т. ч. российскими компаниями было предложено 72 191 вакансия [26], из них:

– программист, разработчик – 38 789 (53,7%);

– аналитик – 4703 (6,5%);

– менеджер по продаже IT-продуктов, менеджер по работе с клиентами – 4027 (5,6%);

– специалист технической поддержки IT-систем – 2935 (4,1%);

– тестировщик – 2815 (4%);

– руководитель проектов – 1359 (1,9%);

– специалист по информационной безопасности – 950 (1,3%);

– системный администратор – 695 (1%).

Для людей с инвалидностью предлагается 14% вакансий.

Традиционно наибольшее количество вакансий для IT-специалистов было предложено в мегаполисах: Москве – 26343 и Санкт-Петербурге – 10119. Лидерами по числу открытых вакансий стали Республика Татарстан - 2365, области: Свердловская – 2387, Новосибирская – 2403, Московская – 2270, Нижегородская – 1 643, Ростовская – 1 566 и Краснодарский край – 1 881.

В относительном выражении в 2021 г. (с января по ноябрь) динамика вакансий в целом по России для IT-специалистов составила 73 % и по динамике спроса на программистов сформировался топ-10 регионов, в которых динамика спроса была выше средней по России: Республика Карелия – 101,4%; Оренбургская обл. – 100,3%; Смоленская обл. – 98,5%; Тюменская обл. – 98,3%; Кемеровская обл. – 90,3%; Курганская обл. – 88,6%; Воронежская обл. – 87,7%; Свердловская обл. – 85,4%; Республика Татарстан – 84,5% и Ставропольский край – 82,6%.

Общероссийский спрос вырос за счет того, что в Москве и Санкт-Петербурге находится значительное количество компаний, которые работают на иностранный рынок [27]. На долю Москвы предложения работы выросли за год на 70%, что составляет 38% от всех размещенных вакансий в стране. По данным АПКИТ, 20 % специалистов IT-отрасли приходится на долю Москвы. В Санкт-Петербурге спрос увеличился на 78%.

Удаленная работа становится все популярнее – 43,2% программистов хотят работать удаленно хотя бы несколько дней в неделю. Работодатели за последний год стали лояльнее относится к удаленному режиму работы. Так за неполный 2021 г. 48% компаний предложили своим сотрудникам дистанционный график работы, тогда как в 2020 г. лишь 4% компаний предлагали IT-специалистам удаленный режим. Помимо этих предложений в большинстве компаний (52,9%) предоставили возможность программистам работать из дома несколько дней в неделю, решительно против дистанционной работы заявили только 5,8% компаний [28].

Компании в основном подбирают сотрудников на полную занятость – под стандартную пятидневную неделю. В ряде случаев предлагают сменный график с нормированным рабочим днём. Работодатели предлагают следующий график работы: полный день – 60% вакансий; удалённый формат – 29 % (доля таких вакансий по сравнению с 2020 г. выросла в два раза); гибкий график – 7,5%; сменный – 2,5%; менее 1% – вахтовый метод. Стандартный рабочий график – самый распространенный формат работы в крупных городах. Его преимущества очевидны: работодатель полностью контролирует местонахождение, действия, перерывы сотрудников. Сам работник общается с коллегами и руководителем непосредственно на рабочем месте.

На сегодняшний день в IT-секторе имеется 5 типов занятости: полная занятость, частичная занятость, стажировка, проектная занятость и волонтёрство. Только за 2021 г. было предложено: 88,2% вакансий с полной занятостью; 10% вакансий с частичной занятостью; на стажировку пришлось 1,3% вакансий; на проектную работу – 0,5%.

Требование работодателей к опыту работу IT-специалистов следующее: в 45% вакансий диапазон указан от одного года до трех лет; для 32% вакансий под-

ходят соискатели с опытом от трех до шести лет; для 3% вакансий требуются соискатели с опытом от шести лет. Без опыта работы работодателями предлагается 20% вакансий, и ряд компаний согласны предоставить принятым сотрудникам переподготовку и повышение квалификации. Это важно для выпускников учебных заведений, поскольку на момент его окончания они ещё не имеют достаточных профессиональных практических навыков. Курсы повышения квалификации для других категорий соискателей, принятых на работу и имеющих некоторый опыт работы в IT-сфере, в отличие от стажировки, дают возможность проходить обучение, не нанося ущерба основной деятельности. Большинство компаний заинтересовано в выращивании профессиональных кадров.

В вакансиях программистам предлагается заработная плата, превышающая среднюю зарплату по стране в 2,5 раза: 132,9 тыс. руб. против 50 тыс. Наиболее высокую зарплату программистам предлагают в Москве (174,5 тыс.), Санкт-Петербурге (152,2 тыс.) и в Новосибирской области (143,7 тыс.). Свердловская область – на шестом месте (115,2 тыс. руб.). Наиболее низкую зарплату разработчикам предлагают в Республике Бурятия (54,5 тыс. руб.) и в Мурманской области (62,3 тыс. руб.).

Топ-15 регионов по уровню средних предлагаемых зарплат программистам представлен ниже (рис. 2).

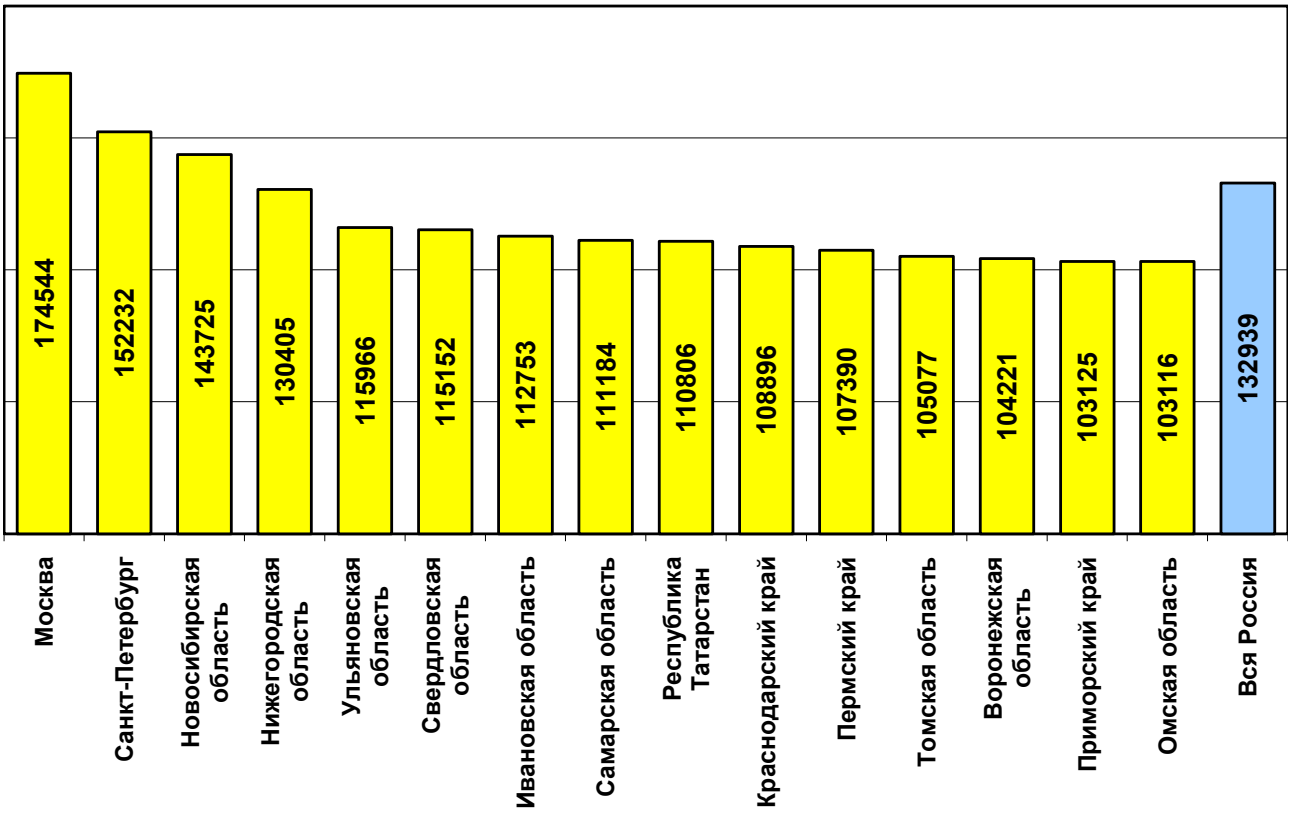

Рис. 2. Топ-15 регионов по уровню средних предлагаемых зарплат программистам (август-сентябрь, 2021 г.), руб.

Размер вознаграждения более чем в половине случаев работодателями не указывается. Тем не менее в базах данных размещается достаточное количество вакансий с объявленной зарплатой, что позволяет делать выводы об уровне зарплат на IT-рынке в целом и во всех рассматриваемых срезах – по городам, требуемому опыту, специальностям, возрастным группам.

Как и прежде, самыми высокооплачиваемыми специалистами в IT-сфере являются программисты Java, C++/C и Python.

Работодатели чаще ищут программистов, которые знают JavaScript или Java и Python. Эти языки остаются наиболее популярными языками программирования. Языки JavaScript и Python находятся в топе международных рейтингов. Более половины разработчиков умеют программировать на этих языках. Разработчики, знающие эти языки, востребованы почти в 60% компаний. Некоторые языки, напротив, теряют популярность. Например, разработчики на *C* нужны только в 15,4% компаний, но знают его 45,1% программистов [28].

Из фреймворков самыми популярными среди разработчиков являются Node.js, React и .NETCore, однако самый востребованный фреймворк среди работодателей – React. Программистов, которые работают с ним, ищут 59% менеджеров по персоналу. Но умеют работать с этой Open Source-библиотекой JavaScript только 27,6% программистов.

В тройку лидеров, по версии рекрутеров, также входят фреймворки Node.js и Angular 2+. Причем знающих Angular 2+ специалистов ищут 41% HR-менеджеров, а владеют им 6,9% разработчиков.

Отсутствие профильного образования не является препятствием при приеме на работу. Почти 80% рекрутеров когда-либо нанимали разработчиков без профильного диплома, а 24,4% регулярно принимают на работу специалистов, обучавшихся на других, непрофильных технических направлениях. При этом большинство разработчиков (58,8%) учились программировать в университете, но около 35% считают себя самоучками.

Работодатель подбирает IT-специалистов с профильным образованием и большим опытом работы, когда требуется усилить штат под новые проекты. Высшее профессиональное образование по профилю в этом случае выступает в глазах работодателя гарантией более высокого «общего уровня» соискателя.

2. *Структура вакансий.* В общей структуре вакансий, имеющихся в организациях той или иной сфере экономики, сфера «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации» вошла в TOP-10 по предложению вакансий для IT-специалистов [29]. На конец ноября 2021 г. доля предложений составила 13%, уступив лишь спросу на персонал в сфере продаж (28%) и спросу на рабочий персонал (13%), что демонстрирует рисунок 3.

Спрос на IT-специалистов по России в начале 2021 г. распределился следующим образом: непосредственно на IT-компании пришлось 45% запросов; на телекоммуникационные компании и финансовые организации пришлось по 8% запросов; на компании из сферы розничной торговли пришлось 7%; на компании, оказывающие услуги бизнесу, – 6%.

Менеджеры по персоналу отмечают: конкуренция за IT-специалистов становится все жестче. Сложно найти квалифицированного кандидата быстрее конкурентов, согласовать его ожидания с требованиями руководства, а главное, сделать все это максимально быстро.

3. *Активность соискателей.* С января 2021 г. на hh.ru соискатели работы в IT-сфере разместили более 430 000 резюме. Значительная часть поданных резюме пришлась на профессиональный сектор программирования и разработки (28%). Соискатели разместили 20% резюме на должность менеджеров управления IT-проектами, 16% – на должность инженера, 14% – на должность системного администратора. Специалисты, разыскивающие работу в организации CRM-системы, в организации работы сайтов, в IT-стартапах и игровом ПО разместили всего 2% резюме. В данном случае имеется совпадение спроса и предложения по специализациям и в профессиях-лидерах.

Однако в IT-отрасли, как и в остальных сферах, в 2021 г. по сравнению с аналогичными периодами прошлого года снизилась активность соискателей, что демонстрирует динамика резюме (рис. 4).

Рис. 3. TOP-10 профессиональных сфер по количеству предлагаемых вакансий

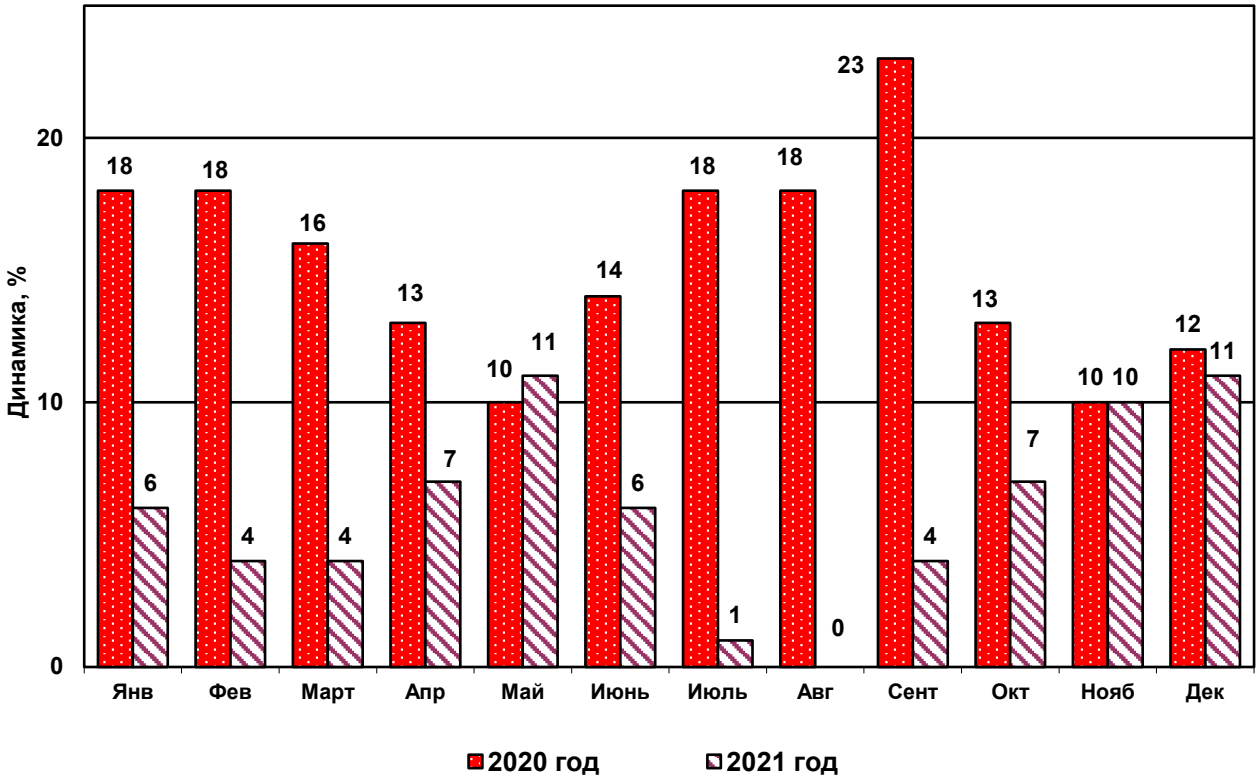

Рис. 4. Динамика поданных или обновленных резюме в области «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации»

В среднем по России в январе 2021 г. прирост поданных резюме составил 6% к аналогичному периоду 2020 г. В мае 2021 г. прирост резюме достиг 11%, что можно объяснить тем, что соискатели из регионов оценили IT-сектор как один из наиболее перспективных после снятия ограничений, связанных с пандемией, и готовы были в нем искать работу.

В августе зафиксировано отсутствие поданных или обновленных резюме, и лишь в сентябре-октябре наблюдается прирост. Однако динамика остается существенно ниже зафиксированных значений в 2020 г. В среднем динамика поданных резюме за 2021 г. составила 6%.

Работодатели в поисках квалифицированных специалистов расширили географию поиска работников. Они вышли за свои привычные границы поиска персонала и физического расположения офиса, стали активнее рассматривать предложения кандидатов из других регионов, что явилось следствием массового перехода работников IT-сферы на удаленный режим работы. Активнее всех в конце 2020 г. рассматривали кандидатов вне своего региона компании, оказывающие услуги для бизнеса (доля 65%), из добывающей отрасли (53%), из сферы искусства и культуры (53%) и информационных технологий (47%).

Имеющийся дисбаланс спроса и предложения на IT-специалистов связан с несовпадением требований работодателей, отраженных в вакансиях, и ожиданий соискателей.

Снижение динамики представленных резюме можно связать с тем, что малый бизнес не может позволить себе дорогостоящие IT-технологии – предприятия малого бизнеса в большинстве случаев ограничены в своем капитале [30]. Эти отрасли остались вне интересов IT-специалистов.

Доля резюме по профессиональным сферам по состоянию на ноябрь 2021 г. показывает, какие специалисты чаще всего размещали резюме в поисках работы (рис. 5).

Рис. 5. Доля резюме по профессиональным сферам

Отношение количества активных резюме к вакансиям показывает hh-индекс. В том случае, если hh-индекс соответствует значению 4 и более, рынок труда смещен в пользу работодателей. Для работодателя это подходящее время для выбора сотрудника. Однако кандидаты на рабочее место могут столкнуться с проблемами при поиске работы.

В профессиональной сфере «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации» в 2021 г. зафиксирован низкий уровень конкуренции – hh-индекс составляет 1,4 против 4,1 в мае 2020 г. Таким образом, в 2021 г. конкуренция среди соискателей работы на IT-рынке почти отсутствует, а компании испытывают трудности с подбором подходящих кандидатов.

Для сравнения: наивысший hh-индекс приходится на высший менеджмент – 8; наименьший hh-индекс приходится на такие профессиональные сферы, как консультирование, инсталляция и сервис, – по 0,6%.

4. *Портрет соискателя.* Среди соискателей, представивших резюме, 81% IT-специалистов – представители мужского пола и 19% – женщины.

В той и другой группе резюме представили соискатели в возрасте от 20 лет. Возрастной разброс оказался довольно неравномерным. Так, доля мужчин и женщин, подавших резюме в возрастной группе от 20 до 25 лет, составила 1%. Наибольшая доля мужчин и женщин, подавших резюме, оказалась в возрастной группе от 26 до 35 лет соответственно 49 и 59%. В каждой возрастной группе доля мужчин и женщин представлена приблизительно одинаково (табл. 1).

Опыт работы IT-специалистов, подавших резюме, приведен ниже (табл. 2). В целом IT-специалисты, подавшие резюме, имеют опыт работы. Как следует из приведенных данных, наибольшая часть резюме поступила от соискателей с опытом работы от трёх до шести лет: 31% женщин и 26% мужчин.

Таблица 1. Распределение соискателей, представивших резюме, по возрастным группам, %

Пол соискателя	Распределение по возрастным группам, %						
	до 20 лет	20-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	55-60 лет	свыше 60 лет
Мужчины	0	1	49	37	10	2	1
Женщины	0	1	59	30	7	2	1

Таблица 2. Распределение соискателей, представивших резюме, по опыту работы, %

Пол соискателя	Распределение по возрастным группам, %						
	до года	от 1 года до 3 лет	от 3 до 6 лет	от 6 до 9 лет	от 9 до 12 лет	от 12 до 15 лет	Свыше 15 лет
Мужчины	4	12	26	17	17	11	13
Женщины	5	16	31	18	15	7	8

Подавляющая часть (82%) IT-специалистов, подавших резюме, имеет высшее образование, незаконченное высшее – 9%, среднее специальное – 7% и среднее образование – 2%.

Выводы

Рынок труда IT-сектора стал интенсивно восстанавливаться, IT-компании адаптировались к новым условиям, а масштабная цифровизация экономики, образования, торговли, финансового сектора, а также государственного управления на всех уровнях и военной сферы способствует развитию отрасли. Поэтому IT-сфера сохраняет за собой статус одной из самых динамично развивающихся, востребованных и привлекательных для специалистов.

Если проанализировать причины возникновения серьезного дефицита кад-

ров на российском рынке, можно выявить несколько ключевых моментов:

– прежде всего это масштабная цифровизация экономики, которая сделала крайне востребованной знания и навыки в IT;

– многие средние и крупные компании в настоящее время предпочитают создавать внутренние IT-структуры (департаменты, управления, отделы и т. п.), отдавая на аутсорсинг лишь некоторые функции;

– одним из эффектов пандемии стало развитие удаленных форматов работы. Российским программистам теперь проще работать на зарубежные компании;

– увеличение дефицита кадров в сфере IT превышает рост числа выпускников в данной области.

Пандемия ускорила процессы цифровизации в десятки раз и вызвала новый виток конкуренции за IT-специалистов. Анализ рынка труда говорит о значительной разбалансировке по линии предложения и спроса IT-специалистов. Спрос на IT-специалистов превышает предложение, наблюдаемый серьёзный дисбаланс между спросом и предложением вызван тем, что потребность в этих специалистах испытывают не только технологические компании, но и предприятия разных отраслей российской экономики, государственное управление, образование и др.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что работодательская активность растет более высокими темпами в отличие от соискательской. На сегодняшний день можно говорить о существенном подъеме спроса в сфере «Информационные технологии, Интернет, телекоммуникации». Количество вакансий в 2021 г. превысило показатель предыдущего года. Значительный прирост вакансий наблюдается для соискателей хотя бы с небольшим, начальным опытом работы (от 1 года до 3 лет). Это говорит о том, что компании расширяют свои команды под новые серьезные задачи и проекты. Однако в этом секторе наблюдается системная нехватка квалифицированных программистов и специалистов-аналитиков. На одну вакансию программиста сегодня приходится всего лишь 1,5 резюме (именно такая ситуация наблюдалась на рынке труда в ноябре 2021 года), конкуренция среди соискателей практически отсутствует.

Традиционно наибольшее количество вакансий для программистов было предложено в крупных российских городах, в которых сосредоточены не только крупные IT-компании, но и предприятия разных отраслей российской экономики и зарубежные представительства, сектор управления. Здесь больше спрос на специалистов и выше зарплаты.

Существенный дисбаланс спроса и предложения вызвал резкий рост зарплат в этой сфере. Уровень предлагаемой зарплаты программистов превышает среднюю по стране в 2,5 раза.

Уровень конкуренции среди работодателей за персонал IT-сферы сейчас крайне высокий. С одной стороны, это означает необходимость в изменении парадигмы поиска и найма персонала. Конкурентные преимущества одной компании перед другими не всегда лежат на поверхности в работе с IT-вакансиями при поиске кандидатуры. И если не показать эти преимущества, то поиск IT-специалистов будет затягиваться на неопределенное время. Стандартная схема найма в этой сфере в настоящее время уже не работает.

Насколько правильно компания-работодатель представлена на рынке и насколько качественно она позиционирует на рынке труда и ведет работу с соискателями, настолько и будет обеспечен успех найма нужных специалистов и впоследствии удержания их на рабочих позициях. Представляя компанию, HR-менеджерам при подборе сотрудников следует подробнее остановиться на деятельности компании, зарплате, схеме выплаты бонусов, условиях и графике труда, расположении офиса, возможности удаленной работы. Предпочтительно сократить количество и продолжительность

этапов подбора. Также IT-специалистов всегда интересует проект, на который подбирают сотрудника, о стеке используемых технологий.

Уровень зарплаты – важный пункт переговоров, особенно если речь идет о высококвалифицированных кандидатах с богатым опытом. Но это не единственный для IT-специалиста критерий выбора компании. Многие соискатели хотят и ожидают от своих будущих работодателей индивидуальные мотивационные программы, такие как возможность обучения и обновления навыков и знаний путем повышения квалификации за счет компании. Выбирая место работы, программисты обращают внимание на профессиональные вызовы, возможность соблюсти баланс между отдыхом и работой, а также на конкурентную зарплату. При этом график работы для них стоит на втором месте.

Дефицит IT-кадров будет только нарастать. При этом в ближайшую пятилетку тренд на цифровизацию потребует еще примерно 2 млн специалистов. В сложившихся условиях, согласно опубликованной в 2019 г. версии национальной программы «Цифровая экономика», число принятых на программы высшего образования в сфере IT и по математическим специальностям должно было составить 100 тыс. чел. в 2023 г. и 120 тыс. чел. в 2024 г. Увеличение бюджетных мест на эти направления подготовки предусмотрено практически во всех регионах. В частности, в 2022/23 учебном году по группе специальностей «Компьютерные и информационные науки» предусмотрено около 6 тыс. бюджетных мест, «Информатика и вычислительная техника» – почти 49 тыс., «Информационная безопасность» – около 9 тыс., «Электроника, радиотехника и системы связи» – порядка 18 тыс. бюджетных мест.

Вузы сейчас не являются ключевым источником IT-специалистов. Увеличение приема на IT-специальности даст свой положительный результат только через несколько лет, но и в этом случае спрос на требующихся специалистов в разы будет превышать число выпускников учебных заведений. В настоящее время предложения системы образования, несмотря на увеличение приема в учебные заведения, не соответствуют запросам бизнеса в IT-специалистах. Необходимость дополнительной подготовки выпускников высших учебных заведений для IT-предприятий остается одной из основных задач для развития IT-сферы. Принимая этот объективный факт во внимание, компаниям-лидерам IT-отрасли важно инвестировать в подготовку кадров. Необходимо осуществлять тесное взаимодействие со студентами, насыщая учебный процесс реальными практиками в компаниях и предоставляя им возможность для участия в реальных проектах. Компаниям-лидерам необходимо вносить вклад в модифицирование учебной базы высших и средних специальных учебных заведений и школ. Взаимодействие с кафедрами в вузах по разработке и реализации учебных планов дает возможность обучать студентов под собственные запросы и максимально быстро закрывать вакансии.

Студенты – далеко не единственный кадровый резерв IT-сферы. Современная экономика создает как необходимость, так и возможность учиться и менять профессию в течение всей жизни. Для этого в крупных компаниях следует создавать корпоративные центры для реализации программ ускоренной подготовки и переподготовки кадров для работы в IT-сфере.

Список литературы

1. Фирсова С. В., Данилина О. М. Цифровая трансформация в государственном управлении // Муниципальная академия. 2021. № 1. С. 54-61. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_54.

2. Шахворостов Г. И., Чаплыгин Г. А. Цифровая трансформация в сфере здравоохранения в условиях короновирусной эпидемии // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 3 (50). С. 136-142.

3. Звонцов А. В., Фомина И. Г. Цифровая трансформация образования // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2020. Т. 1. С. 23-25.

4. Магомедов М. Н., Носкова Н. А. Цифровая трансформация сферы культуры // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. С. 27-36.

5. Сибиряев А. С., Зазимко В. Л., Додов Р. Х. Цифровая трансформация и цифровые платформы в сельском хозяйстве // Вестник НГИЭИ. 2020. № 12 (115). С. 96-108.

6. Стасюк М. В. Цифровая трансформация и цифровое развитие регионов России // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 3-2 (71). С. 179-183.

7. Черных В. В., Суворова А. П., Баженов Р. И. Цифровая трансформация экономических систем – фактор стратегического развития территорий // Вестник НГИЭИ. 2019. № 12 (103). С. 105-120.

8. Демура Н. А., Ярмоленко Л. И., Кажанова Е. Ю. Цифровизация как необходимое условие экономического развития России и регионов // Экономика устойчивого развития. 2019. № 2 (38). С. 126-130.

9. Хафизова Э. Р., Фазулзянова А. Р., Хусаинова Е. А. Цифровая трансформация в экономике // Трибуна ученого. 2021. № 1. С. 588-592.

10. Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Пияльцев А. И. Кадры как показатель инновационного развития регионов России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 193-203.

11. Коптева Ж. Ю., Томакова И. А. Развитие кадрового потенциала как основы для формирования цифровой экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 151-163.

12. Томакова И. А. Университет как интегратор инновационных образовательных процессов подготовки кадров доля развития цифровой экономики региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 2. С. 163-179.

13. Потапова К. Все дело в кадрах. URL: https://www.kommersant.ru/app/6004811?from=doc (дата обращения: 30.10.2021).

14. Климова Ю. О. Анализ кадровой обеспеченности отрасли информационных технологий на федеральном и региональном уровнях // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2020. Т. 18, № 1. С. 126-138. https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).126-138.

15. Волотовский Д. С., Солодилова Е. С. Дефицит специалистов в IT-сфере // Евразийское научное объединение. 2021. № 1-2 (71). С. 88-91.

16. Мизинцева М. Ф., Сардарян А. Р. Трансформация российского рынка труда в условиях пандемии: основные проблемы и тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23, № 1. С. 102-109. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.8.

17. Гайдаенко А. А., Хрипачева Е. В., Худов А. М. Особенности рынка труда в период пандемии COVID-19 // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С. 126-131.

18. Как коронокризис повлиял на рынок труда в ИТ-исследование hh.ru и OTUS Онлайн-образование (12 мая 2021) . URL: https://kursk.hh.ru/article/28508 (дата обращения: 07.10.2021).

19. Волкодаева А. В., Балановская А. В., Чулков А. В. Тенденции востребованности специалистов сферы информационных технологий на рынке труда в России // Наука Красноярья. 2021. Т. 10, № 3. С. 174-187. https://doi.org/10.12731/2070-7568-2021-10-3-174-187.

20. Петрова О. С. Ключевые параметры привлекательности компании как работодателя для IT-специалистов и их роль в разработке модели формирования HR-бренда на рынке труда // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2019. № 4 (24). С. 94-104.

21. Томских А. А. Российский рынок труда: тенденции и трансформации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 120-126. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-10-120-126.

22. «Суперцикл» в экономике после пандемии: в какие отрасли инвестировать. URL: https://quote.rbc.ru/news/article/609ea73a9a794708193c41ed (дата обращения: 10.10.2021).

23. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 700 с.

24. ИТ-кадры для цифровой экономики в России. Оценка численности ИТ-специалистов в России и прогноз потребности в них до 2024 г. URL: https://apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

25. Обзор рынка труда в ИТ-сфере в начале 2021 года в России и Санкт-Петербурге. URL: https://mytischi.hh.ru/article/28685 (дата обращения: 23.10.2021).

26. Работа в Курске, поиск персонала и публикация вакансий. URL: https://kursk.hh.ru/search/vacancy?clusters=true&ored_clusters=true&enable_snippets=true&salary=&text=программист (дата обращения: 16.10.2021).

27. Спрос на программистов в России вырос за год на 72%. URL: https://newizv.ru/news/ economy/13-09-2021/spros-na-programmistov-v-rossii-vyros-za-god-na-72 (дата обращения: 07.10.2021).

28. Как нанимать специалиста в 2021 году. URL: https://mcs.mail.ru/blog/naem-it-spetsialistov-v-2021-godu (дата обращения: 16.10.2021)

29. Россия – статистика рынка труда. Динамика вакансий. URL: https://stats.hh.ru/ #structureVacancies%5Bactive%5D=true (дата обращения: 10.10.2021).

30. Марчук В. И. Проблемы использования информационных технологий в малом бизнесе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 5. С. 51-55. URL: http://e-koncept.ru/2015/15139.htm (дата обращения: 10.10.2021).

References

1. Firsova S. V., Danilina O. M. Cifrovaya transformaciya v gosudarstvennom upravlenii [Digital transformation in public administration]. *Municipal'naya akademiya = Municipal Academy,* 2021, no. 1, pp. 54-61. https://doi.org/10.52176/2304831X_2021_01_54

2. Shahvorostov G. I., Chaplygin G. A. Cifrovaya transformaciya v sfere zdravoohraneniya v usloviyah koronovirusnoj epidemii [Digital transformation in the field of healthcare in the conditions of the coronavirus epidemic]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Mmanagement,* 2020, no. 3 (50), pp. 136-142.

3. Zvoncov A. V., Fomina I. G. Cifrovaya transformaciya obrazovaniya [Digital transformation of education]. *Sovremennoe obrazovanie: soderzhanie, tekhnologii, kachestvo = Modern Education: Ccontent, Technology, Quality,* 2020, vol. 1, pp. 23-25.

4. Magomedov M. N., Noskova N. A. Cifrovaya transformaciya sfery kul'tury [Digital transformation of the sphere of culture]. *Peterburgskij ekonomicheskij zhurnal = St. Petersburg Economic Journal,* 2021, no. 1, pp. 27-36.

5. Sibiryaev A. S., Zazimko V. L., Dodov R. H. Cifrovaya transformaciya i cifrovye platformy v sel'skom hozyajstve [Digital transformation and digital platforms in agriculture]. *Vestnik NGIEI = Vestnik NGIEI,* 2020, no. 12 (115), pp. 96-108.

6. Stasyuk M. V. Cifrovaya transformaciya i cifrovoe razvitie regionov Rossii [Digital transformation and digital development of the regions of Russia]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire = Actual Scientific Research in the Modern World,* 2021, no. 3-2 (71), pp. 179-183.

7. Chernyh V. V., Suvorova A. P., Bazhenov R. I. Cifrovaya transformaciya ekonomicheskih sistem – faktor strategicheskogo razvitiya territorij [Digital transformation of economic systems – a factor of strategic development of territories]. *Vestnik NGIEI = Vestnik NGIEI,* 2019, no. 12 (103), pp. 105-120.

8. Demura N. A., Yarmolenko L. I., Kazhanova E. Yu. Cifrovizaciya kak neobhodimoe uslovie ekonomicheskogo razvitiya Rossii i regionov [Digitalization as a necessary condition for the economic development of Russia and the regions]. *Ekonomika ustojchivogo razvitiya = Economics of Sustainable Development,* 2019, no. 2 (38), pp. 126-130.

9. Hafizova E. R., Fazulzyanova A. R., Husainova E. A. Cifrovaya trans-formaciya v ekonomike [Digital transformation in economics]. *Tribuna uchenogo = Tribune of the Scientist,* 2021, no. 1, pp. 588-592.

10. Kopteva Zh. Yu., Tomakova I. A., Piyal'cev A. I. Kadry kak pokazatel' innovacionnogo razvitiya regionov Rossii [Personnel as an indicator of innovative development of the regions of Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management,* 2021, vol. 11, no. 4, pp. 193-203.

11. Kopteva Zh. Yu., Tomakova I. A. Razvitie kadrovogo potenciala kak osnovy dlya formirovaniya cifrovoj ekonomiki [Development of human resources potential as a basis for the formation of the digital economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management,* 2021, vol. 11, no. 1, pp. 151-163.

12. Tomakova I. A. Universitet kak integrator innovacionnyh obrazo-vatel'nyh processov podgotovki kadrov dolya razvitiya cifrovoj ekonomiki regiona [University as an integrator of innovative educational processes of personnel training share of the development of the digital economy of the region]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management,* 2021, vol. 11, no. 2, pp. 163-179.

13. Potapova K. Vse delo v kadrah [Potapova K. It's all about the shots]. Available at: https://www.kommersant.ru/app/6004811?from=doc. (accessed 30.10.2021)

14. Klimova Yu. O. Analiz kadrovoj obespechennosti otrasli informacionnyh tekhnologij na federal'nom i regional'nom urovnyah [Analysis of the staffing of the information technology industry at the federal and regional levels]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Omsk University. The Series: Economics,* 2020, vol. 18, no. 1, pp. 126-138. https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1)126-138

15. Volotovskij D. S., Solodilova E. S. Deficit specialistov v IT-sfere [Shortage of specialists in the IT sphere]. *Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie = Eurasian Scientific Association,* 2021, no. 1-2 (71), pp. 88-91.

16. Mizinceva M. F., Sardaryan A. R. Transformaciya rossijskogo rynka truda v usloviyah pandemii: osnovnye problemy i tendencii [Transformation of the Russian labor market in a pandemic: the main problems and trends]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Volgograd State University. Economy,* 2021, vol. 4, no. 1, pp. 102-109. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.1.8

17. Gajdaenko A. A., Hripacheva E. V., Hudov A. M. Osobennosti rynka truda v period pandemii COVID-19 [Features of the labor market during the COVID-19 pandemic]. *Innovacii i investicii= Innovation and Investment,* 2021, no. 3, pp. 126-131.

18. Kak koronokrizis povliyal na rynok truda v IT-issledovanie hh.ru i OTUS Onlajn-obrazovanie (12 maya 2021) [How the coronocrisis affected the labor market in IT research hh.ru and OTUS Online Education (May 12, 2021)]. Available at: https://kursk.hh.ru/article/28508. (accessed 07.10.2021)

19. Volkodaeva A. V., Balanovskaya A. V., Chulkov A. V. Tendencii vostrebovannosti specialistov sfery informacionnyh tekhnologij na rynke truda v Rossii [Trends in the demand for information technology specialists in the labor market in Russia]. *Nauka Krasnoyar'ya = Science of Krasnoyarsk Region,* 2021, vol. 10, no. 3, pp. 174-187. https://doi.org/10.12731/2070-7568-2021-10-3-174-187

20. Petrova O. S. Klyuchevye parametry privlekatel'nosti kompanii kak rabotodatelya dlya IT-specialistov i ih rol' v razrabotke modeli formirovaniya HR-brenda na rynke truda [Key parameters of a company's attractiveness as an employer for IT specialists and their role in developing a model of HR brand formation in the labor market]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual Problems of Economics and Management,* 2019, no. 4 (24), pp. 94-104.

21. Tomskih A. A. Rossijskij rynok truda: tendencii i transformacii [The Russian labor market: trends and transformations]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Trans-Baikal State University,* 2020, vol. 26, no. 10, pp. 120-126. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2020-26-10-120-126

22. "Cupercikl" v ekonomike posle pandemii: v kakie otrasli investirovat' [The "super cycle" in the economy after the pandemic: which industries to invest in]. Available at: https://quote.rbc.ru/news/article/609ea73a9a794708193c41ed. (accessed 10.10.2021)

23. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2020. Statisticheskii sbornik [Russian Statistical Yearbook. 2020. Statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2020, p. 700.

24. IT-kadry dlya cifrovoj ekonomiki v Rossii. Ocenka chislennosti IT-specialistov v Rossii i prognoz potrebnosti v nih do 2024 g. [IT personnel for the digital economy in Russia. Estimation of the number of IT specialists in Russia and forecast of the need for them until 2024]. Available at: https://apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf. (accessed 23.10.2021)

25. Obzor rynka truda v IT-sfere v nachale 2021 goda v Rossii i Sankt-Peterburge [Overview of the IT labor market at the beginning of 2021 in Russia and St. Petersburg]. Available at: https://mytischi.hh.ru/article/28685. (accessed 23.10.2021)

26. Rabota v Kurske, poisk personala i publikaciya vakansij [Work in Kursk, search for staff and publication of vacancies]. Available at: https://kursk.hh.ru/search/vacancy?clusters=true&ored_ clusters=true&enable_snippets=true&salary=&text=программист. (accessed 16.10.2021)

27. Spros na programmistov v Rossii vyros za god na 72% [The demand for programmers in Russia has grown by 72% over the year]. Available at: https://newizv.ru/news/economy/13-09-2021/spros-na-programmistov-v-rossii-vyros-za-god-na-72. (accessed 07.10.2021)

28. Kak nanimat' specialista v 2021 godu [How to hire a specialist in 2021]. Available at: https://mcs.mail.ru/blog/naem-it-spetsialistov-v-2021-godu. (accessed 16.10.2021)

29. Rossiya – statistika rynka truda. Dinamika vakansij [Russia – labor market statistics. The dynamics of vacancies]. Available at: https://stats.hh.ru/#structureVacancies%5Bactive%5D=true. (accessed 10.10.2021)

30. Marchuk V. I. Problemy ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v malom biznese [Problems of using information technologies in small business]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept",* 2015, no. 5, pp. 51-55.

Информация об авторах / Information about the Authors

Томакова Римма Александровна, доктор технических наук, профессор кафедры программной инженерии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: rtomakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0152-4714,
Researcher ID: O-6164-2015,
Author ID: 739221

Rimma A. Tomakova, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Software Engineering, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: rtomakova@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0152-4714,
Researcher ID: O-6164-2015,
Author ID: 739221

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор кафедры охраны труда и окружающей среды, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: tomakov52@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1051-9722,
Scopus ID: 57195919702,
Author ID: 509007

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Labor Protection and Environment, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: tomakov52@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1051-9722,
Scopus ID: 57195919702,
Author ID: 509007

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-167-181

CC BY 4.0

Академическая прокрастинация в студенческой среде: социологический анализ

О. А. Ветрова[1] ✉, М. В. Обозная[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Студенческие возраст играет ключевую роль в процессе учебно-профессиональной социализации личности, в течение которого происходит стадия взросления, развития чувства идентичности и планирования своего будущего. Одной из таких стадий является процесс учебной деятельности, играющей большую роль в укреплении веры в собственный успех, способность к продуктивной деятельности. Однако существуют и препятствия, ограничивающие комплексное становление личности, – промедление в откладывании учебных дел или академическая прокрастинация.*

Цель – *определить характер формирования академической прокрастинации студентов, а также выявить значение мотивации в структуре данных факторов.*

Задачи: *провести эмпирическое исследование и проанализировать причины формирования академической прокрастинации студенческой молодежи; изучить учебные мотивы студенческой молодежи; определить принципиальное отличие между выполнением долгосрочных и ежедневных учебных задач, случаев охотного выполнения этих задач, а также эмоциональные предпосылки студентов, которые решили не выполнять учебные задания, независимо от их срочности и временных затрат.*

Методология. *В ходе прикладного исследования использовалась методика, направленная на выявление у студенческой молодежи мотивов учебной деятельности, методика «Шкала оценки прокрастинации PASS» в адаптации М. В. Зверевой, факторный анализ методом главных компонент, а также опрос студенческой молодежи методом анкетирования.*

Результаты. *Интерпретация полученных данных позволила подтвердить наличие проблемы академической прокрастинации и ее влияние на учебную мотивацию у студенческой молодежи. Профессиональные и учебно-познавательные мотивы выступают одними из движущих мотивов, направляющих студентов к академической деятельности. Наиболее распространенной формой академической прокрастинации является промедление в выполнении долгосрочных задач.*

Выводы. *Дальнейшие социологические исследования должны учитывать целый комплекс теоретико-методологических оснований, на основании которых можно представить феномен академической прокрастинации во всей целостности и совокупности.*

Ключевые слова: *прокрастинация; академическая прокрастинация; промедление; откладывание; прокрастинирующее поведение; студенческая молодежь; мотивация; мотивы.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Ветрова О. А., Обозная М. В., 2022

Для цитирования: Ветрова О. А., Обозная М. В. Академическая прокрастинация в студенческой среде: социологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 167–181. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-167-181.

Поступила в редакцию 08.12.2021 Принята к публикации 15.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Academic Procrastination Among Students: a Sociological Analysis

Oksana A. Vetrova[1] ✉, Mariya V. Oboznaya[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The student's age plays a key role in the process of educational and professional socialization of the individual, during which the stage of growing up, developing a sense of identity and planning their future takes place. One of these stages is the process of educational activity, which plays an important role in strengthening faith in one's own success, the ability to be productive. However, there are also obstacles that limit the complex formation of personality – procrastination in postponing academic affairs or academic procrastination.*

The purpose *is to determine the nature of the formation of academic procrastination of students, as well as to identify the importance of motivation in the structure of these factors.*

Objectives: *to conduct an empirical study and analyze the reasons for the formation of academic procrastination of students; to study the educational motives of students, to determine the fundamental difference between the performance of long-term and daily educational tasks, cases of willing fulfillment of these tasks, as well as the emotional prerequisites of students who have decided not to perform educational tasks, regardless of their urgency and time costs.*

Methodology. *The study used a methodology aimed at identifying the motives of educational activity among students, the methodology "PASS procrastination assessment Scale" in the adaptation of M. V. Zvereva, and factor analysis by the method of principal components, as well as a survey of student youth by means of a questionnaire.*

Results. *Interpretation of the data obtained allowed us to confirm the existence of the problem of academic procrastination and its impact on academic motivation among students. Professional and educational-cognitive motives are among the driving motives that guide students to academic activity. The most common form of academic procrastination is procrastination in completing long-term tasks.*

Conclusions. *Further sociological research should take into account a whole set of theoretical and methodological grounds on the basis of which it is possible to present the phenomenon of academic procrastination in its entirety and totality.*

Keywords*: procrastination; academic procrastination; procrastinator; procrastination; procrastinating behavior; student youth; motivation; motives.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vetrova O. A., Oboznaya M. V. Academic Procrastination Among Students: a Sociological Analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 167–181. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-167-181.

Received 08.12.2021 Accepted 15.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Студенческая жизнь характеризуется как довольно интересный и увлекательный этап в жизни личности, но и то же время – это трудный процесс, связанный с анализом и интерпретацией большого объема новой информации, с усвоением новых навыков, умений и способностью применить их на практике.

Прокрастинация, являясь частью жизнедеятельности значительного большинства жителей современного общества, наиболее ярко имеет выражение в академической среде и носит название «академическая» или студенческая прокрастинация. Студенческая молодежь интраперсонально имеет предрасположенность к прокрастинации, ориентируясь на возможное негативное прошлое и фаталистическое настоящее [1], выстраивая временную перспективу как синтезированную общность взглядов и принципов, существующую именно в данный момент времени. Иными словами, студенты-прокрастинаторы действуют, ориентируясь на спонтанное поведение и текущее бесцельное времяпровождение [2], откладывая достижение личностных, учебных и профессиональных целей на более поздний, неопределенный срок, вместе с тем одновременно промедлят в выстраивании базы для успешной самореализации в будущем. Студенческая молодежь, придерживаясь подобного поведенческого паттерна, в будущем, выстраивая профессиональную карьеру и жизненные планы, с высокой долей вероятности будет демонстрировать подобную тенденцию.

Согласно определению Н. Н. Карловской и Р. А. Барановой, академическая прокрастинация – это промедление в выполнении учебных заданий, связанное с несформированностью базовых учебных навыков, неорганизованностью, забывчивостью и общей поведенческой ригидностью, и вследствие чего наступает снижение успеваемости и результативности обучения в образовательной организации. Академическая прокрастинация демонстрирует высокую степень негативного влияния как на продуктивность учебно-познавательной активности студенческой молодежи, так и на уровень её социально-психологического благополучия и самооценки. Также они включали в интерпретацию прокрастинации, помимо основных характеристик, поведенческий, когнитивный и эмоциональный компоненты, проявляющиеся непосредственно через поведение [3].

Нарастающее количество прикладных эмпирических исследований в русле психологических [4], социологических [5], антропологических [6], профессиональных [7] и даже управленческих наук [8] подтверждает научные представления о том, что академическая прокрастинация неразрывно связана с мотивационной сферой личности или же включает в себя некие другие дефиниции, чем плохие навыки управления временем или лень.

Американские ученые Э. Соломон и Л. Ротблюм концептуализировали академическую прокрастинацию как страх неудачи. Они исследовали связь академической прокрастинации с релевантными показателями академической успеваемости, при этом обосновывая, что прокрастинация не свойственна большому количеству студентов, а важно выявить детерминанты, которые могут быть вовлечены в специфический анализ. Среди выявленных причин, по которым студенты откладывают на потом выполнение важных дел, – это страх неудачи, включающий оценочную тревожность, перфекционизм к себе, низкую самооценку; отсутствие мотивации, отвращение к задачам (в том числе недостаток энергии) [9].

Изучение данного феномена раскрывается с позиции рассмотрения взаимосвязи между рациональными и иррациональными убеждениями, академической прокрастинацией и временными предпочтениями для подготовки к экзаменам, а также успеваемости с помощью модели структурных уравнений [10]; оценивались роль автономной саморегуляции [11], страх неудачи, включающий оценочную тревожность, перфекционизм к себе, низкую самооценку, отсутствие мотивации, отвращение к задачам (в т. ч. недостаток энергии) [12], симбиоз с мотивационными переменными, где независимой переменной выступает пол [13]; корреляционная связь между мотивацией достижения и семейной ориентацией у

студентов [14]; влияние таких факторов, как неполная семья (студенты из неполных семей имеют более высокий уровень прокрастинации, чем студенты, проживающие в полных семьях), возраст студентов (с возрастом понижается), низкая самооценка, ориентация на одобрение со стороны родителей, сверстников, отсутствие интереса к учебной деятельности, низкий уровень контроля над своими действиями и многие другие факторы [15].

Высокий уровень академической прокрастинации несет в себе ряд критических моментов [16], а именно формирование у студентов рационального распределения и использования собственного времени, вследствие чего рождаются определенные стили учебной деятельности, появляются академические задолженности, постоянное поддержание напряженного состояния, возможны стрессовые ситуации, что наносит непоправимый вред социально-психологическому, психическому, психосоматическому здоровью и может привести к формированию или усугублению вредных привычек, непреодолимому чувству неудовлетворенности результатами своей работы, развивается зависимость от гаджетов, происходит нарушение социального взаимодействия, снижает самооценку и т. д.

Академическая прокрастинация в студенческой среде на сегодняшний момент является широко изученным феноменом с позиции лишь психологических наук, однако с точки зрения социологии практически отсутствуют практические исследования. Ввиду актуальности данной проблемной области представляется значимым дальнейшее исследование академической прокрастинации именно на студенческой выборке в её учебной деятельности, которая представляет собой протяжённый во времени процесс, где время является наиболее необходимым ресурсом. Именно в учебной деятельности студенческая молодежь сталкивается с проблемой промедления при выполнении учебных заданий и даже их невыполнении.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались авторское социологическое исследование, методика, направленная на выявление у студенческой молодежи мотивов учебной деятельности, методика «Шкала оценки прокрастинации PASS» в адаптации М. В. Зверевой [17], а также метод факторного анализа, позволяющий выявить латентные переменные, являющиеся причиной изменения доступных наблюдению измеряемых эмпирических показателей. Исследование было проведено с опорой на теоретико-методологическую базу исследований М. В. Зверевой, П. Стила, В. В. Барабанщиковой, Г. И. Марусановой и других, а также системного подхода при рассмотрении студенческой прокрастинации.

Выборку составили студенты Курской области, обучающиеся в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ), ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (КГУ), ОБПОУ «Курский техникум связи» (КТС) и ОБПОУ «Суджанский сельскохозяйственный техникум» (ССХТ). Выборочная совокупность составила 500 человек (56% юношей и 44% девушек).

Результаты и их обсуждение

Современные исследования академической прокрастинации подтверждают возможность рассмотрения её природы как фиксированной формы поведения и феномена мотивационной и регуляторной сферы человека [18]. Опираясь на теоретико-методологический фундамент исследований и на научное предположение, была определена цель эмпирического исследования, заключающая в определении характера формирования академической прокрастинации студентов, а также выявления значения мотивации в структуре данных факторов. Общая мотивационная структура будет пониматься как базовое, родовое понятие (феномен). Следовательно, студенческая прокрастинация –

видовое понятие (феномен), которое представляет собой определенную группу мотивов, объединенных по критерию «избегания» выполнения профессиональных (учебных) задач.

Следуя данной методологии, мы начинаем исследование с изучения общих вопросов учебной мотивации. В реалиях развития учебной мотивации студента важно опираться на основополагающие составные элементы мотивации – мотивы учения, коммуникативные, профессиональные, учебно-познавательные, широкие социальные мотивы, а также мотивы творческой самореализации, избегания неудачи и престижа [19; 20]. Данные мотивы дисциплинизируют студента, задают надежность и последовательность шагов по конструированию и воспитанию способности личности реализовать жизненные позиции.

Чтобы определить учебные мотивы студенческой молодежи, в ходе социологического исследования была применена «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (А. А. Реан и В. А. Якунин в модификаци Н. Ц. Бадмаевой) [21]. Опросник состоит из тридцати четырех утверждений, отражающих мотивы учения, коммуникативные, профессиональные, учебно-познавательные, широкие социальные мотивы, а также мотивы творческой самореализации, избегания неудачи и престижа (табл.).

Таблица. Результаты диагностики учебной мотивации студентов, балл

Мотивы						
коммуникативные	избегания	престижа	профессиональные	творческой самореализации	учебно-познавательные	социальные
3,34	2,88	2,56	3,74	3,07	3,25	3,23

Полученные результаты демонстрируют относительно средний уровень мотивации учебной деятельности, показатели которой колеблются от 2,56 балла до 3,74 балла, а в целом по методике составляет 3,15 балла. Преобладающим мотивом выступают профессиональные мотивы, составляющие 3,74 балла, отражающие уровень направленности студенческой молодежи на овладение выбранной специальности, желание приобретать профессиональные знания, умения и навыки, стремление сформировать профессионально-личностные качества будущего специалиста. На втором месте находятся коммуникативные мотивы с значением в 3,34 балла, из чего следует, что студенческой молодежи нравится процесс коммуникации как один из способов проявления активности, когда они вливаются в процесс профессиональной ориентации и осваивания будущей профессии.

Далее по степени важности идут учебно-познавательные мотивы (3,25 балла) и социальные мотивы (3,23 балла), которые отражают непосредственную связь между содержанием учебного процесса и ходом ее выполнения, которые определяются глубиной интереса к получаемым знаниям, способам получения этих знаний и т. п. Такие студенты, как правило, отличаются высокой работоспособностью и активностью на учебных занятиях и проявляют интерес. В тех случаях, если студент поступил в образовательное учреждение исключительно ради документа об образовании, они часто проявляют избирательность, разделяя всю учебную программу на необходимые и ненужные дисциплины для их профессионального становления, что негативно сказывается на успеваемости по ненужным предметам и, как следствие, влечет к формированию прокрастинирующего поведения.

Небольшой результат получила шкала мотива избегания (2,88), раскрывающая тенденцию студентов в учебной деятельности к избеганию определенных санкций, осуждений за плохую учебу или же не быть отстающим в группе, нежели

к получению новых знаний. Можно предположить, что данный не сильно выраженный показатель не является фактором формирования академической прокрастинации.

Уровень учебной мотивации студенческой молодежи находится на среднем уровне по профессиональной и учебно-познавательной шкале, а средние значения по шкалам избегания и престижа получили низкий уровень. Можно предположить, что у студенческой молодежи наблюдается определенный интерес к выбранной специальности, потребность стать высококвалифицированным специалистом, однако мотивы избегания опережают мотивы престижа, что говорит о желании студенческой молодежи быть не хуже других, и попав в университет, они были вынуждены в нем учиться. Возможно, существуют и имеют место быть и другие мотивационные факторы, которые непосредственно влияют на интерес к обучению или его отсутствию, что может сказаться на формировании прокрастинирующего поведения.

Мотивация к деятельности и её цель неразрывно связаны, где мотивация выражена в побуждении студентов к учебно-профессиональной деятельности студентов. Ввиду этого нами был задан вопрос относительно того, всегда ли студенты могут добиваться поставленных перед ними целей. Так, 49,6% респондентов ответили, что *скорее да*, *чем нет*, а однозначно *да* – 43%, что говорит о неравномерности поставленных целей и точного факта их выполнения, т. е. они колеблются, и под этим можно подразумевать, что существуют цели, выполнение которых либо вызывает у них проблемы, либо отсутствует мотивация к выполнению или достижению целей, ведь цель и мотивы по определению побуждают человека к действиям, определяя их содержание и способы выполнения.

Следующим шагом проанализируем методику «Шкала оценки прокрастинации PASS» в адаптации М. В. Зверевой, которая состоит из трех частей, направленных на выявление и оценку частоты академической прокрастинации, ее вероятных причин (социальная тревожность, лень, вызов, плохой перфекционизм) и личностных характеристик прокрастинирующей личности (самоконтроль, импульсивность, организованность, избегание неудач).

Частота откладывания и то, насколько она субъективна для респондентов, показала, что наибольшее среднее значение было выявлено у позиции к снижению тенденции к откладыванию долгосрочных заданий и составило 4,01 балла. На втором месте оказалось переменная, характеризующая снижение тенденций к промедлению в выполнении ежедневных задач (3,89 балла). Высокие значения средней арифметической именно по показателям степени снижения тенденций к промедлению в выполнении долгосрочных и ежедневных задач показывают об актуальности проблемы академической прокрастинации как проблемной области для студентов о том, что они прокрастинируют и хотят снизить данную тенденцию.

Относительно выполнения долгосрочных академических задач и как часто студенты промедляют в их выполнении, средний показатель составил 3,31, что говорит о явно выраженной тенденции к промедлению в выполнении именно долгосрочных задач. В сравнении с промедлением в выполнении ежедневных задач данный показатель составил лишь 2,51 балла. Иными словами, студентам свойственно откладывать выполнение учебно-академических заданий, сроки сдачи которых составляют длительное время (семестр, учебный год), а также отсутствуют строго ограниченные временные рамки.

Последующий анализ частей опросника происходил с применением факторного анализа методом главных компонентов. Факторный анализ позволит нам выявить латентные переменные, являющиеся причиной изменения доступных наблюдению измеряемых эмпирических

показателей, и в полной совокупности факторов объяснить 58,8% и 54% полученной информации в каждой части опросника соответственно.

Результаты исследования М. В. Зверевой [17] зафиксировали, что среди причин откладывания выступают четыре латентных переменных: социальная тревожность, вызов, плохой перфекционизм и лень, в то время как наше исследование показало наличие еще трех дополнительных латентных причин – сомнение в своих силах, отказ от ответственности и загруженность.

Факторный анализ личностных характеристик выявил схожие результаты, которые были получены М. В. Зверевой [17]: организованность, импульсивность, мотивация избегания неудач, низкая самооценка и концентрация внимания, кроме фактора «самоконтроль», что позволяет нам сделать вывод об отсутствии в сознании студенческой молодежи самоконтроля в процессе учебной деятельности, который имеет специфические функции, занимает особое место в структуре образовательной деятельности и определяет отношение студенческой молодежи к себе как к продукту этой деятельности, в результате чего их внимание к решению образовательной проблемы является профессиональным и всегда направлено на достижение конечного результата, к которому нужно стремиться.

Далее авторское социологическое исследование базировалось на изучении феномена прокрастинации в учебной деятельности, определялся уровень ее распространенности, корреляционные взаимосвязи, что в целом позволило охарактеризовать феномен академической прокрастинации как более целостную структуру.

Определяя, замечали ли студенты за собой когда-либо промедление в выполнении любых дел без видимых на то причин, были получены следующие результаты: 68,1% – замечали, а 31,9% – нет. Среди опрошенных, кто замечал за собой подобное поведение, больше половины юношей (70,5%), чем девушек (65%). Девушек-непрокрастинаторов оказалось 35,1%, а юношей – 29,5%, что позволяет сделать вывод о том, что превалирующее число прокрастинаторов составляют юноши. Определяя частоту откладывания выполнения любой работы без видимой на то причины, нами были получены следующие результаты: 68,1% часто прокрастинируют, а 31,9% – не промедляют без видимых причин, при этом 32,7% прокрастинируют стабильно несколько раз в месяц, 26,2% практически каждый день и до 5 раз в неделю, лишь 10% – никогда.

Далее мы поставили задачу определить, как сразу студенты приступят к выполнению определенной задачи или дела, время на выполнение которого ограничено лишь сутками, и результаты показали, что 40% респондентов хотели бы выделить пару часов на отдых, чтобы собраться с мыслями, а потом приступают к выполнению, чуть меньшее количество (39,6%) приступают к выполнению практически сразу, как только появляется возможность, 8,8% будут готовиться ближе к ночи, 8,5% выделят первую половину дня на хороший отдых, а вторую – на выполнение, 2,7% приступят ближе к ночи. Анализ корреляционной матрицы показал, что 53,7% непрокрастинаторов приступят к выполнению срочных суточных дел практически сразу, как только появится возможность, а 45,2% активных прокрастинаторов предпочтут отдохнуть пару часов перед выполнением.

Чтобы определить, существует ли корреляционная связь между прокрастинацией в выполнении дел и бесцельным времяпровождением в социальных сетях, был применен критерий хи-квадрат Пирсона. Из всего числа респондентов 54,5% прокрастинирующих студентов довольно часто проводят время в соцсетях вместо того, чтобы заниматься более важными делами в сравнении с теми, кто не прокрастинирует и редко бесцельно проводит время в социальных медиа (28,9%).

Полученное значение коэффициента хи^2 значимо отличается от критического показателя (23,003>11,1 при p≥0,05 и ст. св. 5), что говорит о наличии статистической связи между измеряемыми признаками.

Ввиду того, что прократинаторам обычно не свойственно устанавливать себе жестко ограниченные временные рамки, был задан вопрос о долгосрочных задачах и сроках их выполнения. Лишь 8,5% никогда не откладывают решение долгосрочных заданий, 16,2% раз в месяц и реже, что также можно классифицировать как отсутствие тенденции прокрастинации у четверти опрошенных (23,1%), подобные предпосылки возникают несколько раз в месяц, а от одного раза в неделю до ежедневного промедления в выполнении долгосрочных заданий страдают 51,6% ответивших. Отсрочивание выполнения долгосрочных учебных заданий совершенно не является проблемой для 16,5% студентов, почти никогда не является для 21,5%, иногда является уже для 44,6%, всегда или почти всегда является для 17% респондентов. Подобное процентное соотношение говорит об актуальности проблемы данного вида промедлений для 61% студентов. Именно те студенты, которые отсрочивают раз в месяц и реже или практически никогда (продуктивные прокрастинаторы, которые откладывают выполнение действий или принятие решений на небольшой срок), отмечают, что данная тенденция не является для них проблемной областью – 39% и 41% соответственно. Относительно тех, кто промедляет пару раз в неделю (59,6%) или несколько раз в месяц (53,3%), для них лишь иногда отсрочивание является проблемой.

Далее были заданы вопросы относительно ежедневных заданий, выполнение которых необходимо для подготовки к ежедневным парам, где студент самостоятельно определяет время для выполнения заданий, подстраиваясь под темп и ритм своей работы. Относительно данного вопроса не было выявлено явного перекоса в сторону определенного значения, и процентное соотношение распределилось следующим образом: 22,7% промедляют до двух раз в неделю, 22,3% несколько раз в месяц, 16,5% раз в месяц и реже или вообще никогда, 12,7% от трех до пяти раз и 9,2% практически каждый день. Подобный результат позволяет сделать однозначный, рациональный вывод о том, что ежедневные учебные задания либо представляют значительный интерес, поэтому их сразу выполняют, либо в целом они не являются проблемой для студенческой молодежи, что подтверждает гипотезу о том, что прокрастинаторам свойственно нарушать установленные сроки для выполнения долгосрочных заданий из-за длинных временных сроков, неспособности рационально распределять время, отведенное на учебу, отсутствия планирования. Также наличие возможности студенту самостоятельно выбирать себе дедлайн, который, как правило, представляется нереалистичным, или же наличие гибких дат сдачи работ, когда находится множество более интересных занятий, которые отвлекают от действительно важных дел. Это подтверждается апробацией вопроса: является ли данная тенденция для студентов проблемой, на что были получены следующие значения: 39,6% отмечают, что иногда является проблемой, 26,9% – почти никогда не является, а для 20% – никогда не является, лишь для 13,1% является всегда или почти всегда. Также 26,2%, скорее всего, хотели бы снизить тенденцию к промедлению в выполнении ежедневных заданий, 25% определенно хотели, и для 14,2% это не является проблемой.

Предполагая актуальность данной темы для студенческой молодежи и прослеживая высокие показатели распространенности и степени академической прокрастинации, мы задались вопросом о том, будут ли студенты дальше демонстрировать прокрастинирующее поведение в выполнении стоящих перед ними задач и осознавать его, в результате чего

были получены следующие результаты: 55% говорят, что довольно и очень часто ловили себя на мысли на том, больше не будут прокрастинировать, 30,1% – редко и практически редко, 14,6% – практически редко и никогда.

Академическая прокрастинация проявляется у респондентов прежде всего в откладывании выполнения долгосрочных учебных заданий (61,6% иногда и почти всегда является проблемой). В соответствии с полученными данными были определены возможные причины промедления в выполнении любого рода учебных заданий, как долгосрочных, так и ежедневных (рис.).

Рис. Причины откладывания учебно-академических заданий

Далее были изучены случаи, когда студенты охотно приступят к выполнению подобного рода задач: если работа будет очень интересная, разнообразная – 28,6%; если это будет приоритетной обязанностью, долгом – 23,8%; если получат от выполнения задания желаемое вознаграждение – 20,1%; если предстоит коллективная работа – 13,6%; если поможет кто-то из одногруппников – 5,9%; чтобы не расстраивать родителей, так как для них это важно, – 5,3%; 2,6% всегда выполняют учебно-академические задания с охотой.

Корреляционный анализ причин откладывания заданий на потом и полом, который выступил в качестве независимой переменной, показал значимые различия между юношами и девушками, которые выражены в следующем: 33,6% парней считают определенные учебные задания менее значимыми по сравнению с другими учебными задачами, а у девушек данное значение составляет лишь 20,2%; не приступят к выполнению заданий, так как отсутствует желаемое вознаграждение за проделанную работу, 24,7% юношей (12,3% у девушек); не видят смысла в проделанной работе 19,2% юношей, по сравнению с 11,4% девушек; никак не могут себя заставить 12,3% парней и 9,6% девушек. Ситуация у девушек выглядит совершенно иным образом: 36% не могут сконцентрироваться, сосредоточиться на учебе (28,8% юношей); у 34,2% девушек порой нет настроения выполнять учебные задания (22,6% у парней); 14,9% девушек всегда приступают к выполнению заданий вовремя, в том время как у юношей данный показатель равен 9,6%.

Интересным представляются для дальнейшего анализа два наблюдения в вопросе: «В каких случаях Вы охотно

приступите к выполнению учебно-академических заданий, несмотря ни на что?», которые наиболее ярко выражены среди юношей – в случаях, когда предстоит коллективная работа в группе (39,7%, по сравнению с девушками, у которых 23,7% наблюдений) и когда им помогут кто-то из одногруппников (17,8%, а у девушек данный показатель 9,6%). Данные результаты интерпретируют развитое чувство уверенности в группе, коллективизм в сознании юношей, что позволяет им индивидуально регулировать объем материала и режим работы, это отчасти также может быть связано с тем, что работа коллективом позволяет юношам расслабится и не принимать серьезного, активного, включенного участия в её деятельности, юноши предпочитают подождать, когда кто-либо за них сделает учебную работу. Относительно мнения девушек по данному вопросу, то превалирующее количество (62,3%) указывают, что приступят к выполнению, если посчитают это своим долгом или обязанностью, а у юношей это значение составляет 52,7%. Девушки же в данном случае в основном надеются на себя, предпочитают работать индивидуально, им проще контролировать процесс и качество полученных результатов.

Прокрастинатор преимущественно выбирает положительные эмоции, которые может ощутить безотлагательно, – отдых, развлечения, досуг, при этом не обращая внимания на отрицательные долгосрочные моменты. Ввиду этого целесообразно было выявить настроения, чувства, эмоциональные предпосылки студентов, которые решили не выполнять учебные задания, независимо от их срочности и временных затрат. Чувствуют напряжение и тревожное состояние 41,7%; испытывают страх, что за невыполнение заданий последуют негативные для них последствия, – 23,9%; угрызения совести и стыд переживают 14,1%; по 9,4% находятся в состоянии неуверенности, что их могут осудить окружающие, и столько же испытывают удовлетворение, что потраченное время проведут с пользой в кругу семьи и друзей; абсолютно безразлично в этот момент, так как не видят в этом смысла, – 8,2%, а 4,1% проведут время с пользой для себя, абстрагируясь от всего; остальные в графе *другое* указали, что испытывают азарт от того, смогут ли выполнить задание в данный момент, не видят смысла в выполнении из-за формата домашних заданий, а видят лишь отсутствие перспектив в будущем; испытывают удовлетворение одновременно с напряжением; чувство вины и нестабильности; если промедлят, то тратят время на развитие; продумывают способы решения возможной проблемы; если задание не на завтра, то рады и идут отдыхать; всему свое время, выбирают момент подходящий, а также отметили, что ничего не испытывают совсем или же не попадали в такие ситуации вследствие продуктивности своей учебной деятельности.

Интерпретация полученных данных позволила подтвердить наличие проблемы академической прокрастинации и ее влияние на учебную мотивацию у студенческой молодежи. Профессиональные и учебно-познавательные мотивы выступают одними из движущих мотивов, направляющих студентов к академической деятельности. Именно в тех случаях, когда студент сам понимает значимость выбранной им специальности, он может сознательно ставить перед собой учебные цели и добиваться их исполнения, видеть возможности дальнейшего профессионального совершенствования и развития.

С помощью факторного анализа были выявлены основные категории, влияющие на формирование академической прокрастинации: причины (социальная тревожность, вызов, плохой перфекционизм, лень, сомнение в своих силах, отказ от ответственности и загруженность), личностные характеристики (организованность, импульсивность, мотивация избегания неудач, низкая самооценка и концентрация внимания).

Выводы

Ключевые моменты проведенного социологического исследования проблемы академической прокрастинации целесообразно представить в виде следующих содержательных выводов:

– преобладающим мотивом выступают профессиональные мотивы, отражающие уровень направленности студенческой молодежи на овладение выбранной специальности, желание приобретать профессиональные знания, умения и навыки, стремление сформировать профессионально-личностные качества будущего специалиста;

– отсутствие в сознании студенческой молодежи самоконтроля в процессе учебной деятельности подтвердилось факторным анализом, действия которого направляют и закрепляют отношение студента к себе как к продукту деятельности, в результате чего нарушается профессиональное внимание студентов к решению образовательной проблемы и становится ненаправленным на достижение конечного результата, к которому нужно стремиться;

– наиболее распространенная форма академической прокрастинации – откладывание выполнения долгосрочных учебных заданий;

– частота откладывания выполнения любой работы без видимой на то причины составляет 68,1%, а 31,9% не придерживаются подобной тенденции. При этом среди опрошенных, кто замечал за собой подобное поведение, больше половины юношей (70,5%), а девушек – 65%. Девушек-непрокрастинаторов оказалось 35,1%, а юношей – 29,5%, что позволяет сделать вывод о том, что превалирующее число прокрастинаторов составляют юноши;

– от ежедневного промедления в выполнении долгосрочных заданий страдают 51,6% ответивших, при этом 61% студентов отмечают, что данный вид является для них проблемной областью;

– среди наиболее распространенных причин академической прокрастинации являются монотонность и утомительность учебных заданий, отсутствие учебного интереса и концентрации на выполнении дел, а также их сложность и трудоемкость;

– анализ случаев охотного выполнения учебно-академических задач позволил выделить такие моменты, как разнообразная и интересная работа, приоритетная задача, долг; возможность получить желаемое вознаграждение, где среди юношей наиболее распространен вариант «в случаях, когда предстоит коллективная работа в группе и когда им помогут кто-то из одногруппников». Девушки же в данном случае в основном надеются на себя, предпочитают работать индивидуально, им проще контролировать процесс и качество полученных результатов;

– в случаях, когда перед студентами стоит определенная задача или дело, выполнение которого ограничено сутками, то 53,7% непрокрастинаторов приступят к выполнению практически сразу, как только появится возможность, а 45,2% активных прокрастинаторов предпочтут отдохнуть пару часов перед выполнением. Именно подобное заблуждение активных прокрастинаторов, считающих, что перед выполнением срочных и важных дел им, с их точки зрения, стоит продемонстрировать умение рационально использовать время, приводит к постепенному формированию академической прокрастинации;

– относительно эмоционального состояния в моменты принятия решений о невыполнении учебных заданий, то студенты в основном чувствуют напряжение и тревожное состояние; испытывают страх, что за невыполнение заданий последуют негативные для них последствия; угрызения совести и стыд.

Анализ академической прокрастинации с социологической точки зрения некого симбиоза или взаимосвязи с мотивационной составляющей в структуре сознания студентов позволил выявить зна-

чимую связь, определяющую наличие у студентов явно выраженных профессиональных и коммуникативных мотивов к обучению, закладывающих определение четких целей и задач.

Ввиду этого прокрастинация в подавляющем большинстве случаев носит дестабилизирующую ориентацию, которая закрепляется как устойчивая черта личности, препятствующая эффективному развитию и адаптации человека к новым условиям.

Дальнейшие социологические исследования, проводимые учёными, должны учитывать целый комплекс теоретико-методологических оснований, на основании которых представляется возможным представить феномен академической прокрастинации во всей целостности и совокупности:

– включение апробированных опросников изучения академической прокрастинации на российской выборке, содержащих индивидуальные, социальные, психологические причины, а также влияние ситуационных факторов, прямо и косвенно влияющих на формирование и закрепление академической прокрастинации;

– необходимость проведения лонгитюдных исследований, мониторинга возможных причин формирования академической прокрастинации, которые могут быть либо стабильными, либо изменяться в зависимости от личностно-психологических, ситуационных причин, а также в контексте времени;

– включение в исследования особенностей стилевых особенностей обучения студентов в образовательных учреждениях разного уровня;

– необходимость проведения, систематизации и обобщения результатов социологических исследований на больших выборках, фиксирующих наличие достоверных, статистически значимых взаимосвязей, отражая значимость для социально-психологического и соматического здоровья и благополучия личности;

– возможность рассмотрения академической прокрастинации у студентов вузов различного профиля, направленности обучения, которая теоретически может иметь значимые различия.

Список литературы

1. Рызова С. В. Особенности временной перспективы у учащейся молодежи с различным уровнем выраженности прокрастинации и социально-психологической адаптации // Вестник психиатрии, неврологии и нейрохирургии. 2018. № 3. С. 38–43.

2. Обозная М. В. Феномен прокрастинации или тенденция к «откладыванию на потом» // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей IV Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 8 т. Курск: Университетская книга, 2019. С.185-188.

3. Карловская Н. Н., Баранова Р. А. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // Психология в вузе. 2008. № 3. С. 38-49.

4. Ильченко А. М. Психологические предикаты прокрастинации студентов // Научные исследования и инновационные разработки. 2017. № 4. С. 20-24.

5. Обозная М. В. Подход к академической прокрастинации с точки зрения социологии // Гуманитарные проблемы современности: сборник материалов Международной научно-практической конференции и круглого стола / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. С. 98-101.

6. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 519 с.

7. Барабанщикова В. В., Марусанова Г. И. Перспективы исследования феномена прокрастинации в профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2015. № 4(20). С.130-140.

8. Чеврениди А. А. Взаимосвязь временной перспективы и прокрастинации у сотрудников разного должностного статуса: дис. ... канд. психол. наук. М., 2019. 196 с.

9. Esther Rothblum, Laura J Solomon. Affective, Cognitive, and Behavioral Differences Between High and Low Procrastinators // Journal of Counseling Psychology. 1996. N 33(4). P. 387-394.

10. Balkis M., Duru E., Bulus M. Analysis of the relation between academic procrastination, academic rational/irrational beliefs, time preferences to study for exams, and academic achievement: a structural model // Eur Psychol Educ. 2013. N 28. P. 825–839.

11. Senecal C., Koestner R., Vallerand R. Self-Regulation and Academic Procrastination // The Journal of Social Psychology. 1995. N 135(5). P. 607–619.

12. Esther Rothblum, Laura J. Solomon. Affective, Cognitive, and Behavioral Differences Between High and Low Procrastinators // Journal of Counseling Psychology. 1996. N 33(4). P. 387-394.

13. Klassen Robert M., Kuzucu Elçin. Academic procrastination and motivation of adolescents in Turkey // Educational Psychology. 2009. N 29(1). P. 69-81.

14. Phalet K., Claes W. A comparative study of Turkish and Belgian youth // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1993. N 24. P. 319–343.

15. Колесниченко М. Б. Социологический подход к студенческой прокрастинации // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 2. С.17-26.

16. Чернышева Н. А. Прокрастинация: актуальное состояние проблемы и перспективы изучения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Психологические и педагогические науки. 2016. № 1. С. 17-26.

17. Зверева М. В. Шкала оценки академической прокрастинации PASS. Методические рекомендации. М.: Сам Полиграфист, 2018. 28 с.

18. Обозная М. В. Академическая прокрастинация: основное противоречие и перспектива исследования // Актуальные проблемы региональной социологии: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2020. С. 131-133.

19. Якунин В. А. Психология учебной деятельности студентов. М.: Логос., 1994. 157 с.

20. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер, 2000. 416 с.

21. Бадмаева Н. Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2005. 203 с.

References

1. Ry`zova S. V. Osobennosti vremennoj perspektivy` u uchashhejsya molodezhi s razlichny`m urovnem vy`razhennosti prokrastinacii i social`no-psixologicheskoj adaptacii [Features of the time perspective in students with different levels of procrastination and socio-psychological adaptation]. *Vestnik psixiatrii, nevrologii i nejroxirurgii = Bulletin of Psychiatry, Neurology and Neurosurgery*, 2018, no. 3, pp. 38–43.

2. Oboznaya M. V. [The phenomenon of procrastination or the tendency to "postpone for later"]: Nauka molody`x – budushhee Rossii. Sbornik nauchny`x statej IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii perspektivny`x razrabotok molody`x ucheny`x [Science of the young – the future of Russia. A collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference of promising developments of young scientists]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2019, pp.185-188. (In Russ.)

3. Karlovskaya N. N., Baranova R. A. Vzaimosvyaz` obshhej i akademicheskoj prokrastinacii i trevozhnosti u studentov s raznoj akademicheskoj uspevaemost`yu [The relationship between general and

academic procrastination and anxiety in students with different academic performance]. *Psixologiya v vuze = Psychology at the University,* 2008, no. 3, pp. 38-49.

4. Il`chenko A. M. Psixologicheskie predikaty` prokrastinacii studentov [Psychological predicates of students' procrastination]. *Nauchny`e issledovaniya i innovacionny`e razrabotki = Scientific Research and Innovative Developments*, 2017, no. 4, pp. 20-24.

5. Oboznaya M. V. [Approach to academic procrastination from the point of view of sociology] Gumanitarny`e problemy` sovremennosti. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii i kruglogo stola [Humanitarian problems of our time. The collection of materials of the International scientific and Practical Conference and the round table]. Kursk, Southwest State University Publ., 2019, pp. 98-101. (In Russ.)

6. Morosanova V. I. Samoregulyaciya i individual`nost` cheloveka [Self-regulation and human individuality.]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 519 p.

7. Barabanshhikova V. V., Marusanova G. I. Perspektivy` issledovaniya fenomena prokrastinacii v professional`noj deyatel`nosti [Prospects for the study of the phenomenon of procrastination in professional activity]. *Nacional`ny`j psixologicheskij zhurnal = National Psychological Journal,* 2015, no. 4(20), pp. 130-140.

8. Chevrenidi A. A. Vzaimosvyaz` vremennoj perspektivy` i prokrastinacii u sotrudnikov raznogo dolzhnostnogo statusa. Diss. kand. psihol. nauk [The relationship of time perspective and procrastination in employees of different official status. Cand. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2019. 196 p.

9. Esther Rothblum, Laura J Solomon. Affective, Cognitive, and Behavioral Differences Between High and Low Procrastinators. *Journal of Counseling Psychology*, 1996, no. 33(4), pp. 387-39.

10. Balkis M., Duru E., Bulus M. Analysis of the relation between academic procrastination, academic rational/irrational beliefs, time preferences to study for exams, and academic achievement: a structural model. *Eur Psychol Educ*, 2013, no. 28, pp. 825–839.

11. Senecal C., Koestner R., Vallerand R. Self-Regulation and Academic Procrastination. *The Journal of Social Psychology*, 1995, no. 135(5), pp. 607–619.

12. Esther Rothblum, Laura J. Solomon. Affective, Cognitive, and Behavioral Differences Between High and Low Procrastinators. *Journal of Counseling Psychology*, 1996, no. 33(4), pp. 387-394.

13. Klassen Robert M., Kuzucu Elçin. Academic procrastination and motivation of adolescents in Turkey. *Educational Psychology*, 2009, no. 29(1), pp. 69-81.

14. Phalet K., Claes W. A comparative study of Turkish and Belgian youth. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1993, no. 24, pp. 319–343.

15. Kolesnichenko M. B. Sociologicheskij podxod k studencheskoj prokrastinacii [A sociological approach to student procrastination]. *Vestnik* Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*. Social`noe`konomicheskie nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences,* 2018, no. 2, pp. 17-26.

16. Cherny`sheva N. A. Prokrastinaciya: aktual`noe sostoyanie problemy` i perspektivy` izucheniya [Procrastination: current state of the problem and prospects for studying]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Psixologicheskie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences,* 2016, no. 1, pp. 17-26.

17. Zvereva M. V. Shkala ocenki akademicheskoj prokrastinacii PASS. Metodicheskie rekomendacii [Academic procrastination Assessment Scale PASS. Methodological recommendations]. Moscow, Sam Poligrafist Publ., 2018. 28 p.

18. Oboznaya M. V. [Academic procrastination: the main contradiction and the perspective of research]. Aktual`ny`e problemy` regional`noj sociologii. Sbornik statei Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem [Actual problems of regional sociology. Collection of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation]. Kursk, Southwest State University Publ., 2020, pp. 131-133. (In Russ.)

19. Yakunin V. A. Psixologiya uchebnoj deyatel`nosti studentov [Psychology of educational activity of students]. Moscow, Logos Publ., 1994. 157 p.

20. Rean A. A., Kolominskij Ya. L. Social`naya pedagogicheskaya psixologiya [Social pedagogical psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 416 p.

21. Badmaeva N. Cz. Vliyanie motivacionnogo faktora na razvitie umstvenny`x sposobnostej [The influence of the motivational factor on the development of mental abilities]. Ulan-Ude`, Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya Publ., 2005. 203 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ветрова Оксана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Oksana A. Vetrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Proffessor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: oksana7vet@yandex.ru

Обозная Мария Владимировна, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

Mariya V. Oboznaya, Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: manayoboz@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-1122-0397

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-182-192

CC BY 4.0

Особенности ценностных установок в системе преемственности поколений в современном обществе

З. Х. Коблева[1] ✉

[1] Майкопский государственный технологический университет
ул. Первомайская 191, г. Майкоп 385000, Российская Федерация

✉ e-mail: zureta01@mail.ru

Резюме

Актуальность *темы исследования вызвана появлением серьезного научного интереса в изучении ценностных ориентиров в системе преемственности поколений на современном этапе. Статья посвящена актуальным вопросам преемственности поколений и специфике формирования межпоколенческих связей для выявления особенностей ценностных установок современной молодежи, проявляющихся в нехарактерных для российского менталитета способах поведения в отношении старшего поколения.*

Цель *данной статьи заключается в необходимости выявления и изучения особенностей формирования ценностных ориентиров в процессе межпоколенческих связей в условиях современного общества.*

Задачи: *изучить ценностные установки современного общества в системе преемственности поколений; выявить особенности взаимоотношений между подрастающим и старшим поколениями; показать трансформацию системы межпоколенческих связей в современных условиях, составляющих основу процесса преемственности поколений общества.*

Методология. *В процессе написания статьи были использованы методы системного, структурно-функционального анализов, использованы методы сравнения, наблюдения, анкетирования в процессе изучения ценностных ориентиров в системе преемственности поколений.*

Результаты*. Практическая значимость статьи заключается в использовании положений и выводов в создании семейно-информационной политики государства, направленной на укрепление связей между поколениями. Социологическое исследование, проведенное в рамках исследуемой проблемы, позволило определить отношение молодых людей к старшему поколению, проанализировать особенности ценностных предпочтений и установок среди молодых людей в системе преемственности поколений, выявило необходимость диалога между поколениями как возможность обеспечения гармоничного взаимодействия на межпоколенческом уровне.*

Выводы. *Трансформационные процессы, затронувшие институт семьи, вызванные современными тенденциями в социально-экономической и политической сферах, отразившееся на появление новых ценностных установок у подрастающего поколения, в основе которых лежит доминирование индивидуальных ценностей, без учета уникального, социокультурного опыта старшего поколения, оказали значительное воздействие на состояние системы традиционной преемственности поколений. В этих условиях необходимо вновь восстановить контакты, способствующие налаживанию традиционных связей между поколениями, в котором они будут заинтересованы в целях продолжения исторической и социокультурной преемственности поколений.*

Ключевые слова: *преемственность поколений; трансформация; межпоколенческие связи; ценности; ценностные установки.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Коблева З. Х. Особенности ценностных установок системе преемственности поколений в современном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 182–192. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-182-192.

Поступила в редакцию 08.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Коблева З. Х., 2022

Features of Value Attitudes in the System of Succession of Generations in Modern Society

Zuret H. Kobleva[1] ✉

[1] Maikop State Technological University
191 May Day str., Maykopul 385000, Russian Federation

✉ e-mail: zureta01@mail.ru

Abstract

The relevance *of the research topic is caused by the emergence of serious scientific interest in the study of value orientations in the system of succession of generations at the present stage. The article is devoted to topical issues of generational continuity and the specifics of the formation of intergenerational ties, in order to identify the features of the value attitudes of modern youth, manifested in ways of behavior that are not characteristic of the Russian mentality in relation to the older generation.*

The purpose *of this article is the need to identify and study the features of the formation of value orientations in the process of intergenerational relations in modern society.*

Objectives*: to study the values of modern society in the system of generational succession; to identify the features of the relationship between the younger and older generations; to show the transformation of the system of intergenerational ties in modern conditions that form the basis of the process of generational succession of society.*

Methodology. *In the process of writing the article, methods of systemic, structural and functional analysis were used, methods of comparison, observation, and questioning were used in the process of studying value orientations in the system of generational succession.*

Results. *The practical significance of the article lies in the use of provisions and conclusions in the creation of family information policy of the state, aimed at strengthening ties between generations. A sociological study conducted within the framework of the problem under study made it possible to determine the attitude of young people to the older generation, analyze the features of value preferences and attitudes among young people in the system of generational succession, which revealed the need for dialogue between generations as an opportunity to ensure harmonious interaction at the intergenerational level.*

Conclusions. *The transformational processes affecting the institution of the family, caused by modern trends in the socio-economic and political spheres, reflected in the emergence of new value attitudes among the younger generation, which are based on the dominance of individual values, without taking into account the unique, socio-cultural experience of the older generation, had a significant impact on the state of the system of traditional succession of generations. In these conditions, it is necessary to re-establish contacts that promote the establishment of traditional ties between generations, in which they will be interested in order to continue the historical and socio-cultural continuity of generations.*

Keywords*: continuity of generations; transformation; intergenerational ties; values; value attitudes.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kobleva Z. X. Features of Value Attitudes to the System of Succession of Generations in Modern Society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 182–192. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-182-192.

Received 08.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Одной их важных социокультурных проблем современного общества, связанной с передачей культурного наследия и духовно-нравственных ценностей, является преемственность поколений как основа существования человеческой цивилизации.

В настоящее время наблюдается процесс размывания традиционной системы передачи важнейших ценностных установок от старшего поколения к младшему ввиду явных противоречий в системе межпоколенческих связей, отразившихся в негативном отношении к тем социальным нормам и ценностям, которые определяли

духовно-нравственное содержание и смысл ценностей старшего поколения.

Характерной особенностью ценностных предпочтений младшего поколения в современных условиях является значимость новых технологий, позволяющих значительно упрощать условия жизни молодых людей, способствующих формированию приоритета индивидуальных ценностей в иерархии ценностей индивида. При этом молодые люди сознательно демонстрируют свою самостоятельность, показывая тем самым, что их личное пространство не терпит вмешательства со стороны других людей.

Следует отметить, что трансформационные процессы в сфере традиционных семейных ценностей отразились и на состоянии межличностных отношений между поколениями, особенностями которых стали проявление непонимания, отсутствие уважительного и почтительного отношения к старшим, вызывающие у пожилых людей чувства «ненужности» и безразличия со стороны общества в целом, отсутствие заботы и поддержки, свойственные традиционному российскому менталитету. Старшее поколение вынуждено самостоятельно выживать в сложившихся социально-экономических условиях. Все это свидетельствует об угрозе базовых ценностей общества и конфликте в системе устоявшихся межпоколенческих связей.

Материалы и методы

Исследование данной проблемы в контексте трансформации социокультурных процессов в современном российском обществе приобретает актуальный характер с целью выявления ценностных ориентиров, обеспечивающих благоприятное формирование системы преемственности поколений, призванной обеспечить передачу социокультурных ценностей и опыта от поколения к поколению.

Особый исследовательский интерес в изучении феномена преемственности поколений представляют работы: Г. Спенсера [1] Дж. С. Милль, [2], О. Конта, [3], рассматривавших социологические аспекты в системе преемственности поколений.

Серьезным шагом в разработке социологических подходов к определению проблемы «поколение» стало учение Э. Дюркейма [4], определившее факторы органической солидарности членов общества.

Современные исследования в области основных тенденций преемственности поколений в контексте «диалога и конфликта поколений» проводились такими учеными, как: Б. В. Дубин [5]; И. С. Кон [6]; В. Т. Лисовский [7]; П.-Э. Митев [8]; Е. Л. Омельченко [9]; В. В. Орлова [10]; В. В. Павловский [11]; Л. Ю. Пушина [12], выявившие особенности формирования процесса взаимодействия поколений, которые носят противоречивый характер в современных условиях.

В. Плотникова отмечает, что преемственность – это процесс заимствования культурно-исторических ценностей, идей, образцов поведения, опыта, навыков, т. е. любых результатов и способов деятельности людей и форм ее организации, и использования их (после критической переработки или без нее) последующими поколениями для решения своих социальных и культурно-исторических задач [13, с. 25].

В своих исследованиях А. А. Попов акцентирует свое внимание на изучении различных подходов понятия «преемственность» [14, с. 21].

Результаты и их обсуждение

Рассмотрение особенностей формирования ценностных установок в системе преемственности поколений необходимо с учетом некоторых факторов:

– особенности социально-экономических и политических изменений, которые вносят определенные коррективы в исторической смене поколений;

– особую ценностную значимость приобретает система межпоколенческих связей как показатель уровня благополучия в системе межличностного взаимодействия поколений;

– значительное снижение авторитета взрослых в контексте трансформации социокультурных и духовно-нравственных ценностей в глазах подрастающего поколения, вызванное негативным отношением к ценностям предыдущих поколений и пересмотром системы традиционных ценностных установок.

Недостаточная изученность этих аспектов обусловила актуальность темы нашего исследования в сфере ценностных ориентиров традиционных норм и правил преемственности поколений, связанных со значительным снижением социокультурной значимости ценностных установок в системе межличностного взаимодействия старшего поколения с подрастающим.

Размышляя о судьбе человечества, А. Тойнби отмечал: «Каждое поколение, подобно карме, влачит на себе все то, что было содеяно предшественниками. Ни одно из поколений не начинает жизнь в условиях полной свободы, но начинает как узник прошлого. К счастью, узник этот не беспомощен, он располагает силами сломить рутину наследуемых привычек» [15, с. 84].

Как отмечает исследователь В. П. Яковлев, «человек только как представитель поколения обретает связь с историей, становится осознанным участником исторического процесса» [16, с. 66].

«В обществах с достаточно стабильной структурой и медленным темпом перемен успех воспитания оценивался в зависимости от того, насколько старшим удавалось передать детям накопленные знания, умения и навыки» [17, с. 20].

Следует отметить, что характер и уровень взаимодействия между поколениями определяют степень устойчивости традиционных социокультурных связей в обществе, необходимых для формирования духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения, способствующих их личностному становлению в обществе. Ценностные установки подрастающего поколения несут в себе важную социальную функцию, обеспечивающую непрерывный контакт со старшим поколением как показатель гармоничного взаимодействия в системе преемственности поколений.

Однако кризисные явления в социально-экономической сфере российского общества внесли определенные коррективы в систему традиционной преемственности поколений, способствующие возникновению разрыва во взаимодействии между поколениями, вызывая такие социальные явления, как непонимание, отчужденность и конфликты как проявление глубоких трансформаций в системе традиционных ценностей преемственности поколений, вызванные снижением социальной значимости ценности старшего поколения в условиях формирования новых идеалов и ценностных предпочтений молодых людей.

К числу основных социальных механизмов, обеспечивающих процесс преемственности поколений, следует отнести:

– систему новых социальных и ценностных ориентиров, характеризующих ценностные представления старшего поколения в конкретных социально-экономических и политических условиях, передающихся подрастающему поколению в качестве моделей и норм поведения;

– авторитет старшего поколения, основанный на собственном примере, являющийся важнейшей ценностной установкой, формирующий принципы почтительного отношения и уважения со стороны молодого поколения;

– формирование индивидуальных ценностных установок и предпочтений подрастающего поколения с учетом традиционной системы преемственности, которое передается из поколения в поколение, образуя определенный формат общепринятых норм и правил поведения в современном обществе.

Важно отметить, что особенностью механизма формирования преемственности поколений является цикличность, характеризующая историческую смену поколений, которая может нарушиться в

результате серьезных изменений в социально-экономической и политической сферах, вызывая трансформационные процессы в системе межпоколенного взаимодействия и деформацию общепринятых социокультурных ценностей, ведущую к конфликту поколений.

В этих условиях возрастает необходимость глубокого социологического анализа ценностных основ в системе взаимодействия поколений ввиду существенных изменений социальных механизмов наследования и трансформации ценностных ориентиров современного общества.

Серьезные изменения произошли в системе ценностных установок современной молодежи, которой свойственны такие качества, как: самостоятельность, независимость от мнения родителей в принятии решений, где доминирующим фактором, влияющим на выбор индивидуальных ценностных предпочтений, является фактор материального достатка и финансового благополучия, определяющий основной круг интересов молодого поколения в настоящее время.

В той связи происходит размывание системы традиционного, социального наследования, которое неизбежно ведет к глубоким трансформационным изменениям в современном обществе, характеризующимся существенным ослаблением прежних ценностных установок и норм поведения современной молодежи.

На наш взгляд, особые опасения вызывает процесс неприятия молодым поколением опыта предыдущих поколений, выраженный стремлением к социальному обособлению, способствующий ослаблению системы общепринятых норм и моделей поведения, в условиях которых еще не сформированы новые ценностные ориентиры, формирующие социокультурные и духовно-нравст-венные ценности молодых людей в современном обществе.

Подобные тенденции способствуют нарастанию социальной напряженности между старшим и молодым поколениями, которая может привести к серьезному конфликту на межпоколенческом уровне, формируя особый формат конфликта поколений, характеризующийся очевидным отсутствием необходимого диалога между поколениями

С целью выявления основных ценностных предпочтений, характеризующих социокультурные ценности старшего и молодого поколений в современных условиях, мы провели социологическое исследование в феврале 2020 г., в котором принимали участие жители г. Майкопа (Республика Адыгея) в возрасте от 18 до 55 лет, общее количество составило 250 человек. Все участники исследования были поделены на две группы по возрастному критерию: к первой группе мы отнесли представителей молодого поколения (в возрасте от 18 до 30 лет), ко второй группе – старшее поколение (от 30 до 55 лет). Результаты исследования отражены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Ценностные установки, определяющие характер ценностных ориентиров старшего и младшего поколений, %

Значения	Возраст	
	от 18 до 30лет	от 30 до 55лет
Семья как высшая ценность	29	38
Любовь и забота друг о друге	15	19
Взаимопомощь в сложных ситуациях	33	17
Взаимопонимание между родителями и детьми	23	27

Результаты нашего исследования показали, что семья для наших респондентов представляет особую ценность, о чем уверенно заявили 38% респондентов старшей группы и 29 % молодых людей. Любовь и забота друг о друге составляют

важную часть жизни каждого человека – считают 19% респондентов в возрасте от 30 до 55 лет, для которых ценность семьи в условиях взаимных чувств и заботы о партнере представляет важную ценностную значимость, чуть меньше данный показатель у молодых людей в возрастной категории от 18 до 30 лет, составивший 15%, для которых значимость индивидуальных ценностных предпочтений занимает преобладающую позицию в иерархии ценностей.

Интересен тот факт, что участники нашего исследования выразили готовность в осуществлении необходимой помощи друг другу, но при этом обнаружилась тенденция, в условиях которой 33% молодых людей готовы к взаимопомощи, независимо от каких-либо обстоятельств, в то время как респонденты в возрасте от 30 до 55 лет уверены, что в любом возрасте каждый человек должен самостоятельно решать сложные жизненные ситуации, не вовлекая в этот процесс даже самых близких людей (17% респондентов).

Особый интерес у наших респондентов вызвал вопрос о взаимопонимании между родителями и детьми как необходимый ценностный фактор в системе современного воспитания подрастающего поколения, о чем уверенно заявили 27% участников старшего поколения и 23 % из числа молодых участников исследования, которые сошлись во взглядах относительно ценности взаимопонимания в семье.

Таким образом, проведенное нами исследование выявило значимость системы традиционных ценностей семьи и преемственности поколений, но при этом обнаружилась одна из современных тенденций, характеризующих молодое поколение в стремлении к самостоятельности и принципам доминирования индивидуальных ценностных предпочтений, характерных для эпохи постиндустриального общества.

Следует отметить, что тенденции приоритета индивидуальных ценностных установок определяет процесс межличностного взаимодействия поколений в двух основных направлениях: с одной стороны, молодые люди испытывают огромное стремление быть самостоятельными в современных условиях с явным доминированием системы индивидуальных ценностей над семейными и при явном отсутствии ценностных стереотипов; с другой – происходит существенное ослабление межпоколенческих связей со старшим поколением, для которого характерен эмоциональный и душевный дискомфорт ввиду отсутствия элементарного внимания и заботы со стороны подрастающего поколения, что вызывает чувство одиночества и безразличие у пожилых людей.

Все это способствует усугублению процесса дистанцирования между поколениями, которое может привести к разрушению системы межпоколенеских традиций и преемственности поколений.

Процесс дистанцирования оказывает существенное влияние на характер взаимоотношений между поколениями, формируя зачастую негативный образ старшего поколения в глазах молодых людей, формируя стойкое убеждение, что это поколение потеряло свою социальную значимость и не способно к передаче необходимого ценностного опыта молодым людям, живущим в новую эпоху, для которых открыты различные жизненные возможности, в условиях приоритета своих собственных интересов и ценностей. При этом важно заметить, что характер межличностного взаимодействия поколений отражает систему воспитания в семье, в условиях которой формируется уважительное отношение к родителям, старшим родственникам и пожилым людям как важный этап социализации подрастающего поколения, оказывающий влияние на формирование ценностей преемственности поколений на уровне социума.

В рамках нашего исследования мы провели социологический опрос среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет

о причинах современного дистанцирования между поколениями. В опросе принимали участие 100 человек, преимущественно из числа студентов Майкопского государственного технологического университета (г. Майкоп, Республика Адыгея). Результаты опроса отражены ниже (табл. 2).

Таблица 2. Причины современного дистанцирования поколений, %

Значения	Возраст
	от 18 до 30 лет
Отсутствие времени по причине профессионального и карьерного роста	39
Возможность общения посредством интернет	24
Ограниченность сферы взаимных интересов	19
Отсутствие желания общаться с родителями, бабушками и дедушками	18

Согласно результатам нашего опроса, 39% респондентов считают, что основной причиной дистанцирования между поколениями в настоящее время является острая нехватка времени, связанная с получением образования и желанием личностной самореализации. При этом они уверены, что современные способы общения посредством современных интернет-технологий значительно упрощают этот процесс, о чем заявили 24% молодых людей.

Следует отметить, что определенная часть наших респондентов (19%) высказалась об отсутствии общих тем и интересов со страшим поколением, что значительно ограничивает сам процесс межличностного взаимодействия.

Особую тревогу, на наш взгляд, вызывает отсутствие элементарного желания в общении со старшими родственниками со стороны молодых людей, для которых существуют свои ценностные предпочтения, среди которых ценность семьи и значимость принципов преемственности поколений не являются приоритетными, – считают 18 % участников опроса.

Анализ нашего опроса выявил специфические особенности формирования процесса дистанцирования между молодым и старшим поколениями, которые имеет выраженную тенденцию роста, несмотря на определенную степень устойчивости традиционных ценностей в системе межполенческих связей, где приоритет индивидуальных ценностей молодых людей в этих условиях очевиден.

Для более комплексного анализа ценностных установок, характеризующих феномен дистанцирования в условиях преемственности поколений, мы провели ряд индивидуальных интервью, участниками которых стали представители старшего поколения в возрасте от 55 до 70 лет из числа жителей г. Майкопа, общее количество которых составило 20 человек. Приведем отрывки из интервью, выявляющие особенности процесса дистанцирования поколений:

Тамара Ивановна, 68 лет: «*Мне очень больно осознавать, наши дети и внуки не испытывают искреннего желания проведать бабушек и дедушек, как это заведено в нашей традиции, объясняя этот факт загруженностью на работе, хотя у них есть машина, но нет самого главного – желания просто нас навестить».*

Петр Иванович, 70 лет*: «Я уже давно на пенсии, хочется больше внимания уделять детям и внукам, но, к сожалению, они все чаще стараются общаться с нами через Интернет. Ведь нам не так много и надо: увидеть своих детей и внуков, попить чай в семейной обстановке, насладится этой семейной атмосферой!»*

Результаты индивидуальных интервью отчетливо продемонстрировали существенный разрыв между поколениями, выраженный в острой нехватке внимания и заботы к людям старшего поколения, чувствующих себя «ненужными» подрас-

тающему поколению, у которых формируется устойчивые представления о пожилых людях, что они в силу своего возраста уже не представляют особой ценности для общества, способствующие значительному обесцениванию накопленного потенциала и опыта предыдущих поколений. «Разногласия отдаляют поколения друг от друга», – отмечает исследователь Н. А. Дорохина [18, с. 61-62].

Следует отметить, что процесс формирования ценностей в молодежной среде зависит от многих социальных факторов, среди которых: социально-экономический, социокультурный, этнический, конфессиональный, психологический факторы. Под их воздействием идет усвоение ценностных установок молодым поколением, в условиях которого формируется свой социокультурный опыт, представляющий важную ценностную значимость в процессе передачи опыта последующим поколениям. Справедливо отмечает исследователь Г.А. Дудина, что процесс гармоничной преемственности поколений связан с формированием социального государства, основанного на доверии граждан к своему государству [19, с. 133].

Современные процессы трансформаций духовных и культурных ценностей формируют новый тип межпоколенческих отношений и, как следствие, их соответствующие противоречия [20, с. 292].

Изучение этих аспектов требует глубокого социологического анализа для выявления особенностей формирования ценностных предпочтений в системе межпоколенческого взаимодействия, способствующих выработке новых ценностных установок, отражающих традиционный характер системы преемственности поколений в современных условиях, и сокращению разрыва между поколениями, вызванного существенными изменениями в социально-экономической сфере и трансформацией духовно-нравственных ценностей индивида.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование, характеризующее ценностные ориентиры в системе преемственности поколений, выявило ряд существенных особенностей:

– трансформационные процессы, затронувшие институт семьи, вызванные современными тенденциями в социально-экономической и политической сферах, отразившееся на появлении новых ценностных установок у подрастающего поколения, в основе которых лежит доминирование индивидуальных ценностей, без учета уникального, социокультурного опыта старшего поколения, оказали значительное воздействие на состояние системы традиционной преемственности поколений;

– принципы авторитета старшего поколения, основанные на уважении и почитании старших, претерпели существенные изменения, связанные с негативным отношением молодых людей к идеалам и ценностям старшего поколения, вызвавшие разобщенность ценностных установок в системе традиционной преемственности, которые привели к разрыву между поколениями;

– ценностные установки молодого поколения, согласно эмпирическим данным нашего исследования, основаны на приоритете личностной самореализации и достижении высокого профессионального и карьерного роста, формирующих некую отчужденность между молодым и старшим поколениями, ценности которых диаметрально противоположны;

– процесс межпоколенчекого взаимодействия развивается неравномерно, результатом которого стало появление феномена дистанцированности между поколениями, в основе которых лежат серьезные социально-психологические аспекты, формирующие фактор «дефицита» в положительных эмоциях и общении, так необходимых старшему поколению, испытывающих чувство «ненужности» для подрастающего поколения.

В этой связи важно отметить, что пересмотр традиционных ценностных установок в системе преемственности поколений является прямым отражением кризисных явлений института современной семьи как показатель отсутствия определенной системы социализации молодых людей в настоящее время.

Отсутствие комплекса необходимых мер, направленных на формирование у подрастающего поколения устойчивых представлений о степени важности межпоколенческих связей, представляет серьезную угрозу для сохранения базовых ценностей, целостности института семьи и общества, что в свою очередь вызывает необходимость включения этих аспектов в различные государственные программы, направленные на сохранение и укрепление системы преемственности поколений, как факт особой социокультурной значимости в современных условиях.

В условиях социальной разобщенности и непонимания в системе межпоколенческих связей на современном этапе, на наш взгляд, необходимо вновь восстановить контакты, способствующие налаживанию традиционных связей между поколениями, в котором они будут заинтересованы в целях продолжения исторической и социокультурной преемственности поколений.

Как известно, социальное благополучие современного общества напрямую зависит от ценностной ориентированности социума, в котором ценности преемственности поколений играют особую роль, способствуют формированию социокультурного диалога между поколениями, обеспечивая полноценный и гармоничный процесс передачи межпоколенческого опыта.

Список литературы

1. Spencer G. Social statics: An exposition of the social laws that determine the happiness of mankind = Social Statics (1851). St. Petersburg, 1872. 471 p.

2. Finn V. K. D. S. Mill and his ideas about induction and the "logic of moral sciences" // Mill D. S. The system of syllogistic and inductive logic: An exposition of the principles of proof in connection with the methods of scientific research. M.: LENAND, 2011.

3. Cont O. The spirit of positive philosophy (A word about positive thinking). Rostov-on-Don: Phoenix, 2003.

4. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. M.: Nauka, 1990 575 p.

5. Дубин Б. В. О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1995 С. 237-247.

6. Кон И. Возраст и возрастные категории // Психология возрастных кризисов. Минск: Харвест, 2001. С. 93-94.

7. Лисовский В. Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 111–116.

8. Митев П.-Э. Социология лицом к лицу с проблемами молодежи. София, 1983. 273 с.

9. Омельченко Е. Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.

10. Орлова В. В. Нравственный выбор современной молодежи: идеалы и реальность // Известия Томского политехнического университета. 2010 Т. 316, № 6. С. 166-172.

11. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический Проект, 2001. 304 с.

12. Пушина Л. Ю. Ответственность как ценностная основа межпоколенных отношений // Старшее поколение в современной семье / под ред. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2009 С. 291-292.

13. Плотникова Е. В. Ценности в процессе передачи опыта поколений: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1993. 25 с.

14. Попов А. А. Различные подходы к изучению понятия преемственности // Педагогическое мастерство: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 20-22.

15.Тойнби А. Д. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1996. С. 84.

16. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1980. С. 66.

17. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 20.

18. Дорохина Н. А. Особенности воспитательного взаимодействия между родителями и старшим поколением в семьях дошкольников // Наука и школа. 2009. № 1. С. 61-62.

19. Дудин Г. А. Формирование социального государства как глобальная цель социального управления в современной России // Ежемесячный научный журнал. 2015. № 5 (10), ч. 5. С. 132-134.

20. Ярычев Н. У. Становление и развитие инновационных механизмов в образовательном пространстве Чеченской Республики в условиях постконфликтного периода // Молодой ученый. 2009. № 4. С. 290-292.

References

1. Spencer G. Social statics: An exposition of the social laws that determine the happiness of mankind = Social Statics (1851). St. Petersburg, 1872. 471 p.

2. Finn V. K. D. S. Mill and his ideas about induction and the "logic of moral sciences". Mill D. S. The system of syllogistic and inductive logic: An exposition of the principles of proof in connection with the methods of scientific research. Moscow, LENAND, 2011.

3. Cont O. The spirit of positive philosophy (A word about positive thinking). Rostov-on-Don, Phoenix, 2003.

4. Durkheim E. On the division of social labor. The method of sociology. Moscow, Nauka, 1990. 575 p.

5. Dubin B. V. O pokolencheskom mekhanizme social'nyh sdvigov [On the generational mechanism of social shifts]. Kuda idet Rossiya? Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya [Where is Russia going? Alternatives of social development]; ed. by of T. I. Zaslavskaya. Moscow, Aspect Press Publ., 1995, pp. 237-247.

6. Con I. Vozrast i vozrastnye kategorii [Age and age categories]. Psihologiya vozrastnyh krizisov [Psychology of age crises]. Minsk, Harvest Publ., 2001, pp. 93-94.

7. Lisovsky V. T. "Otcy" i "deti": za dialog v otnosheniyah ["Fathers" and "children": for dialogue in relationships]. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2002, no. 7, pp. 111-116.

8. Mitev P.-E. Sociologiya licom k licu s problemami molodezhi [Sociology face to face with the problems of youth]. Sofia, 1983. 273 p.

9. Omelchenko E. L. Molodezh': Otkrytyj vopros [Youth: An open question]. Ulyanovsk, Simbirsk Book Publ., 2004. 184 p.

10. Orlova V. V. Nravstvennyj vybor sovremennoj molodezhi: idealy i real'nost' [Moral choice of modern youth: ideals and reality]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Proceedings of Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 166-172.

11. Pavlovsky V. V. Yuventologiya: proekt integrativnoj nauki o molodezhi [Juvenile science: the project of integrative science of youth]. Moscow, Academic Project Publ., 2001. 304 p.

12. Pushina L. Yu. Otvetstvennost' kak cennostnaya osnova mezhpokolennyh otnoshenij [Responsibility as a value basis of intergenerational relations]. Starshee pokolenie v sovremennoj sem'e [The older generation in the modern family]; ed. by H. Saralieva. N. Novgorod, NISOC Publishing House, 2009, pp. 291-292.

13. Plotnikova E. V. Cennosti v processe peredachi opyta pokolenij. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Values in the process of transferring the experience of generations. Cand. philos. sci. abstract diss.]. Moscow, 1993. 25 p.

14. Popov A. A. [Various approaches to the study of the concept of continuity]. Pedagogicheskoe masterstvo. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, noyabr' 2015 g.) [Pedagogical mastery. Materials of the VII International Scientific Conference (Moscow, November 2015)]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2015, pp. 20-22. (In Russ.)

15. Toynbee A. Civilizaciya pered sudom istorii [Civilization before the Court of History]. Moscow, Progress Publ., 1996, p. 84.

16. Yakovlev V. P. Social'noe vremya [Social time]. Rostov-on-Don, Rostov University Publishing House, 1980, p. 66.

17. Mfa M. Kul'tura i mir detstva [Culture and the world of childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1988, p. 20.

18. Dorokhina N. A. Osobennosti vospitatel'nogo vzaimodejstviya mezhdu roditelyami i starshim pokoleniem v sem'yah doshkol'nikov [Features of educational interaction between parents and the older generation in families of preschoolers]. *Nauka i shkola = Science and School*, 2009, no. 1, pp. 61-62.

19. Dudin G. A. Formirovanie social'nogo gosudarstva kak global'naya cel' social'nogo upravleniya v sovremennoj Rossii [The formation of a social state as a global goal of social management in modern Russia]. *Ezhemesyachnyj nauchnyj zhurnal = Monthly Scientific Journal*, 2015, no. 5, (10), pt. 5, pp. 132-134.

20. Yarychev N. U. Stanovlenie i razvitie innovacionnyh mekhanizmov v obrazovatel'nom prostranstve Chechenskoj Respubliki v usloviyah postkonfliktnogo perioda [Formation and development of innovative mechanisms in the educational space of the Chechen Republic in the post-conflict period]. *Molodoj uchenyj = A Young Scientist*, 2009, no. 4, pp. 290-292.

Информация об авторе / Information about the Author

Коблева Зурет Халидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета экономики и управления, Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация,
e-mail: zureta01@mail.ru

Zuret Khalidovna Kobleva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy of the Faculty of Economics and Management, Maykop State Technological University, Maykop, Russian Federation,
e-mail: zureta01@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-193-208

CC BY 4.0

Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага»

К. Г. Мальцев[1], А. В. Мальцева[1] ✉

[1] Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Кризис современного новоевропейского суверенного государства-нации определяется как экзистенциальный (а не «технический»); следовательно, речь должна идти о социально-философском исследовании «кризиса основоположений».*

Цель *статьи – представить недействительность основоположений государства-нации в современности, тотально определяемой господствующей либеральной экономической парадигмой политического (Дж. Агамбен), и современные способы снятия следствий кризиса политического в либеральной традиции.*

Задача *– на основе интерпретации данных утверждений определить условия и границы возможности «ответа» из перспективы «либеральной метафизики».*

Методология. *По утверждению К. Шмитта, либерализм есть «последовательная метафизика», сущность которой определяется как «бесконечная свободная/публичная дискуссия»; последовательный либеральный «ответ» на вызов, таким образом, может быть дан только исходя из названной «сущности», – основное методологическое положение, определяющее структуру и содержание настоящей статьи.*

Результаты. *Выявлено, что: нация как форма политического единства суверенного народа в перспективе либеральной метафизики не может полагаться «субстанцией государства»; народ-суверен есть «расколотый в себе» и наличные способы актуализации его действительного единства более «недействительны»; механизмы политической репрезентации, демократически легитимирующие властные институты суверенного государства-нации в его новоевропейской, т. е. либеральной, форме нуждаются в радикальном реформировании. «Свободная дискуссия» устанавливается в статье, ограничена в возможности «ответа» на «экзистенциальный кризис»; это предполагает необходимость редукции «политического» («понятие политического» К. Шмитта как «экзистенциального решения» суверена в горизонте экзистенциального противопоставления «друг – враг») и «сведения» посредством такой редукции «сущностно политического» к техническим вопросам «управления» (М. Вебер). Выделяется три основных способа «либеральной редукции политического»: «логико-эпистемологическое» Ю. Эльстера, «этическое» Дж. Ролза, «эстетическое» Р. Анкерсмита, – и определяются их характерные «черты».*

Вывод. *Делается вывод о том, что последовательная либеральная политическая философия, утрачивая в своем понимании политики как управление, различение между auctoritas и potestas, является неспособной тематизировать «экзистенциальный», т. е. политический, кризис основоположений суверенного государства-нации.*

© Мальцев К. Г., Мальцева А. В., 2022

Ключевые слова: *государство; власть; публичная дискуссия; компромисс; политическая репрезентация; народ; суверен.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Кризис суверенного государства-нации и «рациональная дискуссия»: либеральный дискурс «спасения» демократии и «общего блага» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 193–208. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-193-208.

Поступила в редакцию 03.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

The Crisis of the Sovereign State-Nation and the "Rational Discussion": the Liberal Discourse of the "Salvation" of Democracy and the "Common Good"

Konstantin G. Maltsev[1], Anna V. Maltseva[1] ✉

[1] Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukov str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract

Relevance*. The crisis of the modern European sovereign nation-state is defined as existential (not "technical"); therefore, we should talk about a socio-philosophical study of the "crisis of the foundations".*

The purpose *of the article is to present the non-reality of the foundations of the nation-state in modern times, totally determined by the dominant liberal economic paradigm of the political (J. Agamben), and modern ways of removing the consequences of the political crisis in the liberal tradition.*

The objective *is based on the interpretation of these statements - to determine the conditions and boundaries of the possibility of "response" from the perspective of "liberal metaphysics".*

Methodology. *According to K. Schmitt, liberalism is "consistent metaphysics", the essence of which is defined as "endless free / public discussion"; a consistent liberal "response" to the challenge, therefore, can only be given on the basis of the named "essence" – the main methodological position that determines the structure and content of this article.*

Results*. It was revealed, that a nation as a form of political unity of a sovereign people, in the perspective of liberal metaphysics, cannot be relied on as a "substance of the state". That the people-sovereign is "split in itself" and the available ways of actualizing its real unity are no longer "valid". That the mechanisms of political representation that democratically legitimize the power institutions of a sovereign nation-state in its new European, that is, liberal, form, need radical reform. "Free discussion", stated in the article, is limited in the possibility of "answering" the "existential crisis"; this presupposes the need to reduce the "political" (Schmitt's "concept of the political" as an "existential solution" of the sovereign in the horizon of the existential opposition "friend – enemy") and "reduction" by means of such a reduction of the "essentially political" to technical issues of "governance" (M. Weber). Three main methods of "liberal reduction of the political" are distinguished: "logical-epistemological" by Y. Elster, "ethical" by J. Rawls, "aesthetic" by R. Ankersmit, and their characteristic "features" are determined.*

Conclusion*. It is concluded that a consistent liberal political philosophy, losing in its understanding of politics as government, the distinction between auctoritas and potestas, is unable to thematize the "existential", that is, political, crisis of the foundations of a sovereign nation-state.*

Keywords*: state; government; public discussion; compromise; political representation; people; sovereign.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. The crisis of the Sovereign State-Nation and the "Rational Discussion": the Liberal Discourse of the "Salvation" of Democracy and the "Common Good". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 193–208. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-193-208.

Received 03.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

«Кризис новоевропейского суверенного государства-нации» есть почти «общее место» – для всех без исключения направлений современной политической философии и политической теории. Понимать ли этот кризис как «несоответствие» современной реальности, определяемой через глобализацию, или как кризис оснований его действительности и различный «набор» этих «оснований», которых либо больше просто нет, либо разделения в них больше не образуют никакого единства, – это предмет бесчисленных научных (и «практических») дискуссий, – сам «факт» кризиса полагается установленным вполне достоверно. Но к *понятию* суверенного государства-нации (а здесь следует учитывать, что мы имеем дело с *радикальным понятием*, т. е. таким, в котором, если согласиться с К. Шмиттом, реальность и представление сущностно едины; еще он в «Политической теологии» [1], например, называл это «метафизическим понятием»), «прикреплено» столько «ценностей» и «общезначимостей», институтов и прав (не говоря уже о «мифах», эмоциях), от которых считается «немыслимым» отказаться и полагается необходимым обязательно «сохранить», что факт и констатация этого факта не являются «нейтральными» (в смысле научной объективности), но имеют признаки политического *события*, и в этом качестве требуют *ответа* вместе и даже *прежде* теоретического анализа или философской интерпретации, которые именно *ответов* в указанном смысле *не дают*. Предметом настоящей статьи является изучение одного из таких ответов: того, который предложен господствующей сегодня либеральной *идеологией*, и только в *теоретическом* аспекте этого «ответа».

Исследования, помещающие кризис нации-государства в перспективу глобализации, могут быть исключены из нашего рассмотрения: имперский политический порядок, предполагающий «снятие» национально-государственных суверенитетов, не предполагает также и сохранения наций-государств в качестве автономных субъектов (по словам З. Баумана [2], они теперь «полицейские участки» глобальной власти), и решение названных выше «вопросов» переносят на глобальный, т. е. теперь имперский, уровень: каким бы способом не предполагалось это делать, «несостоятельность» наций-государств и невозможность «решений» на «этом уровне» полагаются здесь очевидными. Все большее количество либеральных исследователей становятся последовательными «глобалистами»; однако среди вполне последовательных «либералов» остаются и такие, кто не готов «всецело» принять этот выбор и полагает по разным причинам невозможным «сохранение демократии» в обществе «глобальных сетей» [3], а потому настаивает на «реанимировании» новоевропейского государства-нации, хотя бы пришлось отказаться от его «суверенитета». В этой перспективе и обретается предмет нашего исследования: ответ на «кризис» в условиях признания «незаменимости» государства-нации для решения ряда существенных «демократических требований», – например, требование демократической политической легитимации, от которых считают невозможным просто отказаться и решение которых нельзя «перенести» на глобальный уровень (глобальные институты попросту демо-

кратически не легитимны и отсутствуют механизмы такой легитимации).

Материалы и методы

Методологическое значение для «обстояния», которое мы выбрали предметом рассмотрения, имеют утверждения К. Шмитта, определившего еще в 20-е годы прошлого века надлежащую перспективу понимания либерализма как «последовательной, объемлющей, метафизической системы» [4] и уже тогда определившего ее (системы) сущность: бесконечная *дискуссия* и, как следствие этого, «духовное ядро этого мышления вообще, его специфическое отношение к истине, которая становится простой функцией вечного соревнования мнений. По отношению к истине это означает отказ от окончательного результата» [4, с. 129]. Здесь задолго то того, как Ю. Хабермас [5; 6] выдвинул свою концепцию «свободной коммуникации», Дж. Ролз [7] предложил теорию «перекрывающегося консенсуса»; Ф. Р. Анкерсмит [8] обосновал, что суть политической деятельности – не в поиске и нахождении истины, но в организации истины, – Шмиттом определена суть либерализма как «метафизической системы», и если считать (а для иного понимания нет никаких оснований), что в названных выше трех «концепциях» выразилась суть либеральной идеи, то проницательность и правота Шмитта вполне очевидны. Либерализм как любая «метафизическая система» претендует на особую разновидность «очевидности»: «Каждая эпоха политической и государственной мысли обладает подобными представлениями, которые кажутся ей в некотором специфическом смысле очевидными, и они, хотя, быть может, часто бывают непоняты и мифологизированы, легко усваиваются большими массами» [4, с. 115], т. е. речь идет в том числе о необходимых «политических следствиях» из «сущности либерализма» как «метафизической системы», имеющих «очевидность» не только как «следствия» (этого можно «не понимать»), но «сами по себе»; теоретической задачей тем не менее является выведение подобных «очевидностей» именно как *следствий*: и этим мы тоже обязаны К. Шмитту. Поскольку основу либерального «образа мыслей» положен такой, «который повсюду создает некоторое множество, чтобы в системе опосредствований на место абсолютного единства поместить равновесие как результат имманентной динамики» [4, с. 135] и, как подчеркивает Шмитт, этот же «образ мыслей» лежит и в основании новоевропейского способа «мыслить» вообще, то в «политическом» это означает представление о нем как о «системе равновесий» (репрезентируемых в парламенте прежде всего). Тогда: «Если то центральное значение, которое придается дискуссии в системе либерализма понимается правильно, то два типичных для либерального рационализма политических требования обретают правильное значение, выводятся из неясной атмосферы лозунгов и политически-тактических соображений целесообразности и получают научную ясность: постулат публичности политической жизни и так называемое учение о разделении властей, точнее, об уравновешении противоположных сил, из коего само собой как равновесие должно возникнуть правильное. Из-за того, что решающее значение в либеральной мысли получает публичность, особенно господство общественного мнения, либерализм и демократия кажутся здесь тождественными» [4, с. 130], т. е. «свобода слова, свобода печати, свобода собраний, свобода дискуссий, таким образом, не только полезны и целесообразны, но являются подлинно жизненными вопросами либерализма» [4, с. 129], а «свет публичности – это свет просвещения, освобождение от предрассудков, фанатизма и властных интриг» [4, с. 132]. И уже в завершение из сказанного следует своеобразный «экономизм» как «всеобщий принцип»: «Из свободы договора, свободы торгов-

ли, свободы ремесел сами собой получаются социальная гармония интересов и наибольшее возможное изобилие. Но это – только один случай применения всеобщего либерального принципа» [4, с. 129]. Шмитт аргументированно доказывает невозможность свести «политическое» к «управлению», но это не значит, что такое «сведение» не *является* необходимым выводом из «либеральной метафизики».

Таким образом, определяются концептуальные рамки, в которых осуществляется поиск «ответа» на вызов «кризиса» новоевропейского государства-нации последовательной либеральной мыслью; то, что эти рамки определены Шмиттом, вполне «удовлетворительно», мы убедимся в ходе последующего изложения.

Результаты и их обсуждение

Ближайшим образом «основоположения» социально-политического знания можно понимать в соответствии с аналогией с аксиомами (математическое естествознание) или догмами (вероучение); основоположения есть «радикальные понятия», в которых реальное и действительное определенным образом «совпадают»; в статье удерживается различение между «реальностью» понятия и «действительностью» (существования, *наличия*), проведенное И. Кантом, в интерпретации, данной М. Хайдеггером [9]; в перспективе данного различения «кризис основоположений» может быть охарактеризован как *экзистенциальный*.

Итак, если, как мы определили, оставить в стороне проблемы, связанные с глобализацией, вместе с самой «перспективой», которую она задает для интерпретации «кризиса», то следует назвать «существенные элементы», которые, собственно, названный кризис «образуют». Таковых мы видим три: двусмысленности, связанные с пониманием/существованием *нации* как формы политического единства суверенного народа; «расколы» в существовании/понятии *народа* как субстанции *суверенного* государства-нации («народный суверенитет» – идея, «очевидность» которой пребывает в статусе «само собой разумеющегося»); кризис системы политической репрезентации как основного механизма демократической легитимации современного государства (демократическая легитимация – это то же разумеется «само собой» как единственная из всех возможная и «легитимная»). Наконец, следует еще назвать *неспособность* национального государства удержать монополию на физическое насилие (терроризм, «новая война»), но это остается за рамками нашего рассмотрения как относящееся к «глобальной перспективе».

«Национальная идентичность», притом что никто, кажется, не отрицает ее необходимость как единственной исторически действительной политической формы новоевропейского суверенного государства [10], с либеральной точки зрения всегда была не только «подозрительной» (как любая коллективная идентичность, перекрывающая автономию индивида), но даже прямо «враждебной»: в последнее время «политика идентичности» вообще оценивается как «нелегитимная» и провоцирующая «новые войны» (у М. Калдор [11], например). В модернистских [12; 13; 14; 15] (при всех различиях между ними) и постмодернистских, прежде всего конструктивистских (например, у Р. Брубейкера [16; 17]), теориях нации и национального речи не идет даже о «тени» «субстанциального понимания»: нация есть исторически сложившаяся общность (результат констелляции социологически и исторически обусловленных обстоятельств: М. Манн [18], определяемая приписываемой ей функцией быть «политической формой» новоевропейского государства. Однако и в этом качестве она «в условиях современности» рассматривается скорее как «препятствие» и «пережиток», поскольку не национальная, но гражданская иден-

тичность рассматривается теперь большинством либерально убежденных авторов как «соответствующая» современному государству «форма» (например, Э. Хобсбаум [10], Б. Як [20]). Тем не менее в 90-е годы XX века проблема «наций» снова становится актуальной, прежде всего с теми острыми политическими конфликтами, не только в «не совсем Европе – восточной», но и в «самом ядре Европы» (Каталония, Шотландия, проблемы в Бельгии – всего не перечислить). Как констатирует К. Хюбнер, «представление философов современного Просвещения, согласно которому в конечном счете именно государственный строй их страны является источником верности ей (конституционный патриотизм), абсолютно чуждо действительности» [21, с. 346]. Таким образом, в той степени, в какой нация продолжает оставаться «несущей субстанцией государства» [21, с. 144], а народу, «окончательно провозглашенному сувереном в качестве нации» [21, с. 119], приписывается суверенитет, вопрос о нации является существенным при рассмотрении природы кризиса нации-государства. Либеральный образ мышления, везде усматривающий «равновесия», описывает нацию либо как «конструкт» (Р. Брубейкер), либо, опознавая нацию, как «метафизическое понятие», потому что «оно не соотносится ни с каким предметом научного познания, но априори положено в основание некоторой области познания, в данном случае политического поля» [21, с. 66], и тогда утверждая, что «идея нации и идея Европы должны быть осознаны в их исторической глубине» [21, с. 9], представляет идею нации и национальную идентичности как «определяемую множеством исторических регулятивных систем, которыми в своих обычных действиях, речи, мышлении, чувствах и желаниях (отчасти осознанно, отчасти неосознанно) в определенные моменты времени руководствуются субъекты, принадлежащие к этой нации. Эти системы образуют непосредственный горизонт близкого и знакомого» [21, с. 293]. В этом смысле национальная идентичность может быть представлена и как результат целого ряда «консенсусов» и «компромиссов», как «процесс», которому не свойственна «логическая консистентность», но «постулат идентичности нации остается при этом незыблемым, подобно тому как постулат идентичности индивидуального лица нисколько не нарушается и не вызывает сострадания в силу того, что в определенных обстоятельствах оно ведет себя противоречиво» [21, с. 294]. Итак, «всякое национальное системное множество является само по себе несогласованным и нестабильным» [21, с. 304] и нуждается в постоянных усилиях по «согласованию». Однако эта необходимость является большей частью «упущенной» – именно в связи с подозрительностью в отношении ко всякой, претендующей на «естественность» идентичности и не рассматривается как «место», где следует искать «консенсус» или «компромисс».

Не менее существенны, теоретически интересны, но равно, как и в случае с нацией, «упускаются» проблемы, связанные с трансформацией того, что принято называть «народом». В этом термине, согласно Дж. Агамбену [22] (ранее об этом говорила Х. Арендт [23]), кроется существенное и непреодолимое «различение»: он означает как политический, суверенный народ, который необходимо есть «единство», так и то же необходимо «исключенных» из этого единства «обездоленных», которые количественно составляют абсолютное большинство в «народе». Это существенное для претендующей на «демократичность» политической формы обстоятельство также является причиной кризиса новоевропейского государства-нации. Х. Арендт, проводя различение между «процессом освобождения» и «пространством свободы», утверждала, что если «в самом начале» они «совпадают», то затем «энергия обездо-

ленных» направляется против «свободы» (как публичной свободной политической деятельности, которая является делом немногих) и как «социальный вопрос», побеждающий собственно «революцию», более служит стабилизации порядка («социального государства», например; или национального государства, наилучшей формой которого, полагает Арендт, является *диктатура* [23, с. 225]), – тем самым «подрывает» либеральные институты и «сводит на нет» практическое политическое значение либеральных ценностей: современное государство в той степени, в какой практикуются подобные институты и ценности, лишается своей «субстанции», суверенный народ и политическая демократия не составляют больше никакого единства, т. е. консенсус и компромисс в этом отношении как раз предназначены выполнить функцию механизма/инструмента, вновь создающего единство из названной существенной «разделенности».

Однако сама «субстанция народа» также, по утверждению, например, Ж. Бодрийяра [24], изменилась: вместо «народа» в современности мы видим «массу», «непроницаемую» ни для каких воздействий и совершенно индифферентную к любой «рациональной дискуссии»: они просто несовместимы. Из всех характеристик массы, которые называет Бодрийяр, нам следует обратить внимание на следующие. Первое. Явлению масс предшествует, как это утверждает и Арендт, «растворение политического в социальном» [24, с. 23] и утрата в этой связи фундаментального значения политической репрезентации [24, с. 24]: «масса не репрезентируема». Второе. Масса сродни «черной дыре», она есть «фигура имплозии», т. е. «поглощает все внешние сигналы, никак не реагируя на них», «политическое как таковое, политическое чисто стратегической направленности угасает сначала в системе репрезентации, а окончательно – в рамках современной неофигуративности. Последняя предполагает всё ту же самовозрастающую знаковость, но знаки теперь уже не обозначают: в «действительности», реальной социальной субстанции, им больше ничто не «соответствует». Исчезает социальное означаемое — рассеивается и зависимое от него политическое означающее» [24, с. 25]; массы «не являются ни хорошими проводниками политического, ни хорошими проводниками социального, ни хорошими проводниками смысла вообще. Всё их пронизывает, всё их намагничивает, но всё здесь и рассеивается, не оставляя никаких следов. И призыв к массам, в сущности, всегда остаётся без ответа. Они не излучают, а, напротив, поглощают всё излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, Смысла. Они суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального» [24, с. 6-7]. Третье. Масса и «рациональность» несовместимы; нет и не может быть рационального понятия массы, массы непроницаемы для «дискуссий», масса как таковая, как мы уже сказали, не может быть «репрезентирована». Существование массы исключает механизмы политической репрезентации, кроме как в качестве «симулякров»; публичность, «интересы», «дискуссия» и все остальное, что определено нами как сущность либерализма, несовместимо и несоизмеримо с массой; само государство в этих условиях есть «симулякр» («симулякр третьего уровня» [25]) в той степени, в какой народу, ставшему массой, все еще приписывается «суверенитет». Позиция Бодрийяра радикальна и совсем не «либеральна»; с ним можно не соглашаться и так и происходит, но отрицать проблемы в самом существовании и функционировании основного механизма демократической легитимации (в политической репрезентации) – значит слишком уж «не придавать значения» тому, что *есть* [26].

Репрезентация «народа» в «парламенте» – основной способ политической репрезентации (наряду со свободой и публичностью мнений): «Репрезентация

в выражении "репрезентативная система" означает представительство (разумного) народа в парламенте» [4, с. 128], и демократической легитимации современного демократического государства (мы опускаем вопрос о главе государства, который совсем не обязательно демократически избирается: монарх все еще остается важнейшей фигурой репрезентации, но последовательно либеральная мысль старательно обходит этот вопрос молчанием: здесь должно быть «пустое место» [3]). Следовательно, кризис парламентаризма может рассматриваться как важнейший аспект кризиса всей системы политической репрезентации. В какой степени этот кризис *есть* – здесь *оценки* могут расходиться; нас интересует лишь *принцип*. Парламент есть именно преимущественное место для *дискуссии*, с концом дискуссии в парламенте, закончился и он сам, как идея. Согласно Шмитту, завершение становления государства законодательства *одновременно* являлось переходом к другой форме – государству управления; в государстве управления парламент становится местом заключения межпартийных соглашений, по словам Шмитта, «приводным ремнем» между правительством и партиями (одним из многих и не самым важным): «Если публичность и дискуссия в реальной действительности парламентского предприятия стали пустой и ничтожной формальностью, то и парламент, как он до сих пор развивался в качестве института, утратил свое духовно-историческое основание и смысл» [4, с. 145]. Это один аспект проблемы; другой, в контексте нашего рассмотрения также имеющий существенное значение, усматривается Шмиттом в том, что население более не рассматривает «политизацию» и парламент как механизм решения *своих* проблем, – об этом свидетельствует все снижающийся в большинстве стран процент явки избирателей на выборы; «парламент уже не имеет в себе достоинства собрания со специфическими качествами, издающего законы в специфическом смысле слова. Он уже не имеет собственного самостоятельного значения, которое должен был бы иметь в качестве источника легальности законодательного государства, основанного на легальности. Они уже давно не являются отбором в смысле выдвижения и продвижения элиты и обоснования независимой репрезентации» [27, с. 299]. А «когда репрезентация через парламент исчезает и уже не пользуется доверием» [27, с. 276], тогда «плебисцитарный процесс имеет наибольшую силу» [27, с. 276]. Анкерсмит [3] специально указывает на опасности «плебисцитарного процесса» для институтов демократии (если вспомнить, что писала Арендт [23] об «энергии бедных», куда она направлена и к чему в итоге приводит, то утверждения Анкерсмита получают дополнительное подтверждение) и необходимость всячески эти процессы «купировать»: здесь, кстати, находится его обоснование необходимости «эстетической политической репрезентации», к чему мы еще вернемся. Впрочем, «из другого лагеря» неожиданно мы обнаруживаем косвенное подтверждение правоты Анкерсмита и Арендт: Шмитт указывает, что «организация демократии, как она сегодня осуществляется в государствах буржуазных конституций правовой государственности, направлена на то, чтобы игнорировать народ как таковой, поскольку к своеобразию буржуазной конституции правового государства относится игнорирование суверена, будь этим сувереном монарх или народ» [28, с. 145-146].

Итак, «диагностика кризиса» в целом проведена; это – «экзистенциальный кризис», затрагивающий «основы» новоевропейского суверенного государства-нации. Еще раз с либеральной «точки зрения»: «национальная идентичность» подозрительна и должна быть, насколько возможно, «вынесена за скобки»; народ, даже если не соглашаться с тем, что вместо народа мы теперь имеем дело с мас-

сой, фундаментально «расколот» и «большинство» является и должно оставаться «исключенным» (растерянность либеральной мысли, когда все-таки это «большинство» высказывается, очень быстро переходит в ненависть: пример последних двух президентских выборов в «оплоте демократии» нескоро будет забыт) и «безмолвствующим»; политическая репрезентация как основной механизм демократической легитимации должна быть выстроена таким образом, чтобы соблюсти все названные «исключения», но формально выполнять свою функцию, – вызов «чрезвычайный» и требует, кажется, не менее «основополагающего» (в точном смысле «заново полагающего основы») ответа. Таким ответом на всех «уровнях» экзистенциального кризиса полагается «рациональная дискуссия», посредством которой обретаются консенсус и, где это невозможно и ненужно, допускается компромисс.

Для того чтобы яснее представлять эти «уровни», напомним про еще одно различение, которое, настаивала Х. Арендт [23], следует «удерживать»: речь идет о «двух смыслах» общественного договора (или о двух «общественных договорах», которые часто не разделяются). Первый – тот, который связывается обычно с Т. Гоббсом [29]: обмен свободы на безопасность и *учреждение* суверена и государства. Второй, по Арендт, договор между гражданами и властью, создающий область публичной политической свободы посредством ограничения власти (и тем самым новое, *республиканское* учреждение теперь уже не суверенного, но либерального государства). Дело не в том, что два эти «договора» существенно несовместимы (для доказательства этого требуется специальное исследование; укажем только, что суверен не вступает в «договорные отношения» ни с кем, кроме других суверенов, а подданные утратили суверенность в результате учреждения суверена, т. е. «местом» для договора между суверенами осталось только в отношениях между государствами), но для проблематики нашего исследования важно, что с этими двумя договорами связано *два* консенсуса, т. е. два *уровня*, которые надлежит различать. Третий уровень – отношения между теперь (в результате второго договора) равноправными субъектами *интересов*: если на втором уровне совершается консенсус относительно *прав*, то на третьем – достигается соглашение относительно *интересов*. Следует также определить *предпосылки*, конститутивные для «второго» и «третьего» уровня. Во-первых, речь может идти только об индивидах, которым принадлежат/приписываются «базовые права»; для этого они должны быть автономны, т. е. предварительно «очищены» от «следов» любых «коллективных идентичностей»: не только национальность, но и религия, культура, даже, как показало современное последовательное развитие либерализма, семья, сексуальная принадлежность, – должны рассматриваться как результат свободного выбора, *после* и *вследствие* «прав» автономного (атомизированного) индивида, который только и предполагается способным и *обязанным* быть вовлеченным в рациональную дискуссию. Конечно, это в определенном смысле утопия, но как факт, а не как принцип; и сколько бы не говорилось, например, Хюбнером о том, что «недавно появившиеся предложения по замене – якобы отжившего свое – национального государства на так называемое мультикультурное общество нелепы и коренятся в мышлении, чуждом всякой действительности» [21, с. 9], *принципиально* это ничего не меняет. Во-вторых, следует изменить представление о природе политической репрезентации, т. е. вообще «отменить» понятие политического: политика последовательно заменяется управлением (на что указывал еще М. Вебер [30]; Шмитт писал: «Макс Вебер в своем труде Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland (1918) доказывал, что социологически

государство является всего лишь большим предприятием и сегодня хозяйственный административный аппарат, фабрика и государство уже не являются сущностно различными» [4, с. 117], тема известная, и не имеет сейчас значения то, что Шмитт полагает это невозможным и что политика «неуничтожима», – важно, что «либерализм» так не считает), и тогда политически нерепрезентируемый частный интерес становится, напротив, единственным, что следует репрезентировать (в эстетической политической репрезентации Анкерсмита [8] так и есть) и по поводу чего уместен компромисс.

Мы выделяем три «идеально-типических» случая «рациональной дискуссии», представленных в современной политической философии и политической теории: «эпистемологическое доказательство» консенсуса Ю. Эльстера [31], «перекрывающийся консенсус» Дж. Ролза [7] и «прагматическое» доказательство преимущества компромисса по сравнению с консенсусом для «некоторых политических вопросов» Ф. Р. Анкерсмита [8].

Исходное (для нас) утверждение Эльстера определяется так: «Политике следует стремиться к единодушному и рациональному консенсусу, а вовсе не к оптимальному компромиссу между непримиримыми интересами. Форум нельзя марать принципами, которыми регулируется рынок, а коммуникацию нельзя путать с торгом» [31, с. 33]. Предпосылки движения к консенсусу определяются им так. Во-первых, некоторые взгляды просто невозможно высказать публично (например, «в политической дискуссии прагматически невозможно утверждать, что данное решение было выбрано только исходя из выгоды для того, кто его предложил, или группы, к которой он принадлежит. Самим фактом вступления в публичную дискуссию – тем, что спор предпочитается торгу, – исключается допустимость таких утверждений» [31, с. 33]). Во-вторых, он полагает, что «со временем забота об общем благе заставит изменить взгляды» [31, с. 34]; «давая голос разуму, вы сами испытываете его воздействие» [31, с. 34]. Итог здесь: «Публичные дискуссии способствуют осуществлению общего блага» [31, с. 34]. В тех случаях, когда консенсус не может быть достигнут, например, в связи с недостатком времени, Эльстер полагает, что «институты» должны применить имеющееся в их распоряжении «могущество» [31, с. 32-35]. Здесь важно именно то, что речь идет только о выделенном нами «втором уровне», т. е. о «фундаментальных правах и ценностях», согласие относительно которых в целом *уже существует* и в случае необходимости обеспечивается властно (институционально), а обсуждению подлежат лишь детали и технические вопросы, связанные с их «реализацией»; речь о *существовании* самого единого политического тела и о его *единстве*, которое может стать проблематичным и, значит, представляет собой вопрос «экзистенции», просто не идет.

В теории «перекрывающегося консенсуса» Дж. Ролза речь идет о том же, о чем у Эльстера. Перефразируя Анкерсмита (у него, как и у Ролза, речь идет о кальвинисте и неокантианце [8]), можно считать установленным, что «сторонник ислама» и «кальвинист» в совместном существовании имеют больше общего, чем разделяющего их, и это общее является существенным и собственно *политическим,* а вопросы веры, так называемые «фундаментальные истины», *не имеют к нему отношения*. Анкерсмит описывает такой консенсус как постепенно расширяющуюся область согласия: «Мы начинаем со ”всеобъемлющих доктрин” (кальвинизм, кантианство и так далее) и анализируем практические возможности их мирного сосуществования; после чего мы используем найденный компонент общности как (1) основание для достижения дальнейшего соглашения и (2) как исходную позицию в рамках каждой из этих “всеобъемлющих доктрин” для убеждения ее приверженцев в

том, что эту общность следует признать выражением политической справедливости. Говоря метафорически, предложенная процедура скорее “горизонтальна”, чем “вертикальна”. Ролз называет ее процедурой “перекрывающегося консенсуса”» [8, с. 245]. Опять же ни в коем случае речь не идет о консенсусе, положенном в основу «республиканского учреждения» единого политического тела; полагается нерелевантным все, что «разделяет» или «препятствует» такому консенсусу: он полагается как *факт* (как *налично данное*: автономный индивид, политически представленный И. Кантом [32] как *гражданин*, есть в своей основе *субъект*, который существенно определяется М. Хайдеггером как «неспособный» выйти из «наличного»), обеспеченный, как и у Эльстера, институционально, т. е. существующими институтами государства. «Область исключения» и количество «исключенных» при этом *принципиального* значения не имеют и препятствием для рациональной дискуссии автономных индивидов не являются. Якобинская логика, а так же утверждение Руссо о том, что «врага» общей воли следует искать прежде всего в самом индивиде [23, с. 101-102] и поступать соответствующим образом, «сдерживается» только *уверенностью* в том, что «современный человек» не может быть «фундаменталистом», а если подобное еще встречается, то надлежит использовать власть государства для скорейшего «перевоспитания» и «модернизации» (на чем, собственно, настаивает и Ю. Хабермас); способы при этом, разумеется, следует использовать «самые гуманные» из возможных (основанием оптимизма снова выступает уверенность в самоценности «автономного индивида», наделенного «естественными», т. е. именно либеральными, правами, без указания на то, что даже «набор» «естественных прав» как «прав человека» как «высшей ценности» непрерывно *меняется*).

Наконец, Анкерсмит, выявляя область для компромисса, проницательно указывает на то, что сам «консенсус» (как мы показали в статье – «второй уровень») является не «данным», но исторически формирующимся, modus vivendi, как пишет Анкерсмит, т. е. результатом компромисса. В этом отношении компромисс предпочтительнее консенсуса потому, что он «динамичен», в то время как консенсус «статичен»; компромисс «креативен» и в случаях «непреодолимого разногласия» способен стать средством преодоления политического кризиса. Тем не менее Анкерсмит оговаривается, что «фундаментальные либеральные ценности» «конечно» не могут стать предметом компромисса: «Конечно, есть сферы, где щепетильность Ролза оправданна. От базовых политических принципов (толерантность, свобода мысли или гражданская свобода) никогда нельзя отказываться в обмен на экономические и финансовые выгоды. Вообще говоря, пока мы размышляем о признанных базовых правах гражданина, у нас действительно нет места для компромисса» [8, с. 249-250]. Он определяет «место» для компромисса так: «Компромисс является выходом из ситуации, когда «прежние политические позиции не смогли создать основу для политической кооперации» [8, с. 258], и требуется поиск новой позиции, причем ее новизна должна снять подозрение сторон в том, что в этой новой позиции фиксируется «победа» одной из сторон: «При достижении политического компромисса все стороны должны максимально вложить в свою финальную позицию то, что было минимальным в исходной позиции. Не стоит и говорить, что это не должно выглядеть предательством исходной позиции. Это было бы равносильно политическому самоубийству. Акцент делается на метаморфозе исходной позиции, а метаморфоза состоит в сочетании максимальной верности своей исходной позиции и ее максимальной трансформации. Возникает новый политический мир,

«диалектически» преодолевающий прежние позиции и оппозиции» [8, с. 258-259]. Определяя предмет компромисса, Анкерсмит полагает и даже уверен в том, что в «современном» государстве «обычно политические дебаты и процесс принятия решений затрагивают вопросы о том, куда следует инвестировать больше денежных средств: в образование или в национальную безопасность; сколько нужно инвестировать в инфраструктуру страны; как лучше бороться с преступностью: увеличить штат полиции или количество программ по социальной интеграции маргиналов (или сочетать обе стратегии); как реагировать на ущерб, причиняемый окружающей среде промышленностью и транспортными системами; наконец, ряд экономических вопросов: должно или нет государство стимулировать экономику, на каком этапе усовершенствование системы социального обеспечения становится контрпродуктивным, как лучше бороться с безработицей и так далее» [8, с. 250], т. е. никаким образом не относятся к «экзистенциальному вопросу» существования данного политического тела, который предполагается «решенным». Поскольку перечисленные Анкерсмитом «вопросы», разумеется, имеющие значение и являющиеся предметом разногласий между различными «политическими силами», имеют скорее «технический» характер, то он обоснованно утверждает невозможность и ненужность их обсуждения даже в терминах «прав», «как это делает Ролз»; традиция объясняет использование подобного «лексикона» («права человека» и их дедукция из каких-либо «общих утверждений» о природе человека, например, были обоснованы триста лет назад, в период «борьбы с абсолютизмом», но с тех пор ситуация изменилась), но в современном благоустроенном государстве прибегать к этой традиции представляется излишним.

Следует обратить внимание на еще одно существенное обстоятельство: все три представленные нами «идеально-типические» позиции – *последовательно редукционистские*: политика *как управление* и бесконечная рациональная дискуссия, в результате которой истина *не достигается*, но *организуется* предполагают *редукцию политического* в той степени, в какой требуется *политическое решение*. Эльстер «разрешает» политическое в эпистемологии, Ролз – не менее последователен и настойчив в этическом редукционизме политического, Анкерсмит считает необходимым интерпретацию политического через «эстетику». Дело в том, что как бы ни понимать «политическое»: как это делает Шмитт в «Понятии политического» [33] через экзистенциальную оппозицию «друг – враг», или как Агамбен, когда не соглашаясь со Шмиттом пишет: «Фундаментальной категориальной парой западной политики является не оппозиция друг / враг, а голая жизнь / политическое существование, ζοέ/bios, исключение / включение. Политика существует потому, что человек – живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [22, с. 15], – в любом случае, в самом «основании» усматривается «разрыв», природа которого (экзистенциальная) ни в каком случае не «перекрывается» рациональной дискуссией. Разумеется, «разрыв» конститутивен и для эпистемологии («субъект – объект», «преодолевается» который, например, в кантовском понятии субъективности, в «трансцедентальной способности воображения» [34], и для этики (противоположность «добро – зло» и кантовская же интерпретация, если «забыть» о том, что Кант написал о «сущем зле»), и для эстетики особенно, на что обращает внимание сам Анкерсмит (и то же: в «учении о перспективе», например, и о наблюдателе этот «разрыв» если не преодолевается, то примиряется в некотором «высшем един-

стве»; по аналогии с этим выстроена эстетическая политическая репрезентация и теория «организации истины» вместо истины в политике у Анкерсмита). Но посредством редукции «разрыв» изымается из собственно «политического», и только этим обеспечивается *последующая* возможность рациональной дискуссии; при этом само политическое растворяется в «несущести», но это ведь и есть «суть либерализма», как его понимал Шмитт.

Выводы

Таким образом, область «рациональной дискуссии» определена формально и содержательно; основным выводом здесь может стать утверждение о том, что в такой дискуссии нисколько даже не затрагиваются вопросы «экзистенциальные», которые, как мы постарались показать, только и определяют суть современного кризиса нации-государства; более того, рациональная дискуссия необходимо основывается на предположениях, действительность которых по меньшей мере сомнительна. Если даже имеется возможность «переопределить» кризис в «либеральных терминах», то эта возможность связана исключительно с «перспективой глобализации», которую мы исключили из нашего настоящего рассмотрения; но в этой перспективе речь уже не идет о сохранении нации-государства и его демократических институтов. «Вызов» предполагает «ответ», но в основе и того, и другого лежит *решение*, на которое либеральная мысль, определяемая в своей сущности как бесконечная дискуссия, если она последовательна, существенно же *не способна*.

Список литературы

1. Шмитт К. Политическая теология // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5-59.

2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.

3. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

4. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.

5. Habermas J. Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 1. 465 p.

6. Habermas J. Theory of Communicative Action. A Critique of Functionalist Reason. Boston: Beacon Press, 1987. Vol. 2. 463 p.

7. Rowls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 525 p.

8. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.

9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 456 с.

10. Алавердян А. Л., Мальцев К. Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24-31.

11. Калдор М. Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 416 с.

12. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 270 с.

13. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

15. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273-291.

16. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

17. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.

18. Манн М. Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 2, кн. 1. 503 с.

19. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алитейя, 1998. 305 с.

20. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

21. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. М.: Канон +, 2001. 400 с.

22. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.

23. Арендт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.

24. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 96 с.

25. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросветь, КДУ, 2006. 389 с.

26. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // Politbook. 2020. № 3. С. 80-97.

27. Шмитт К. Легальность и легитимность // Государство: Право и политика. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 221-306.

28. Шмитт К. Учение о конституции // Государство и политическая форма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 33-236.

29. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. 478 с.

30. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. Т. 4. 542 с.

31. Эльстер Ю. Кислый виноград: Исследование провалов рациональности. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.

32. Кант И. К вечному миру // Сочинения: 8 т. М.: Мысль, 1994. Т. 7. С. 5-57.

33. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280-408.

34. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. 168 с.

References

1. Schmitt C. Politicheskaya teologiya: chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty.]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 5-59.

2. Bauman Z. Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obshchestva [Globalization. Consequences for individuals and society]. Moscow, Ves Mir Publ., 2004. 188 p.

3. Ankersmit F. R. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic Politics. Political Philosophy Beyond Fact and Value]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2014. 432 p.

4. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma [The Historical and Spiritual State of Modern Parliamentarism]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 93-170.

5. Habermas J. Theory of Communicative Action. Boston, Beacon Press, 1984, vol. 1. 465 p.

6. Habermas J. Theory of Communicative Action. A Critique of Functionalist Reason. Boston, Beacon Press, 1987, vol. 2. 463 p.

7. Rowls J. Political Liberalism. New York, Columbia University Press, 1996. 525 p.

8. Ankersmit F. R. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2012. 288 p.

9. Heidegger M. Osnovnye problemy fenomenologii [Basic problems of phenomenology]. St. Petersburg, Higher Religious and Philosophical School Publ., 2001. 456 p.

10. Alaverdyan A. L., Mal'tsev K. G. "Grazhdanskaya natsiya" i suverennyi narod: issledovanie neobkhodimosti natsional'noi formy politicheskogo edinstva ["Civil nation" and a sovereign people: a study of the need for a national form of political unity]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Humanities and Socio-Economic Sciences*, 2020, no. 5 (114), pp. 24-31.

11. Kaldor M. Novye i starye voiny: Organizovannoe nasilie v global'nuyu epokhu [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2015. 416 p.

12. Smith A. D. Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma [Ethno-Symbolism and Nationalism: A Cultural Approach]. Moscow, Praksis Publ., 2004. 270 p.

13. Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moscow, Progress Publ., 1991. 320 p.

14. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, Kanon-Press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.

15. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Modernistskii i konstruktivistskii sposoby kontseptualizatsii natsii i natsionalizma: sopostavitel'nyi analiz [Modernist and Constructivist Ways of Conceptualizing Nation and Nationalism: Comparative Analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 3, pp. 273-291.

16. Brubaker R. Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2012. 408 p.

17. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Konstruktivistskaya paradigma v issledovanii natsii, natsionalizma, etnonatsional'nogo konflikta: nekotorye kriticheskie zamechaniya [Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2020, no. 8 (147), pp. 430-434.

18. Mann M. Istochniki sotsial'noi vlasti [Sources of Social Power]. Moscow, Case Publ., 2018, vol. 2, book 1. 1503 p.

19. Hobsbawm E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and Nationalism after 1780]. St. Petersburg, Aliteya Publ., 1998. 305 p.

20. Yak B. Natsionalizm i moral'naya psikhologiya soobshchestva [Nationalism and the moral psychology of the community]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2017. 520 p.

21. Hubner K. Natsiya: Ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation: From Oblivion to Rebirth]. Moscow, Kanon + Publ., 2001. 400 p.

22. Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 256 p.

23. Arendt H. O revolyutsii [On Revolution]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 464 p.

24. Baudrillard J. V teni molchalivogo bolshinstva, ili konets sotsialnogo [In the Shadow of the Silent Majorities, or the End of the Social]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2000. 96 p.

25. Baudrillard J. Symbolic exchange and death [Simvolicheskii obmen i smert']. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 389 p.

26. Lomako L. L., Mal'tsev K. G. Diskurs "antiterroristicheskoi voiny" i spravedlivaya, to est' total'naya, voina [Discourse of "anti-terrorist war" and just, that is, total, war]. *PolitBook*, 2020, no. 3, pp. 80-97.

27. Schmitt C. Legal'nost' i legitimnost' [Legality and legitimacy]. Gosudarstvo: Pravo i politika. [State: Law and Politics]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2013, pp. 221-306.

28. Schmitt C. Uchenie o konstitutsii [The Doctrine of the Constitution]. Gosudarstvo i politicheskaya forma [State and Political Form]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2010, pp. 33-236.

29. Hobbes T. Leviafan ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p.

30. Weber M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2019, vol. 4. 542 p.

31. Elster J. Kislyi vinograd: issledovanie provalov ratsional'nosti [Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality]. Moscow, Gaidar Institute for Economic Policy Publ., 2018. 296 p.

32. Kant I. K vechnomu miru [To the eternal peace]. Sochineniya [Works]. Moscow, Mysl Publ., 1994, vol. 7, pp. 5-57.

33. Schmitt C. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. Ponyatie politicheskogo [The Concept of the Political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280-408.

34. Heidegger M. Kant and the Problem of Metaphysics [Kant i problema metafiziki]. Moscow, Logos Publ., 1997. 168 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-313

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-209-218

CC BY 4.0

Каритативная инноватика: фандрайзинг и краудфандинг

И. А. Семенов[1] ✉

[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний
ул. Большая Нижегородская 67Е, г. Владимир 600020, Российская Федерация

✉ e-mail: iasemenov@list.ru

Резюме

Актуальность *исследования обусловлена тем, что процесс цифровизации интегрируется во всю совокупность отраслей народного хозяйства, непосредственно связанную с поддержанием должного уровня благосостояния населения. Диджитализации подвержена и благотворительность, в том числе каритативная деятельность. Автор рассматривает фандрайзинг и краудфандинг как инструменты цифровых социально преобразующих капиталовложений. Представлены элементы и механизм осуществления финансовых операций при благотворительном онлайн-пожертвовании, описан их функционал в симбиозе с web-сервисами.*

Цель *– выявить и структурировать существенные признаки инновационных форм каритативной деятельности – фандрайзинга и краудфандинга.*

Задачи*: раскрыть понятия «инновационные формы каритативной деятельности», «фандрайзинг» и «краудфандинг»; проанализировать алгоритм функционирования инновационных форм каритативной деятельности, а также спрогнозировать пути их дальнейшего развития в будущем.*

Методология. *Методологическая основа исследования базируется на онтологическом, социально-экономическом подходе, а также на иных подходах, обобщенных диалектическим методом, при исследовании инновационной области каритативной деятельности.*

Результаты. *В результате проведенной работы рассмотрена сущность, а также механизм реализации инновационных форм каритативной деятельности, выведена модель взаимодействия участников фандрайзинговых и краудфандинговых отношений. Представлен социально-философский аспект каритативной деятельности.*

Выводы*. Социально преобразующие капиталовложения – это важный элемент цифровизации благотворительной деятельности, который заметным образом выражается в форме фандрайзинга и краудфандинга. При успешной реализации инновационных форм каритативной деятельности и внедрении их в практику существенно повышается скорость решения финансовых задач, связанных со сбором средств, а также полнота охвата заинтересованной в каритаивной помощи аудитории.*

Ключевые слова: *фандрайзинг; краудфандинг; каритативная деятельность; цифровизация; волонтерство; экспресс-пожертвования; некоммерческие организации; экономическое донорство; социальное капиталовложение; социальная инициатива.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Семенов И. А. Каритативная инноватика: фандрайзинг и краудфандинг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 209–218. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-209-218.

Поступила в редакцию 28.11.2021 Принята к публикации 11.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Семенов И. А., 2022

Caritative Innovation: Fundraising and Crowdfunding

Ivan A. Semenov[1] ✉

[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
67E Bolshaya Nizhegorodskaya str., Vladimir 600020, Russian Federation

✉ e-mail: iasemenov@list.ru

Abstract

The relevance *of the study is due to the fact that the process of digitalization is integrated into the entire set of sectors of the national economy, which is directly related to maintaining the proper level of well-being of the population. Charity, including caritative activities, is also subject to digitalization. The author considers fundraising and crowdfunding as a tool for digital socially transformative investment. The elements and the mechanism of financial transactions for online charitable donation are presented, their functionality is described in symbiosis with web services.*

The purpose *is to identify and structure the essential features of innovative forms of caritative activity: fundraising and crowdfunding.*

Objectives: *to reveal the concepts: "innovative forms of caritative activity", "fundraising" and "crowdfunding"; to analyze the algorithm of functioning of innovative forms of caritative activity, as well as to predict the ways of their further development in the future.*

Methodology. *The methodological basis of the study is based on the ontological, socio-economic approach, as well as other and other approaches, generalized by the dialectical method, in the study of the innovative field of caritative activity.*

Result. *Result of the work carried out, the essence, as well as the mechanism for implementing innovative forms of caritative activity, is considered, a model of interaction between participants in fundraising and crowdfunding relations is derived. The socio-philosophical aspect of caritative activity is presented.*

Conclusions*. Socially transformative investment is an important element of the digitalization of philanthropy, which is prominently expressed in the form of fundraising and crowdfunding. With the successful implementation of innovative forms of caritative activity and their introduction into practice, the speed of solving financial problems related to fundraising, as well as the completeness of coverage of the audience interested in caritative assistance, significantly increases.*

Keywords*: fundraising; crowdfunding; caritative activity; digitalization; volunteering; express donations; non-profit organizations; economic donation; social investment; social initiative*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Semenov I. A. Caritative Innovation: Fundraising and Crowdfunding. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 209–218. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-209-218.

Received 28.11.2021 Accepted 11.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Социальная инициатива – должный элемент развивающегося общества, который не только выступает ценностно ориентационной моделью для молодежи, но и помогает в формировании качественной жизнеспособной социальной среды. В современных тенденциях развития научно-технического прогресса особое место уделяется совершенствованию компьютерных технологий, которые являются важным инструментом социальной инициативы и получают все более широкое распространение в жизни общества [1, с. 17]. Компьютерная индустрия касается каждого из нас, невозможно представить жизнь современного человека вне системы информационных ресурсов и компьютерных технологий. Социально-благотворительная отрасль страны,

наравне с иными экономическими секторами, стремится к унификации своей деятельности, в т. ч. посредствам использования передовых средств коммуникации и web-маркетинга.

Материалы и методы

В статье применяется анализ периодических изданий, а также синтез авторского материала. Кроме того, даются ссылки на авторитетные источники и библиографию.

Результаты и их обсуждение

Тенденцию к информатизации поддерживает институт каритативной деятельности. Каритативная деятельность в общем смысле представляет собой социальное взаимодействие, духовное служение, акты милосердия, благотворительность [2, с. 28]. Наиболее очевидно, что информатизация отображается в системе краудфандинга и фандрайзинга.

Краудфандинг относят к социальным инновациям, инструментам для решения социально значимых задач, социального предпринимательства, социальной ответственности граждан [3, с. 56]. Краудфандинг (от англ. – финансирование группой) – вид альтернативного инвестирования, который осуществляется группой лиц посредствам капиталовложения в благотворительные проекты, используя преимущественно инвестиционные платформы, которые расположены в сети Интернет. Именно инвестиционные платформы имеют колоссальную значимость с позиции массовости, продуктивности и оперативности решения финансового вопроса.

Краудфандинг, также именуемый народным финансированием, – это прежде всего акт благотворительности, имеющий признаки юридических правоотношений. Формат краудфандинга для России относительно новый, и его размер значительно меньше, чем в других странах [4, с. 58]. Существенным условием возникновения и функционирования подобного рода отношений являются: цель финансирования, бюджет проекта, сроки реализации. При этом краудфандинговые отношения могут быть оформлены юридически, в виде агентского договора, договора дарения, договора передачи права собственности и т. д., при этом при желании сторон краудфандинговых отношений может быть составлен приемопередаточный акт.

Механизм работы краудфандинга является эффективным и простым [5, с. 44]. Взаимодействие в данном институте строится по следующей схеме (рис.1).

Рис. 1. Модель взаимодействия участников краудфандинговых отношений

Краутфандинговые площадки представляют собой web-страницу, web-сайт или web-сервер, которые обеспечивают многоуровневую коммуникацию между реципиентом и донором. Под реципиентом подразумевается физическое или юридическое лицо, требующее финансовой помощи, для реализации социально

значимого проекта или конкретной каритативной помощи. Донорами (так называемыми жертвователями) являются лица, которые направляют капиталовложения на развитие конкретной социальной программы или социального проекта.

В качестве гаранта чистоты, открытости и стабильности сделки выступает краудфандинговый сервис, который за свои услуги может взымать плату, конкретную услугу или процент от пожертвованных средств. Данный сервис распространяет свои услуги, чаще всего посредством краудфандинговых платформ – web-сайтов, предназначенных для упорядоченного размещения проектов, а также их продуктивного графического оформления в сети Интернет. Внимательное рассмотрение вопросов развития краудфандинговых платформ позволяет сделать вывод о том, что их использование с каждым годом осуществляется на разном фундаменте и в новых сферах [6, с. 1668].

Важным аспектом развития IT-благотворительности стало внедрение в социальные сети («Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники») функции «экспресс-пожертвования», т. е. добровольное, безвозмездное капиталовложение на развитие определенной идеи или проекта, преимущественно в социальной сети. Для участника подобного рода отношений реципиент должен отвечать ряду требований:

– во-первых, необходимо наличие документов, подтверждающих личность нуждающегося, или документов, подтверждающих личность ответственного за сбор средств;

– во-вторых, медицинские/ветеринарные документы для подтверждения диагноза и назначение от врача/ветеринара, если цель сборов – лечение;

– в-третьих, финансовые документы, которые подтверждают заявленную к сбору средств сумму (реквизиты);

– в-четвертых, соблюдать требования интернет-ресурса (социальной сети) по ведению финансовой отчетности и приходно-расходных операций.

Концепция подобного рода пожертвований формируется по следующей схеме (рис. 2).

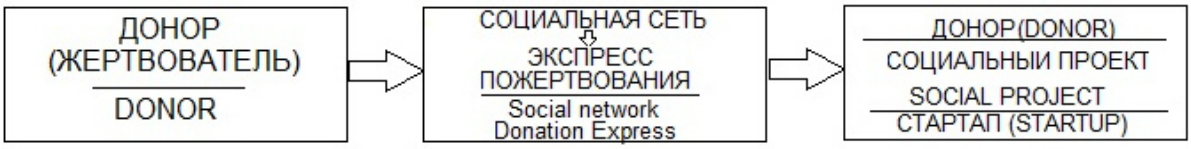

Рис. 2. Модель взаимодействия участников экспресс-пожертвований в социальных сетях

В данном случае краудфандинговой платформой выступает сама социальная сеть. Важно, что социальные сети позволяют самостоятельно генерировать повестку, проецировать свои намерения, цели и личные инициативы [7, с. 25].

Донорские пожертвования, функционирующие в краудфандинговом обороте, могут быть двух видов:

1. Безвозмездные (благотворительные) – в данных отношениях отсутствует материальная выгода для донора, он не вправе запросить дивиденды или иного рода преференции, все безвозмездные пожертвования исключают цель – улучшение материального положения дарителя. Благотворительный краудфандинг может предполагать получение нематериальных выгод. Отметим, что для данного вида краудфандинговых отношений не характерно получение дивидендов и иных отчислений с последующего развития проекта, а все авторские и смежные права неукоснительно остаются у реципиента.

2. Инвестиционные – жертвователь вправе попросить определенную денежную сумму, поступившую с реализации проекта, либо ту или иную услугу в рам-

ках проектной деятельности реципиента. В данный перечень входят также условия передачи приобретенной реципиентом выгоды, доля в активе управления организацией и т. д. При этом данные обязательства реципиента имеют срочный характер, т. е. исполняются в строго установленный срок. Подвидом инвестиционных краудфандинговых отношений выступают долговые и долевые виды донорства:

– долговой – согласно мировой статистике абсолютно преобладает по размеру собираемых средств [8, с. 301]. Иногда относится к виду пассивного дохода, суть которого заключается в инвестиционном пожертвовании, которое осуществляется посредствам приобретения облигаций либо участия в предоставлении кредитов, когда оператор платформы выступает кредитором проекта от лица пользователей;

– долевой – донор, жертвуя на развитие проекта или компании реципиента, сам становится дольщиком в будущей фирме. Данный вид краудфандинговых отношений чаще всего реализуется в сфере недвижимости, инвестор является акционером определенной собственности, и его доля пропорциональна сумме, которую он вложил. Ключевая особенность долевого краудфандинга – отсутствие верхнего порога получения выгоды донором. Заметим, что в настоящие время функционирование долевого краудфандинга подвергается критики органов государственной власти. Так, Государственная дума предлагает внести ряд изменений в долевое инвестирование: во-первых, ограничить объем денежных средств, поступающих с донорского финансирования физическими лицами; во-вторых, планируется ввести запрет на долевой краудфандинг «полезной» недвижимости (обогащенных недр, участков земли с полезными ископаемыми и т. д.) [9].

Соблюдая существенные условия проекта, важной особенностью краудфандинговых отношений является договоренность, что в случае нарушения одного или нескольких принципиальных условий проект возвращается в предстартовое состояние. Иными словами, если необходимая сумма не была собрана, реципиент возвращает донорам все пожертвования и начинает проектную деятельность сначала.

Текущая государственная политика направлена на поддержание социально-полезной инициативы как со стороны граждан, так и со стороны организаций [10, с. 432]. Вместе с тем инновационные формы каритативной деятельности, в частности краудфандинг, породили новую юридическую категорию, именуемую утилитарными цифровыми правами. Утилитарные цифровые права предполагают триединство прав: владения, пользования и распоряжения собственностью на территории информационного пространства. Важно, что Закон о привлечении инвестиций [11] не раскрывает понятие цифровых прав и обстоятельства их возникновения в полном объеме; отметим, что обозначенные в законе обязательственные и иные права, их содержание и условия осуществления регулируются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [12, с. 48]. Кроме того, закон вводит понятия «квалифицированного» и «неквалифицированного» инвестора. Квалифицированный инвестор – это специально обученный субъект, продолжительно занимающийся инвестиционной деятельностью, имеющий опыт практического применения знаний о краудфандинговой деятельности. Неквалифицированный инвестор –

это человек, самостоятельно занимающийся инвестированием через краудфандинговые платформы, при этом инвестирование может не являться его основным видом деятельности. Получается, в законе говорится не об информационных правах, а исключительно об информации [13, с. 80].

Мотивы осуществления каритативной деятельности донорами могут быть разнообразны, обобщённо их можно представить в следующем виде:

– «легкое инвестирование», исполнение материальных пожертвований через краудфандинговых платформу не требует дополнительных знаний и умений, однако влечет увеличение акционерного портфеля дарителя, за счет чего достигается выгода от отчисления реципиентом прибыли;

– «потребность участия», психологическая потребность донора быть причастным к благотворительной деятельности, проявление внимания к ощущению себя в качестве социально-активного элемента; также данную стезю мотивации связывают с проявлением альтруизма;

– предоставление фирмам доступа к выгодным реальным опционам, так называемая «награда» за пожертвование [14, с. 418]. Награда может выражаться в материальной и нематериальной выгоде, части товаров или выполнении услуг.

Возникновение, развитие и функционирование института фандрайзинга связано с именем П. Д. Холла – американского историка, теоретика проблемы осуществления некоммерческой благотворительной деятельности. Автор определял фандрайзинг как способ социального взаимодействия в американском обществе, связанный с привлечением финансирования [15, с. 32]. Кроме того, Питер Холл в своих трудах определил этику благотворительных движений и задал вектор развития коммуникации с донорами, в т. ч. посредствам интернет-коммуникаций [16, с. 64].

Иными словами, фандрайзинг представляет собой целенаправленный сбор средств на социально-полезные, некоммерческие цели. Система фандрайзинга строится на следующей модели:

а) формирование потребительской потребности;

б) поиск потенциального донора (жертвователя);

в) работа с донором/истребование пожертвований;

г) направление собранных пожертвований реципиенту (просящему).

Источником финансирования социально-полезной инициативы могут быть:

а) представители бизнеса;

б) государство посредствам реализации субсидий и грантов;

в) некоммерческие организации и благотворительные фонды через гранты и партнёрские программы. Стоит отметить, что пожертвования в пользу благотворительных фондов во многих случаях совершаются спонтанно, единоразово [17, с. 508], поэтому данный источник финансирования не может расцениваться как основной;

г) отдельные индивиды посредствам мероприятий и ярмарок по целевому сбору средств, а также частных пожертвований.

Каритативная инноватика в большей степени выражается в благотворительном онлайн-фандрайзинге. Способы данного выражения весьма разнообразны, наиболее популярные предстают в виде:

1) интернет-сайтов компаний, где размещается просьба о сборе средств на благотворительные нужды;

2) публичных страниц в социальных сетях (выполняют туже функцию, что собственные интернет-сайты);

3) электронных рассылках с просьбой сделать пожертвование. Исследование общемировых трендов использования

некоммерческими организациями различных информационных технологий показывает, что 63% НКО регулярно рассылают донорам электронные письма [18, с. 67] с просьбой сделать пожертвования или внести благотворительные членские взносы.

Структурировав систему финансирования, чаще всего применяемую в онлайн-фандрайзинге, можно вывести три вида пожертвований:

1) пожертвование произвольной суммы. Донор может внести любую сумму на счет реципиента, в определенном диапазоне или вне диапазона денежных средств;

2) пожертвование суммы определенного размера. Реципиент указывает «рекомендуемую» к зачислению сумму, обычно кратную «десяти»: 10 рублей, 100 рублей и т. д.;

3) оформление подписки. Донор соглашается на регулярные платежи в пользу реципиента с указанием систематической суммы сумы зачисления или без указания такой суммы.

С позиции продуктивности финансирования долгосрочного онлайн-проекта наиболее выгодным для реципиента является оформление донором подписки на длительный срок. Во-первых, это обеспечивает регулярный приток денежных средств, во-вторых, показывает заинтересованность жертвователя в развитии проекта, в-третьих, долгосрочное инвестирование помогает в планировании и реализации дальнейшего сотрудничества с уже найденными спонсорами, что является ключевым положением для развития благотворительного проекта, постоянного увеличения партнеров и площадок по привлечению финансовых ресурсов [19, с. 54].

Законодательное регулирование фандрайзинговой деятельности в нашей стране аналогично с краудфандинговой. На сегодняшний день не существует специализированной современной общедоступной информационной системы, которая могла бы обобщать, сопоставлять и анализировать как российские, так и международные нормативно-правовые документы [20, с. 165]. Именно поэтому данный вопрос может стать отдельной темой научного исследования.

Выводы

Констатируем, что современные каритативные отношения, в частности краудфандинговая и фандрайзинговая благотворительность, подвержены всесторонней информатизации, которая, несомненно, может положительно сказаться на динамику развития социально-благотворительной отрасли. Этот обусловлено, прежде всего, скоростью распространения информации, представленной реципиентом, о решении финансовых задач, связанных со сбором средств, а также полнотой охвата заинтересованной в помощи аудитории (доноров). Проблемным остается вопрос законодательного регулирования данной отрасли, так как ни национальное, ни зарубежное законодательств не обладает специально-отраслевыми нормами, регулирующими данный вид социально-экономических отношений.

Список литературы

1. Ягудин А. Н. Уголовная ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

2. Семенов И. А. Философский и религиоведческий аспект каритативной деятельности (на материалах Владимирской области) // Право и общество. 2020. № 1(29). С. 28-29.

3. Волчкевич Т. Я., Скуратович А. Л. Краудсорсинг как социальная инновация // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-2 (19). С. 55–59.

4. Иконников Д. А., Покаместов И. Е. Краудфандинг в России: вызовы и перспективы // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 3. С. 58-64.

5. Заговеньева А. А., Хамидуллина Э. М., Шеметова Н. К. Краудфандинг как современный инструмент финансирования проектов // Молодежь и наука. 2020. № 5. С. 44.

6. Сироткин А. С. Диджитализация и краудфинансы: особенности и перспектива в сфере финансовых технологий // Вопросы инновационной экономики 2019. Т. 9, № 4. С. 1661-1676.

7. Крайнова Н. В., Агурова А. А. Интернет-благотворительность в России: условия, формы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 1(25). С. 18-27.

8. Мотовилов О. В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. № 2. С. 298–316.

9. Госдума предложит запретить краудфандинг для долевого строительства. URL: https://www.rbc.ru/finances/31/05/2019/5cefaa2b9a794725fd8ee547 (дата обращения: 10.10.2021).

10. Семенов И. А. Религиозный аспект каритативной деятельности на примере Владимирской области // Научные труды КубГТУ. 2020. № 3. С. 432-436.

11. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ: [ред. от 31.07.2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31, ст. 4418.

12. Янковский Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 43–77.

13. Казаченок О. П. Привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинг): направления развития правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 8(72). С. 74-85.

14. Joe M. Ricks. Motives, Timing, and Targets of Corporate Philanthropy: A Tripartite Classification Scheme of Charitable Giving // Business and Society Review. 2013. N 9. P. 413–436.

15. Dobkin H. P. A Historical Overview of Philanthropy, Voluntary Associations, and Nonprofit Organizations in the United States, 1600-2000. The Non-Profit Sector / ed. by Walter W. Powell and Richard Steinberg. Yale University Press, 2006. P. 32-65.

16. Dobkin H. P. Question of Empowerment: Information Technology and Civic Engagement in New Haven, Connecticut // Nonprofits and Technology: Emerging Research for Usable Knowledge / ed. by Michael Cortés and Kevin Rafter. Lyceum Books, 2007. P. 64-68.

17. Петренко В. С. Эконометрическое моделирование сборов фандрайзингового благотворительного фонда «Русфонд» в системе социально-экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4, № 2. С. 505-518.

18. Корнеева И. Е. Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 58-81.

19. Косов М. Е. Отечественная практика применения фандрайзинга как метода финансирования некоммерческих организаций // Аудиторские ведомости. 2019. № 4. С. 42-54.

20. Гуренко М. А. Влияние информационных технологий на развитие фандрайзинга // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2019. № 3(22). С. 164-167.

References

1. Yagudin A. N. Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil ekspluatacii sredstv hraneniya, obrabotki ili peredachi komp'yuternoj informacii i informacionno-telekommunikacionnyh setej. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Criminal liability for violation of the rules of operation of means of storage, pro-

cessing or transmission of computer information and information and telecommunications networks. Cand. jurid. sci. abstract diss.]. Moscow, 2013. 27 p.

2. Semenov I. A. Filosofskij i religiovedcheskij aspekt karitativnoj deyatel'nosti (na materialah Vladimirskoj oblasti) [Philosophical and religious aspect of caritative activity (based on the materials of the Vladimir region)]. *Pravo i obshchestvo = Law and Society*, 2020, no. 1(29), pp. 28-29.

3. Volchkevich T. Ya., Skuratovich A. L. Kraudsorsing kak social'naya innovaciya [Crowdsourcing as a social innovation]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire = Current Scientific Research in the Modern World*, 2016, no. 11-2 (19), pp. 55-59.

4. Ikonnikov D. A., Pokamestov I. E. Kraudfanding v Rossii: vyzovy i perspektivy [Crowdfunding in Russia: challenges and prospects]. *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva = Issues of Sustainable Development of Society*, 2021, no. 3, pp. 58-64.

5. Zagovenyeva A. A., Khamidullina N. K. Kraudfanding kak sovremennyj instrument finansirovaniya proektov [Crowdfunding as a modern tool for project financing]. *Molodezh' i nauka = Youth and Science*, 2020, no. 5, p. 44.

6. Sirotkin A. S. Didzhitalizaciya i kraudfinansy: osobennosti i perspektiva v sfere finansovyh tekhnologij [Digitalization and crowdfunding: features and prospects in the field of financial technologies]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economy*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1661-1676.

7. Krainova N. V., Agurova A. A. Internet-blagotvoritel'nost' v Rossii: usloviya, formy i praktiki [Internet charity in Russia: conditions, forms and practices]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniia = Social and Humanitarian Knowledge*, 2021, vol. 7, no. 1(25), pp. 18-27.

8. Motovilov O. V. Fenomen kraudfandinga: issledovanie osobennostej [The phenomenon of crowdfunding: a study of the features]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Saint Petersburg University Economy*, 2018, no, 2, pp. 298-316.

9. Gosduma predlozhit zapretit' kraudfanding dlya dolevogo stroitel'stva [The State Duma will propose to ban crowdfunding for shared-equity construction]. Available at: https://www.rbc.ru/finances/31/05/2019/5cefaa2b9a794725fd8ee547. (accessed 10.10.2021)

10. Semenov I. A. Religioznyj aspekt karitativnoj deyatel'nosti, na primere Vladimirskoj oblasti [The religious aspect of caritative activity, on the example of the Vladimir region]. *Nauchnye trudy KubGTU = Scientific works of KubSTU*, 2020, no. 3, pp. 432-436.

11. O privlechenii investitsii s ispol'zovaniem investitsionnykh platform i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii [On attracting investments using investment platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. Federal Law of August 02, 2019 № 259-FZ (as amended of July 31, 2020). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 31, article 4418.

12. Yankovsky R. M. Kriptovalyuty v rossijskom prave: surrogaty, "inoe imushchestvo" i cifrovye den'gi [Cryptocurrencies in Russian law: surrogates, "other property" and digital money]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 43-77.

13. Kazachenok O. P. Privlechenie investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform (kraudfanding): napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya [Attracting investments using investment platforms (crowdfunding): directions of development of legal regulation]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MSLA)*, 2020, no. 8(72), pp. 74-85.

14. Joe M. Ricks. Motives, terms and goals of corporate charity: A three-sided scheme of classification of charitable donations. *Review of Business and Society*, 2013, no. 9, pp. 413-436.

15. Dobkin H. P. A Historical Survey of Philanthropy, Voluntary Associations, and Nonprofit Organizations in the United States, 1600-2000. The Nonprofit Sector; ed. by Walter W. Powell and Richard Steinberg. Yale University Press, 2006, pp. 32-65.

16. Dobkin H. P. The issue of Empowerment: Information Technology and Civic Engagement in New Haven, Connecticut. Non-profit organizations and technologies: New research in the field of useful Knowledge; ed. by Michael Cortez and Kevin Rafter. Lyceum Books, 2007, pp. 64-68.

17. Petrenko V. S. Ekonometricheskoe modelirovanie sborov fandrajzingovogo blagotvoritel'nogo fonda "Rusfond" v sisteme social'no-ekonomicheskoj bezopasnosti [Econometric modeling of fundraising

charity Fund "Rusfond" fees in the system of socio-economic security]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic Security*, 2021, vol. 4, no. 2, pp. 505-518.

18. Korneeva I. E. Onlajn-fandrajzing v rossijskih NKO: masshtaby i vliyayushchie faktory [Online fundraising in Russian NGOs: the scale and influencing factors]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5(153), pp. 58-81.

19. Kosov M. E. Otechestvennaya praktika primeneniya fandraizinga kak metoda finansirovaniya nekommercheskikh organizatsii [Domestic practice of using fundraising as a method of financing non-profit organizations]. *Auditorskie vedomosti = Audit Statements*, 2019, no. 4, pp. 42-54.

20. Gurenko M. A. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na razvitie fandraizinga [The influence of information technologies on the development of fundraising]. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya ekonomiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt = Actual Problems and Prospects of Economic Development: Russian and Foreign Experience*, 2019, no. 3(22), pp. 164-167.

Информация об авторе / Information about the Author

Семенов Иван Александрович, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: iasemenov@list.ru,
ORCID: 0000-0002-0888-642X

Ivan A. Semenov, Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: iasemenov@list.ru,
ORCID: 0000-0002-0888-642X

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-219-231

CC BY 4.0

Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (II): создание сценического образа

Т. А. Синицына[1] ✉

[1] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский просп. 27, корп. 4, г. Москва 119234, Российская Федерация

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В данной работе мы продолжаем разрабатывать круг проблем, поднятых в первой статье, где показано, что* ***онтологический статус художественного образа складывается из его «вещности», знаково-символической и метафизической составляющей. Актуальными проблемами для теории и философии театра являются разработка и обоснование процессов синтеза воображения и телесности актера на практике при воплощении сценического образа.***

Цель *– на основе философско-методологического анализа театральной практики показать, что воплощение сценического образа в театральном действе возможно лишь при условии совместной предельной концентрации восприятия как актера, так и зрителя.*

Задачи: *на основе различных театральных концепций и идей квантово-синергетической антропологии рассмотреть становление сценического образа на практике; выявить взаимосвязь онтологического статуса этого образа с проблемой единства сознания и тела; выявить особенности зрительского восприятия игры и уникальные характеристики театральной практики как практики постнеклассической.*

Методология. *В процессе работы над исследованием использовались: историко-философский подход к проблемам восприятия и соотношения телесности и сознания; философская рефлексия; герменевтический метод; методология обобщенной телесности в квантово-синергетической антропологии.*

Результаты. *Введено понятие творческого порыва театрального действа как интерпретация концепции творческого порыва А. Бергсона в театральной практике. В результате исследования установлено, что полнота восприятия сценического образа преимущественно зависит от целостности состояний обобщенной телесности актера в актах «творческого порыва» театрального действа.*

Выводы. *Театральная постановка дает зрителю значительно меньшее пространство для свободы интерпретации (по сравнению с другими, несценическими видами искусства) в процессе захваченности общим действом, хотя, безусловно, не лишает его этой свободы полностью. Таким образом, онтологический статус сценического образа представляет собой целостность процессов обобщенной телесности актера и зрительского восприятия.*

Ключевые слова: *художественный образ; театральное действо; восприятие; проблема сознания и тела; эстетический перспективизм; жизненный порыв; обобщенная телесность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Благодарности*: Хочу поблагодарить за плодотворное обсуждение В. Г. Буданова, Ф. И. Гиренка, В. М. Розина, а также участников семинара «Психология и практика искусства», проводимого кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.*

© Синицына Т. А., 2022

Для цитирования: Синицына Т. А. Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (II): создание сценического образа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 219–231. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-219-231.

Поступила в редакцию 01.12.2021 Принята к публикации 16.01.2022 Опубликована 28.02.2022

The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of Acting (II): Creation of a Stage Image

Tamara A. Sinitsyna[1] ✉

[1] Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovsky ave., building 4, Moscow 119234, Russian Federation

✉ e-mail: famari.more@gmail.com

Abstract

Relevance. *In this work we continue to develop the range of problems raised in the first article, which shows that the ontological status of an artistic image is made up of its "materiality", sign-symbolic and metaphysical components. An urgent problem for the theory and philosophy of the theater is the development and substantiation of the processes of synthesis of the imagination and physicality of the actor in practice, in the embodiment of the stage image.*

The purpose *is on the basis of the philosophical and methodological analysis of theatrical practice we are going to show that the embodiment of a stage image in a theatrical performance is possible only under the condition of a joint maximum concentration of perception, both by the actor and the spectator.*

Objectives: *on the basis of various theatrical concepts and ideas of quantum-synergetic anthropology we plan to consider the formation of a stage image in practice; to reveal the relationship of the ontological status of this image with the problem of the unity of consciousness and body; to identify the features of the audience's perception of the game and the unique characteristics of theatrical practice as a post-non-classical practice.*

Methodology. *Historical and philosophical approach to the problems of perception and the correlation of corporality and consciousness; philosophical reflection, hermeneutical method, methodology of generalized corporeality in quantum-synergetic anthropology.*

Results. *The concept of a creative impulse of a theatrical action is introduced as an interpretation of the concept of A. Bergson's creative impulse in theatrical practice. As a result of the study, it was found that the completeness of the perception of the stage image mainly depends on the integrity of the states of the actor's generalized corporeality in the acts of the "creative impulse" of the theatrical action.*

Conclusions. *The theatrical production gives the viewer much less space for interpretation (compared to other non-stage art forms) in the process of being captured by the general action, although, of course, it does not completely deprive him of this freedom. The ontological status of the stage image represents the integrity of the processes of the generalized corporality of the actor and the audience's perception.*

Keywords: *artistic image; theatrical action; perception; the mind-body problem; aesthetic perspectivism; vital impulse; generalized corporeality.*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

Acknowledgements: *I would like to thank V. G. Budanov, F. I. Girenka, V. M. Rozin for the fruitful discussion, as well as the participants of the seminar "Psychology and Practice of Art" held by the Department of Personality Psychology of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University.*

For citation: Sinitsyna T. A. The Ontological Status of an Artistic Image on the Example of Acting (II): Creation of a Stage Image. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 219–231. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-219-231.

Received 01.12.2021 Accepted 16.01.2022 Published 28.02.2022

Введение

В первой части данного исследования мы провели анализ проблемы восприятия с целью определить, в чем заключается особенность восприятия художественного образа. Для этого мы обращались к философским трудам У. Джеймса, М. Хайдеггера, Ф. Гиренка, а также к опыту различных театральных школ XX в. Как и в первой статье, мы продолжаем линию параллельных интерпретаций театральных традиций на языке квантово-синергетической антропологии В. Г. Буданова, представленных в цикле работ [1; 2]. В первой части нашего исследования выяснилось [3], что искомый онтологический статус художественного образа складывается из его «вещности», знаково-символической и метафизической составляющих, а целостность восприятия художественного образа также предполагает единство его физической и воображаемой составляющих. В творческом процессе художник не ограничивается материальным воплощением образа, одновременно он концентрируется «внутренним взором» на своем замысле. Вслед за ним этот «путь» проходит в своем восприятии и зритель. Аналогично, невозможно творить или наблюдать лишь «идею» картины, минуя ее восприятие как физический объект. Также в предыдущей части исследования мы выявили связь проблемы взаимосвязи тела и сознания с восприятием художественного образа, что продемонстрировали на примерах создания сценического образа, предполагающего в процессе театрального действа синтез материального и воображаемого, как у актера, так и у самого зрителя. Важнейшим положением, на которое мы будем опираться и в данной работе, стало различение театрального *действа* как метафизического, мистериального явления от театрального *действия* как явления позитивистского. Используя полученные результаты, в данной статье мы покажем, каким образом осуществляется синтез сознания (воображения) и тела актера при воплощении сценического образа. Направлению сегодняшней научной и философской мысли также не чуждо утверждение о том, что тело может быть умным или эмоциональным, а сознание тесно связано с физиологическими аспектами личности. Важнейшим современным направлением становится теория воплощенного познания (embodied cognition), предлагающая рассматривать разум в тесном сопряжении с физическим телом человека [4; 5; 6]. Мы же в данной статье будем опираться на концепции философии жизни XX в. и идеи классиков театрального искусства.

Материалы и методы

В процессе дальнейшего исследования мы будем использовать: историко-философский подход к проблемам восприятия и соотношения материи и сознания; философскую рефлексию; герменевтический метод; методологию обобщенной телесности в квантово-синергетической антропологии.

Результаты и их обсуждение

Восприятие образа в философии У. Джеймса

Прежде чем говорить о создании сценического образа, вернемся к концепции американского философа и психолога У. Джеймса, описанной в его работе «Существует ли сознание?» [7]. Здесь автор утверждает, что любой объект нашего мира, в т. ч. и художественный образ, существует *на пересечении двух плоскостей одного общего опыта* (материальной и воображаемой). Джеймс ставит краеугольный вопрос: как может один и тот же объект одновременно существовать и в реальности, и в мыслях, и в восприятии человека? И отвечает, что это возможно, так как он существует *в точке пересечения* двух различных плоскостей одного общего опыта. Философ формулирует свой тезис таким образом: «Если

допустить существование в мире одного только первоначального вещества или материала, вещества, объемлющего собою все, и если назвать это вещество “чистым опытом”, то легко объяснить процесс познания (knowing) как особый вид взаимоотношения, в который входят различные части чистого опыта. Само это отношение представляет собою часть чистого опыта; один “член” его становится субъектом или носителем познания, другой – становится познанным объектом» [7, с. 360]. Джеймс пишет о том, что опыт не обладает внутренней двойственностью: сознание и содержание сознания. «Единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего, душевного состояния, тогда как в другом контексте та же единая часть опыта будет играть роль познанной вещи, объективного “содержания”. Одним словом, в одном сочетании он фигурирует как мысль, в другом – как вещь» [7, с. 362]. Для того чтобы объяснить процесс восприятия, Джеймс приводит достаточно простой пример. Мы можем взять для восприятия любой объект, не обязательно художественный, допустим, комнату, в которой мы находимся. Джеймс пишет, что данный объект, комната, находится на месте пересечения двух плоскостей. Он как бы одной своей стороной находится во внешнем пространстве, а другой – в сознании человека (что мы называем мысленным образом). Следовательно, восприятие комнаты одновременно входит в два разных процесса: «Один из них заключается в личной биографии читателя, другой – в истории дома, в котором находится комната» [7, с. 363]. Иными словами, автор говорит о двух различных контекстах единого опыта восприятия объекта: его внутреннем описании в сознании человека (ассоциациях, воспоминаниях, интерпретация и др.) и его внешнем описании как части онтологии внешней реальности. Тем самым процесс восприятия сближает физическую и ментальную реальность, и в точке их столкновения (образе) наблюдается своего рода единство опыта тела (познающего внешний контекст образа) и сознания (способного считывать и понимать внутренний контекст). Между тем в концепции Джеймса не существует принципиальной разницы между восприятием образов, которыми наполнена повседневная жизнь, и художественными образами искусства.

А. Бергсон. Материя и память

Представитель философии жизни А. Бергсон в своей работе «Материя и память» [8, с. 596] также пишет о подобном совмещении двух различных плоскостей одного общего опыта: «Принимая мозговое состояние как начало действия, а совсем не как условие восприятия, мы поставили вне образа нашего тела воспринятые образы вещей; стало быть, мы переместили восприятие в самые вещи. Но тогда, если восприятие наше составляет часть вещей, вещи причастны природе нашего восприятия» [8, с. 596]. Следует особенно отметить, что сама точка пересечения двух плоскостей единого опыта для Бергсона является гораздо более значимой, чем для Джеймса. Согласно Бергсону, мы можем сказать, что образ, в особенности художественный, не просто существует, но и создается, творится именно в этой точке пересечения. Здесь происходит его рождение. Следовательно, для того чтобы по-настоящему полно воспринимать образ, человек должен усилием воли и концентрации попадать в эту точку соединения, в это особое «измерение». Если у Джеймса пересечение линий опыта происходит «на плоскости», то в онтологии А. Бергсона возникает дополнительное требование, чтобы такое пересечение произошло, необходима высшая интенсивность проживания [8, с. 638]. Восприятие образа становится «объемным», образ как бы расширяется изнутри в зависимости от интенсивности, творческой силы воспринимающей воли. Дух и материя, по Бергсону, должны

быть соединены, они словно стремятся к этому. «В конкретное восприятие вступает память, и субъективность чувственных качеств зависит от того, что наше сознание, которое в начале только память, продолжает одни в другие множество моментов, чтоб сократить их в единой интуиции. Сознание и материя, душа и тело приходят, таким образом, в соприкосновение в восприятии» [8, с. 639]. Но такое полное соединение возможно лишь при условии высшей интенсивности опыта, если же опыт обычен, то они вновь распадаются. Российский исследователь философии Бергсона И. И. Блауберг в своей монографии, посвященной французскому философу, также подчеркивает в его концепции эту взаимосвязь восприятия с материальными объектами: «Материи, в отличие от памяти, свойственно скорее актуальное существование: в нашем восприятии материя предстает как почти мгновенный срез непрерывности становления, делаемый сознанием» [9, с. 204].

Под высшей интенсивностью опыта в нашем исследовании можно подразумевать и восприятие художественного образа субъектом. Для Бергсона образ – это изначально некоторое единство, обреченное на разрушение при ослаблении интенсивности восприятия. Получается, что зритель сам несет ответственность за степень того качества, в котором ему откроется художественный образ. Большой ошибкой, по мнению философа, будет, если рассматривать распавшиеся части как существующие сами по себе, отдельно друг от друга объекты материальной и духовной сферы. Они в любом случае соединены, но степень их соединения может быть слабой, практически нулевой или, напротив, высокой. Степень соединения очень вариативна, она усиливается или ослабевает за счет усиления или ослабления интенсивности восприятия. Ключевым моментом является то, что это не движение от материи к духу, а лишь повышение интенсивности проживания опыта одного и того же целостного мира. Бергсон критикует общепринятое понимание материи как делимое и количественное, а состояние души как качественное и неэкстенсивное (существующее лишь в сфере душевной жизни, не соприкасающееся с физической реальностью). Взамен он предлагает совершенно новый взгляд на соотношение материи и сознания: «Если эти два постулата заключают в себе общую ошибку; если есть постепенный переход от идеи к образу и от образа к ощущению; если по мере того как душевное состояние двигается таким путем к актуальности, т. е. к действию, оно все более приближается к экстенсивности; если, наконец, эта экстенсивность, раз достигнутая, остается неделимой и тем ничуть не нарушает единства души, то становится понятным, что дух может приложиться к материи в акте чистого восприятия, следовательно, соединяться с нею, и все-таки радикально от нее отличаться. Он отличается от нее тем, что даже тогда он есть память, т. е. синтез прошлого и настоящего в виду будущего, тем, что он сдвигает моменты этой материи, чтобы пользоваться ею и проявляться в действиях, в чем настоящая цель его соединения с телом» [8, с. 639].

Исходя из всего вышесказанного мы видим, что образ не может быть какой-то онтологически неизменной данностью. Образ постоянно видоизменяется в самой своей сути. Эти изменения находятся в прямой зависимости от изменения «фокуса» внимания у наблюдающего: когда «резкость» наведена, то образ один, а если восприятие расфокусировано, то человек вдруг видит совсем другое, объект меняется качественно. Используя терминологию А. Бергсона, мы можем сказать, что при наивысшей интенсивности «жизненного порыва» зритель наблюдает один объект, а при ослаблении – как бы совсем другой. Жизненный порыв (elan vital) становится более или менее интенсивным в результате усилий воспринимающего, – это концентрация или расконцентрация его «духовной энергии» [10].

Далее для наших задач мы будем использовать философские концепции А. Бергсона в проекции на театральную проблематику. Уникальность театральной практики заключается в том, что здесь степень интенсивности проживания, ее так называемая «резкость», контролируется в первую очередь не зрителем, а самим актером в процессе театрального действа. Актер настраивает свой фокус внимания, объединяющий в его восприятии собственные тело и сознание, и концентрирует (в терминологии Бергсона) свою духовную энергию [10]. Зритель же, можно сказать, «наблюдает за наблюдателем» и фокусирует свое восприятие на погруженности актера в игровое творчество, наполненное внутренними образами. Для того чтобы показать практическое становление художественного образа в процессе работы актера над сценическим образом, нам необходимо учитывать такую особенную двойственность процесса восприятия в театральной практике (восприятие зрителя и восприятие творящего актера).

Согласно Бергсону, жизненный или творческий порыв лежит в основе зарождения мира и появления человека, он является как бы первичным импульсом к образованию всего окружающего. Мы намеренно будем говорить о творческом порыве не как о общем жизненном принципе, а как о его конкретном проявлении именно в творчестве, в театральной практике. Для этого проведем некоторую параллель между «жизненным порывом» Бергсона и театральным действом. Посмотрим на театральное действо как на сильнейшую концентрацию «духовной энергии», которая объемлет собой в едином потоке как материю, так и сознание. В рамках междисциплинарного дискурса конференции «Одушевленный ландшафт» мы представили пространство театрального действа как «сложный ландшафт, складывающийся из внешних и внутренних составляющих, сплетения множества субъективных ландшафтов актера и зрителя» [11, с. 148-151]. Творческий порыв театрального действа «пронизывает собой как внешние объекты сцены, так и внутреннее сознание актеров, “активируя” как наличное в реальности, так и метафизическое. Исчезает зазор между реальным пространством сцены и представлениями о нем у актера и зрителя» [11, с. 154]. Ландшафты сознания и воображения объединяются с ландшафтами материальными, наличными, возникает единое пространство, общее для всех субъектов восприятия. При максимальной интенсивности театрального действа «сознание и материя, воображаемое и реальное объединяются и образуют собой новую реальность. После ослабления этого творческого порыва они вновь распадаются на отдельные составляющие» [11, с. 154]. С описываемой философом интенсивностью опыта в театральном действе также связано объединение, сборка воедино тела и сознания каждого актера. В нашей терминологии [1; 2] это означает, что полностью активируются все аспекты комплексной обобщенной телесности. На языке А. Бергсона, мы можем сказать, что при наивысшей интенсивности «жизненного порыва» зритель наблюдает на сцене целостность природы актера, его подлинную органичность. По аналогии с жизненным порывом, являющимся основой существования мира и жизни человека, основой подлинности театрального искусства является описываемый нами феномен театрального действа. Являясь пределом интенсивности проживания, театральное действо «не просто достигает правды жизни, но и преображает ее, создавая собственную, не менее яркую действительность» [11, с. 154].

Ф. Ницше. Эстетический перспективизм

Описываемый выше синтез материального и сознательного в процессе создания художественного образа и его восприятия предполагает наивысшую интенсивность проживания, которая, со-

гласно Бергсону, имеет место в жизненном порыве, аналогом которого, как показано нами, является театральное действо. Описываемый синтез может проявляться по-разному, с разной степенью сплоченности материи и сознания: от их абсолютной целостности до предельно слабой соединенности, что зависит от степени интенсивности восприятия. Для анализа данного процесса и последовательного представления различных его стадий мы предлагаем воспользоваться методом перспективизма Ф. Ницше, который философ разрабатывал в своей работе «Воля к власти» [12]. Необходимость создания данного метода была отчасти вызвана его недовольством кантовскими взглядами на природу вещей. Ницше отрицает существование «вещи в себе», критикует то положение кантовской философии, согласно которому все вещи и явления окружающей нас действительности объективны как общезначимые для всех. А если «вещей в себе» не существует, то, следовательно, не существует и никакой «сущности вещи». Ницше категорично заявляет: «Сущность вещи есть только мнение о “вещи”. То, что она “имеет значение”, и есть, собственно, “ее существование”, единственное “содержание” утверждения “это есть”» [12, с. 315]. Он склонен считать, что все вещи всецело обязаны своим существованием деятельности «представляющего, мыслящего, волеизъявляющего, ощущающего индивида» [12, с. 315]. А это значит, что само понятие «вещи» со всеми ее свойствами является иллюзорным, не имеющим никакого смысла. Ницше говорит, что сущность есть нечто перспективное, и предполагает множественность, а не единичность. Под перспективностью он подразумевает различное качество и различную степень восприятия объекта. «В основе лежит всегда вопрос “что это для меня?” (для нас, для всего живущего и т. д.)» [12, с. 314]. Для Ницше по-настоящему существенна лишь «интерпретация» вещи субъектом. От того утверждения, что вещи имеют некоторые свойства или качества «в себе» этот философ радикальным жестом отказывается. Кажущийся объективный характер вещей он предлагает свести к «разнице степеней в пределах субъективного» [12, с. 316]. Эти различные степени и являются «ступенями» в его методе перспективизма. «Наше “познавание” ограничивается тем, что констатирует количества; но мы ничем не можем воспрепятствовать тому, что эти разности количеств ощущаются как качества. Качество есть перспективная истина для нас, но не есть нечто “в себе”» [12, с. 317]. Данный метод Ницше предлагает использовать в том случае, если нам необходимо в процессе «познавания» иметь дело с качественными характеристиками объекта, а не с количественными. Именно качество является «перспективной истиной». В том случае нам поможет перспективизм, если мы хотим перейти от «познавания», которое относится к области, «в которой можно взвешивать, измерять» к ощущению непосредственной ценности нашей жизни – к ее качеству. Ницше призывает нас обратить свое внимание на то, что ощущения, которые предполагались обусловленными внешним миром, скорее обусловлены внутренним миром каждого человека в перспективе его восприятия.

В некотором смысле здесь можно говорить о своеобразной интерпретации концепции Ницше, развиваемой в идеях функционального подхода квантово-синергетической антропологии В. Г. Буданова [13; 14]. В разработанной Будановым концепции предложено рассматривать функциональные тела человека: физическое, энергетическое, эмоциональное, логическое, креативное, эмпатическое, волевое и т. д. По своей логике они также открываются последовательно, в процессе наблюдения, исследования объекта. По мнению Ницше, данный подход можно назвать функциональным перспективизмом. Однако для наших задач

будет удобно ввести спецефическое представление, называемое нами «эстетический перспективизм», который связан с последовательными этапами эстетического восприятия объекта. Эстетическое восприятие во многом сродни функциональному, однако здесь особенно подчеркивается эстетический аспект наблюдения.

Данный метод поможет нам описать различные уровни восприятия человеком художественного образа, располагая их в порядке от более обыденных к более существенным. Предположим, что мы смотрим на скульптуру «Мыслитель» О. Родена:

1. Первым уровнем для нас будет так называемый уровень восприятия объекта (художественного образа) как вещи, предмета. На данном уровне мы видим произведение искусства как физический объект. Мы видим, что он обладает определенными параметрами: высотой, шириной, объемом, занимает определенное местоположение в пространстве. Мы смотрим на великую скульптуру, но, в сущности, на этом уровне она для нас не отличается от любого другого предмета из нашего окружения – стола, стула, камня. Мы видим ее, скорее всего, как камень, который обладает такой-то формой.

2. Вторым уровнем будет восприятие данной скульптуры, уже как объекта эстетического. Мы начинаем смотреть на фигуру из камня как на творение, которое имеет какую-то идею и значение. По большому счету это наделение смыслом, но так как нашим объектом является произведение искусства, то смысл будет, прежде всего, как раз эстетическим. Мы уже смотрим не на каменную глыбу, а на скульптуру – человека, высеченного из камня. Мы, глядя на него, начинаем все больше и больше наделять его различными эстетическими значениями: что эта скульптура выражает, что «переживает» этот человек из камня, красиво ли это или безобразно и т. д. Мы вдруг видим целый комплекс различных эстетических ценностей, который был нам недоступен, когда мы воспринимали скульптуру лишь как предмет. Теперь мы видим объект, собственно, как скульптуру, а не как камень. Основное поле работы и «сфера жизни» искусства – эта вторая установка, пространство смыслов и душевных переживаний. В эту сферу искусство поднимает человека от его обыденности, эту сферу оно возделывает, облагораживает, одухотворяет. Однако, на наш взгляд, высшая цель искусства – поднять человека еще выше, на третью установку.

3. На данном уровне эстетического перспективизма объект воспринимается нами уже как целостный «образ». Собственно, на этом уровне объект и становится художественным «образом». Зритель как бы анимирует объект и начинает воспринимать его так, как он задумывался художником, хотя и с учетом своей индивидуальной зрительской оптики. Если обратиться к нашему примеру со скульптурой Родена, то на этом уровне мы видим как бы саму ее суть. Все прежде сокрытые от нас подробности и внутренние движения замысла этой скульптуры вдруг становятся очевидными. Мы видим не просто позу мыслителя, а само художественное значение именно этой позы «ожившего» человека из камня. Мы вдруг осознаем, что до этого видели лишь мертвые очертания, а теперь видим образ во всей полноте его «жизни».

4. Четвертым и последним уровнем описываемого метода является уровень восприятия чистого творчества. Данный уровень, как мы можем прочесть у Бергсона [10], может также быть назван областью священного.

Следует отметить, что в философской традиции существуют и другие формы структурирования процесса эстетического восприятия. Например, В. М. Розин, описывая феномен драматургической временности художественного восприятия живописного произведения, не ограничивается лишь одной художественной реальностью, а выделяет в нем несколько

сложно организованных психических реальностей этой картины: «Лица людей, их взгляды – это одна психическая реальность (точнее, события этой реальности), движения, поведение и общение людей – уже другая реальность, их одежда третья, пейзаж и обстановка – четвертая, то, что происходит в целом пятая, цветовая и световая организация предметов и событий в пространстве – шестая, группировки и взаимное расположение персонажей и предметов – седьмая и т. д.» [15, с. 79]. Как отмечает Розин, глаз эстетически воспитанного человека «не может скакать как попало в этом поле психических реальностей. Он совершает сложное движение от более значимых реальностей и событий к менее значимым, от одних событий внутри реальности к другим, от художественно выделенных событий (цвета, тона, формы, фактуры, композиции, драматургии и т. д.) к событиям обычным, просто обозначенным в картине» [15, с. 79].

Восприятие сценического образа

Мы полагаем, что предложенный метод эстетического перспективизма может стать весьма хорошим инструментом и для анализа процесса создания сценического образа в актерской работе:

1. На первом уровне мы воспринимаем только физическое тело актера, особенности его внешности (рост, телосложение), пластику (движения и статику). Данный уровень описывает актера подобно первым двум телам (соматическому, энергетическому и реакционному) в разрабатываемой нами совместно с В. Г. Будановым функциональной онтологии обобщенной телесности в применении к театральной практике [1].

2. На втором уровне эстетического перспективизма мы видим личность актера со всем богатством его телесной, эмоциональной, интеллектуальной сферы, т. е. всю полноту обобщенной телесности. Глядя на проявления его личности, мы получаем эстетические впечатления, у нас возникает какое-то эмоциональное отношение к тому, как эта личность проявляется на сцене. Мы можем восхищаться этими проявлениями или, напротив, выражать неприязнь. Тем не менее все, что делает актер, мы воспринимаем уже эстетически как объект искусства. В концепции обобщенной телесности этому уровню будут соответствовать, пожалуй, тела эмоции (4), логики (5), интуиции (6).

3. Третьим и важнейшим уровнем станет восприятие сценического образа, который играется актером. Здесь мы видим уже не просто личность самого актера, а наблюдаем воплощаемого им персонажа со всеми характерными чертами, наше восприятие, благодаря выразительности его игры, постепенно «пробивается» к первоначальному образу, заложенному автором в драматургическом произведении. Данный процесс хорошо описан в исследованиях работы актера над драматическим текстом П. Бруком: «Слово не начинается, как слово, — это конечный результат импульса, который возникает из нашего отношения к жизни, из нашего поведения и, раз возникнув, требует выражения. Этот процесс совершается сначала в душе драматурга, а затем повторяется в душе актера… Некоторые драматурги пытаются добиться воплощения своего замысла и своих намерений с помощью ремарок и разъяснений, но наиболее талантливые драматурги редко прибегают к дополнительным объяснениям. Они понимают, что единственная возможность найти верный путь к произнесению слова — это воссоздать первоначальный творческий процесс» [16, с. 41]. Здесь мы видим, как заложенный драматургом образ раскрывается для актера, но в соответствии с этим же принципом осуществляется и восприятие образа зрителем в процессе наблюдения актерской игры. На наш взгляд, это становится возможным благодаря предъявляемому способу синтеза сознания и тела. Конечно же, очень сложно разделить личность актера и играемого им персо-

нажа, более того, для зрителя, который пришел получить эстетическое впечатление от спектакля, это будет неправильно. Но в нашей работе для полноценного анализа базовых принципов бытия и существования художественного образа данный уровень позволяет отследить тот самый момент перевоплощения, который и является подлинной целью актерской игры. Стоит отметить, что для театра игрового [17], в котором в отличие от театра психологического не ставятся задачи перевоплощения, мы тем не менее будем наблюдать на третьем уровне эстетического перспективизма особенное творческое проявление личности актера, в терминологии М. Чехова – проявление его «высшего “я”» [18, с. 268]. В обобщенной телесности актера перечисленные свойства проявлены через взаимодействие 6-го тела когерентности (эмпатии) со зрительным залом.

4. На третьем и последнем уровне чистого творчества, священного по Бергсону, реализуется предлагаемый нами феномен театрального действа. Здесь предъявляется все то «несказанное и нереченное», существующее между актером и зрителем, переживаемое как некое совместное мистериальное действо. На предлагаемом нами языке квантово-синергетической антропологии здесь задействуются трасперсональные тела (интуиции, эмпатии и воли), которые плохо поддаются вербальному описанию.

Конечно, в процессе восприятия зрителем сценического образа все описанные уровни, как правило, проявлены сразу, но для анализа и понимания онтологического статуса сценического образа нам было важно проследить именно их последовательную манифестацию.

Становление сценического образа на практике

Чтобы продолжить говорить об онтологическом статусе сценического образа, необходимо уточнить, что театральная практика является постнеклассической практикой, в терминологии В. С. Степина [19]. Как мы уже писали в работе [2], постнеклассические практики творчества разделяются на два типа по их отношению к реальному времени. К первому типу относятся живопись, скульптура, литературное творчество. Творческий процесс в таких практиках связан исключительно с внутренним временем, к реальному потоку времени он относится лишь опосредованно. «Художник может отложить кисть, а поэт перо, и потом вернуться к работе, когда “муза вновь посетит его”» [2]. Театр и другие исполнительские виды искусства относятся ко второму типу постнеклассических практик, которые мы называем *овремененными практиками.* Здесь «внутреннее время творца органично соединено с потоком внешнего времени, доступного для переживания и понимания зрителю» [2]. Следовательно, восприятие зрителем сценического образа происходит в настоящем времени, «здесь и сейчас». Жизненный порыв театрального действа предполагает содействие двух компонентов – восприятия зрителя и творческого порыва восприятия самого играющего актера.

Наконец, для определения искомого онтологического статуса сценического образа необходимо сделать важнейшее для исполнительских искусств (к которым относится театр) уточнение. В данном исследовании мы описываем, что художественный образ возникает в результате соединения души и тела, ментального и материального, в восприятии творца или зрителя. Театральная практика для нас особенно интересна тем, что здесь акт восприятия творца (актера) направлен не во вне, а захватывает его самого. Актер является *одновременно* и творцом, и собственным «инструментом» творчества. В этой уникальной ситуации исполнитель создает сценический образ посредством самого себя (своей внутренней психоментальной сферы и своей внешней телесности). Тем самым соединение тела

и сознания происходит непосредственно в самом человеке. Пересечение двух плоскостей – мыслей и вещей – и рождение художественного образа в данной точке пересечения происходят как бы в «границах» одного человека, его тела и его души. В неисполнительском искусстве живописи или скульптуры именно зритель объединяет в своем восприятии тело (материю) и сознание (образы в воображении), выстраивая в этом восприятии структуру образа, предложенную художником или автором скульптуры. Хотя, конечно, это восприятие всегда личностное, с определенной долей свободы интерпретации. В театре, а точнее, в театральном действе, актер (как художник) в присутствии зрителя *самостоятельно* объединяет собственное тело и собственное сознание. Зритель не может этого полностью представить, предугадать и структурировать, он может только наблюдать в реальном времени, что обусловливает его включенность в непосредственный процесс театрального действа и даже частичное подчинение ему. Зритель оказывается захваченным этим процессом, однако мы по-прежнему не отказываем ему в свободе реакций и интерпретаций. Ведь свобода интерпретации наблюдателя зависит от его культурных и личностных установок.

Безусловно, в театре образы также отчасти «одушевляются» зрителем и тем самым «зависят» от описываемого нами личностного восприятия. Но, именно в театре хорошо демонстрируется, что самобытность, сила и убедительность сценического образа, которые «поведут» за собой восприятие зрителей, в первую очередь заключаются *в соединении тела и души актера* в момент театрального действа. В этом сложном синтезе наблюдателя и целостно проявленной природы актера на сцене заключается *онтологический статус сценического образа* как разновидности образа художественного. Такая захваченность обусловливается тем, что в постнеклассической практике театра актер и зритель существуют в едином реальном времени в отличие от изобразительного искусства или литературного творчества, где, например, живописец и его зритель будут существовать в разном времени. Именно поэтому в театре и прочих исполнительских практиках вариативность свободы восприятия художественного (сценического) образа значительно меньше, чем в других практиках, «относящихся к потоку реального времени опосредованно», как мы ранее писали.

Выводы

Для наилучшего понимания процесса становления сценического образа мы предлагаем использовать методологию структурно-функционального подхода квантово-синергетической антропологии обобщенной телесности в приложении к актерскому творчеству [1]. Данный подход помогает преодолеть привычную дихотомию души и тела, дифференцируя человеческую природу не на две (душа/тело) и не на три (дух/душа/тело) части, а на семь основных функциональных тел, а для описания восприятия актерской игры зрителем уже двенадцать. В этих взаимопроникающих друг в друга функциональных телах мы можем узнать элементы телесности, душевного строя человека и его духовные миры. Конструктивизм этих онтологий, как мы надеемся, поможет провести более детальный и плодотворный анализ онтологического статуса сценического образа, который, как мы показали в данном исследовании, зависит от синтеза целостной природы актера и зрительского восприятия в момент театрального действа.

Список литературы

1. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: От антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. 2020. № 7. С. 13–28.

2. Буданов В. Г., Синицына Т. А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности (II): Постнеклассика, темпоральность, рефлексия театральной игры // Культура и искусство. 2020. № 10. С. 49–66.

3. Синицына Т. А. Онтологический статус художественного образа на примере актерской работы (I): проблема восприятия, синтез сознания и тела // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021, Т. 11, № 6. С. 290-299.

4. Фаликман М. В. Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 31–37.

5. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge: The MIT Press, 1991. 308 p.

6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic books, 1999. 640 p.

7. Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. 431 с.

8. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.

9. Блауберг И. И. Анри Бергсон. М.: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.

10. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 399 с.

11. Одушевленный ландшафт / А. С. Белорусц, С. В. Березин, В. А. Петровский [и др.]. СПб.: Алетейя, 2021. 254 с.

12. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.

13. Буданов В. Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология // Телесность как эпистемологический феномен / под ред. И. А. Бесковой. М.: ИФ РАН, 2009. С. 55-70.

14. Аршинов В. И., Буданов В. Г., Квантово-сложностная парадигма. Междисциплинарный контекст. Курск: Университетская книга, 2015. 136 с.

15. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. 6-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 272 с.

16. Брук П. Пустое пространство. М.: Прогресс, 1976. 239 с.

17. Буткевич М. М. К игровому театру. М.: Российская академия театрального искусства ГИТИС, 2010. 703 с.

18. Чехов М. А. Литературное наследие: в 2 т. М.: Искусство, 1986. 559 с.

19. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.

References

1. Budanov V. G., Sinicyna T. A. Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti: Ot antropologii teatra k ochelovechivaniyu iskusstvennogo intellekta, problema granic [Quantum-synergetic ontology of generalized physicality: From the anthropology of theater to the humanization of artificial intelligence, the problem of borders]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 7, pp. 13–28.

2. Budanov V. G., Sinicyna T. A. Kvantovo-sinergeticheskaya ontologiya obobshchennoj telesnosti (II): Postneklassika, temporal'nost', refleksiya teatral'noj igry [Quantum-synergetic ontology of generalized physicality (II): Postnonclassics, temporality, reflection of theatrical play]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 10, pp. 49 - 66.

3. Sinitsyna T. A. Ontologicheskii status khudozhestvennogo obraza na primere akterskoi raboty (I): problema vospriyatiya, sintez soznaniya i tela [The ontological status of an artistic image on the example of acting (I): the problem perception, synthesis of consciousness and body]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudar-*

stvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 290-299.

4. Falikman M. V. Kognitivnaya nauka v XXI veke: organizm, socium, kul'tura [Cognitive science in the XXI century: organism, society, culture]. *Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna" = Psychological Journal of the International University of Nature, Society and Man "Dubna"*, 2012, no. 3, pp. 31–37.

5. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, The MIT Press, 1991. 308 p.

6. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York, Basic books, 1999. 640 p.

7. Dzhejms U. Volya k vere [The Will to Faith]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 431 p.

8. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat' [Creative evolution. Matter and memory]. Minsk, Harvest Publ., 1999. 1408 p.

9. Blauberg I. I. Anri Bergson [Henri Bergson]. Moscow, Progress-tradiciya Publ., 2003. 672 p.

10. Bergson A. Izbrannoe: Soznanie i zhizn' [Favorites: Consciousness and life]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya enciklopediya Publ., 2010. 399 p.

11. Belorusts A. S., Berezin S. V., Petrovsky V. A., eds. Odushevlennyj landshaft [Animated landscape]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2021. 254 p.

12. Nicshe F. Volya k vlasti. Opyt pereocenki vsekh cennostej [The will to power. The experience of revaluation of all values]. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2005. 880 p.

13. Budanov V. G. Kak vozmozhna kvantovo-sinergeticheskaya antropologiya [How quantum-synergetic anthropology is possible]. Telesnost' kak epistemologicheskij fenomen [Physicality as an epistemological phenomenon]; ed. by I. A. Beskova. Moscow, IF RAN Publ., 2009, pp. 55-70.

14. Arshinov V. I., Budanov V. G., Kvantovo-slozhnostnaya paradigma. Mezhdisciplinarnyj kontekst [Quantum complexity paradigm. Interdisciplinary context]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2015. 136 p.

15. Rozin V. M. Vizual'naya kul'tura i vospriyatie: Kak chelovek vidit i ponimaet mir [Visual culture and perception: How a person sees and understands the world]. 6th ed. Moscow, LENAND Publ., 2016. 272 p.

16. Bruk P. Pustoe prostranstvo [Empty space]. Moscow, Progress Publ., 1976. 239 p.

17. Butkevich M. M. K igrovomu teatru [To the game theater]. Moscow, Rossijskaya akademiya teatral'nogo iskusstva GITIS Publ., 2010. 703 p.

18. Chekhov M. A. Literaturnoe nasledie [Literary heritage]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 559 p.

19. Stepin V. S. Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow, Higher School Publ., 1992. 191 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Синицына Тамара Андреевна, соискатель кафедры философской антропологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: famari.more@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-7573-6755

Tamara A. Sinitsyna, Applicant of the Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: famari.more@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7573-6755

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-232-243

CC BY 4.0

Экологическая техносфера как базовый контекст становления социотехнического ландшафта

В. А. Белкина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Бурное развитие техносферы сыграло огромную роль в качественном изменении многочисленных процессов во всех сферах общественной жизни человека. Эволюция современной антропотехносферы, включая в себя формирование новейших технологий, обусловила возникновение социотехнического ландшафта (СТЛ). СТЛ, являясь системой репрезентаций различных явлений экологической техносферы, вызывает онтологические проблемы, но в то же самое время предоставляет значительные возможности для человечества. Все это обусловливает необходимость определения перспектив экологизации техносферы, а также основных трендов влияния моделей СТЛ на современное общество, человека и окружающую среду.*

Цель *– проведение философского анализа экологической техносферы как базового контекста становления социотехнического ландшафта (СТЛ).*

Задачи*: определить сущность понятия «экологическая техносфера» в его взаимосвязи с новой социокультурной моделью образа жизни человеческой цивилизации; рассмотреть конструкт СТЛ в качестве экспликации экологической техносферы и антропоэкологической системы в целом; проследить становление СТЛ сквозь призму промышленных революций; описать Индустрию 4.0 как результат интеграции и комбинирования эффектов множественных технологий; выявить основные перспективы дальнейшего взаимодействия техносферы и экосферы.*

Методология. *Для обоснования концепции антропологической взаимодополняемости, предполагающей тот факт, что человеческая деятельность включает в себя одновременное подчинение природе и контроль над ней, был проведен анализ процессов и механизмов, которые лежат в основе становления СТЛ как экспликации экологической техносферы.*

Результаты. *В представленной рукописи приводятся результаты проведенного философского анализа конструкта СТЛ как экспликации экологической техносферы и антропоэкологической системы в целом. В ходе данного исследования было рассмотрено становление СТЛ сквозь призму промышленных революций, а также выявлены основные перспективы дальнейшего взаимодействия техносферы и экосферы.*

Вывод. *Проведение междисциплинарного анализа роли техносферы как предопределяющего фактора становления всех прочих технических систем является актуальной и значимой проблемой. Необходимо комплексное исследование экологической техносферы как базового контекста становления СТЛ в связи с тем, что именно она создала предпосылки к появлению искусственного интеллекта и конвергентных технологий, которые в настоящее время определяют глобальные экономические, культурные, социальные и производственные тенденции.*

Ключевые слова: *экологическая техносфера; социотехнический ландшафт; технология; трансформация; техногенез; промышленная революция; цифровизация.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Финансирование: *Статья выполнена в рамках реализации проекта «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений» (грант РНФ № 19-18-00504).*

© Белкина В. А., 2022

Для цитирования: Белкина В. А. Экологическая техносфера как базовый контекст становления социотехнического ландшафта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 232–243. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-232-243.

Поступила в редакцию 18.12.2021 Принята к публикации 21.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Ecological Technosphere as the Basic Context of the Formation of the Sociotechnical Landscape

Viktoria A. Belkina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Abstract

Relevance. *The rapid development of the technosphere has played a huge role in the qualitative change of numerous processes in all spheres of human social life. The evolution of the modern anthropo-techno sphere, including the formation of the latest technologies, has led to the emergence of the sociotechnical landscape (STL). STL, being a system of representation of various phenomena of the ecological technosphere, at the same time causes various problems and provides significant opportunities for humanity. All this makes it necessary to determine the prospects for the greening of the technosphere, as well as the main trends in the influence of STL models on modern society, man and the environment.*

The purpose *is conducting a philosophical analysis of the ecological technosphere as the basic context of the formation of the sociotechnical landscape (STL).*

Objectives: *to define the essence of the concept of "ecological technosphere" in its relationship with the new socio-cultural model of the lifestyle of human civilization; consider the TABLE construct as an explication of the ecological technosphere and the anthropoecological system as a whole; to trace the formation of STL through the prism of industrial revolutions; describe Industry 4.0 as a result of the integration and combination of the effects of multiple technologies; to identify the main prospects for further interaction between the technosphere and the ecosphere.*

Methodology. *To substantiate the concept of anthropological complementarity, assuming the fact that human activity includes simultaneous subordination to nature and control over it, an analysis of the processes and mechanisms that underlie the formation of STL as an explication of the ecological technosphere was carried out.*

Results. *The presented manuscript presents the results of the philosophical analysis of the STEEL construct as an explication of the ecological technosphere and the anthropoecological system as a whole. In the course of this study, the formation of STL was considered through the prism of industrial revolutions, and the main prospects for further interaction between the technosphere and the ecosphere were identified.*

Conclusions. *Conducting an interdisciplinary analysis of the role of the technosphere as a determining factor in the development and formation of all other technical systems and products is an urgent and significant problem. A comprehensive study of the ecological technosphere as the basic context of the formation of STL is necessary, due to the fact that it created the prerequisites for the emergence of artificial intelligence and convergent technologies, which currently determine global economic, cultural, social and industrial trends.*

Keywords: *ecological technosphere; sociotechnical landscape; technology; transformation; technogenesis; industrial revolution; digitalization.*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

Funding: *The article was carried out within the framework of the project "Sociotechnical landscapes of digital reality: ontological matrices, ethical and axiological regulations, roadmaps and information support for management decisions" (grant of the Russian Academy of Sciences No. 19-18-00504).*

For citation: Belkina V. A. Ecological technosphere as the basic context of the formation of the sociotechnical landscape. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 232–243. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-232-243.

Received 18.12.2021 Accepted 21.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

По мере перехода от стихийного к осознанному характеру общественного прогресса все более значимым становится исследование антропологических проблем воздействия различных эффектов техносферы на человека и окружающую среду. Возникновение техносферы явилось закономерным следствием появления, использования и осмысления ее главного составляющего компонента – техники [1]. Утверждается, что техника – это часть живого и активного целого, которое одновременно является человеческим, технологическим, социальным и духовным. Она является некой конфигурацией, воплощающей ожидания человечества, удовлетворяющей его потребности и структурирующей дальнейшее его развитие. В различных сферах жизнедеятельности человека концентрируются многочисленные проблемы, возникающие в связи с повсеместным распространением техники и технологий и нарастающим влиянием техносферы: взаимоотношения технических и социальных факторов, социотехнические перспективы инновационных процессов, перестройка экономической системы, изменение технологического уклада, сценарии развития новейших технологий и др. Наиболее важной проблемой является проведение междисциплинарного анализа роли техносферы как предопределяющего фактора развития и формирования всех прочих технических систем и изделий, а также технических знаний и наук.

Техносфера – закономерный результат преобразования естественной среды с помощью антропогенной и технической деятельности, а ее феномен и значение с точки зрения влияния на человеческое общество и самого человека неоднозначны [2]. Она представляется венцом развития техники, победой технического начала над началом органическим и вступает в антагонистические отношения с экосферой. Экосфера – это экологическая сфера, система, включающая живые организмы и окружающую их среду, с которой они взаимодействуют [3]. Экосфера подразумевает взаимосвязь всех живых организмов с окружающей средой и представляет среду обитания для них.

Экологическая техносфера трактуется как определяющий этап в процессе построения новой социально-культурной модели образа жизни человеческой цивилизации, в рамках которой противоположно направленные силы устойчивости и изменчивости способствуют эволюции системы «техника – человек – природа», социоприродному взаимоотношению [4]. В данном контексте важным является тот факт, что современный человек XXI в. проводит большую часть своего времени в окружении искусственно сконструированных средств, различной техники и технологий, таких как сотовые телефоны, компьютеры, различные гаджеты, которые создают для него особую среду обитания – техносферу. Поэтому ключевой вопрос здесь заключается в том, не стала ли уже техносфера естественной средой обитания для современного человека? Именно сегодня отношение людей к окружающей среде становится еще более актуальной проблемой. Следует помнить, что природная среда и вся экосфера в целом подвержены человеческой деятельности и зависят от нее, в то время как техническая среда/техносфера отражает намерения, присутствующие в процессе создания техники и технологий, которые не должны быть противоречивыми по отношению к природной среде. По

нашему мнению, они могут стать неотъемлемой частью окружающей среды в целом, без разделения на естественную и искусственную/искусственную среду. В связи с этим основная сложность заключается в определении роли техники в процессе создания техносферы, являющейся благоприятной как для самой экосферы, так и для всего человечества. Триединство техносферы с природной и социокультурной средой становится основой анализа как позитивных, так и негативных явлений, происходящих по вине техногенеза, осмысление которых позволит определить возможные сценарии антропологического перехода.

Существует потребность в разработке показателей, отражающих основные проблемы и перспективы взаимодействия техносферы и экосферы в контексте неправильной адаптации физических отношений общественного развития с природой. Данные показатели должны способствовать разработке механизмов контроля, необходимых для того, чтобы социум смог переориентироваться на концепцию устойчивого развития, гармонизировать свои взаимоотношения с природной средой и стать на путь экологизации техносферы. Важной характеристикой таких показателей является то, что они должны быть сосредоточены на частях, расположенных на ранних этапах причинно-следственной цепочки. Это подразумевает решение глобальных, сложных или диффузных проблем, связанных с взаимодействием техносферы и экосферы.

Образующим звеном экологической техносферы является процесс соотношения техносферы и экосферы, значимую роль в котором в настоящее время играет цифровая среда [5]. Изменения, происходящие вследствие цифровизации, вносят существенные корректировки в традиционные социокультурные институты общественной жизни. Вследствие расширения границ техносферы и нарастающей цифровизации человечество оказалось втянутым в спираль экологического, социального и культурного разрушения, материальных и духовных лишений [6]. Технологии в XXI в. характеризуются сочетанием реального физического мира технических объектов с виртуальным цифровым миром информации и коммуникации. Практически во всех областях общественной жизни существует широкий спектр различных практик, подверженных цифровым изменениям. Быстрое внедрение цифровых технологий в жизнь общества преобразовало отношения человека с окружающей средой, с другими членами социума и с самим собой. В результате этого индивидуальное, социальное и экологическое благополучие населения теперь тесно переплетено с состоянием информационной среды и цифровых технологий [7].

Эволюция информационного общества и цифровизация практически всех сфер общественной жизни привела к возникновению новой сущности – социотехнического ландшафта (СТЛ). Обобщенно СТЛ представляется в виде некоторой структурно-онтологической матрицы SL, определяемой декартовым произведением множеств социальных практик SP и цифровых технологий их реализующих (DT SL=SPxDT) [8]. По нашему мнению, СТЛ может рассматриваться как экспликация экологической техносферы и антропоэкологической системы в целом, основанной на принципе взаимосвязи между тремя подсистемами: экосферы, техносферы и антропосферы. Наиболее важным принципом между ними является взаимосвязь биологических и технологических процессов воспроизводства в системе, основанной на энерго-материальных и информационных потоках в качестве фона для развития. Проблема изучения становления СТЛ заключается в координации различных подходов специализированных научных дисциплин, естественных и социальных наук. СТЛ должен рассматриваться как сложная синергетическая система вследствие синтеза различных научных дисциплин и экспериментов (естественно-

научных, технических, социальных и гуманитарных), а также как синтез с точки зрения объединения экосферы, техносферы и антропосферы.

Экологическую техносферу необходимо рассматривать как базовый контекст становления СТЛ в связи с тем, что именно она создала предпосылки к появлению искусственного интеллекта и конвергентных технологий, которые в настоящее время определяют глобальные постиндустриальные (экономические, культурные, социальные и производственные) тенденции, такие как «Интернет вещей», проникающие вычисления, физико-цифровая связь, интеллектуальная медицина и интеллектуальное образование, постепенно заменяющие традиционные формы уклада жизнедеятельности людей. В ближайшем времени прогнозируются волны новых научных прорывов, основанных на цифровых технологиях и искусственном интеллекте, что возложит на социум обязанность укреплять социальный контракт посредством этического предвидения воздействия этих технологий на экосферу [9]. В связи с тем, что СТЛ является системообразующим элементом развития социума, от понимания сути взаимосвязи экологических, технических, а также социально-экономических систем зависит вся дальнейшая трансформация человеческого общества. Итак, современная антропотехносфера, включая в себя новейшие технологии, приводит к возникновению СТЛ, а также вызывает многочисленные проблемы и предоставляет значительные возможности. Таким образом, все вышеизложенное обусловливает актуальность данной темы.

Материалы и методы

Методологической основой исследования служит интеграция философского подхода с экологическим и техногенным подходами в их взаимопроникновении и взаимообогащении. В качестве главного теоретико-методологического ориентира используется концепция «антропологической взаимодополняемости», предполагающей, что человеческая деятельность включает в себя одновременное подчинение природе и контроль над ней.

В процессе проведения исследования были использованы такие научные методы, как анализ, синтез, аналогия, сравнение, конкретизация и классификация, что расширило возможности исследования специфики экологической техносферы и создало основу для комплексного подхода к оценке эвристической значимости философских идей и принципов в построении представлений о становлении конструкта СТЛ.

Результаты и их обсуждение

Экологическая техносфера в целом означает единение технической среды и экологической среды, а также человеческого влияния. При этом сегодня в данной системе техника настолько определительна, что дает современному этапу цивилизационного развития свое имя. В крайнем случае он задуман как «мир техники», единицы, структуры или как мир, отношения которого технически детерминированы.

Технологические изменения в нынешних масштабах определяют интегрированные состояния социальной системы, а также являются важной дестабилизирующей силой во всем обществе, порождая не только новые возможности, но и продолжающиеся издержки переходного периода [10]. Предполагается, что дальнейшие последствия технологической эволюции будет очень трудно или даже невозможно остановить, не говоря уже о возможностях какого-либо эффективного управления. Например, на протяжении многих времен, несмотря на неоднократные попытки обществ контролировать технологии, которые они внедрили, наблюдается неустанный поток технологических сбоев. Поэтому вопрос о том, как этично, рационально и ответственно реагировать на технологические изменения, является одновременно сложным

исследовательским вопросом и серьезным практическим вызовом для нашей социокультурной реальности. Активное включение этических и социальных вопросов, связанных с новейшими технологиями, может оказать положительное влияние на их принятие.

На протяжении всего исторического процесса технологии всегда являлись носителями глубоких изменений в науке и обществе в целом [11]. Последняя технологическая революция, называемая цифровой, не является исключением в этом отношении. Принятие информационного подхода помогает избежать утопических или антиутопических подходов к цифровым технологиям, которые являются выражением технологического детерминизма. Такой подход обеспечивает концептуальную основу, способную решать этические проблемы, которые создают цифровые технологии, не застревая в дихотомическом мышлении технологического детерминизма, и объединить этику, онтологию и эпистемологию в единое целое [12].

В настоящее время СТЛ рассматривается как результат сложных технологических изменений и требует новых институциональных механизмов для производства знаний о нем. По нашему мнению, становление СТЛ можно рассмотреть сквозь призму промышленных революций. Сам термин «промышленная революция» предполагает высококачественные конфигурации, происходящие в социуме под действием революции в технике, технологии, методе соединения человека со способами труда [13]. Понятие «промышленная революция» зачастую смешивается с понятием «технологическая революция», которая определяется как смена технологической парадигмы – комплекса лежащих в основании производства ключевых технологий. Технологическая революция предполагает качественное изменение в способе ведения производственной деятельности, основанное на массовом применении технологических решений, позволяющих коренным образом повысить эффективность различных секторов экономики социальных структур. Промышленная революция предполагает более широкий процесс, в рамках которого происходят как технологические, так и масштабные социальные изменения [14].

Само происхождение термина «промышленная революция» восходит к работе Арнольда Тойнби 1884 г., опубликованной под названием «Лекции по промышленной революции в Англии». Описывая промышленную революцию, Тойнби говорил о том, что «экспансия власти и механического производства стала революцией только в результате ее сопряжения с политической культурой, которая была восприимчива к изменениям. Это включало изменения в финансовых механизмах, а также в других областях социального прогресса» [15]. Промышленная революция – это не просто ускорение экономического роста, а ускорение роста в результате и через посредство экономических и социальных преобразований [16].

Первая промышленная революция, как известно, возникла при переходе от использования воды и паровой энергии к более систематическим и эффективным формам производства. В типичных описаниях первой промышленной революции упоминаются паровые двигатели, применявшиеся в горнодобывающей промышленности, и отмечается важная роль паровой энергии в обеспечении массового увеличения масштабов производства.

Вторая промышленная революция, как правило, происходит в период с 1860 по 1900 гг. и связана с новыми производственными технологиями, основанными на электричестве, что вызвало дополнительные изменения, запускающие то, что некоторые авторы описывают как «новую экономику» [17].

Третья промышленная революция, которая обычно приписывается компьютеризации и сетевой взаимосвязи, развившейся в 1980-х и 1990-х годах, только

сейчас оказывает свое волнообразное воздействие на общество, политику, экономику и духовную сферу жизни людей.

Четвертая промышленная революция характеризуется слиянием технологий и размытием граней между физическими, цифровыми и биологическими мирами» [18]. Четвертая промышленная революция также известна под термином «Индустрия 4.0».

Индустрия 4.0 часто описывается как результат интеграции и комбинирования эффектов множественных «экспоненциальных технологий», таких как искусственный интеллект, биотехнологии и наноматериалы [19-21]. Одним из примеров формирующейся реальности в рамках данной промышленной революции является развитие синтетических организмов (жизнь из ДНК, созданной в компьютерах и биопечати), изготовленных с использованием роботизированных сборочных линий, где наноматериалы обеспечивают огромные улучшения в эффективности производства. Четвертая промышленная революция расширяет парадигму промышленной революции в будущее, когда многие элементы того, что мы могли бы считать промышленностью, больше не будут существовать [22]. Наиболее известной экспоненциальной технологией является экспоненциальное увеличение вычислительной мощности и снижение стоимости хранения данных, которое подчиняется геометрическому соотношению, широко известному как закон Мура. Удвоение мощности процессора каждые 18-24 месяца позволило новым суперкомпьютерам достичь скорости вычисления 300 квадриллионов флопов (плавающих операций в секунду) в новейшем суперкомпьютере [23], увеличение скорости более чем в 300 000 раз всего за два десятилетия. Когда эти цифровые экспоненциальные технологии сочетаются с другими аналогично быстро расширяющимися технологиями, такими как биотехнологии, нанотехнологии и искусственный интеллект, происходит усложнение и приумножение темпов изменений. Некоторые авторы описывают конвергенцию этих экспоненциальных технологий как обеспечивающую «сингулярность», которая, по мнению некоторых авторов, принесет несказанные выгоды человечеству, поскольку люди выйдут за пределы биологии [24].

Сегодня человечество переживает новый этап своего развития, когда большая часть повседневной жизни, по крайней мере в наиболее технологически развитых частях мира, стала зависеть от взаимодействия с «умными» артефактами. Наряду с этим растущим внедрением технологий и все большей зависимостью человека от интеллектуальных машин происходят важные изменения в аспекте того, как он институционализирует свои отношения с технологиями. По мере того как он проектирует, создает и учится жить с новым порядком артефактов, способы, которыми концептуализируется интеллект, разум и мышление, претерпевают глубокие изменения. Развитие общества, определяемого потребностями Индустрии 4.0, современным технологическим укладом, обусловливает необходимость использования специального инструментария, способного реализовать интеллектуально-дружественный интерфейс человека с умвельтом в социотехническом ландшафте и ближайшим и отдаленным цифровыми окружениями. В качестве базового элемента инструментария предлагается использовать концепт СТЛ [25].

Новые технологические платформы СТЛ уже разрушают существующие отрасли и формируют новые ландшафты, такие как экономика «совместного использования» или «по требованию» [26]. Двумя главными движущими силами этой революции можно признать, с одной стороны, развитие отраслей промышленности от «постфордистской» эпохи, а с другой – развитие Интернета и связанного с ним цифрового мира, т. е. всех приложений и инфраструктур, связанных с

сетью. Проявления этой комбинации определяют становление СТЛ, который включает в себя ряд ключевых измерений, постоянно развивающихся, таких как: подключение, большие данные, автоматизация, интеллектуальные агенты, робототехника, машинное обучение, искусственный интеллект, блокчейн, датчики, виртуальность, 3D-печать и дополненная реальность. Эти технологии и их конвергенция, интеграция и развитие имеют цифровое измерение в качестве общего знаменателя и в целом представляют собой ключевые технологические столпы, характеризующие сегодняшний цифровой век. Независимо от принятой онтологии и терминологии цифровой век, или Четвертая промышленная революция, представляет собой смену парадигмы с новой волной инноваций, характеризующейся цифровизацией бизнеса, общества и нашей жизни.

Происхождение дискурса Четвертой промышленной революции, или (более известной как Индустрия 4.0) и все идеи, присутствовавшие при его создании, сыграли решающую роль в формировании дискурса СТЛ. Технологии, которые стоят в основе СТЛ, во многом взаимосвязаны: в том, как они расширяют цифровые возможности, как они масштабируются, развиваются, встраиваются в окружающую среду и человеческую жизнь, как они взаимно дополняют друг друга [27]. Быстро растущее значение и воздействие этих технологий обусловили необходимость регулирования технологического развития с целью максимизации его преимуществ и одновременного контроля за его возможными негативными последствиями для современного общества. Отметим, что в условиях развития Индустрии 4.0 внимание к изменениям социокультурной среды и моделям СТЛ растет и трансформируется в междисциплинарные научные теории и исследования.

В данном исследовании также (в связи с тем, что мы рассматриваем СТЛ как систему репрезентаций эффектов экологической техносферы) мы предприняли попытку выявить перспективы дальнейшего взаимодействия техносферы и экосферы. Сила, созданная технонаукой в XX веке, превратила людей в глобальных технологических агентов в экологической среде. Было предложено три возможных варианта решения проблемы взаимодействия техносферы и экосферы:

1) ускорить процесс контроля человека над природой;

2) вернуть нынешнюю ситуацию к предыдущей стадии, на которой природа восстанавливает свою независимость от людей;

3) сохранить нынешнюю систему с некоторыми мерами по устранению побочных эффектов.

Первый вариант решения проблемы не признает ценности и ограничений природы, второй – игнорирует обязанность использования технологий для обеспечения более достойных, достойных условий жизни для человечества, а третий – это современная версия экономической системы, которая обеспечивает рост, а также неравенство и ухудшение состояния окружающей среды и которая постоянно перестраивается, чтобы оставаться законной и сохранять свою гегемонию.

Дальнейшее изучение экологической техносферы должно развить понимание социальных процессов и технических изменений внутри системы СТЛ. С точки зрения научно-технических исследований СТЛ представляет собой социотехническую систему [28]. Термин «социотехнический» указывает на то, что как материальная, так и социальная/человеческая части системы являются центральными проблемами. Как таковой «социотехнический» охватывает технические компоненты, отдельных участников и организации, правовые рамки, институциональные и социальные структуры. То, как развивается система, зависит не только от ее технологии, но и от ее окружения,

включая правила, организации и отдельных субъектов, которые ее развивают.

Таким образом, с точки зрения изучения экологической техносферы СТЛ, являясь ее экспликацией и отдельной социотехнической системой, включает в себя бесшовную сеть взаимной зависимости между технологией и окружающей средой. Технология и окружающая среда настолько тесно переплетены, что различать их часто бессмысленно, поскольку нельзя изучать одну часть, не рассматривая другую. Окружающая среда состоит из социальных, институциональных, экологических и культурных факторов, и так же, как эти факторы влияют на ландшафт системы, так и система влияет на эти факторы прямо или косвенно.

Выводы

Появившись на планете, человек стал физической силой и начал действовать вразрез с законами природы. В результате возникло антагонистическое противоречие между техносферой, созданной человеком, и экосферой, которая всегда развивалась по своим законам, и считалось, что обе не способны гармонично сосуществовать. Однако сила, созданная технонаукой в XX веке, превратила людей в глобальных технологических агентов в экологической среде. Пропагандируется, что закономерное развитие социокультурной сферы способно выстроить гармоничные отношения в системе «техносфера (техническая реальность) – естественные процессы (окружающая среда) – сознательная деятельность людей (антропогенное воздействие)».

Экологическая техносфера интерпретируется как определяющий этап в процессе построения новой социокультурной реальности. Образующим звеном экологической техносферы является процесс соотношения техносферы и экосферы, значимую роль в котором в настоящее время играют цифровые технологии. Данные технологии таят в себе как актуальность, так и потенциал, причем последнее означает, что они предлагают возможные действия, с помощью которых человек реализует конкретные действия и, что более важно, реализует самого себя. Необходимо отметить, что центральную роль в цифровых технологиях играют сложность и неопределенность. Многие новые сложные технологии разрабатываются в условиях неопределенности. Это выдвигает на первый план вопрос о том, как человечество должно бороться с рискованными и неопределенными цифровыми технологическими разработками, которые потенциально вредны как для людей, так и для окружающей среды.

Возникновение Индустрии 4.0 и глобальная цифровизация практически всех сфер общественной жизни привели к появлению новой сущности – СТЛ, который может рассматриваться как экспликация экологической техносферы и антропоэкологической системы в целом, основанной на принципе взаимосвязи между тремя подсистемами: экосферы, техносферы и антропосферы.

Список литературы

1. Дергачева Е. А. Особенности глобальной техносферизации биосферы в современную эпоху // Век глобализации. 2014. № 1. С. 124-132.

2. Шаповалова И. С., Гоженко Г. И. Понятие техносферы: аналитический обзор формирования и изучения // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 2. С. 51-57.

3. Розенберг Г. С. Биосфера + ноосфера + техносфера =экосфера (Вернадский и Наве) // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2019. № 28(3). С. 33-43.

4. Тюрина Т. А. Экологическая техносфера как среда социоприродного взаимодействия // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 8(74). С. 119-121.

5. Чуйков Ю. С. Что такое «экология техносферы?» // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4. С. 174-180.

6. Ахметова Д. З. «Человек экологический» в эпоху цифровизации // Высшее образование в России. 2020. № 5. С. 117-126.

7. Носкова Т. Н. Проблемы воспитания средствами информационной образовательной среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2015. № 177. С. 61-69.

8. Социотехнический ландшафт в условиях цифровизации: к проблеме концепта и методологии исследования / В. Г. Буданов, Е. Г. Каменский, В. И. Аршинов, И. А. Асеева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 3 (32). С. 213–225.

9. Моисеенко М. В. Вызовы современности: искусственный интеллект. Этический аспект // Гуманитарный вестник. 2018. № 9(71). С. 3-12.

10. Рассказов Л. Д., Бадмаева М. В. Кризисное сознание российского социума в условиях общества переходного периода // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 50-57.

11. Мамедов Н. М. Исторический процесс и концепция устойчивого развития // Век глобализации. 2010. № 2. С. 33-46.

12. Баринова С. Г. Технологический детерминизм и технологический тип детерминации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 9. С. 195-201.

13. Аверина И. С. Промышленная революция и технологический уклад: сущностные характеристики, сходства и отличительные черты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2021. № 23(1). С. 52-63.

14. Аверина И. С. Эволюция феномена «Промышленная революция»: предпосылки и факторы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2020. № 22(4). С. 18-25.

15. Тойнби А. Промышленный переворот в Англии в 18-м столетии. М., 1898. 340 с.

16. Гусов А. З., Репкина О. Б. Социальные ресурсы и риски промышленной революции 4.0 в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. № 21(1). С. 5-12.

17. Погребинская В. А. Вторая промышленная революция // Экономический журнал. 2005. № 10. С.126-158.

18. Тарасов И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития // Стратегии бизнеса. 2018. № 6(50). С.57-63.

19. Тарасов И. В. Технологии Индустрии 4.0: влияние на повышение производительности промышленных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 2(107). С. 62-69.

20. Технологический прорыв России в контексте парадигмы «Индустрии 4.0»: общие ландшафты общественного мнения. Часть 1 / Е. Г. Каменский, Е. А. Воробьёв, В. А. Белкина, А. Ю. Огурцова, М. В. Обозная, Т. А. Дубанина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. № 10(5). С. 199-208.

21. Budanov V., Aseeva I., Zvonova E. INDUSTRY 4.0.: SOCIO-ECONOMIC JUNCTURES // Економічний часопис-XXI. 2017. № 11-12 (168). P. 33-37.

22. Белкина В. А. Развитие технической среды в контексте парадигмы Четвертой промышленной революции // Интегративные тенденции в медицине и образовании. 2020. Т. 4. С. 8-12.

23. Michael A. Peters. Technological Unemployment: Educating for the Fourth Industrial Revolution // Journal of Self-Governance and Management Economics. 2017. N 1 (5). P. 25–33.

24. Kurzweil R. The Singularity is Near. New York: Penguin, 2005. 432 p.

25. Артеменко М. В. Социотехнический ландшафт: тенденции компьютерных технологий и иерархическая струнная модель управления // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 2. С. 1-17.

26. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. № 2(54). С. 6-19.

27. Машевская О. В. Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 37-44.

28. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Онтологии и риски цифрового техноуклада: к вопросу о представлении социотехнического ландшафта // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 2. С. 51-60.

References

1. Dergacheva E. A. Osobennosti global'noj tekhnosferizacii biosfery v sovremennuyu epohu [Features of the global technospherization of the biosphere in the modern era]. *Vek globalizacii = The Age of Globalization*, 2014, no. 1, pp. 124-132.

2. Shapovalova I. S., Gozhenko G. I. Ponyatie tekhnosfery: analiticheskij obzor formirovaniya i izucheniya [The concept of the technosphere: an analytical review of the formation and study]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Scientific Result. Sociology and Management*, 2015, no. 2, pp. 51-57.

3. Rosenberg G. S. Biosfera + noosfera + tekhnosfera = ekosfera (Vernadskij i Nave) [Biosphere + noosphere + technosphere = ecosphere (Vernadsky and Nave)]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noj i global'noj ekologii = Samara Luka: Problems of Regional and Global Ecology*, 2019, no. 28 (3), pp. 33-43.

4. Tyurina T. A. Ekologicheskaya tekhnosfera kak sreda socioprirodnogo vzaimodejstviya [Ecological technosphere as an environment of socio-natural interaction]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*, 2018, no. 8(74), pp. 119-121.

5. Chuikov Yu. S. Chto takoe "Ekologiya tekhnosfery?" [What is "Ecology of the technosphere?"]. *Astrahanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya = Astrakhan Bulletin of Ecological Education*, 2012, no. 4, pp. 174-180.

6. Akhmetova D. Z. "Chelovek ekologicheskij" v epohu cifrovizacii ["Ecological man" in the era of digitalization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2020, no. 5, pp. 117-126.

7. Noskova T. N. Problemy vospitaniya sredstvami informacionnoj obrazovatel'noj sredy [Problems of education by means of information educational environment]. *Izvestiya RGPU imeni A. I. Gercena = Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*, 2015, no. 177, pp. 61-69.

8. Budanov V. G., Kamensky E. G., Arshinov V. I., Aseeva I. A. Sociotekhnicheskij landshaft v usloviyah cifrovizacii: k probleme koncepta i metodologii issledovaniya [Sociotechnical landscape in the conditions of digitalization: to the problem of the concept and methodology of research]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management,* 2019, vol. 9, no. 3(32), pp. 213-225.

9. Moiseenko M. V. Vyzovy sovremennosti: iskusstvennyj intellekt. Eticheskij aspekt [Challenges of modernity: artificial intelligence. Ethical aspect]. *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin,* 2018, no. 9(71), pp. 3-12.

10. Rasskazov L. D., Badmaeva M. V. Krizisnoe soznanie rossijskogo sociuma v usloviyah obshchestva perekhodnogo perioda [Crisis consciousness of the Russian society in the conditions of a society in transition]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Bryansk State University,* 2018, no. 3, pp. 50-57.

11. Mamedov N. M. Istoricheskij process i koncepciya ustojchivogo razvitiya [Historical process and the concept of sustainable development]. *Vek globalizacii = The Age of Globalization,* 2010, no. 2, pp. 33-46.

12. Barinova S. G. Tekhnologicheskij determinizm i tekhnologicheskij tip determinacii [Technological determinism and technological type of determination]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University,* 2010, no. 9, pp. 195-201.

13. Averina I. S. Promyshlennaya revolyuciya i tekhnologicheskij uklad: sushchnostnye harakteristiki, skhodstva i otlichitel'nye cherty [Industrial revolution and technological structure: essential characteristics, similarities and distinctive features]. *Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volga. Series 3: Economics. Ecology,* 2021, no. 23(1), pp. 52-63.

14. Averina I. S. Evolyuciya fenomena "Promyshlennaya revolyuciya": predposylki i faktory [Evolution of the phenomenon "Industrial Revolution": prerequisites and factors]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volga State University. Series 3: Economics. Ecology,* 2020, no. 22(4), pp. 18-25.

15. Toynbee A. Industrial revolution in England in the 18th century. Moscow, 1898. 340 p.

16. Gusov A. Z., Repkina O. B. Social'nye resursy i riski promyshlennoj revolyucii 4.0. v Rossii [Social resources and risks of the industrial Revolution 4.0. in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the Volga State University. Series 3: Economics. Ecology,* 2019, no. 21(1), pp. 5-12.

17. Pogrebinskaya V. A. Vtoraya promyshlennaya revolyuciya [The Second Industrial Revolution]. *Ekonomicheskij zhurnal = Economic Journal,* 2005, no. 10, pp.126-158.

18. Tarasov I. V. Industriya 4.0: ponyatie, koncepcii, tendencii razvitiya [Industry 4.0: concept, concepts, development trends]. *Strategii biznesa = Business Strategies,* 2018, no. 6(50), pp. 57-63.

19. Tarasov I. V. Tekhnologii Industrii 4.0: vliyanie na povyshenie proizvoditel'nosti promyshlennyh kompanij [Technologies of Industry 4.0: impact on increasing the productivity of industrial companies]. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management,* 2018, no. 2(107), pp. 62-69.

20. Kamensky E. G., Vorobyev E. A., Belkina V. A., Ogurtsova A. Yu., Oboznaya M. V., Dubanina T. A. Tekhnologicheskij proryv Rossii v kontekste paradigmy "Industrii 4.0": obshchie landshafty obshchestvennogo mneniya. Chast' 1 [Russia's Technological Breakthrough in the Context of the "Industry 4.0" Paradigm: General Landscapes of Public Opinion. Part 1]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management,* 2020, no. 10(5), pp. 199-208.

21. Budanov V., Aseeva I., Zvonova E. INDUSTRY 4.0.: SOCIO-ECONOMIC JUNCTURES. *Ekonomichnij chasopis-XXI –XXI*, 2017, no. 11-12 (168), pp. 33-37.

22. Belkina V. A. Razvitie tekhnicheskoj sredy v kontekste paradigmy Chetvertoj Promyshlennoj Revolyucii [Development of the technical environment in the context of the paradigm of the Fourth Industrial Revolution]. *Integrativnye tendencii v medicine i obrazovanii = Integrative Trends in Medicine and Education,* 2020, vol. 4, pp. 8-12.

23. Michael A. Peters. Technological Unemployment: Educating for the Fourth Industrial Revolution. *Journal of Self-Governance and Management Economics*, 2017, no. 1 (5), pp. 25–33.

24. Kurzweil R. The Singularity is Near. New York, Penguin, 2005. 432 p.

25. Artemenko M. V. Sociotekhnicheskij landshaft: tendencii komp'yuternyh tekhnologij i ierarhicheskaya strunnaya model' upravleniya [Sociotechnical landscape: trends of computer technologies and hierarchical string management model]. *Social'noe prostranstvo = Social Space,* 2020, vol. 6, no. 2, pp. 1-17.

26. Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. Ekonomika sovmestnogo potrebleniya: sushchnost' i nekotorye tendencii razvitiya [The economy of shared consumption: the essence and some development trends]. *Ekonomicheskij zhurnal = Economic Journal,* 2019, no.2 (54), pp. 6-19.

27. Mashevskaya O. V. Cifrovye tekhnologii kak osnova cifrovoj transformacii sovremennogo obshchestva [Digital technologies as the basis of digital transformation of modern society]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk = Bulletin of the Polessky State University. A Series of Social Sciences and Humanities,* 2020, no. 1, pp. 37-44.

28. Arshinov V. I., Budanov V. G. Ontologii i riski cifrovogo tekhnouklada: k voprosu o predstavlenii sociotekhnicheskogo landshafta [Ontologies and risks of the digital technoclass: on the question of the representation of the sociotechnical landscape]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika = Complexity. The Mind. Postnonclassics,* 2019, no. 2, pp. 51-60.

Информация об авторе / Information about the Author

Белкина Виктория Александровна, аспирант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3306-6706

Victoria A. Belkina, Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3306-6706

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-244-255

CC BY 4.0

Развитие методических подходов к оценке клиентских рисков коммерческого банка

И. А. Воронин[1] ✉

[1] Северо-Кавказский федеральный университет
ул. Пушкина 1, г. Ставрополь 355019, Российская Федерация

✉ e-mail: vor0nin.i.a@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Отмывание денег имеет сильные последствия во всем мире, которые искажают и серьезно деформируют экономические процессы, поскольку могут полностью разрушить политическую и финансовую системы страны. Кредитные организации как посредники в проведении финансовых операций являются главными участниками процесса легализации доходов и антиотмывочной деятельности. Поэтому управление рисками становится решающим элементом для выявления действий, которые могут указывать на подозрительность операции, а ее участников связывать с отмыванием денег, и требует от банков формирование особого методического инструментария.*

Цель. *В данной статье планируется рассмотреть вопросы, связанные с исследованием методических подходов по оценке клиентских рисков, применяемых в мировой практике, при оценке банков в антиотмывочной деятельности и возможности их адаптации в деятельности российских кредитных организациях.*

Задачи. *В рамках научной статьи была поставлена и решена научная задачи по разработке методического подхода к оценке клиентских рисков (включая нового клиента и клиента с долгим периодом обслуживания) вовлечения в легализацию доходов.*

Методология. *Предложенный методический подход реализуется с использованием линейной регрессии и методологии градиентного бустинга на основе древа решений.*

Результаты. *Проведенное исследование позволяет сформировать две модели, которые предлагают решения для выявления новых и старых клиентов, деятельность которых предполагает отмывание денег.*

Выводы. *Учитывая, что со стороны надзорных органов все больше внимания уделяется вырабатыванию у банков способностей заранее предотвращать подозрительные операций, то это требует от кредитной организации разработки набора различных инструментов, позволяющих с высоким уровнем вероятностью выявлять проведение сомнительных операций клиентом и предотвращать их проведение в банке.*

Ключевые слова: *отмывание денег; легализация доходов; банковский риск; клиентский риск; подозрительные операции.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Воронин И. А. Развитие методических подходов к оценке клиентских рисков коммерческого банка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 244–255. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-244-255.

Поступила в редакцию 06.12.2021 Принята к публикации 20.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Воронин И. А., 2022

Development of Methodological Approaches to Assessing Client Risks of a Commercial Bank

Ivan A. Voronin[1] ✉

[1] North Caucasus Federal University
1 Pushkin str., Stavropol 355019, Russian Federation

✉ e-mail: vor0nin.i.a@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Money laundering has strong consequences throughout the world, which distort and seriously distort economic processes, since it can completely destroy the political and financial systems of a country. Credit organizations, as intermediaries in financial transactions, are the main participants in the process of legalization of income and anti-money laundering activities. Therefore, risk management becomes a decisive element for identifying actions that may indicate suspiciousness of a transaction, and associate its participants with money laundering, and requires banks to form special methodological tools.*

The purpose. *In this article, it is planned to consider issues related to the study of methodological approaches to assessing client risks used in world practice, when assessing banks in anti-money laundering activities and the possibility of their adaptation in the activities of Russian credit institutions.*

Objectives*. Within the framework of the scientific article, scientific tasks were set and solved to develop a methodological approach to assessing client risks (including a new client and a client with a long service period) of involvement in legalization of income.*

Methodology. *The proposed methodological approach is implemented using linear regression and gradient boosting methodology based on a decision tree*

Results. *The research carried out allows us to form two models that offer solutions for identifying new and old clients whose activities involve money laundering.*

Conclusions. *Considering that the supervisory authorities are increasingly focusing on developing the ability of banks to prevent suspicious transactions in advance, this requires a credit institution to develop a set of various tools that allow a high level of probability to identify suspicious transactions by a client and prevent them from being carried out in the bank.*

Keywords*: money laundering; legalization of income; banking risk; client risk; suspicious transactions.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Voronin I. A. Development of Methodological Approaches to Assessing Client Risks of a Commercial Bank. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 244–255. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-244-255.

Received 06.12.2021 Accepted 20.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Управление рисками – это ключевая стратегия, присутствующая в различных сегментах банковского бизнеса, связанная с неопределенностью и последствиями будущих событий, которые не могут быть предусмотрены. И одной из основных проблем, с которой сегодня сталкиваются банковские учреждения, – это отмывание денег, т. е. преступление, заключающееся в сокрытии незаконного происхождения определенных активов, таким образом, чтобы они выглядели из законного источника.

Исследование риска отмывания денег должно основываться на трех основных типах рисков: страновой риск, клиентские и операционные риски.

Преступления, связанные с отмыванием денег, стали все более изощренными с развитием технологий, и для банковских учреждений становится все сложнее разработать меры, которые могут быть эффективными с точки зрения

их предотвращения. Дать оценку такого рода незаконных операций сложно, потому что они могут происходить одновременно в нескольких странах, что требует от банков формирования разных алгоритмов по предотвращению отмывания денег. По этой причине все труднее определить масштабы этой проблемы и сложно разработать меры и стратегии на глобальном уровне для борьбы с отмыванием денег [1].

Однако относительно легко увидеть, каким образом отмывание денег влияет на безопасность экономики и социальную стабильность. На макроэкономическом уровне это вызывает снижение налоговых поступлений и затрудняет получение федеральных трансфертов [2]. На микроэкономическом уровне проблема заключается в том, что «фиктивные компании» осуществляют незаконную деятельность, чтобы смешать доходы, полученные преступным путем с законными средствами, чтобы скрыть доходы от преступной деятельности [3]. При оценке клиентского риска банка оценочные модели целесообразно разделить на две категории:

1) модель оценки рисков новых клиентов с целью принятия решения о работе с ними и уровне подозрительности их бизнеса;

2) модель оценки рисков «старых» клиентов, направленных на оценку их операций с целью выявления подозрительных операций и поведенческих отклонений по сравнению с ожидаемыми.

Материалы и методы

Алгоритм оценки клиентских рисков включает следующие элементы:

1. Выбор оценочных переменных для оценки новых и старых клиентов, разделяя при этом клиентов физических и юридических лиц.

2. Создание модели оценки рисков для новых клиентов, которая включает 2 этапа [4]:

1) построение регрессивной модели оценки рисков с использованием исторического массива данных, которая направлена на формирование профиля клиента банка;

2) разработка прогнозной модели оценки рисков для новых клиентов, которая сможет прогнозировать рискованность операций с ним.

3. Разработка модели оценки рисков старых клиентов посредством анализа их поведения и совершенных операций, чтобы можно было сгруппировать клиентов с определенными характеристиками (выделить кластеры) и оценить их, когда они отклоняются от установленного стандарта. Группировка клиентов осуществляется с помощью дерева решений.

Отмывание денег – это способ сокрытия истинного происхождения средств, полученных преступным путем. Поэтому основной задачей является выявить те операции, которые, с одной стороны, не вызывают подозрения, т. к. средства имеют законное происхождение, но с другой – отклоняются от стандарта. Когда имеет место отмывание денег, предполагается, что в его основе лежит преступный процесс, и это может быть незаконный оборот веществ (оружия, органов, наркотиков, уклонение от уплаты налогов, коррупция или терроризм и т. д.). Есть несколько причин, по которым преступники отмывают денег. Первая причина заключается в том, что любое преступное деяние постоянно требует инвестиций для покрытия операции [5]. Эти вложения необходимо скрыть, чтобы замаскировать источник богатства и гарантировать, что незаконные процедуры не будут использованы для раскрытия этого преступления. Впоследствии продукты, полученные в результате преступления, становятся предметом расследования, и необходимо скрыть происхождение средств, которые кажутся законными.

Результаты и их обсуждение

В последние десятилетия в некоторых международных стандартах и законодательстве были приняты другие

параметры риска. Во многих случаях риск ограничивается концепциями ущерба и потерь, однако, например, в Австралии и Новой Зеландии разработали стандарт, который определяет риск не только с точки зрения того, что может произойти, но и связывает его с воздействием на цели организация. Стандарт AS / NZS 4360 определяет риск как «гипотезу о том, что происходит что-то, что повлияет на конкретную цель». Этот стандарт был принят во всем мире, и его широкое распространение привело к разработке первого глобального стандарта управления рисками – ISO 31000. Он был опубликован в 2009 г. с пересмотренным набором определений, которые включены в ISO / IEC Guide 73 в «Словарь для управления рисками». Согласно ISO / IEC Guide 73, риск – это «эффект неопределенности некоторых целей». И в старых, и в новейших установках концепция риска включается в то, чего хотят достичь все организации, – в свои цели, т. е. организация должна определить свои цели, однако для их достижения ей придется иметь дело с внутренними и внешними факторами, которые часто невозможно контролировать, что порождает неопределенность. Угроза может нанести вред активам, таким как информация, процедуры и системы, и, следовательно, организациям. В контексте отмывания денег угроза также включает преступников, террористов и лиц, содействующих преступной деятельности. Уязвимость можно определить как свойство системы, подверженной воздействию угроз [6]:

1. Факторы риска финансового учреждения:

1) географический или страновой риск – напрямую связан с санкциями, эмбарго и отказом от сотрудничества с политикой борьбы с отмыванием денег, которая часто связаны с террористическими актами, коррупцией или другой преступной деятельностью. Эти страны легко идентифицируются такими организациями, как ООН и ФАТФ [7];

2) клиентский риск – этот вид риск реализуется только после начала движения капитала [8]. Однако с каждым клиентом должен быть связан профиль в зависимости от его поведения. Профиль риска клиента зависит от риска, воспринимаемого банком. Например, клиент, который вкладывает или переводит большой объем средств, которые не соответствуют профилю риска, должен трансформировать данного клиента в клиента с высоким уровнем риска, несмотря на то, что у него нет этого профиля, и наоборот. Другой пример – продолжительность отношений между клиентом и банком: долгосрочные отношения обеспечивают частый контакт с ним, что позволяет лучше понять клиента и, следовательно, представляет меньший риск отмывания денег;

3) рисковые продукты / услуги – банк определяет, что более высокие риски возникают при внедрении, например, нового продукта или услуги, таких как международные переводы между банками и переводы, требующие анонимности [9].

При определении индикаторов риска выбирают те переменные, которые могут увеличивать или уменьшать риск, воспринимаемый банком клиента или транзакции, и это могут быть, например: цель открытия нового банковского счета или направление и сумма денежного перевода, уровень банковского регулирования в стране, продолжительность отношений между клиентом и банком и др. [10].

Подход к проблеме отмывания денег, основанный на риске, дает финансовым учреждениям больше свободы в применении правил и их исключений. С другой стороны, подход к отмыванию денег, основанный на нормативных актах, включает большинство постановлений правительства, которые устанавливают правила и руководящие принципы, которые необходимо применять. Теоретически подход, основанный на правилах, будет более эффективным. Однако законы иногда бывают слишком расплывчатыми, сомнитель-

ными, и финансовые учреждения не могут отличить транзакции, совершенные с преступными основаниями и без. Это привело к мысли, что такого подхода недостаточно в борьбе с отмыванием денег [7].

Стоимость применения мер по борьбе с отмыванием денег можно сравнить с их преимуществами. Однако, как упоминалось ранее, нелегко прямо выразить затраты/доходы от легализации и борьбы с ней. Поскольку ресурсы всегда ограничены, необходимо решить, покрывают ли затраты связанные с этим выгоды [11; 12]. Реализация мероприятий по предотвращению легализации доходов имеет прямые издержки, но также имеет сопутствующий ущерб с нежелательными последствиями для экономики. Косвенные расходы имеют все клиенты, а не только преступники. С точки зрения руководства, инвестиции в предотвращение отмывания денег соответствуют стратегиям банка по управлению рисками. Это компромисс, при котором банки могут позволить себе не брать на себя определенные риски [4; 13].

Первым этапом при исследовании подозрительной деятельности клиента по отмыванию денег является анализ баз данных. Этот анализ имеет решающее значение для понимания взаимосвязей между операциями, которые необходимо проанализировать. Этот анализ совершенно неэффективен, поскольку существует несколько ограничений, таких как стоимость, человеческие ресурсы, время и т. д. Для этого анализа требуются технологические системы, которые позволяют работать с большим объемом данных и позволяют автоматически идентифицировать пути, ведущие к обнаружению предполагаемых случаев отмывания денег [14; 15].

Линейная регрессия – это самый простой подход к интеллектуальному анализу данных, когда определяются зависимая переменная (выход) и ряд независимых переменных (вход). Традиционное уравнение линейной регрессии имеет следующий формат:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 \cdot X + e,$$

где X – объясняющая или независимая переменная; e – случайная величина; β_0 и β_1 – неизвестные переменные; Y – переменная, объясненная или зависимая.

Это уравнение представляет собой линию, которая наилучшим образом соответствует набору данных, который будет полезен для целей прогнозирования. Цель состоит в том, чтобы проверить и количественно оценить тенденции предыдущих случаев отмывания денег и перенести эту тенденцию на текущие операции. Этот метод основан на теории вероятностей, т. е. то, что мы ранее наблюдали в данных, можно легко перенести на текущие операции. В определенных ситуациях применение простой линейной регрессии возникает из-за необходимости задействовать более одной независимой переменной. В случае множественной линейной регрессии соответствующее уравнение выглядит следующим образом:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \ldots + \beta_k \cdot X_k + \text{e},$$

и объяснение каждого из параметров точно такое же, как и для простой линейной регрессии.

Логистическая регрессия – это модель, которая очень распространена для случаев, содержащих категориальные переменные, которые можно легко применить к отмыванию денег. Категориальные переменные – это те, которые могут описать, например, компания / физическое лицо или мужчина / женщина. Этот метод используется, например, для оценки банковских операций, которые вызывают подозрения и используются в расследовании. Результатом применения логистической регрессии является серия графиков, которые позволяют находить сходства между наборами выбранных переменных. Кластерный анализ – это метод, который можно использовать для исследования больших объемов данных и взаимосвязей между ними. Он используется, когда необходимо сгруппировать похо-

жие атрибуты данных по категориям для автоматического определения взаимосвязи между группами данных без участия эксперта. На основании сходства исторических данных можно сделать выводы о текущих операциях. Этот анализ полезен для данного исследования, поскольку он обеспечивает более глубокое понимание совокупных показателей и может статистически изолировать отношения между подозрительными операциями в хронологическом порядке [1; 10].

С помощью этого метода можно получать достаточно точные результаты [16]. Для разработки моделей оценки рисков новых организаций и клиентов использовались различные итерации логистических регрессий на основе методологии случайного леса, позволяющие сгруппировать и классифицировать данные. Этот подход позволяет анализировать большие данные в кластеры по схожим параметрам.

Проведенное в диссертации исследование позволяет сформировать две модели, которые предлагают решения для выявления новых и старых клиентов, деятельность которых предполагает отмывание денег.

Модель оценки риска новых клиентов представляет собой прогнозную модель, основанную на линейной регрессии и включает следующие этапы. 1. Оценка риска для действующих лиц банка в зависимости от их профессии, страны проживания и национальности. 2. На основе этой классификации была разработана регрессивная модель оценки риска. 3. Была разработана модель оценки рисков для новых организаций с помощью программного обеспечения Prospero. Используя несколько переменных, которые характеризуют каждое юридическое лицо и каждого клиента (частное лицо или корпорацию), можно получить уравнение, позволяющее оценить каждый с точки зрения уровня риск.

Модель оценки рисков поведения старых клиентов – это модель, основанная на кластерах, которые на основе методологии случайного леса и метода самоорганизующихся карт позволяют группировать клиентов в соответствии с их поведением с точки зрения проводимых операций. Эта модель позволяет каждому кластеру иметь связанный риск, и те, у кого есть более высокий риск, являются объектами особого внимания. Каждый раз, когда происходит отклонение от ожидаемого поведения, появляется предупреждение о подозрении на отмывание денег. На рисунке 1 представлена упрощенная форма предлагаемого подхода.

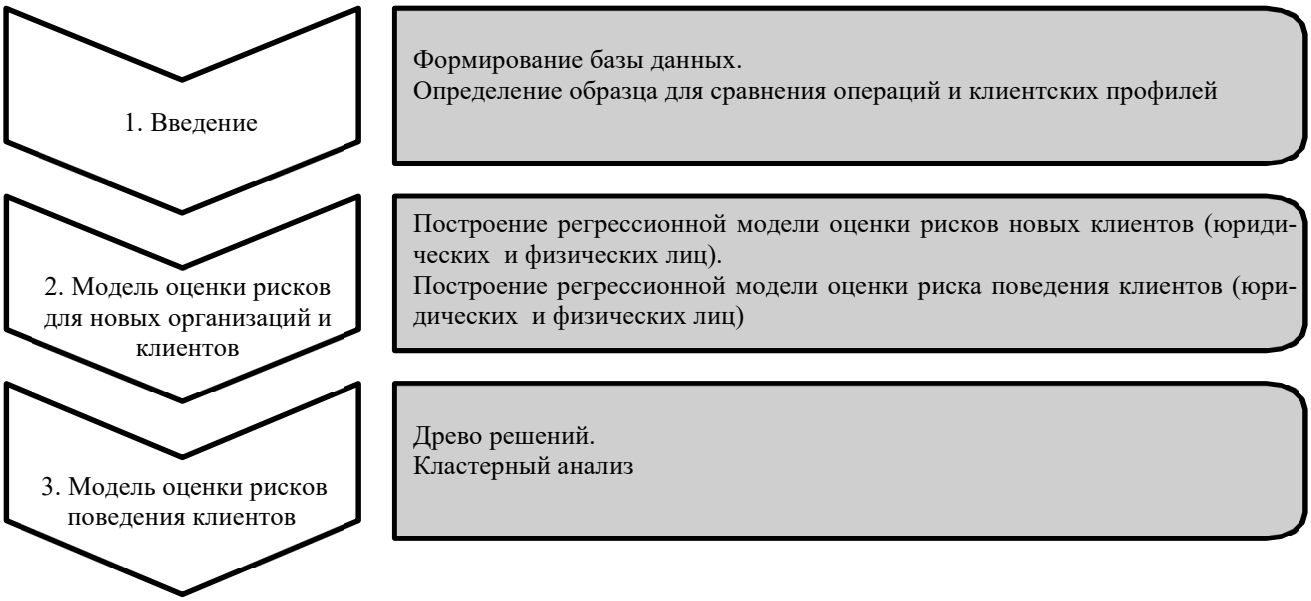

Рис. 1. Сводная диаграмма предлагаемого решения

На этом этапе вводятся три компонента: понимание данных, модель оценки рисков новых организаций и клиенты и модель оценки рисков поведения клиентов. В первой части показано подробное описание выборки данных, которая будет использоваться в моделях.

При построении моделей необходимо учитывать различие между юридическими и физическими лицами. При построении модели оценки рисков новых клиентов необходимо построить регрессивную модель оценки уровня риска в силу отсутствия массива исторических данных. Для построения регрессии использовались три переменные: направление деятельности/место работы, цели финансовых операций и средний доход. Эти переменные были выбраны потому, что в банке они являются обязательными полями при регистрации нового клиента. При оценке юридического лица указываются: правовая форма, ИНН, ОГРН, юридический адрес, наличие имущества. Таким образом, можно будет получить уравнение, способное выполнить классификацию риска от 1 до 5. Далее будет разработана модель оценки рисков поведения клиентов для разработки кластеров. Цель состоит в том, чтобы сгруппировать клиентов с аналогичным поведением, сформировав несколько кластеров со связанным риском, и всякий раз, когда поведение клиента не соответствует его кластеру, это будет признаком отмывания денег [8; 17].

При формировании аналитической выборки были изучены 520 клиентов физических лиц и 250 юридических лиц из 3 банков (ПАО «Сбербанк», ПАО «Банк ВТБ», АО «ЮниКредитБанк»). Все клиенты по результатам реализации модели распределяется на пять классов по уровню риска:

1 – безрисковые клиенты;

2 – клиенты с допустимым уровнем риска;

3 – клиенты со стандартным уровнем риска;

4 – клиенты с повышенным уровнем риска;

5 – клиенты с высоким уровнем риска участия в подозрительных операциях.

Модель оценки рисков новых клиентов используется для определения уровня риска, который он представляет, во время установления отношений между банком и клиентом [18; 19; 20]. Эта модель имеет прогностическую основу и чтобы сгенерировать модель, способную оценивать нового клиента с точки зрения риска, необходимо сформировать массив исторических данных. Следовательно, необходимо разработать регрессивную модель для субъектов, цель которой состоит в том, чтобы создать историческую характеристику субъектов в отношении уровня риска, поскольку его нет в анализируемом банке.

Переменные, представляющие интерес для этой модели, согласно представленной выборке:

1. Для юридических лиц:

– направление деятельности;

– срок присутствия в отрасли;

– наличие имущества;

– цели финансовых операций;

– средняя выручка.

2. Для физических лиц:

– направление деятельности/место работы;

– цели финансовых операций;

– средний доход.

Для разработки модели множественной линейной регрессии конечный риск для каждого клиента задается уровнем риска от 1 до 5, где объекты, расположенные между уровнями 4 и 5, считаются высокорисковыми и помечаются как плохие случаи. Уровни риска значений округлены до ближайшего целого числа с точностью до нуля десятичных знаков.

Каждому из клиентов на основе анализа переменных, упомянутых выше, назначается риск. Этот риск является переменным и был распределен вручную как ожидаемый риск. Таким образом, присвоенный риск является зависимой

переменной линейной регрессии, а три другие переменные (направление деятельности/место работы; цели финансовых операций; средний доход) являются независимыми переменными.

Уравнение, рассчитанное для модели чувствительности для физических лиц, имеет следующий вид:

$$РНК_{фл} = 0{,}3154 \cdot a_1 + 0{,}2143 \cdot a_2 + \\ + 0{,}4178 \cdot a_3,$$

где $РНК_{фл}$ – уровень риска нового клиента – физического лица; a_1 – направление деятельности/место работы; a_2 – цели финансовых операций; a_3 – средний доход.

Достоверность модели достаточно высока, поскольку индикаторы, полученные в ходе регрессии, R^2 = 0,9908, что означает, что переменные, использованные для расчета регрессии, объясняют 99,1% полученного уровня риска. Значения t-Stat показывают, что переменные значимы для доверительного интервала 95%, при этом наиболее значимой переменной является: a_3 – 68,23%; a_1 – 13,95; a_2 – 8,53.

Распределение результатов регрессивной модели для частных лиц для выбранной выборки выглядит следующим образом (рис. 2). Процент плохих случаев составляет около 5%, что соответствует ожидаемому с учетом качества клиентского портфеля банков.

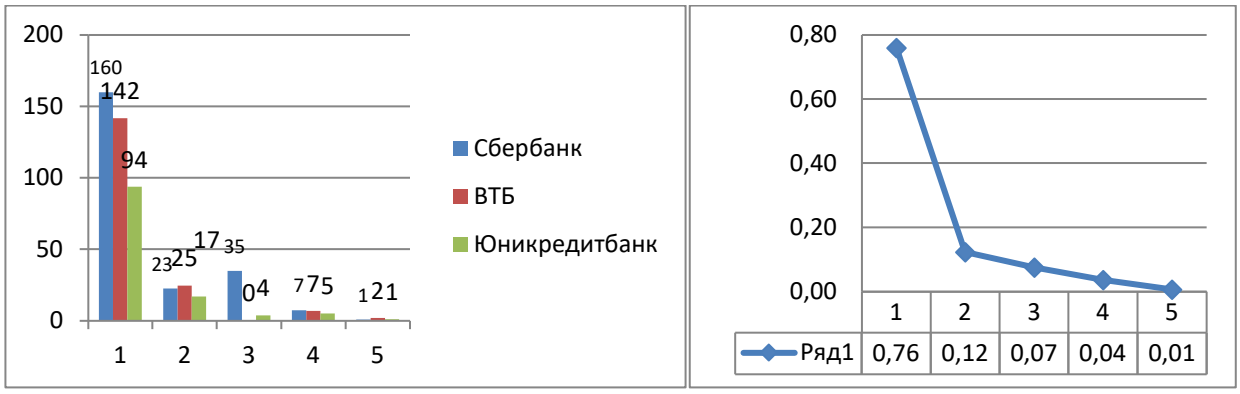

Рис. 2. Распределение результатов регрессивной модели для клиентов – физических лиц

При оценке юридических лиц каждому из субъектов и на основе рисков, связанных с переменными, упомянутыми выше, назначается риск. Таким образом, присвоенный риск является зависимой переменной линейной регрессии, а остальные пять переменных (направление деятельности; срок присутствия в отрасли; наличие имущества; цели финансовых операций; средняя выручка) являются независимыми переменными.

Уравнение, рассчитанное для регрессивной модели для юридических лиц, имеет следующий вид:

$$РНК_{юл} = 0{,}2147 \cdot b_1 + 0{,}6241 \cdot b_2 + \\ + 0{,}5412 \cdot b_3 + 0{,}7124 \cdot b_4 + 0{,}1274 \cdot b_5,$$

где b_1 – направление деятельности; b_2 – срок присутствия в отрасли; b_3 – наличие имущества; b_4 – цели финансовых операций; b_5 – средняя выручка.

Получены весьма приемлемые результаты, что видно по параметрам R^2 и t-Stat. R^2 имел значение 0,8957, и это означает, что переменные, используемые для расчета модели чувствительности для юридических лиц, объясняют около 89,6% достигнутого уровня риска. Также значения T-stat показывают, что переменные значимы для доверительного интервала 95% и имеют следующий вид: b_1 – 21,24; b_2 – 56,24; b_3 – 46,21; b_4 – 12,45; b_5 – 8,45, т. е. наиболее значимыми переменными являются срок присутствия в отрасли и наличие имущества. Распре-

деление результатов регрессивной модели для юридических лиц для выбранной выборки представлено на рисунке 3, Ожидаемый процент плохих случаев составляет 4% с учетом характеристик юридических лиц, существующих в базе данных.

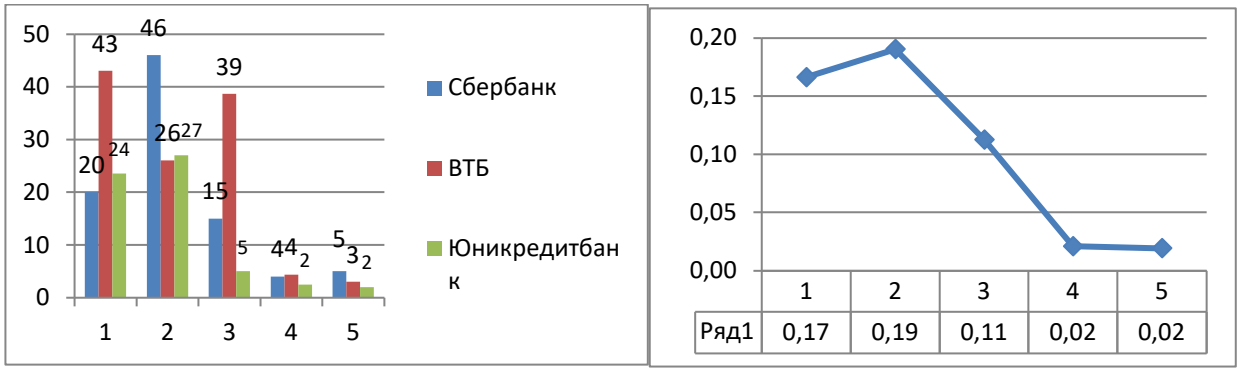

Рис. 3. Распределение результатов регрессивной модели для юридических лиц

Выводы

Таким образом, расчеты показали, что доля «плохих» клиентов при первоначальном анализе не превышает 5% у физических лиц и 4% – у юридических лиц, которые будут отсеяны. Далее банку необходимо при работе с клиентами, при переводе их из статуса новых в действующие следует «просеивать» информацию для выявления подозрительных операций и клиентов, их совершающих.

Для оценки рисков поведения действующих клиентов при отмывании денег банк применяет поведенческие модели, построенные на анализе операций в сочетании с изучением данных клиентов юридических и физических лиц для оценки риска отмывания денег на основании рекомендаций Банка России, Росфинмониторинга и внутреннего мониторинга. Для оценки юридических лиц в модели используются такие показатели, как уровень налоговой нагрузки, структура платежей в разрезе хозяйственной деятельности, параметры отдельных операций, среднемесячные обороты по счету, длительность обслуживания в банке, основные контрагенты, количество выявленных случаев нарушений при проведении операций, количество выявленных случаев недостоверности финансовой отчётности, объем операций с неподтвержденными источниками происхождения средств. Для оценки физических лиц используются такие показатели, как структура операций, неподтвержденные перечисления средств, обналичивание денежных средств, несоответствие оборотов по счету налоговым отчислениям, возраст клиента, длительность обслуживания в банке.

Для оценки было проанализировано 480 физических лиц и 460 юридических лиц. При выборе параметров определяется их статистическая значимость, а также их вклад в финальную модель. Специфика построенной модели состоит в том, что она определяет общие тренды, а не выявляет отдельные типы или схемы движения денег, т. е. результатом данной модели являются маркеры, показывающие подозрительное поведение по совокупности параметров вероятных клиентов, осуществляющих операции по отмыванию денег. На основании уровня риска и профиля клиента выявляются пять групп рисковых клиентов по признакам вероятного отмывания средств.

Крайне важно регулярно проверять качество работы модели и при необходимости ее перестраивать, т. к. недобросовестные клиенты постоянно находят новые способы. В среднем уровень риска

отмывания денег физическими лицами ниже, чем для юридических лиц, однако в абсолютном выражении данный сегмент содержит значительное количество участников, вовлеченных в противоправные схемы в целях отмывания денег.

При создании модели использовалась методология градиентного бустинга на основе древа решений. Учитывая, что со стороны надзорных органов все больше внимания уделяется вырабатыванию у банков способностей заранее предотвращать подозрительные операций, то это требует от кредитной организации разработки набора различных инструментов, позволяющих с высоким уровнем вероятностью выявлять проведение сомнительных операций клиентом и предотвращать их проведение в банке. Необходимо отметить, что применяемые индикаторы основаны на рекомендациях Банка России, Росфинмониторинга и внутренней статистике. Использование все более сложных схем со стороны клиентов по отмыванию денег требует от банка усовершенствования прогностических моделей, количества и качества исходных данных. Кроме того, все модели нуждаются в регулярном мониторинге и обновлении, чтобы учесть изменения в поведениях клиентов, экономической ситуации в стране и, конечно, информации от Росфинмониторинга и Банка России. В рамках внутреннего мониторинга банк должен ежемесячно оценивать и пересматривать качество своих моделей. Кроме регулярных обновлений моделей, банки должны обеспечить поиск и анализ новых источников данных, более детальную оценку связей клиента, переход к цифровым инструментам контроля и роботизации процессов.

Список литературы

1. Ефремова Ю. С. Направления совершенствования системы рискориентированного внутреннего контроля в российских кредитных организациях // Финансы и кредит. 2020. Т. 26, № 1. С. 142-154.

2. Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1974. Vol. 0-87014- 263-1. P. 1-54.

3. Masciandro D. Money Laundering Regulation: The Microeconomics // Journal of Money Laundering Control. 1998. Vol. 2. P. 49-58.

4. Сергеева В. А., Соколов А. С., Федоров Н. М. Риск ОД/ФТ в банковской сфере и значение цифровых технологий для его снижения // Система ПОД/ФТ в глобальном мире: риски и угрозы мировой экономики: сборник тезисов докладов участников V Международной научно-практической конференции Международного сетевого института в сфере ПОД/ФТ. М.: Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, 2020. С. 155.

5. Юголайнина Е. О. Дискуссионные вопросы привлечения кредитных организаций к ответственности за нарушения банковского законодательства // Молодой ученый. 2017. № 7 (141). С. 379-382.

6. Aven T. Risk Analysis. Wiley, 2008.

7. Pellegrina L., Masciandaro D. The Risk-Based Approach in the New European Anti-Money Laundering Legislation: A Law and Economics View // Review of Law & Economics. 2008. Vol. 5. P. 931-952.

8. Stancu I., Rece D. The Relationship between Economic Growth and Money Laundering – a Linear Regression Model // Theoretical and Applied Economics. 2009. P. 3-8.

9. Евлахова Ю. С., Галали Р. Дж. А. Банковские риски как индикаторы вовлечения в процессы легализации преступных доходов и финансирования терроризма // Банковские услуги. 2021. № 1. С. 11-17.

10. The Wolfsberg Group. Wolfsberg Standards. URL: http://www.wolfsbergprinciples.com/ (дата обращения: 10.10.2021).

11. Exploring Data Mining Technologies as Tools to Investigate Money Laundering / R. C. Watkins, K. M. Reynolds, R. F. DeMara, M. Georgiopoulos, A. J. Gonzalez, R. Eaglin // Journal of Policing Practice and Research: An International Journal. 2003. P. 163 – 178.

12. Мозгов Е. А., Першина О. О. Риски отмывания доходов и финансирования терроризма, связанные с пандемией COVID-19, и меры реагирования: российский и зарубежный опыт // Финансовая безопасность. 2020. № 27. С. 11-12.

13. Kannan S., Somasundaram K. Selection of optimal mining algorithm for outlier detection – An efficient method to predict/detect money laundering crime in finance industry // Elysium Journal. 2014. Vol. 1. P. 1-13.

14. An investigation into Data Mining approaches for Anti Money Laundering / N. Le Khac, S. Markos, M. O'Neill, A. Brabazon, M. Kechadi // Materials of International Conference on Computer Engineering and Applications. Singapore, 2009.

15. Курьянов А. М. Обратная связь как механизм повышения качества информирования о подозрительных операциях // Финансовая безопасность. 2020. № 26. С. 35.

16. Trevor Hastir R. T. J. F. The Elements of Statistical Learning in Data Mining: Inference and Prediction. 2nd ed. Springer, 2009. P. 587-597.

17. Долгополов А. Концепции оценки риска вовлеченности клиентов банка в схемы по отмыванию денег // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2017. № 1. С. 184-187.

18. Галали Р. Дж. А. Система мониторинга банковских рисков вовлечения в легализацию преступных доходов и финансирование терроризма в РФ // Финансовая экономика. 2020. № 5. С. 24-28.

19. Евлахова Ю. С. Развитие методологических подходов к оценке риска отмывания денег и финансирования терроризма в банковском секторе РФ // Финансы и кредит. 2016. № 19. С. 12-25.

20. Магомедов Ш. М., Каратаев М. В. Модель оценки эффективности системы финансового мониторинга коммерческого банка // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2017. № 1. С. 38-43.

References

1. Efremova Yu.S. Napravleniya sovershenstvovaniya sistemy riskorientirovannogo vnutrennego kontrolya v rossiiskikh kreditnykh organizatsiyakh [Directions for improving the system of risk-oriented internal control in Russian credit institutions]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 142-154.

2. Becker G. S. Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*, 1974, vol. 0-87014- 263-1, pp. 1-54.

3. Masciandro D. Money Laundering Regulation: The Microeconomics. *Journal of Money Laundering Control*, 1998, vol. 2, pp. 49-58.

4. Sergeeva V. A., Sokolov A. S., Fedorov N. M. [ML/TF risk in the banking sector and the importance of digital technologies to reduce it]. Sistema POD/FT v global'nom mire: riski i ugrozy mirovoi ekonomiki. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Mezhdunarodnogo setevogo instituta v sfere POD/FT [The AML/CFT System in the Global World: Risks and Threats of the World Economy. A Collection of Abstracts of the Reports of the Participants of the V International Scientific and Practical Conference of the International AML/CFT Network Institute]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2020, p. 155. (In Russ.)

5. Yugolaynina E. O. Diskussionnye voprosy privlecheniya kreditnykh organizatsii k otvetstvennosti za narusheniya bankovskogo zakonodatel'stva [Disputable issues of holding credit institutions liable for violations of banking legislation]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2017, no. 7 (141), pp. 379-382.

6. Aven T. Risk Analysis. Wiley, 2008.

7. Pellegrina L., Masciandaro D. The Risk-Based Approach in the New European Anti-Money Laundering Legislation: A Law and Economics View. *Review of Law & Economics*, 2008, vol. 5, pp. 931-952.

8. Stancu I., Rece D. The Relationship between Economic Growth and Money Laundering – a Linear Regression Model. *Theoretical and Applied Economics*, 2009, pp. 3-8.

9. Evlakhova Yu. S., Galali R. J. A. Bankovskie riski kak indikatory vovlecheniya v protsessy legalizatsii prestupnykh dokhodov i finansirovaniya terrorizma [Banking risks as indicators of involvement in the processes of money laundering and terrorist financing]. *Bankovskie uslugi = Banking Services*, 2021, no. 1, pp. 11-17.

10. The Wolfsberg Group. Wolfsberg Standards. Available at: http://www.wolfsbergprinciples.com/. (accessed 10.10.2021)

11. Watkins R. C., Reynolds K. M., DeMara R. F., Georgiopoulos M., Gonzalez A. J., Eaglin R. Exploring Data Mining Technologies as Tools to Investigate Money Laundering. *Journal of Policing Practice and Research: An International Journal*, 2003, pp. 163–178.

12. Mozgov E. A., Pershina O. O. Riski otmyvaniya dokhodov i finansirovaniya terrorizma, svyazannye s pandemiei COVID-19, i mery reagirovaniya: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Risks of money laundering and terrorist financing associated with the COVID-19 pandemic and response measures: Russian and foreign experience]. *Finansovaya bezopasnost' = Financial Security*, 2020, no. 27, pp. 11-12.

13. Kannan S., Somasundaram K. Selection of optimal mining algorithm for outlier detection – An efficient method to predict/detect money laundering crime in finance industry. *Elysium Journal*, 2014, vol. 1, pp. 1-13.

14. Le Khac N., Markos S., O'Neill M., Brabazon A., Kechadi M. An investigation into Data Mining approaches for Anti Money Laundering. Materials of International Conference on Computer Engineering and Applications. Singapore, 2009.

15. Kuryanov A. M. Obratnaya svyaz' kak mekhanizm povysheniya kachestva informirovaniya o podozritel'nykh operatsiyakh [Feedback as a mechanism for improving the quality of informing about suspicious transactions]. *Finansovaya bezopasnost' = Financial Security*, 2020, no. 26, p. 35.

16. Trevor Hastir R. T. J. F. The Elements of Statistical Learning in Data Mining: Inference and Prediction. 2nd ed. Springer, 2009, pp. 587-597.

17. Dolgopolov A. Kontseptsii otsenki riska vovlechennosti klientov banka v skhemy po otmyvaniyu deneg [Risk assessment concepts for the involvement of bank customers in money laundering schemes]. *RISK: resursy, informatsiya, snabzhenie, konkurentsiya = RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 2017, no. 1, pp. 184-187.

18. Galali R. J. A. Sistema monitoringa bankovskikh riskov vovlecheniya v legalizatsiyu prestupnykh dokhodov i finansirovanie terrorizma v RF [System for monitoring banking risks of involvement in money laundering and financing of terrorism in the Russian Federation]. *Finansovaya ekonomika = Financial Economics*, 2020, no. 5, pp. 24-28.

19. Evlakhova Yu.S. Razvitie metodologicheskikh podkhodov k otsenke riska otmyvaniya deneg i finansirovaniya terrorizma v bankovskom sektore RF [Development of methodological approaches to assessing the risk of money laundering and terrorist financing in the banking sector of the Russian Federation]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2016, no. 19, pp. 12-25.

20. Magomedov Sh. M., Karataev M. V. Model' otsenki effektivnosti sistemy finansovogo monitoringa kommercheskogo banka [Model for evaluating the effectiveness of the financial monitoring system of a commercial bank]. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk = Bulletin of Education and Development of Science of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2017, no. 1, pp. 38-43.

Информация об авторе / Information about the Author

Воронин Иван Анатольевич, аспирант кафедры финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: vor0nin.i.a@yandex.ru

Ivan A. Voronin, Post-Graduate Student of the Department of Finance and Credit, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation,
e-mail: vor0nin.i.a@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-256-264

CC BY 4.0

Управление развитием индустрии путешествий и гостеприимства в Российской Федерации

Е. И. Вострова[1] ✉

[1] Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Ленинские горы 1, г. Москва 119991, Российская Федерация

✉ e-mail: ev.vostrova@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В нашей стране представлено уникальное разнообразие социокультурных традиций в различных регионах, этносах и туристические маршруты в нескольких климатических поясах. Внезапная пандемия COVID-19 наложила отпечаток на функционирование российской туристической отрасли в этот период. Управление развитием внутреннего туризма России с созданием новых маршрутов по уникальным природным и этнокультурным местам представляется особенно важным в условиях пандемии COVID-19.*

Цель *исследования состоит в определении инструментов управления развитием отрасли российского туризма.*

Задачи. *Для достижения поставленной цели автором изучены государственные программы развития туристической отрасли, современные социологические научные подходы к изучению регионального имиджа, ключевые показатели развития сферы туризма, проведены пять фокус-групп с молодежной аудиторией.*

Методология. *В ходе работы над исследованием автором использовались метод системного и структурно-функционального подходов к рассмотрению регионального имиджа, ключевых показателей развития туризма и метод фокус-группы.*

Результаты. *В ходе обсуждений в пяти фокус-группах автором предложены перечень инструментов для развития индустрии путешествий и гостеприимства и новые маршруты для путешествий россиян.*

Выводы. *Российская Федерация обладает огромными возможностями для многогранного раскрытия и развития индустрии туризма. Пандемия COVID-19, которая привела к закрытию границ других государств, стала ещё одним фактором, обусловливающим возможность открывать россиянам новые места внутри страны. Для комплексного развития российской туристической отрасли необходимы глобальные и локальные решения и инструменты, которые подкрепят развитие индустрии.*

Ключевые слова: *туристические маршруты; российский туризм; туристический потенциал; стратегия развития.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования*:* Вострова Е. И. Управление развитием индустрии путешествий и гостеприимства в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 256–264. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-256-264.

Поступила в редакцию 11.12.2021 Принята к публикации 12.01.2022 Опубликована 28.02.2022

© Вострова Е. И., 2022

Management of the Development of the Travel and Hospitality Industry in the Russian Federation

Evgeniia I. Vostrova[1] ✉

[1] Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

✉ e-mail: ev.vostrova@mail.ru

Abstract

Relevance. *Our country presents a unique variety of socio-cultural traditions in different regions, ethnic groups and tourist routes in several climatic zones. The sudden COVID-19 pandemic left its mark on the functioning of the Russian tourism industry during this period. Managing the development of domestic tourism in Russia with the creation of new routes through unique natural and ethnocultural places is especially important in the context of the Covid-19 pandemic.*

The purpose *of the study is to identify tools for managing the development of the Russian tourism industry.*

Objectives. *To achieve this goal, the author studied state programs for the development of the tourism industry, modern sociological scientific approaches to the study of the regional image, key indicators of the development of the tourism sector, conducted five focus groups with a youth audience.*

Methodology. *In the course of work on the study, the author used the method of systemic and structural-functional approaches to the consideration of the regional image, key indicators of tourism development, as well as the focus group method.*

Results. *During discussions in five focus groups, the author proposed a list of tools for the development of the travel and hospitality industry and new routes for Russians to travel.*

Conclusions. *The Russian Federation has tremendous opportunities for the multifaceted disclosure and development of the tourism industry. The COVID-19 pandemic, which led to the closure of the borders of other states, has become another factor making it possible for Russians to open up new places within the country. For the integrated development of the Russian tourism industry, global and local solutions and tools are needed to support the development of the industry.*

Keywords*: tourist routes; russian tourism; tourist potential; development strategy.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Vostrova E. I. Management of the Development of the Travel and Hospitality Industry in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 256–264. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-256-264.

Received 11.12.2021 Accepted 12.01.2022 Published 28.02.2022

***

Введение

Россия имеет богатое культурное достояние и природное разнообразие. В стране располагается 31 объект всемирного наследия ЮНЕСКО на 2021 г. [1]. Это позволило занять ей заметное место во всем мире, войти в 2019 г. в состав Комитета всемирного наследия – профильного комитета ЮНЕСКО [2]. В нашей стране представлены уникальное разнообразие социокультурных традиций в различных регионах, этносах и туристические маршруты в нескольких климатических поясах. Внезапная пандемия COVID-19 наложила отпечаток на функционирование российской туристической отрасли в этот период. Однако именно в это время возникают новые туристические тренды, в т. ч. переориентация значительной части населения на отдых внутри страны [3].

В 2021 г. 56 млн человек совершили поездки внутри страны: это значит, что почти на 90 % восстановились объемы

внутреннего туризма к показателям 2019 г. [4]. Развитие внутреннего туризма России с созданием новых маршрутов по уникальным природным и этнокультурным местам представляется особенно важным в условиях пандемии COVID-19.

Автором статьи поставлена цель – определить инструменты управления развитием отрасли российского туризма. Для достижения цели исследования автором рассмотрены государственные программы развития туризма, проведен анализ научных подходов к изучению туристического имиджа регионов отечественных авторов, проведено пять фокус-групп с молодым поколением в возрасте 18-35 лет, которые являются студентами и выпускниками МГУ имени М. В. Ломоносова, МГТУ имени М. В. Баумана, в ходе которых предложены инструменты для развития индустрии и новые туристические маршруты.

Материалы и методы

Сегодня в России реализуется ряд программ, направленных на развитие индустрии путешествий и гостеприимства страны. В 2021 г. запущен в действие национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [5], с 2022 г. вступила в действие государственная программа «Развитие туризма» до 2030 г. [6], согласно которым силы направлены на развитие инфраструктуры, повышение доступности и совершенствование управления индустрии. Также реализуется Стратегия развития туризма в России до 2035 г., в числе целевых показателей запланировано увеличить более чем в 2 раза количество внутренних туристских поездок на одного жителя страны к указанному периоду [7]. Программы государственного уровня обеспечат условия высококачественного полноценного отдыха российских граждан и иностранных туристов в регионах.

Ввиду актуальности поднимаемой проблемы в свет выходят работы отечественных авторов, в которых поднимаются вопросы анализа ключевых показателей, проблем и перспектив развития туристической отрасли страны [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Вместе с тем большая часть работ носит общий теоретический характер, ввиду условий периода пандемии необходимо проводить социологические исследования с привлечением живой аудитории и экспертов с целью формирования рекомендаций для поднятия регионального туристического имиджа и предложений с привлечением государственных инвестиций. Вместе с тем необходимы комплексные меры для улучшения показателей туристической отрасли, например реализация социально-коммуникативной технологии для создания нового туристического информационного контента, разработанная ранее автором статьи [14].

Стоит подчеркнуть, что имидж региона является важным репутационным каналом страны [15]. Позитивное восприятие туристических направлений базируется прежде всего на восприятии населения к определенной территории или объекту. Современные исследования показывают, что структура имиджа региона характеризуется социальными, этическими, психологическими и эстетическими элементами [16]. Вместе с тем важную роль в формировании имиджа территории играют этнотуристические объекты [17].

Туристический имидж региона можно определить как благополучно внедренный и узнаваемый в позитивном смысле образ определенной территории, фундамент которого также подкрепляют специфические возможности удовлетворения пожеланий определённых туристических социальных групп [18]. Вместе с тем более полное содержательное понятие включает в себя своего рода эмоциональное положительное восприятие обществом культурного, социального, этнического и других потенциалов региона; гарантию оказания качественного уровня туруслуг; окрепший уровень туристической привлекательности региона среди

социума и ориентиры его нарастания, складывающиеся четким сочетанием позитивных приемов и ассоциаций, символьных конструкций [18].

Для проведения исследования автором выбран метод-фокус группы с целью глубокого погружения целевой аудитории в проблему и генерирования свежих идей относительно развития туристической отрасли страны и формирования новых направлений для путешествий. В качестве целевой аудитории выбрано молодое поколение. Современная молодежь стремится к новым открытиям, и необходимо учитывать ее мнение в развитии индустрии страны. В 2019 г. опрос Booking.com показал, что 60% российской молодежи готовы не экономить на туристических поездках и согласны урезать иные расходы, чтобы потратить больше средств на путешествие [19]. Сегодня существует необходимость организации туризма для молодых людей с учетом их потребностей [20]. Заинтересовать молодежную аудиторию путешествовать по стране представляется важным для формирования культуры отечественного отдыха у молодых россиян.

Автором исследования в период с сентября по декабрь 2021 г. проведены пять фокус-групп с молодым поколением в возрасте 18-35 лет. Все участники фокус-групп являются студентами и выпускниками МГУ имени М. В. Ломоносова, МГТУ имени М. В. Баумана; обладают стабильными финансовыми возможностями для путешествий внутри страны не менее одного раза в год, проживают постоянно в Москве всю жизнь или не менее 7 лет. В каждой фокус-группе участвовало 8-9 человек.

Результаты и их обсуждение

Дискуссия в фокус-группах началась с приветственного слова модератора о важности развития туристической отрасли страны и знакомства участников друг с другом. Далее модератор начал обсуждение проблемы по заранее составленному плану с вопросами, каждому участнику предоставлялась возможность поделиться своим мнением и прокомментировать мнение других.

Для создания вдохновляющей обстановки обсуждения проблемы модератором был задан вопрос о том, какие российские места впечатлили участников больше всего за время путешествий и какие они планируют посетить в будущем. В числе наиболее чаще называемых мест, которые впечатлили молодых людей, выделены Москва (отметили респонденты, которые приехали на обучение из других городов), Санкт-Петербург, Краснодарский край, Крым, Казань, Нижний Новгород, Кавказские Минеральные Воды, Дальний Восток и Камчатский край. Также несколько молодых людей отметили Романцевские горы в Тульской области и Переславль-Залесский в Ярославской области – места, которые на сегодняшний день популярны для поездок выходного дня из Москвы.

В числе туристических мест, которые молодые люди планируют посетить в будущем, стали Алтай, Байкал, Крым, Владивосток, Кавказ, Курильские острова, Ленские столбы в Якутии, а также несколько человек желают посетить Северный полюс. При этом часть респондентов поделились позитивными впечатлениями от пребывания в Карелии, Калининградской области и Крыму и планируют повторить путешествия в эти места в будущем.

Далее молодые люди поделились мнением о том, на что они обращают внимание в первую очередь при планировании туристической поездки. К единогласному мнению пришли большинство, что основополагающими факторами для путешествий являются стоимость путешествия и отзывы друзей и знакомых. Также в числе определяющих факторов были названы популярность места, интересный маршрут, развитая инфраструктура, эстетичность архитектуры и природной местности.

Далее обсуждение перешло к вопросу о том, каким образом повлияла пандемия COVID-19 на путешествия молодых людей и российский туризм в целом. Мнение кардинально разделилось: молодые люди отметили как позитивное влияние пандемии, так нейтральное и негативное, однако значительная часть молодых людей склонилась к тому, что для развития внутреннего туризма сложилась благоприятная атмосфера ввиду введения ограничительных мер на въезд в другие страны. Один из респондентов отметил: *«Пандемия улучшила российский туризм, люди начали больше путешествовать по стране. Ввиду перехода на удаленный режим работы мне и другим россиянам удалось совместить путешествия по отечественным местам с рабочим процессом».*

В ходе обсуждений данного вопроса можно сделать вывод, что, с одной стороны, в условиях закрытых границ люди были вынуждены планировать отдых на территории страны, что стало причиной того, что многие начали открывать для себя туристические маршруты нашей страны. Увеличение спроса на пляжный отдых у Черного моря породило уменьшенное предложение и огромный рост цен, что могло в свою очередь спровоцировать рост интереса к другим видам отдыха в России, например к городскому отдыху: путешествия к местам культурного наследия и различным достопримечательностям (памятникам, музеям и историческим домам, театрам), или к более активному туризму, подразумевающему путешествия к живописным местам нашей страны (горный туризм, сплавы по рекам, посещение национальных парков и заповедников). С другой стороны, некоторые люди могли пренебречь в целом поездками в период эпидемии, например, из-за довольно высокой цены на активные виды туризма по России или же из-за довольно нестабильных и непредсказуемо изменяющихся эпидемиологических условий в различных регионах страны.

Далее было интересно выяснить: продолжат ли молодые люди путешествия по России в случае открытия границ и отсутствия необходимости справки о вакцинации, отсутствие которой затрудняет передвижение. Оказалось, что большинству участников фокус-групп будет интересно продолжить путешествия по российским местам независимо от данных обстоятельств. Участники отмечали, что путешествие по России освобождает от оформления визы, имеет свободный языковой барьер и «наполняет особенным русским духом».

Однако в каждой фокус-группе находилось несколько молодых людей, которые подчеркнули, что после открытия границ и снятия ограничений они будут в большей мере отправляться в поездки в заграничные страны.

Одна из участниц отметила, что помимо вакцинации и закрытых границ для нее имеет значение обязательность ПЦР-теста по месту прибытия в заграничную страну, так как это дополнительный стресс и финансовые расходы, а также большая трата времени в очереди в аэропорту, когда сразу нужно проверить целый рейс. Если ПЦР-тесты при въезде в другие страны не отменят, она предпочтет отечественные курорты зарубежным. Девушка подчеркнула: *«У нас великая и огромная страна, есть что посмотреть в каждом регионе и познакомиться с местными особенностями, которые не хуже, а даже лучше, чем в других странах»*.

Далее респондентам был задан вопрос о том, считают ли они важным создание новых маршрутов России по аналогии с «Золотым кольцом». В ходе обсуждения молодые люди единогласно отметили, что создание и популяризация новых туристических маршрутов необходима для развития российского туризма.

В ходе дискуссий автором проанализированы предложения молодых людей и сформированы четыре названия для новых туристических маршрутов.

1. «Самоцветы России» – маршрут по уникальным природным труднодоступным зонам: Плато Бермамыт (Карачаево-Черкессия), Ленские столбы (Якутия), озеро Эльтон (Волгоградская область), озеро Байкал (Бурятия), Алтай и другие заповедные места страны.

2. «Культурное созвездие России» – маршрут по аналогии с Золотым кольцом, куда будут включены города со своими местными традициями, которые будут интересны для посещения и не включены в известное всем направление.

3. «От моря до моря» – маршрут с посещением нескольких морей за один тур (Россия омывается водами тринадцати морей).

4. «Голубые огни России» – маршрут по северным городам России с посещением местности, где можно увидеть северное сияние.

Затем обсуждение перешло к вопросу о том, какие меры активно необходимо предпринимать, чтобы россияне захотели больше путешествовать по России. В результате дискуссии автором сформулированы следующие инструменты для развития индустрии путешествий и гостеприимства, в числе которых необходимо отметить также частично и постепенно реализующиеся:

1. Модернизация транспортного сообщения, в т. ч. снижение и контроль доступных цен для россиян. «Редкий гражданин захочет отправиться во Владивосток на поезде, а увидев цены на перелёт, и вовсе передумает», — отметила одна из респонденток.

2. Развитие инфраструктуры и сервиса туристических центров с созданием единого стандарта в уровне качества обслуживания.

3. Введение на постоянной основе комплекса льгот на поездки по новым туристическим маршрутам и туры выходного дня внутри страны, социальных бонусов и кешбэка.

4. Создание государственной программы, нацеленной на выделение бесплатных путевок в туристические места нашей страны (Байкал, Камчатка, Кольский полуостров, города Золотого Кольца и др.) для студентов высших образовательных учреждений за хорошую успеваемость и иные достижения, для работников государственных учреждений, для многодетных семей и пенсионеров.

5. Государственная поддержка туристических операторов, которые ориентируются на отечественные направления.

6. Разработка и внедрение внутреннего российского туристического приложения-агрегатора среди россиян, которое, возможно, станет официальной социальной сетью, а также создание новых удобных сайтов с программным софтом на подобии международной платформы Airbnb.

7. Создание туристических маршрутов с групповыми тематическими экскурсиями в природные и этнокультурные места (например, маршрут «От моря до моря», «Самоцветы России» и др.).

8. Развитие виртуального туризма (онлайн-экскурсии и онлайн-путешествия).

9. Создание и популяризация культуры отечественного отдыха среди россиян.

Выводы

Российская Федерация обладает огромными возможностями для многогранного раскрытия и развития индустрии туризма. Пандемия COVID-19, которая привела к закрытию границ государств, стала ещё одним фактором, обусловливающим возможность открывать россиянам новые места внутри страны.

Для комплексного развития российской туристической отрасли необходимы комплексные решения и инструменты, которые подкрепят развитие индустрии.

Результаты обсуждения и инструменты, определенные в ходе фокус-групп для популяризации отечественных туристических мест и разработки новых маршрутов для путешествий, подтверждают важность позитивных изменений в развитии отрасли, могут быть полезны при формировании новых государственных программ и стратегий.

Список литературы

1. Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: http://unesco.ru/ unescorussia/sites/ (дата обращения: 05.10.2021).

2. Россия избрана в Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/ofitsialnaya_informatsiya/soobshcheniya_dlya_pechati_aktualnaya_informatsiya/rossiya_izbrana_v_komitet_vsemirnogo_naslediya_yunesko/ (дата обращения: 05.10.2021).

3. Вострова Е. И. Российский туризм в эпоху пандемии COVID-19: новые тренды // Дискурс. 2021. № 7(6). С. 74–82.

4. Интервью с главой Ростуризма. URL: https://www.rbc.ru/interview/business/27/12/2021/61bdb2689a7947d2655d2864 (дата обращения: 05.10.2021).

5. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». URL: https://tourism.gov.ru/contents/documenty/plan-deyatelnosti/natsionalnyy-proekt-turizm-i-industriya-gostepriimstva (дата обращения: 05.10.2021).

6. Михаил Мишустин утвердил госпрограмму «Развитие туризма». URL: http://government.ru/docs/44285/ (дата обращения: 05.10.2021).

7. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. URL: https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda (дата обращения: 05.10.2021).

8. Амосов А. С., Ашинова М. К. Меры поддержки российского туризма в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // Новые технологии. 2021. № 17(5). С. 65–72.

9. Медведева В. В., Слинкова О. К. Анализ ключевых факторов и приоритетных направлений развития туризма в Российской Федерации // E-Scio. 2019. № 4 (31). С. 12.

10. Кутьин И. В., Мушаков А. А., Романенков А. И. Проблемы и перспективы развития внутреннего туризма на территории Российской Федерации // Современные проблемы туризма и сервиса: сборник статей научных докладов по итогам Всероссийской научной конференции. М.: РУСАЙНС, 2018. С.116–122.

11. Соцков В. В. Государственная поддержка развития внутреннего туризма на современном этапе // Ученые записки международного банковского института. 2021. № 1 (35). С. 129–139.

12. К вопросу о развитии туризма в Российской Федерации / Н. В. Лутовинова, А. А. Смагин, В. В. Чижикова, В. А. Ильин, Д. Р. Бекбулатов // Инновации и инвестиции. 2021. № 9. С. 174–176.

13. Клопот Е. А., Мануйленко Э. В. Динамика развития туризма в Российской Федерации // Стратегии развития индустрии гостеприимства и туризма: материалы V Международной студенческой интернет-конференции / под общей редакцией Е. Н. Артемовой, Н. В. Глебовой; Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. Орел, 2017. С. 329–332.

14. Вострова Е. И. Социально-коммуникативная технология повышения туристической привлекательности регионов России (на примере туристических передач и рекламы на телевидении) // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 87. С. 72–82.

15. Варламова И. В. Имидж региона как репутационный капитал // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 167–172.

16. Лосева Е. С., Мишина Н. В., Гозалова М. Р. Формирование туристического имиджа региона // Современное исследование социальных проблем. 2015. № 3(47). С. 312–316.

17. Салахов Р. Ф. Салахова Р. И., Каазик Е. Ю. Объекты этнотуризма как средство формирования имиджа районов Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2016. № 7 (69), ч. 1. С. 147–150.

18. Суслова И. А. Сущность и проблемы формирования туристического имиджа региона // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 6 (44). С. 58–63.

19. Booking.com сообщил о нежелании молодежи России экономить на путешествиях. URL: https://www.rbc.ru/society/29/09/2019/5d8e116f9a7947816dbe0a29 (дата обращения: 05.10.2021).

20. Хамина Н. В. Молодежный туризм: анализ результатов исследования // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. № 7 (1). С. 193–200.

References

1. Rossijskie ob"ekty iz spiska Vsemirnogo naslediya YUNESKO [Russian sites from the UNESCO World Heritage List]. Available at: http://unesco.ru/unescorussia/sites/. (accessed 05.10.2021)

2. Rossiya izbrana v Komitet vsemirnogo naslediya YUNESKO [Russia has been elected to the UNESCO World Heritage Committee]. Available at: https://russianunesco.mid.ru/ru/ofitsialnaya_ informatsiya/soobshcheniya_dlya_pechati_aktualnaya_informatsiya/rossiya_izbrana_v_komitet_vsemirnogo_ naslediya_yunesko/. (accessed 05.10.2021)

3. Vostrova E. A. Rossijskij turizm v epohu pandemii COVID-19: novye trendy [Russian Tourism in the Era of the COVID-19 Pandemic: New Trends]. *Diskurs = Discourse*, 2021, no. 7(6), pp. 74-82.

4. Interv'yu s glavoj Rosturizma [Interview with the head of Rostourism]. Available at: https://www.rbc.ru/interview/business/27/12/2021/61bdb2689a7947d2655d2864. (accessed 05.10.2021)

5. Nacional'nyj proekt "Turizm i industriya gostepriimstva" [The national project "Tourism and hospitality industry"]. Available at: https://tourism.gov.ru/contents/documenty/plan-deyatelnosti/ natsionalnyy-proekt-turizm-i-industriya-gostepriimstva. (accessed 05.10.2021)

6. Mihail Mishustin utverdil gosprogrammu "Razvitie turizma" [Mikhail Mishustin approved the state program "Tourism Development"]. Available at: http://government.ru/docs/44285/. (accessed 05.01.2021)

7. Strategiya razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii na period do 2035 goda [Development Strategy in the Russian Federation for the period up to 2035]. Available at: https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda. (accessed 05.10.2021)

8. Amosov A. S., Ashinova M. K. Mery podderzhki rossijskogo turizma v usloviyah pandemii koronavirusa COVID-19 [Measures to support Russian tourism in the context of the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Novye tekhnologii = New Technologies*, 2021, no. 17(5), pp. 65–72.

9. Medvedeva V. V., Slinkova O. K. Analiz klyuchevyh faktorov i prioritetnyh napravlenij razvitiya turizma v Rossijskoj Federacii [Analysis of key factors and priority directions of tourism development in the Russian Federation]. *E-Scio*, 2019, no. 4 (31), p. 12.

10. Kut'in I. V., Mushakov A. A., Romanenkov A. I. [Problems and prospects for the development of domestic tourism on the territory of the Russian Federation]. Covremennye problemy turizma i servisa. Sbornik statei nauchnykh dokladov po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Modern problems of tourism and service. Collection of articles of Scientific reports on the results of the All-Russian scientific conference]. Moscow, RUSCIENCE Publ., 2018, pp.116–122. (In Riss.)

11. Sockov V. V. Gosudarstvennaya podderzhka razvitiya vnutrennego turizma na sovremennom etape [State support for the development of domestic tourism in the Russian Federation at the present stage]. *Uchenye zapiski mezhdunarodnogo bankovskogo instituta = Scholarly Notes of the International Banking Institute*, 2021, no. 1 (35), pp. 129–139.

12. Lutovinova N. V., Smagin A. A., Chizhikova V. V., Il'in V. A., Bekbulatov D. R. K voprosu o razvitii turizma v Rossijskoj Federacii [On the development of tourism in the Russian Federation]. *Innovacii i investicii = Innovation and Investment*, 2021, no. 9. pp. 174–176.

13. Klopot E. A., Manujlenko E. V. [Dynamics of tourism development in the Russian Federation]. Strategii razvitiya industrii gostepriimstva i turizma. Materialy V Mezhdunarodnoi studencheskoi internet-konferentsii [Strategies for the development of the hospitality and tourism industry. Materials of the V International Student Internet Conference]; ed. by E. N. Artemova, N. V. Glebova. Orel, I. S. Turgenev Oryol State University Publ., 2017, pp. 329–332.

14. Vostrova E. I. Social'no-kommunikativnaya tekhnologiya povysheniya turisticheskoj privlekatel'nosti regionov Rossii (na primere turisticheskih peredach i reklamy na televidenii) [Socio-Communicative Technologies Increasing Tourist Attractiveness of the Russian Regions (on the Example of Tourist Programs and Advertising on Television)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = State Administration. Electronic Bulletin*, 2021, no. 87, pp. 72–82.

15. Varlamova I. V. Imidzh regiona kak reputacionnyj kapital [Image of a region as a reputation capital]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Chuvash University Bulletin*, 2014, no. 1, pp. 167–172.

16. Loseva E. S., Mishina N. V., Gozalova M. R. Formirovanie turisticheskogo imidzha regiona [The formation of the tourist image of the region]. *Sovremennye issledovania socialnyh problem = Modern Studies of Social Issues*, 2015, no. 3(47), pp. 312–316.

17. Salahov R. F., Salahova R. I., Kaazik E. Y. Ob"ekty etnoturizma kak sredstvo formirovaniya imidzha rajonov respubliki Tatarstan [Ethno-tourism objects as means of forming the image of the republic of Tatarstan districts]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art*, 2016, no. 7 (69), p. 1. pp. 147–150.

18. Suslova I. A. Sushchnost' i problemy formirovaniya turisticheskogo imidzha regiona [The substance and issues in forming of a region's tourist image]. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and Abroad*, 2013, no. 6 (44), pp. 58–63.

19. Booking.com soobshchil o nezhelanii molodezhi Rossii ekonomit' na puteshestviyah [Booking.com announced the reluctance of Russian youth to save on travel]. Available at: https://www.rbc.ru/society/29/09/2019/5d8e116f9a7947816dbe0a29. (accessed 05.10.2021)

20. Hamina N. V. Molodezhnyj turizm: analiz rezul'tatov issledovaniya [Youth tourism: analysis of research results]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov = Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*, 2021, no. 7 (1), pp. 193–200.

Информация об авторе / Information about the Author

Вострова Евгения Игоревна, аспирант кафедры социологии управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ev.vostrova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6709-6233

Evgeniia I. Vostrova, Post-Graduate Student of the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: ev.vostrova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-6709-6233

Оригинальная статья / Original article

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-265-275

CC BY 4.0

Региональные особенности производственного потенциала в условиях цифровой трансформации

Е. Н. Дерли[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: yderli@bk.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматривается цифровая трансформация промышленного производства, которая является главным направлением для эффективного развития национальной экономики, выступает условием для обеспечения высокой адаптивности в формировании бизнес-моделей, а также в работе производственных процессов с помощью интеграции сквозных цифровых технологий. Автором определяется, что основной для эффективного внедрения цифровых технологий в промышленность является устремление к комплексному увеличению эффективности, а также созданию условий для эффективной работы отраслей. Приводятся составные элементы типичного промышленного потенциала региона, а также рассчитан интегральный рейтинг регионов, входящих в Центрально-Черноземный экономический район по уровню развития промышленного потенциала в 2020 г. Рассмотрен производственный потенциал одного из регионов Центрально-Черноземного экономического района, выявлено влияние на данный потенциал уровня цифровизации. Отметим, что зависимость развития производственного потенциала от уровня развития цифровизации экономики выявлена с помощью корреляционных связей, при этом главной формой поддержки инвесторов выступают субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам на ведение проектов в инвестиционной сфере, которые предоставляются администрацией субъекта региона, на основе проведения конкурса, за счет бюджетных средств. Делается вывод, что обязательным условием успешной реализации стратегий и программ социально-экономического развития регионов является отлаженный механизм мониторинга и тактического управления бизнес-процессами реализации программ, инструментарий оценки эффективности принимаемых управленческих решений.*

Цель *исследования заключается в определении производственного потенциала Курской области, а также влиянии уровня цифровизации на данный потенциал.*

Задачи *исследования заключаются в определении производственного потенциала в динамике в десятилетний период, а также выявлении зависимости увеличения (уменьшения) производственного потенциала от увеличения (уменьшения) уровня цифровизации экономики.*

Методология. *В данной работе используется корреляционный метод, в котором используются разные корреляционно-регрессионные модели. Также имеют место быть различные корреляционные функции, с помощью которых определяются отдельные элементы производственного потенциала.*

Результаты. *Связь между увеличением уровня цифровизации экономики и увеличением производственного потенциала высокая и прямая (увеличится один фактор, вслед за ним увеличится и второй фактор).*

Выводы. *По уровню развития в Курской области промышленный потенциал занимает последнее место среди регионов, входящих в Центрально-Черноземный экономический район, причем по инвестиционной привлекательности регион занимает 1 место, также 1 место занимает в доле высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, а вот рейтинг промышленного развития – не самый высокий. Цифровизация экономики в регионе довольно высокая.*

Ключевые слова: *производственный потенциал; цифровая экономика; региональная экономика; промышленность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Дерли Е. Н., 2022

Для цитирования: Дерли Е. Н. Региональные особенности производственного потенциала в условиях цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 265–275. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-265-275.

Поступила в редакцию 25.12.2021 Принята к публикации 18.01.2022 Опубликована 28.02.2022

Regional Features of Production Potential in the Conditions of Digital Transformation

Elizaveta N. Derli[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: yderli@bk.ru

Abstract

Relevance. *The article discusses the digital transformation of industrial production, which is the main direction for the effective development of the national economy, which is a condition for ensuring high adaptability in the formation of business models, as well as in the work of production processes through the integration of end-to-end digital technologies. The author determines that the main thing for the effective implementation of digital technologies in industry is the desire for a comprehensive increase in efficiency, as well as the creation of conditions for the efficient operation of industries. The constituent elements of a typical industrial potential of the region are given, as well as the integral rating of the regions included in the Central Black Earth Economic Region in terms of the level of industrial potential development in 2020 is calculated. The production potential of one of the regions of the Central Black Earth economic region is considered, the influence of the level of digitalization on this potential is revealed. It should be noted that the dependence of the development of production potential on the level of development of digitalization of the economy was revealed using correlations, while the main form of investor support is subsidies for reimbursement of part of the costs of paying interest on loans for projects in the investment sphere, which are provided by the administration of the subject of the region, on the basis of a competition, at the expense of budgetary funds. It is concluded that a prerequisite for the successful implementation of strategies and programs for the socio-economic development of regions is a well-functioning mechanism for monitoring and tactical management of business processes for implementing programs, tools for assessing the effectiveness of managerial decisions.*

The purpose *of the study is to determine the production potential of the Kursk region, as well as the impact of the level of digitalization on this potential.*

The objectives *of the study are to determine the production potential in dynamics over a ten-year period, as well as to identify the dependence of an increase (decrease) in production potential on an increase (decrease) in the level of digitalization of the economy.*

Methodology. *In this paper, a correlation method is used, in which different correlation and regression models are used. There are also various correlation functions, with the help of which individual elements of the production potential are determined.*

Results. *The relationship between an increase in the level of digitalization of the economy and an increase in production potential is high and direct (one factor will increase, followed by the second factor).*

Conclusions. *According to the level of development in the Kursk region, industrial potential occupies the last place among the regions included in the Central Chernozem Economic Region, and the region occupies the 1st place in terms of investment attractiveness, also occupies the 1st place in the share of high-tech and knowledge-intensive industries in the GRP, but the rating of industrial development is not the highest. The digitalization of the economy in the region is quite high.*

Keywords*: production potential; digital economy; regional economy; industry.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Derli E. N. Regional Features of Production Potential in the Conditions of Digital Transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022; 12(1): 265–275. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-265-275.

Received 25.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 28.02.2022

Введение

В последнее время цифровая трансформация стала наиболее важным инструментом создания эффективных при пандемии COVID-19 условий для успешного функционирования бизнеса, устойчивого развития организации, несмотря на существующую неопределенность, уменьшение объема издержек на разработку новейших продуктов, а также времени на их появление на рынке. Цифровая трансформация помогает реализовать современные подходы для того, чтобы появлялась возможность сформировать новые качества, которые соответствуют существующим тенденциям, которые постоянно ускоряются научно-технологическим прогрессом.

Цифровая трансформация промышленного производства является главным направлением для эффективного развития национальной экономики, выступает условием для обеспечения высокой адаптивности в формировании бизнес-моделей, а также в работе производственных процессов с помощью интеграции сквозных цифровых технологий [1; 2]. Основной для эффективного внедрения цифровых технологий в промышленность является устремление к комплексному увеличению эффективности, а также созданию условий для эффективной работы отраслей [3; 4; 5]. В эффективной работе региона важное место занимает политика, проводимая государством в данном направлении [6; 7].

Грамотная политика, проводимая регионом, является особенно важной и выступает составляющей частью направления экономической политики государства в целом, она включает в себя колоссальный спектр действий, в который входят действия, имеющие под собой почву законодательных, административных и экономических инструментов [8; 9].

Данные действия уполномочены осуществляться центральными и местными органами управления. Проводятся они для того, чтобы эффективно регулировались социально-экономические отношения, ресурсную базу и производительные силы. В свою очередь политика государства нацелена на осуществление национального развития и имеет вид отношений вертикальной иерархии «центр – регионы».

Материалы и методы

При написании работы использовались официально опубликованные материалы Федеральной службы государственной статистики, отечественные и зарубежные труды ученых по рассматриваемой проблеме состояния и перспектив развития регионального производственного потенциала в условиях цифровой трансформации, которые послужили информационной основой исследования.

Проведению исследования способствовало применение диалектического метода, синтеза, анализа и системного подхода.

Совокупность сочетаний факторов, влияющих на ситуацию и перспективы развития региона, определяет структуру экономики региона в отраслевых, групповых, организационных и других проекциях [10; 11]. Отметим, что существует ряд методов для определения именно производственного потенциала региона [12]. В данной работе применяется корреляционный метод, в котором используются разные корреляционно-регрессионные модели. Также имеют место быть различные корреляционные функции, с помощью которых определяются отдельные элементы производственного потенциала. Для определения производственного потенциала используем следующую функцию:

$$y = 0{,}114x + 996, \quad (1)$$

где y – производственный потенциал региона; x – инвестиции в основной капитал, млрд руб. в сопоставимых ценах к 2010 г. в отчетном году.

Результаты и их обсуждение

В последующие годы последовало стремительное сокращение промышленного производства, которое вполне вписывалось в концепцию перехода к постиндустриальному обществу [13].

От состояния производственного потенциала страны и возможных качественных и количественных изменений зависят достижение необходимого роста производства и повышение благосостояния территорий [14].

По мнению К. Н. Горпинченко, «производственный потенциал – это система взаимосвязанных природных, технических, трудовых, материально-технических ресурсов, использование которой требует систематической интенсификации для дальнейшего воспроизводства расходуемых ресурсов» [15].

В течение последнего времени особенно быстрыми темпами развивались такие отрасли индустрии, как автомобильная промышленность, самолетостроение, производство искусственных волокон и полимерных материалов, радиопромышленность, электроника, а в самый последний период быстро возросло значение атомной промышленности, включая добычу атомного сырья [16; 17].

Курская область занимает важное место в промышленности России среди субъектов Российской Федерации, на ее территории располагаются более 2,5 тыс. предприятий разных форм собственности. Из них 228 предприятий являются крупными. Также 90% предприятий принадлежат частным лицам.

Наибольшую долю в удельном весе производства занимают следующие виды деятельности: на долю электроэнергетики приходится 26%; добыча полезных ископаемых составляет 24%; машиностроение и металлообработка – 12%; химическая и нефтехимическая промышленность – 7%; пищевая и перерабатывающая промышленность – 17%.

Регион выступает как многоотраслевой комплекс в промышленной направленности, в него входит порядка 800 крупных и средних организаций. В промышленном комплексе Курской области функционирует примерно четверть основных производственных фондов региона, здесь нашли свое место 103 тыс. чел., что составляет 19,8% всех занятых в экономике региона.

Производство специализируется в основных отраслях промышленности, а также имеет большое значение: порядка 100 крупных и средних организаций из 800 производят 90% от общего количества объема продукции, которая производится в промышленности. На предприятия 2-х отраслей, а именно на которых добываются полезные ископаемые, также с их помощью происходит обеспечение электричеством, газом и паром – это примерно половина произведенной продукции от всего объема производства области в промышленности. Довольно крупными центрами промышленными производства являются: города Курск, Железногорск, Курчатов, Рыльск, Льгов, Суджа и Щигры. Наибольший удельный вес продукции производится в 3-х промышленных ареалах: Курском, Железногорском и Курчатовском.

Колоссальное значение в структуре экономики Курской области занимает пищевая промышленность [18], ее удельный вес в структуре отгруженной продукции обрабатывающих производств равен более половины.

Итак, регион является поступательно развивающимся, промышленно-аграрным с устоявшийся инфраструктурой, богатейшей ресурсной базой, значительным производственным, трудовым, а также научным потенциалом для эффективного развития бизнеса.

На рисунке 1 представлены составные элементы промышленного потенциала региона.

Для того чтобы проанализировать производственный потенциал Курской области, а также сравнить его с производственным потенциалом других регио-

нов, которые входят в состав Центрально-Черноземного экономического района, будем использовать следующие показатели: стоимость основных производственных фондов на одного занятого в промышленности, коэффициент износа основных производственных фондов промышленности, фондоотдача, доля инновационно-активных предприятий, доля инновационной продукции, объем инвестиций в основные производственные фонды на душу населения, доля прибыльных предприятий, рентабельность продукции, рентабельность активов, доля занятых в промышленности, производительность труда. Интегральный рейтинг регионов [19], входящих в Центрально-Черноземный экономический район по уровню развития промышленного потенциала, представлен в таблице 1 [19].

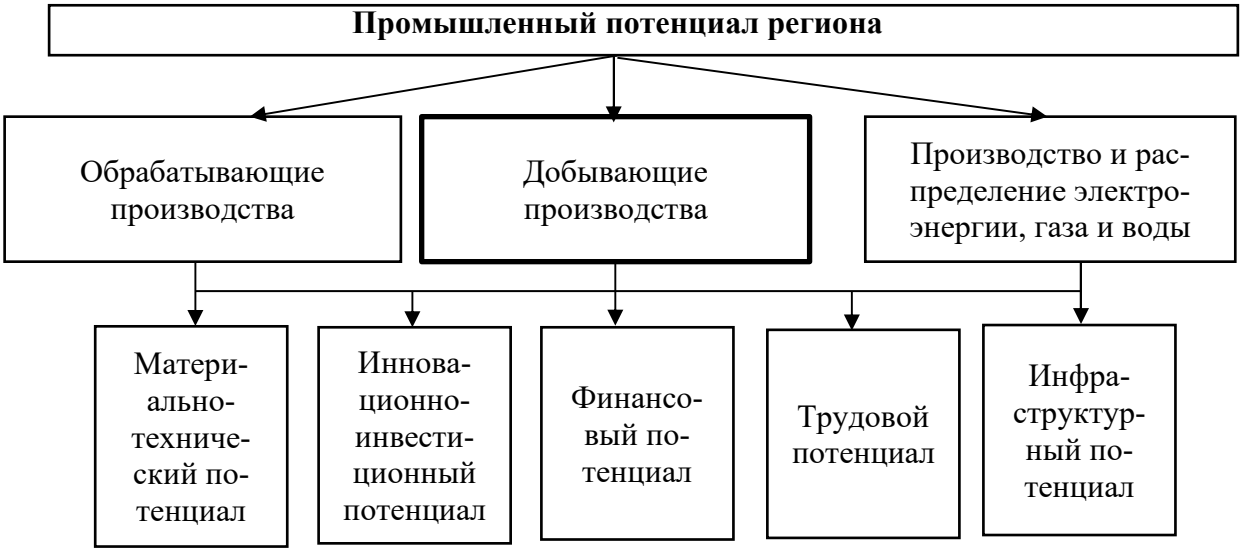

Рис. Составные элементы промышленного потенциала региона

Таблица 1. Интегральный рейтинг регионов, входящих в Центрально-Черноземный экономический район по уровню развития промышленного потенциала в 2020 г. [20]

Регион	Интегральный рейтинг по уровню промышленного развития, балл	Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП, %	Инвестиционная привлекательность региона, балл	Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП, балл
Курская область	16,58	18,3	1,09	25,9
Белгородская область	14,63	11,1	1,07	34
Воронежская область	17,37	18,01	1,09	55
Липецкая область	16,86	11,07	0,97	43,4
Тамбовская область	21,94	17,2	0,95	62,3

По данным, представленным в таблице 1, можно сделать вывод, что Курская область находится на последнем месте среди регионов в структуре продукции, которая производится высокотехнологичными и наукоемкими отраслями в ВРП. На предпоследнем месте Курская область находится в интегральном рейтинге по уровню промышленного развития. По уровню развития Курская область занимает крайнее место. По инвестиционной привлекательности первое место поделили Курская и Воронежская области.

При анализе производственного потенциала Курской области особое внимание следует уделить уровню износа (морального и физического в совокупности) основных производственных фондов, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2. Уровень износа основных производственных фондов [20]

Показатель	Область					РФ
	Курская	Белгородская	Воронежская	Липецкая	Тамбовская	
2010 г.	53,2	37,8	47,3	50,5	48,1	45,3
2012 г.	53,1	38,1	46,1	51,8	48,7	45,3
2013 г.	53,8	38,2	47,5	52,9	50,1	47,1
2014 г.	53,2	38,5	46,2	52,6	50	47,9
2015 г.	53	40,3	47,2	52,5	49,4	47,7
2016 г.	52,5	42,5	47,1	49,7	48,2	48,2
2017 г.	54,4	43,5	45,4	48,4	49,8	49,4
2018 г.	52	44	44,8	49,8	50,1	47,7
2019 г.	51,4	44,4	44,8	50,3	50,7	48,1
2020 г.	48,9	43,9	39,1	49,3	49,4	47,3
Абсолютный прирост 2020 г. к 2010 г. (+/-)	-4,3	6,1	-8,2	-1,2	1,3	2

По результатам таблицы 2 делаем вывод о том, что изношенность основных производственных фондов в Курской области выше показателей РФ и регионов, входящих в Центровально-Черноземный экономический район, в то же время наблюдается благоприятная тенденция в снижении уровня износа за последние 10 лет.

В таблице 3 представлены показатели для анализа производственного потенциала Курской области и определения влияния уровня цифровизации на производственный потенциал.

Таблица 3. Динамика показателей, определяющих производственный потенциал Курской области [20]

Показатель	Инвестиции в основной капитал в действующих ценах, млрд руб.	Уровень цен на продукцию инвестиционного назначения к ценам предыдущего года, %	Уровень цифровизации экономики, %	Индекс цен на продукцию инвестиционного значения к ценам 2010 г.	Инвестиции в основной капитал, млрд руб. в сопоставимых ценах к 2010 г.	y = = 0,114x + + 996
2010 г.	46093	131,1	64,8	x	46093	6251
2011 г.	58521	100,8	65,1	1,008	58057	7614
2012 г.	66639	101,9	67,5	1,0272	64874	8392
2013 г.	71546	105,9	71,2	1,0878	65771	8494
2014 г.	73695	110,9	80,2	1,2063	61092	7960
2015 г.	73745	113,9	80,7	1,374	53672	7115
2016 г.	93659	103,3	81,5	1,4193	65990	8519
2017 г.	100895	102,6	82,3	1,4562	69286	8895
2018 г.	120735	106,4	88,4	1,5494	77924	9879
2019 г.	142669	106,5	91	1,6502	86456	10852
Отклонение 2019 г. к 2010 г.	309,52 (в %)	x	26,2 (+/-)	x	187,57 (в %)	4601 (+/-)

Данные, представленные в таблице 3, показывают, что капитальные вложения в основной капитал за 10 лет увеличились практически в 3 раза. Применив индекс цен, мы получили реальную динамику увеличения инвестиций в основной капитал без влияния инфляции (увеличение произошло менее чем в 2 раза, а именно на 87,57%). Уровень цифровизации за 10 лет в Курской области увеличился на 26,2%. Производственный потенциал с 2010 г. по 2019 г. увеличился на 4601.

Далее определим, как влияет увеличение (уменьшение) уровня цифровизации экономики на увеличение (уменьшение) производственного потенциала региона. Применим для этого корреляционный метод анализа:

$$r_{xy} = 0{,}74, \quad (2)$$

$$E = 0{,}94, \quad (3)$$

$$r^2 = 0{,}55. \quad (4)$$

Коэффициент корреляции равен 0,74, следовательно, связь между увеличением уровня цифровизации экономики и увеличением производственного потенциала высокая и прямая (увеличится один фактор, вслед за ним увеличится и второй фактор). Коэффициент эластичности равен 0,94 и показывает, что, если уровень цифровизации экономики увеличится на 1%, производственный потенциал увеличится на 0,9%. Коэффициент детерминации равен 0,55, т. е. увеличение производственного потенциала Курской области на 55% зависит от увеличения уровня цифровизации Курской области, а на 45% зависит от других факторов, не учтенных в данном анализе.

Выводы

По уровню развития промышленного потенциала Курская область занимает последнее место среди регионов, входящих в Центрально-Черноземный экономический район, причем по инвестиционной привлекательности регион занимает первое место. Выявлено, что также первое место Курская область занимает по уровню высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП. Согласно данным официальной статистики, производство в ряде анализируемых областей выросло, несмотря на пандемию короновируса, однако в Курской области прослеживается обратная ситуация, что обусловлено значительным износом основных производственных фондов в регионе. Данный показатель в Курской области значительно выше, чем в соседних регионах, входящих в Центрально-Черноземный экономический район, и также выше среднего показателя износа основных производственных фондов в целом по стране.

Данная ситуация никак не может положительно сказаться на экономическом развитии в целом региона, вслед за этим снижается и производительность труда, выпуск готовой продукции обходится дороже, чем в соседних регионах. Положительным моментом является то, что износ основных производственных фондов в десятилетнем периоде имеет отрицательную динамику. Цифровизация экономики в регионе довольно высокая.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Курской области до 2030 г., планируется провести следующие мероприятия:

– осуществление на всех сельских территориях высокоскоростного Интернета. Данное мероприятие положительно скажется на развитие производства в регионе если не прямо, то косвенно, так как даже малонаселенной сельской местности ведут свою деятельность предприятия, хотя и не в большом количестве;

– умные технологии. Будут осуществляться с помощью покрытия бесплатной сетью Wi-Fi крупных городов Курской области;

– помощь для создания пояса малых предприятий вокруг крупной промышленности, создание условий для субконтрактации (электронная площадка).

Для того чтобы сохранить стабильное развитие промышленного комплекса региона проводится работа по усовершенствованию законодательной и нормативной правовой базы, а также реализации федеральных и государственных программ Курской области.

Главной формой поддержки инвесторов выступают субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам на ведение проектов в инвестиционной сфере, которые предоставляются администрацией Курской области, на основе проведения конкурса, за счет средств областного бюджета с 2011 г.

Ожидается положительный эффект от реализации в Курской области разработанной в соответствии с перечнем поручений Президента России В. В. Путина и утвержденной Стратегии цифровой трансформации, которая рассчитана до 2024 г. Отметим, что Курская область помимо обязательных направлений включила в вышеуказанную региональную Стратегию еще девять дополнительных направлений, а именно: промышленность, сельское хозяйство, физическую культуру и спорт, энергетическую инфраструктуру, экономику и финансы, строительство, безопасность, экологию и природопользование, а также культуру.

Обязательным условием успешной реализации стратегий и программ социально-экономического развития регионов является отлаженный механизм мониторинга и тактического управления бизнес-процессами реализации программ, инструментарий оценки эффективности принимаемых управленческих решений.

Список литературы

1. Тихонов Г. В., Тихонов А. И. Теоретические подходы к оценке востребованности экономики региона к инвестициям // Московский экономический журнал. 2018. № 4. С. 17.

2. Жахов Н. В., Кривошлыков В. С. Экономика и управление структурной перестройкой государственного регулирования агропромышленного производства региона // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 9. С. 55–62.

3. Жахов Н. В. Дефиниции процесса государственного регулирования развития региональной экономики // Научно-технический прогресс в сельскохозяйственном производстве: сборник докладов XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Великие Луки, 12–13 апреля 2018 года / Великолукская государственная сельскохозяйственная академия. Великие Луки, 2018. С. 116-120.

4. Жахов Н. В. Основное содержание структурно-экономических преобразований региональной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 11(85). С. 51-58.

5. Стратегия социально-экономического развития Курской области до 2030 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/66d3db83b4dc2f7b479e74f34e371086/proekt_strategii_KO.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

6. Крымский Д. С., Кривошлыков В. С. Стратегии развития производственных систем // Стратегическое развитие социально-экономических систем в новых геоэкономических условиях: Международная научно-практическая конференция, Курск, 15 апреля 2021 года / Курский государственный университет. Курск, 2021. С. 133-137.

7. Мачин К. А. Оценка и анализ пространственного структурирования потенциала импортозамещения в городских агломерациях // Вопросы региональной экономики. 2021. № 4(49). С. 92-100.

8. Организационно-экономические механизмы управления технологическими процессами в зерновом производстве Нижегородской области / П. Г. Николенко, А. М. Терехов, А. В. Терехова, В. А. Бочаров, Т. М. Воробьева // Экономика и предпринимательство. 2015. № 9-2 (62). С. 426-431.

9. Inevitability of structural and economic reforms of regional economy / N. V. Zhahov, E. A. Aleeva, V. S. Krivoshlykov, E. S. Nesenyuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Man-

agement through Vision 2020: 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, April 10-11, 2019. Granada, 2019. P. 4392-4397.

10. Жахов Н. В., Пронская О. Н., Кривошлыков В. С. Системное управление организацией. Курск: ТОП+, 2021. 266 с.

11. Кривошлыков В. С. Менеджмент промышленного предприятия продовольственного сектора экономики региона в условиях цифровой трансформации экономики // Развитие АПК и сельских территорий в условиях модернизации экономики: материалы III Международной научно-практической конференции / Казанский государственный аграрный университет. Казань, 2021. С. 103-106.

12. Харченко Е. В. Совершенствование промышленной политики региона в условиях фрагментарности экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 1 – 2. С. 142–146.

13. Быковская Е. И., Распопин Д. И., Минакова И. В. Тенденции современного промышленного развития // Будущее науки – 2020: сборник научных статей VIII Международной молодежной конференции: в 5 т. Курск: Университетская книга, 2020. С. 80–83.

14. Глушко В. О., Кочева Е. В., Зорникова Н. В. Разработка и анализ интегрального показателя производственного потенциала России и ее субъектов // Вестник евразийской науки. 2017. Т. 9, № 4. С. 19.

15. Горпинченко К. Н. Методология исследования производственного потенциала АПК региона // Вестник Академии знаний. 2018. № 4 (27). С. 103–108.

16. Вертакова Ю. В., Широкова Л. Ю., Бедакова М. С. Тенденции развития бизнеса в России // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 6(57). С. 98–108.

17. Менеджмент. Вызовы нового времени: it и цифровизация, институциональные преобразования экономических систем / Л. А. Афанасьева, С. А. Гальченко, М. А. Гребенникова [и др.]; Курский государственный университет. Курск, 2022. 156 с.

18. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В., Фомичева Л. М. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17, № 2. С. 27-30.

19. Бессонова Е. А., Черных Н. Б. Оценка ресурсного потенциала экономики Курской области // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита: сборник статей XI Всероссийской молодежной научно-практической конференции / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2019. С. 467–473.

20. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 30.10.2021).

References

1. Tikhonov G. V., Tikhonov A. I. Teoreticheskie podkhody k otsenke vostrebovannosti ekonomiki regiona k investitsiyam [Theoretical approaches to assessing the demand of the region's economy for investment]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*, 2018, no. 4, p. 17.

2. Zhakhov N. V., Krivoshlykov V. S. Ekonomika i upravlenie strukturnoi perestroikoi gosudarstvennogo regulirovaniya agropromyshlennogo proizvodstva regiona [Economics and management of structural adjustment of state regulation of agro-industrial production in the region]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 2016, no. 9, pp. 55-62.

3. Zhakhov N. V. [Definitions of the process of state regulation of the development of the regional economy]. Nauchno-tekhnicheskii progress v sel'skokhozyaistvennom proizvodstve. Sbornik dokladov XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, Velikie Luki, 12–13 aprelya 2018 goda [Scientific and technical progress in agricultural production. Collection of reports of the XIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Velikie Luki, 12 - April 13, 2018]. Velikiye Luki, Velikie Luki State Agricultural Academy Publ., 2018, pp. 116-120. (In Russ.)

4. Zhakhov N. V. Osnovnoe soderzhanie strukturno-ekonomicheskikh preobrazovanii regional'noi ekonomiki [The main content of structural and economic transformations of the regional economy]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Transformation of the Economy*, 2017, no. 11 (85), pp. 51-58.

5. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kurskoi oblasti do 2030 goda [Strategy for socio-economic development of the Kursk region until 2030]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/66d3db83b4dc2f7b479e74f34e371086/proekt_strategii_KO.pdf. (accessed 10.10.2021)

6. Krymsky D. S., Krivoshlykov V. S. [Strategies for the development of production systems]. Strategicheskoe razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v novykh geoekonomicheskikh usloviyakh. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Kursk, 15 aprelya 2021 goda [Strategic development of socio-economic systems in new geo-economic conditions. International scientific and practical conference, Kursk, April 15, 2021]. Kursk, Kursk State University Publ., 2021, pp. 133–137. (In Russ.)

7. Machin K. A. Otsenka i analiz prostranstvennogo strukturirovaniya potentsiala importozameshcheniya v gorodskikh aglomeratsiyakh [Evaluation and analysis of spatial structuring of the import substitution potential in urban agglomerations]. *Voprosy regional'noi ekonomiki = Questions of the Regional Economy*, 2021, no. 4 (49), pp. 92-100.

8. Nikolenko P. G., Terekhov A. M., Terekhova A. V., Bocharov V. A., Vorobieva T. M. Organizatsionno-ekonomicheskie mekhanizmy upravleniya tekhnologicheskimi protsessami v zernovom proizvodstve Nizhegorodskoi oblasti [Organizational and economic mechanisms for managing technological processes in grain production in the Nizhny Novgorod region]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2015, no. 9-2 (62), pp. 426-431.

9. Zhahov N. V., Aleeva E. A., Krivoshlykov V. S., Nesenyuk E. S. Inevitability of structural and economic reforms of regional economy. Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, April 10-11, 2019. Granada, 2019, pp. 4392-4397.

10. Zhakhov N. V., Pronskaya O. N., Krivoshlykov V. S. Sistemnoe upravlenie organizatsiei [System management of an organization]. Kursk, TOP + Publ., 2021. 266 p.

11. Krivoshlykov V. S. [Management of an industrial enterprise of the food sector of the regional economy in the context of digital transformation of the economy]. Razvitie APK i sel'skikh territorii v usloviyakh modernizatsii ekonomiki. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Development of the agro-industrial complex and rural areas in the context of economic modernization. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, dedicated to the memory of Doctor of Economics, Professor N. S. Katkova, Kazan, February 19, 2021]. Kazan, Kazan State Agrarian University Publ., 2021, pp. 103-106. (In Russ.)

12. Kharchenko E. V. Sovershenstvovanie promyshlennoi politiki regiona v usloviyakh fragmentarnosti ekonomiki [Improving the industrial policy of the region in the context of the fragmentation of the economy]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2012, no. 1 – 2, pp. 142–146.

13. Bykovskaya E. I., Raspopin D. I., Minakova I. V. [Trends in modern industrial development Trends of modern industrial development]. Budushchee nauki – 2020. Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi molodezhnoi konferentsii [The future of science – 2020. Collection of scientific articles of the VIII International Youth Conference]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2020, pp. 80-83. (In Russ.)

14. Glushko V. O., Kocheva E. V., Zornikova N. V. Razrabotka i analiz integral'nogo pokazatelya proizvodstvennogo potentsiala Rossii i ee sub"ektov [Development and analysis of the integral indicator of the production potential of Russia and its subjects]. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of the Eurasian Science*, 2017, no. 4 (41), p. 19.

15. Gorpinchenko K. N. Metodologiya issledovaniya proizvodstvennogo potentsiala APK regiona [Methodology for researching the production potential of the agro-industrial complex of the region]. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2018, no. 4 (27), pp. 103–108.

16. Vertakova Yu. V., Bedakova M. S. Tendentsii razvitiya biznesa v Rossii [Business Development Trends in Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*, 2014, no. 6(57), pp. 98-108.

17. Afanaseva L. A., Galchenko S. A., Grebennikova M. A., eds. Menedzhment. Vyzovy novogo vremeni: it i tsifrovizatsiya, institutsional'nye preobrazovaniya ekonomicheskikh sistem [Management. Challenges of the new time: it and digitalization, institutional transformations of economic systems]. Kursk, Kursk State University Publ., 2022. 156 p.

18. Krivoshlykov V. S., Zhakhov N. V., Fomicheva L. M. Ekonomika i upravlenie mezhregional'noi differentsiatsiei s pozitsii ekonomicheskoi bezopasnosti [Economics and management of interregional differentiation from the standpoint of economic security]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 27-30.

19. Bessonova E. A., Chernykh N. B. [Assessment of the resource potential of the economy of the Kursk region]. Aktual'nye problemy bukhgalterskogo ucheta, analiza i audita. Sbornik statei XI Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Actual problems of accounting, analysis and audit. Collection of articles of the XI All-Russian Youth Scientific and Practical Conference]. Kursk, Southwest State University Publ., 2019, pp. 467–473. (In Russ.)

20. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: https://rosstat.gov.ru. (accessed 30.10.2021)

Информация об авторе / Information about the Author

Дерли Елизавета Николаевна, аспирант кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: yderli@bk.ru

Elizaveta N. Derli, Post-Graduate Student of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: yderli@bk.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1] Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, Researshed и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/.**